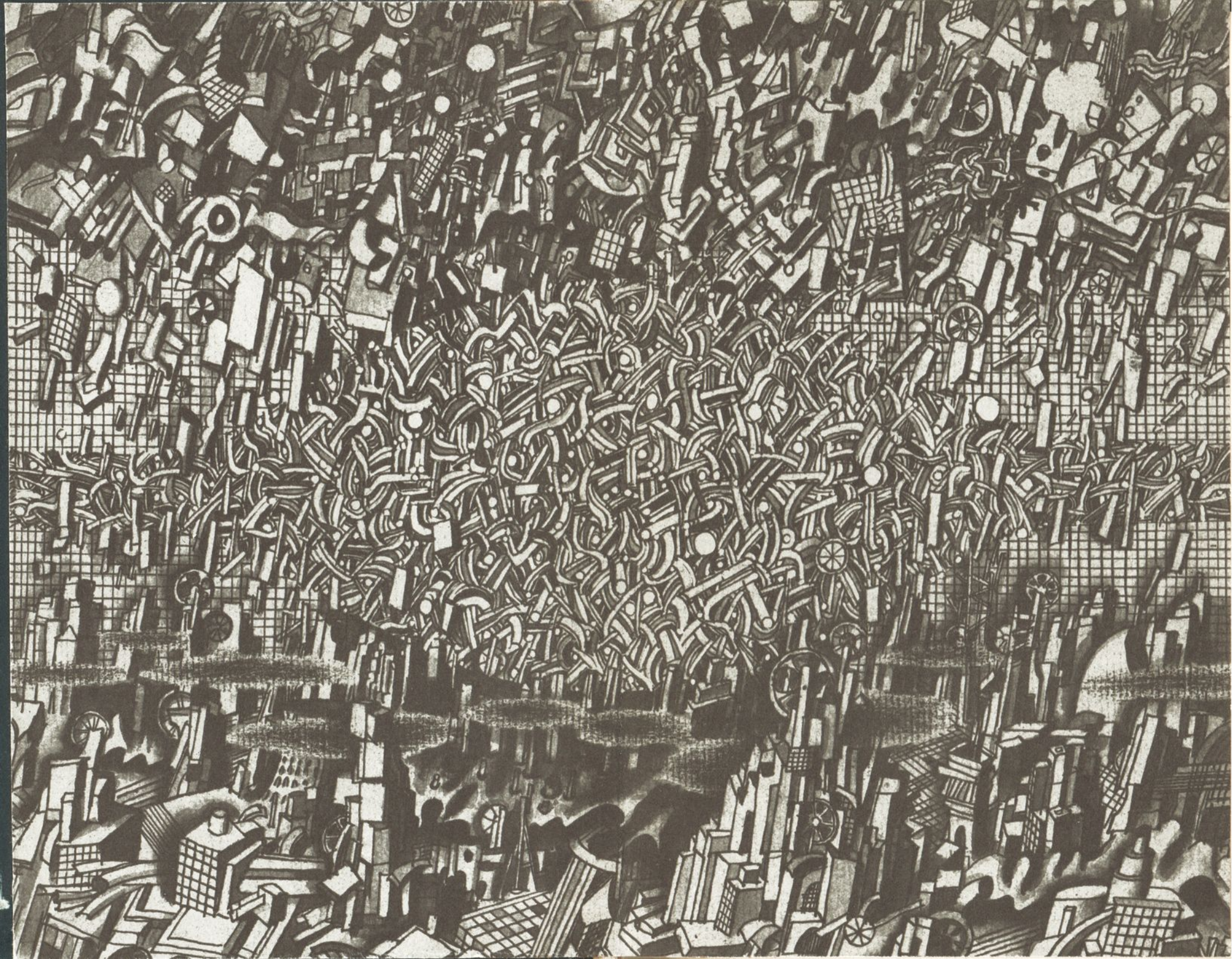
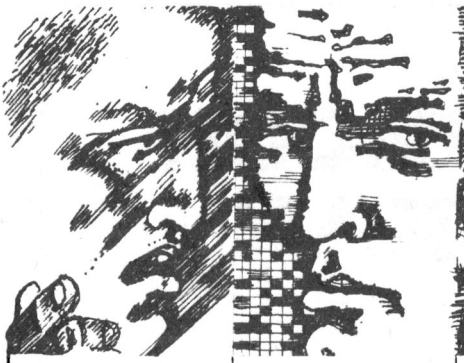
Г. ГАРРИСОН, Р. ШЕКЛИ

Г. ГАРРИСОН
Р. ШЕКЛИ



Серия научной фантастики

«ИКАР»



Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства...

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! ...Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов жизни и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Г. ГАРРИСОН
Р. ШЕКЛИ

СБОРНИК
научно-фантастических
произведений

Кишинев

«Штиинца» 1988

ББК 84.7США-44
Г 21

Художник
М. Ю. Шевелькин

Составитель
А. И. Степин

4703000000—22
Г————————189—87
М755(10)—88
ISBN 5-376-00346-9

© Составление и художественное оформление.
Издательство «Штиинца», 1988.

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

7-106

Г. ГАРРИСОН

5-106

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

1

ГЛАВА I[1]

Трубопровод пневмопочты тихо выдохнул в приемную чашку патрон размером с карандаш. Сигнальный звонок звякнул и смолк. Язон динАльт уставился на безобидный патрон так, словно это была бомба с часовым механизмом.

Тут какой-то подвох... Он почувствовал, как внутри все напряглось. В чашке лежал не официальный бюллетень и не извещение от гостиничной администрации, а запечатанное личное письмо. Но ведь он никого не знает на этой планете, еще и восьми часов не прошло, как прибыл сюда на космическом корабле. У него даже имя новое — он сменил его в предпоследнем космопорту,— значит, никакого личного письма быть не должно. А между тем вот оно, лежит в чашке.

Он сорвал ногтем печать и снял крышку. Искаженный записью металлический голос нельзя было опознать.

«Керк Пирр хотел бы встретиться с Язоном динАльтом. Жду в вестибюле».

Явный подвох, и, однако, никуда не денешься. Хоть бы оказалось, что это какой-нибудь безвредный тип. Скажем, коммивояжер. Или что его с кем-то спутали. Все же Язон спрятал под подушкой пистолет, сняв его с предохранителя: мало ли что может случиться... После чего передал дежурному администратору, чтобы гостя направили в его номер. Когда дверь отворилась, Язон полулежал на краю кушетки и прихлебывал какой-то напиток из высокого стакана.

«Бывший борец»,— подумал Язон, глядя на вошедшего в номер седого богатыря. Так вот он какой, Керк Пирр. Не человек — скала, сплошные литые мускулы. Строгий серый костюм напоминал форменную одежду. К правому предплечью пристегнута шершавая, потертая кобура, из которой холодно смотрело дуло пистолета.

— Ты динАльт, игрок,— произнес незнакомец без тени учтивости.— У меня к тебе предложение.

Глядя на него поверх стакана, Язон проигрывал в уме возможные варианты. Это либо полиция, либо конкуренты, а он предпочел бы не иметь дела ни с теми, ни с другими. И во всяком случае, надо побольше разузнать, прежде чем ввязываться в какие-либо сделки.

— Простите, приятель,— Язон улыбнулся,— но вы ошиблись дверью. Я бы рад вам помочь, да только от моей игры больше выгадывают казино, чем я. Так что...

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том 24. М.: Молодая гвардия, 1972.

— Не будем играть в кошки-мышки,— перебил его властный рокочущий голос Керка.— Ты динАльт, и ты же Боухил. Если тебе этого мало, могу назвать планету Мэхаута, казино «Туманность» и кучу других. У меня есть предложение, от которого мы оба выиграем, так что лучше выслушай меня.

Язон продолжал улыбаться, словно речь шла не о нем, но весь напружинился. Этот мускулистый незнакомец знает вещи, которых ему знать не положено... Пора менять тему разговора.

— А у вас недурной пистолет,— сказал Язон.— Да только вид пистолетов действует мне на нервы. Я буду вам признателен, если вы его снимете.

Керк хмуро скосился на кобуру, как будто только сейчас ее заметил.

— Я никогда его не снимаю,— буркнул он с оттенком недовольства.

Прощупывание кончилось. Пора брать руль в свои руки, если он хочет выйти живым из этой переделки. Язон наклонился вперед, чтобы поставить стакан на стол, в это же время его правая рука как бы невзначай очутилась под подушкой. Пальцы нащупали рукоятку пистолета.

— Боюсь, что я буду вынужден настоять на своем. А то мне всегда както не по себе в обществе вооруженных людей.

Говоря, Язон выхватил свой пистолет. Его рука двигалась мягко и быстро.

С таким же успехом он мог изображать замедленное кино. Керк Пирр стоял будто монолит, глядя, как пистолет появляется из-под подушки и поворачивается в его сторону. Он оставался безучастным до последней секунды. Но дальше он действовал молниеносно. Только что его пистолет был в кобуре — и вот уже смотрит прямо в лоб Язону. Тяжелое, грозное оружие, дуло рябое от частого пользования.

Язон понимал, что ему не жить, если он поднимет свой пистолет еще хоть на дюйм. И он осторожно опустил руку, браня себя за то, что дал порыву взять верх над рассудком. Керк вернул свое оружие в кобуру так же играючи, как выхватил его.

— Ну, хватит шутки шутить,— сказал Керк.— Займемся делом.

Язон протянул руку за стаканом и отпил добрый глоток для успокоения нервов. Он умел обращаться с оружием, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а тут ему впервые утерли нос. Больше всего его злило то, как легко, походя это было сделано.

— Никаких дел,— произнес он ледяным тоном.— Я прилетел на Кассилию отдыхать, у меня отпуск.

— Не будем морочить друг другу голову, динАльт,— нетерпеливо сказал Керк.— За всю жизнь ты и дня не занимался честным трудом. Ты профессиональный игрок, потому я и пришел к тебе.

Язон подавил свою ярость и швырнул пистолет на другой конец кушетки, чтобы не было соблазна покончить жизнь самоубийством. А он-то был уверен, что его никто не знает на Кассилии, приготовился взять большой куш в игорном доме... Ладно, потом разберемся. У этого атлета явно все продумано. Пусть прокладывает курс, и посмотрим, что он замыслил.

— Хорошо, что вам угодно?

Керк опустился в кресло, которое жалобно скрипнуло от такого груза, достал из кармана конверт, вскрыл его и бросил на стол пачку мерцающих галактических банкнотов. Язон взглянул на них и сразу выпрямился.

— Фальшивки?— спросил он, поднося один банкнот к свету.

— Самые настоящие.— заверил его Керк.— Сам получал их в банке. Двадцать семь штук — двадцать семь миллионов кредов. Мне нужно,

чтобы ты играл на эти деньги в казино сегодня вечером. И нужно, чтобы ты выиграл.

Билеты и впрямь выглядели настоящими, к тому же можно было свериться в банке. Язон задумчиво перебирал их, глядя на своего собеседника.

— Не знаю ваших намерений,— сказал он.— Но учтите, что я ничего не могу гарантировать. Да, я играю, однако не всегда выигрываю.

— Ты играешь — и выигрываешь, когда очень хочешь выиграть,— отчеканил Керк.— Мы постарались удостовериться в этом, прежде чем я обратился к тебе.

— Если вы хотите сказать, что я жульничаю...

Язон вовремя спохватился и взял себя в руки. Кажется, сейчас возмущаться вредно для здоровья...

А Керк, игнорируя нарастающий гнев Язона, продолжал ровным голосом:

— Хорошо, пусть это, по-твоему, не жульничество, а мне, по правде говоря, все равно. По мне, так хоть тузы в рукавах, хоть электромагниты в ботинках, лишь бы выигрыш был твой. Я пришел сюда не мораль с этикой обсуждать. У меня деловое предложение. Эти деньги дались нам тяжелым трудом, но все равно их слишком мало. Нам нужно три миллиарда кредов, ни больше, ни меньше. Единственный способ их добыть — игра. Ставка — вот эти самые двадцать семь миллионов.

— А я что получу?— сухо спросил Язон, как будто в этом фантастическом предложении была хоть толика смысла.

— Все, что сверх трех миллиардов, можешь оставить себе. По-моему, это вполне справедливо. Сам ничем не рискуешь, а выиграешь — можешь обеспечить себя на всю жизнь.

— А если я проиграю?

Керк на миг задумался, мысль о проигрыше явно была ему не по вкусу.

— Да, это верно, ты можешь и проиграть. Я об этом не подумал...

Решение последовало сейчас же.

— Что ж, проиграешь так проиграешь, приходится рисковать. Только боюсь, что тогда мне придется убить тебя. Во имя тех, кто отдал жизнь, чтобы добыть эти двадцать семь миллионов.

Он сказал это спокойно, без тени злобы, не угрожая, а констатируя факт.

Язон вскочил с кушетки, снова наполнил свой стакан, налил и Керку, который кивнул в знак благодарности, и нервно заходил по комнате. Ему не сиделось, слова Керка разозлили его, и в то же время так трудно было устоять против соблазна. На заядлого игрока такие речи действовали как вид наркотика на наркомана. Вдруг он остановился, поняв, что в душе давно уже все решил. Проигрыш, выигрыш, жизнь, смерть — да разве можно отказаться, когда речь идет о таких деньгах! Язон круто повернулся и направил указательный палец на атлета в кресле.

— Я согласен. Да вы, наверно, с первой минуты знали, что я соглашусь. Но с одним условием. Я хочу знать, кто вы такой и кто эти люди, о которых вы все время говорите. И откуда деньги... Они краденые?

Керк осушил стакан и отодвинул его в сторону.

— Краденые? Ничего похожего. Эти деньги — плод двух лет упорного труда в рудниках и обогатительных цехах. Руда добыта на Пирре и продана здесь, на Кассилии. Проверить это ничего не стоит. Я сам ее продал. Я посланник Пирра на этой планете.— Он улыбнулся и продолжал:— Впрочем, не придавай слишком большого значения этому титулу. Я чис-

люсь посланником еще на пяти-шести планетах. Это очень сподручно, когда занимаешься бизнесом.

Язон поглядел на седовласого богатыря в поношенной одежде военного покроя и решил воздержаться от смеха. Ему доводилось слышать удивительные вещи про пограничные планеты, и не исключено, что каждое слово было правдой. Правда, про Пирр он никогда не слыхал, но это ничего не значит. Только в обитаемой части вселенной больше тридцати тысяч планет.

— Я проверю ваши слова,— сказал Язон.— Если все подтвердится, мы поладим. Свяжитесь со мной завтра...

— Нет,— отрубил Керк.— Деньги должны быть выиграны сегодня. Я уже выписал чек на эти двадцать семь миллионов, и деньги надо внести завтра утром, не то процент подскочит до Плеяд. Мы связаны сроком.

С каждой минутой затея пиррянина казалась Язону все более сумасшедшей и все более увлекательной. Он поглядел на часы. До вечера далеко, есть время проверить, говорит ли Керк правду или лжет.

— Ладно, пусть сегодня,— сказал он.— Но мне понадобится один из этих кредитных билетов для проверки.

Керк встал.

— Бери их все, мы встретимся снова только после твоего выигрыша. Конечно, я буду в игорном доме, но не показывай виду, что знаком со мной. Лучше, чтобы они не знали, откуда у тебя деньги и сколько их.

Секунду спустя он уже был за дверью, после рукопожатия, от которого у Язона осталось такое чувство, словно его рука побывала в железных тисках. Деньги... Держа их веером, будто карты, Язон смотрел на коричневые билеты с золотым тиснением и не верил своим глазам. Двадцать семь миллионов кредов. Что мешает ему сейчас попросту выйти с ними в эту дверь и исчезнуть? Ничто. Если не считать его гордости.

Керк Пирр, человек, фамилия которого совпадает с названием его родной планеты,— последний дурак во всей вселенной. Или... Или он не дурак. Судя по тому, как протекала их беседа, второе вернее.

«Он знает, что я предпочту играть на деньги, а не красть их»,— подумал Язон и усмехнулся.

Потом он засунул в кобуру на поясе свой пистолет, положил деньги в карман и вышел из номера.

ГЛАВА II

Электронный кассир в банке озадаченно звякнул при виде миллионной кредитки и включил световое табло, предлагающее клиенту пройти к вице-директору Уэйну. Вице-директор, скользкий тип с вкрадчивыми манерами, вытаращил глаза и слегка побледнел, когда Язон предъявил ему пачку кредиток.

— Вы... желаете поместить эти деньги в нашем банке?— спросил он, машинально поглаживая пальцами билеты.

— Не сегодня,— ответил Язон.— Мне вернули долг. Будьте любезны, проверьте их. И разменяйте — мне нужно пятьсот билетов по тысяче кредов.

Оба его внутренних кармана были очень плотно набиты, когда он покидал банк. Проверка подтвердила подлинность банкнотов, и теперь Язон чувствовал себя ходячим монетным двором. Первый раз в жизни ему было

не по себе от обладания крупной суммой. Он остановил проходящее гелитакси и направился прямо в казино. Там он будет в безопасности, во всяком случае, на время.

Казино «Кассилия» служило игорным центром для ближайшего звездного скопления. Язон попал сюда впервые, но он хорошо знал этот род заведений. Почти все свои зрелые годы он провел в таких же игорных домах разных галактик. Только оформление различается, а суть одна. На виду — игра и публичные развлечения, за кулисами — все то, чего не выставляют напоказ. Теоретически выигрыши не ограничивались, однако это правило действовало лишь до какого-то предела. Стоило кассе казино понести ощутимую потерю, как честная игра кончалась, и с этой минуты удачливому клиенту следовало глядеть в оба. Со всем этим Язон динАльт сталкивался тысячу раз, и сейчас он был в меру насторожен.

Ресторан был почти пуст, и метрдотель поспешил навстречу посетителю, костюм которого свидетельствовал о приличном доходе. Худощавый и темноволосый, Язон держался решительно и уверенно, его можно было скорее принять за представителя состоятельной династии, чем за профессионального игрока. Он придавал немалое значение этому образу и старался не выходить из него.

Кухня производила хорошее впечатление, а винный погреб оказался превосходным. В ожидании супа Язон подошел к бармену, и у них состоялся квалифицированный и увлекательный диалог, после чего он воздал должное трапезе.

Язон не торопился, и пока он ел, просторное помещение ресторана наполнилось людьми. После обеда он выкурил сигару и посмотрел эстрадную программу. И когда он наконец перешел в игорные залы, там уже кипела жизнь.

Язон медленно совершил первый круг, оставил несколько тысяч тут, несколько тысяч там, не придавая значения исходу. Сейчас ему важнее всего было проверить свое чутье. Похоже, что игра ведется честно, столы — без подвохов. Конечно, подстроить что-нибудь недолго. Обычно в этом нет нужды, казино получают достаточный барыш.

За одним из столов он заметил Керка, но тот даже не оглянулся. Посланник Пирра играл по маленькой в семерку, проигрывал и обнаруживал явные признаки нетерпения. Очевидно, ждал, когда же сообщник поведет игру всерьез. Язон улыбнулся и не спеша пошел дальше.

Как обычно, Язон занял место за столом, где шла игра в кости. Самый верный способ выигрывать по малой. «А если сегодня на меня накатит, очищу всю кассу этого казино!» Он думал о своем секрете, благодаря которому никогда не оставался в проигрыше. А время от времени даже загребал большой куш и уносил ноги, не дожидаясь, когда его перехватят наемные головорезы.

Подошла его очередь, он выбросил восемь. Ставки были невысокие, и Язон не очень налегал, только следил, чтобы не было семи. Выполнив свою задачу, он отвалился, и кость перешла к соседу.

Сидя и машинально делая небольшие ставки, пока кость шла по кругу, Язон размышлял о своем свойстве. «Странно, столько лет над этим бьются, а мы до сих пор так мало знаем про психокинез. Научились натаскивать людей — самую малость, развивать врожденные способности — чуть-чуть. И все».

Язон чувствовал себя в ударе, миллионы, оттопыривавшие его карман, сыграли роль импульса, который иногда помогал ему зажечься. Прикрыв глаза, он взял кости и мысленно погладил рисунок, образованный ямками.

В следующую секунду они выскочили из его руки на стол, и он увидел семь.

Есть!

Такого подъема он не ощущал много лет. А всё эти миллионы кредов. Окружающее воспринималось предельно четко и ясно, кости беспрекословно слушались. Он знал с точностью до десятки, сколько денег в бумажниках у других игроков, мысленным взором видел все карты на руках у картежников за другими столами.

И Язон медленно, осторожно начал повышать ставки.

С костями все шло как по маслу, они катились и останавливались по его желанию, словно ученые собачки. Язон не торопился, сосредоточил внимание на психологии игроков и крупье. Почти два часа ушло у него на то, чтобы довести выигрыш до семи миллионов кредов. Тут он перехватил сигнал дежурного, который сообщал дирекции, что казино грозит крупный проигрыш. Выждав, когда этот тип с колючими глазами вернулся к столику, Язон подул на кости, поставил все свои фишки и одним махом просадил их. Крупье облегченно улыбнулся, лицо дежурного посветлело, а Керк — Язон заметил это уголком глаза — побагровел.

Бледный, вспотевший Язон чуть дрожащей рукой полез во внутренний карман и достал конверт с новенькими кредитками. Распечатал его и бросил на стол два билета.

— Предлагаю не ограничивать ставок,— сказал он просящим голосом.— Дайте мне шанс отыграться.

Дежурный, с трудом сдерживая улыбку, переглянулся с крупье, который быстро кивнул ему. Дескать, попался простак, надо его обчистить. Весь вечер лазил в бумажник, а теперь вот распечатал конверт, рассчитывает вернуть проигрыш. Толстый конверт, и, наверно, деньги не его. Разумеется, их это меньше всего заботило. Не все ли равно, откуда деньги. Игра возобновилась, и представители казино позволили себе расслабиться.

Это было как раз то, чего добивался Язон. Надо хорошенько завести их, пока они не смекнули, что в конечном счете казино может остаться с носом. Потому что тогда они, как говорится, пустят в ход тяжелую артиллерию, а эту минуту хотелось бы отодвинуть возможно дальше. Каждый выигрыш будет даваться ему с большим трудом, а психокинетический огонек может погаснуть так же внезапно, как вспыхнул. С ним это уже бывало.

Теперь поединок шел только между Язоном и казино, остальные игроки превратились в статистов. Зрители плотной стеной обступили столик. Сперва выигрыши чередовались с проигрышами, потом он взял подряд несколько крупных ставок, и гора золотых фишек стала быстро расти. Он прикинул, что дело идет уже к миллиарду. Кости по-прежнему слушались, но Язон весь намок от напряжения. Он поставил все фишки и протянул руку за костями. Однако крупье опередил его своей лопаточкой.

— Казино требует сменить кости,— твердо сказал он.

Язон выпрямился и вытер руки платком, радуясь передышке. Уже третий раз казино меняло кости, пытаясь оборвать полосу его удачи. Правила допускали это. Дежурный с колючими глазами снова раскрыл свой бумажник и не глядя вытащил пару костей. Сорвав целлофановую обертку, он бросил их через стол Язону. Выпало семь очков, и Язон улыбнулся.

Но когда он взял кости в руки, улыбка медленно сошла с его лица. Кости были прозрачные, абсолютно гладкие, одинаково тяжелые со всех сторон. И тем не менее с подвохом.

Кружочки на пяти гранях каждой кости были сделаны из какого-то сплава, вероятно, со свинцом. На шестой грани сплав был с железом.

Кости будут катиться как положено, пока не попадут в магнитное поле. А ведь всю поверхность стола под сукном можно превратить в магнит... И он ни за что не заметил бы обмана, если бы не внутреннее зрение. Но что же теперь делать?

Медленно встряхивая кости, Язон окинул стол взглядом. Ага, вот то, что ему нужно. На металлической кромке стола стояла магнитная пепельница. Он перестал трясти кости, испытующе поглядел на них, быстро взял пепельницу и опустил ее донышком себе на ладонь.

Когда он снова поднял пепельницу, окружающие дружно ахнули. Кости прилипли к ней шестерками вниз.

— Вы это называете хорошими костями?— спросил Язон.

Рука дежурного метнулась к боковому карману. Один Язон видел, что произошло в следующую секунду. Его глаза были прикованы к этой руке, и сам он уже взялся за свой пистолет. Но тут из-за чьей-то спины вынырнула могучая лапища, которая могла принадлежать только одному человеку. Большой и указательный пальцы на миг сомкнулись клешней вокруг запястья дежурного и тотчас отпрянули. Дежурный пронзительно вскрикнул и вытянул руку вперед — сломанная кисть висела будто перчатка.

С таким фланговым прикрытием Язон спокойно мог продолжать игру.

— Прежние кости, если не возражаете,— сдержанно произнес он.

Огорошенный крупье повиновался. Язон быстро встряхнул кости и бросил их. Они еще не коснулись стола,когда он вдруг поймал себя на том, что не может ими управлять. Наитие кончилось.

Грани костей мелькали перед глазами, наконец остановились. Семь очков.

Принимая выигранные фишки, Язон подсчитал сумму. Чуть меньше двух миллиардов кредов. Столько они получат, если он прекратит игру теперь. Но Керку нужно три. Ничего, обойдется. Он хотел уже встать, когда поймал взгляд Керка и увидел, как тот отрицательно мотнул головой.

— Ладно,— устало произнес Язон.— Еще один раз.

Он подул на кости, потер их о манжету и спросил себя, кой черт его сюда занес. Судьба миллиардов кредов решается парой игральных костей. Это же годовой доход какой-нибудь из планет поменьше. Не будь государство главным пайщиком казино, такие ставки были бы невозможны. Он долго тряс кости, тщетно стараясь восстановить свою власть над ними, наконец бросил.

Вся прочая деятельность в казино прекратилась, люди стояли на столах и стульях, устремив взгляд туда, где играл Язон. Царила мертвая тишина. Кости звучно ударились о стол и покатились по сукну.

Пятерка и единица. Шесть. Теперь все зависит от следующих попыток. Язон сгреб кости, прошептал над ними древние ругательства, приносящие счастье, и бросил снова.

Только на пятый раз выпало шесть.

Толпа вздохнула вместе с ним, со всех сторон загудели голоса. Сейчас бы расслабиться, перевести дух, но Язон знал, что это исключено. Мало выиграть деньги — надо еще унести их. Причем так, чтобы не вызвать подозрений. Он остановил проходившего мимо официанта с полным подносом напитков и сунул ему в карман стокредовую бумажку.

— Я угощаю!— крикнул он, забирая поднос.

Болельщики мигом разобрали бокалы, и Язон принялся складывать на поднос фишки. Кажется, не уместятся... В эту минуту рядом с ним появился Керк с другим подносом.

— Я с удовольствием помогу вам, сударь, если позволите,— сказал он.

Язон поощрительно улыбнулся. Только теперь он смог по-настоящему рассмотреть Керка в его новом качестве. Пиррянин был одет в свободный вечерний костюм из легкой ткани пурпурного цвета, причем он явно подложил впереди что-то изображающее животик. Длинные мешковатые рукава усиливали впечатление тучности, скрывая могучие мышцы Керка. Нехитрая, но действенная маскировка.

Осторожно неся тяжелые подносы, они пробились между рядами возбужденных завсегдатаев к окошечку кассы. Их ожидал сам управляющий с вымученной улыбкой на лице. Но и эта улыбка исчезла, когда он подсчитал фишки.

— Вы не могли бы прийти завтра? Боюсь, у нас сейчас нет в наличии такой суммы.

— В чем дело!— закричал Керк.— Вздумали увильнуть? Небось меня обчистить вам ничто не помешало! Нет уж, рассчитывайтесь!

Его поддержали болельщики, которых всегда радовал проигрыш казино. Язон быстро нашел решение.

— Ладно, я согласен уступить,— громко сказал он.— Давайте наличными сколько можете, на остальное выпишете чек.

Выхода не было, и под бдительным надзором злорадствующей публики управляющий набил кредитками конверт, затем выписал чек. Язон быстро пробежал его глазами и засунул во внутренний карман, после чего, зажав под мышкой конверт, направился следом за Керком к двери.

В главном зале, набитом посетителями, никто их не тронул, но у выхода из казино дорогу им преградили двое.

— Минуточку,— начал один из них.

Больше он ничего не успел сказать. Керк, не замедляя шага, продолжал идти вперед, и оба незнакомца отлетели в стороны, будто кегли. В следующую секунду Керк и Язон уже были на улице и быстро шагали по мостовой.

— На стоянку,— сказал Керк.— У меня там машина.

Завернув за угол, они увидели мчащийся прямо на них автомобиль. Прежде чем Язон успел выхватить пистолет, Керк шагнул вперед. Его рука взметнулась вверх, и знакомое Язону грозное оружие, прорвав рукав, буквально прыгнуло ему на ладонь. Первый же выстрел убил шофера, автомобиль вильнул в сторону и врезался в дом. Два пассажира упали замертво возле дверец, обронив свои пистолеты на землю.

Больше им никто не мешал. Керк на полной скорости погнал свою машину прочь от казино. Ветер трепал разорванный рукав пижамы, обнажая кобуру с пистолетом.

— Слушай, когда будет такая возможность,— заговорил наконец Язон,— объясни мне этот фокус с пистолетом.

— Когда будет такая возможность,— ответил Керк, сворачивая в туннель, ведущий в город.

ГЛАВА III

Дом, у которого они остановились, явно принадлежал какому-то знатному кассилийцу. Пока они ехали, Язон успел пересчитать выигрыш и отложить свою долю — почти шестнадцать миллионов кредов. Прямо сказка... Когда они вышли из машины, он отдал Керку его деньги и чек.

— Вот твои три миллиарда,— сказал он.— И не думай, что они мне легко дались.

— Могло быть хуже,— услышал он в ответ.

— Сир Элл уже лег спать,— проскрипел репродуктор над дверью.— Пожалуйста, приходите утром. Прием только по предварительной зап...

Фраза оборвалась на полуслове, когда Керк высадил дверь, легонько надавив на нее ладонью. Входя, Язон посмотрел на искореженный замок и снова подивился своему партнеру.

«Сила... нет, это не просто сила... это как стихия. Похоже, его ничто не может остановить».

Его это злило и в то же время интриговало. Он сказал себе, что не отступится, пока не разузнает побольше про Керка и его планету. И про тех, кто умер ради денег, на которые он сегодня играл.

Сир Элл был человек в летах, лысеющий и сердитый. И отнюдь не привычный к тому, чтобы нарушали его покой. Впрочем, он тотчас перестал брюзжать, едва Керк бросил на стол деньги.

— Погрузка корабля закончена, Элл? Вот, получай, теперь мы в расчете.

С минуту Элл только молча щупал кредитки, потом наконец ответил:

— Корабль... а, да, да, конечно. Мы сразу начали погрузку, когда поступил аванс. Извините... но это как-то необычно. Мы такие сделки наличными не оформляем.

— А я предпочитаю деньги на бочку,— ответил Керк.— Авансовый чек я аннулировал, вот тут все полностью. Как насчет расписки?

Элл машинально написал расписку, потом вдруг опомнился. Крепко сжимая ее в руке, он озабоченно посмотрел на разложенные перед ним на столе три миллиарда.

— Погодите... Я не могу взять их сейчас, вам придется прийти еще раз завтра утром прямо в банк. Все как положено,— решительно заключил он.

Керк протянул руку и выдернул бумажку из пальцев Элла.

— Благодарю за расписку,— сказал он.— Завтра утром меня здесь уже не будет, лучше поладим так. А если вы боитесь за деньги, советую вызвать кого-нибудь из заводской охраны или из частной полиции. Все-таки спокойнее.

Когда они выходили через взломанную дверь, Элл лихорадочно набирал номера на пульте своего визифона.

Прежде чем Язон открыл рот, Керк уже ответил на его очередной вопрос.

— Надо думать, ты не прочь пожить подольше, чтобы иметь возможность истратить денежки, которые выиграл. Так что я заказал два места на межпланетном корабле.— Керк глянул на часы и продолжал:— Вылет через два часа, у нас еще куча времени. Я проголодался, поищем ресторан. Надеюсь, у тебя в гостинице не осталось ничего такого, за чем стоило бы возвращаться. Это может оказаться затруднительно.

— Ничего такого, за что стоило бы жизнь отдать,— ответил Язон.— Так где мы поужинаем? У меня к тебе есть несколько вопросов.

Спускаясь до грузового яруса, они покружили по туннелям, пока не убедились, что их никто не преследует. Наконец Керк загнал машину в какой-то темный тупик, здесь они ее и оставили.

— Мы легко добудем другую,— сказал Керк.— А эта у них, наверно, уже на примете. Пошли, вернемся на сквозную магистраль, я заметил там ресторан по пути сюда.

На стоянке темнели могучие силуэты наземных грузовозов. Язон и Керк пробрались между колесами в рост человека и вошли в шумный,

душный ресторан. Сидевшие за столиками водители и рабочие утренних смен не обратили на них никакого внимания; они высмотрели тихий закуток и набрали заказ на круглом диске.

Керк отрезал от солидной порции мяса хороший кусок и бодро сунул его себе в рот.

— Ну, задавай свои вопросы,— сказал он.— Теперь я готов отвечать.

— За какой корабль ты рассчитывался? Что это за груз, из-за которого я рисковал своей головой?

— Мне показалось, что ты рисковал из-за денег,— отпарировал Керк.— Но можешь не беспокоиться, речь идет о добром деле. От этого груза зависит жизнь целого мира. Оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и все такое прочее.

Язон чуть не подавился.

— Контрабанда оружия? Ты что, небольшую войну финансируешь? А еще толкуешь о жизни — это с таким-то грузом! Только не говори мне, что он предназначен для мирных целей. Кого вы убиваете?

Добродушие покинуло лицо седого богатыря; теперь оно выражало хорошо знакомую Язону непреклонность.

— Что ж, выражение «мирные цели» вполне подходит. По существу, мы только к этому и стремимся — жить в мире. И мы убиваем не «кого», а «что».

Язон сердито отодвинул тарелку.

— Ты говоришь загадками. Я не вижу никакого смысла в твоих словах.

— Смысл есть. Правда, только на одной планете во всей вселенной. Что ты знаешь о Пирре?

— Ровным счетом ничего.

Взгляд Керка стал отсутствующим, было очевидно, что его мысли унеслись куда-то очень далеко. Затем он продолжал:

— Пирр и человек — несовместимые вещи. И, однако, люди живут на нем уже скоро триста лет. Средняя продолжительность жизни у нас там — шестнадцать лет. Конечно, большинство взрослых живет дольше, но на средней цифре сказывается высокая детская смертность. Это совсем не гуманоидный мир. Сила тяжести вдвое больше нормальной. Температура за день колеблется от арктической до тропической. Климат... его надо испытать на себе, чтобы представить. Во всей галактике не найдешь ничего подобного.

— Как ты меня напугал,— невозмутимо сказал Язон.— Какая у вас газовая оболочка? Метан? Хлор? Бывал я на таких планетах...

Керк ударил кулаком по столу. Тарелки подскочили, ножки стола жалобно скрипнули.

— Лабораторные реакции!— рявкнул он.— Куда как эффектно в химическом кабинете, но ты попробуй представить себе целую планету с такими газами! Одно галактическое мгновение, и вся мерзость связана в безобидных стабильных соединениях. Атмосфера может быть ядовитой для кислородного организма, а в остальном не опаснее разбавленного пива. Если хочешь знать, для планеты только одно сочетание является чистым ядом. Побольше аш-два-о, самого универсального растворителя на свете, плюс свободный кислород...

— Вода и кислород?— перебил его Язон.— Ты подразумеваешь Землю? Или что-нибудь вроде Кассилии? Это же абсурд.

— Ничего подобного. Ты сам родился в такой среде, оттого она и кажется тебе естественной и нормальной. Ты привык, что металлы должны окисляться, а берега разрушаться, привык, что грозы мешают радиосвязи.

Обычная история для водно-кислородных миров. Да только на Пирре все это возведено в энную степень. Ось планеты наклонена под углом около сорока двух градусов, и колебания температур в году огромные. Это одна из главных причин, почему все время изменяется ледяной покров. И получаются такие перемены погоды, что никакими словами не описать.

— Если это всё,— сказал Язон,— я не понимаю...

— Всё? Это только начало. Моря и океаны — вот тебе еще разрушительный фактор, даже два. Во-первых, испарения, которые поддерживают мощные ветры, во-вторых, чудовищные приливы. Два спутника Пирра, Самас и Бессос, когда их притяжение складывается, могут нагнать приливную волну высотой до тридцати метров. Кто не видел, как такая волна захлестывает действующий вулкан, тот вообще еще ничего не видел. Нас привели на Пирр тяжелые элементы, и по милости этих же элементов планета напоминает кипящий котел. Если взять ее ближайшее звездное окружение, в нем было не меньше тринадцати сверхновых, и, конечно, на большинстве из их планет можно найти тяжелые элементы. И в придачу — непригодную для дыхания газовую оболочку. Чтобы по-настоящему, всерьез вести горные работы и добывать руду, нужно постоянное, вполне самостоятельное поселение. Вот почему мы остановились на Пирре, где радиоактивные элементы образуют ядро планеты и покрыты оболочкой из более легких элементов. Это обеспечило пригодную для человека атмосферу, но, с другой стороны, не прекращается вулканическая деятельность, ведь расплавленная плазма прорывается на поверхность.

Язон молча слушал, пытаясь представить себе жизнь на планете, которая, можно сказать, непрерывно сражалась сама с собой.

— Но самое приятное я приберег на десерт,— сказал Керк с мрачным юмором.— Теперь, когда ты получил представление о среде, вообрази, какие организмы в ней обитают. Сомневаюсь, чтобы на других планетах нашелся хотя бы один вид, который выживет там больше минуты. На Пирре что растения, что животные — это же чистые гангстеры. Они без конца сражаются с родной планетой и друг с другом. Сотни тысяч лет генетического отбора создали такие штуки, что электронно-вычислительную машину жуть возьмет. Бронированные, ядовитые, сплошные когти и щупальца. Это относится ко всему, что ходит, летает или просто сидит на месте. Видел ты когда-нибудь растение с зубами? Растение, которое кусается? Думаю, что и не захочешь увидеть. Потому что для этого надо попасть на Пирр, а там ты не успеешь выйти из корабля, как можно заказывать гроб. Мне и то придется пройти переподготовку, прежде чем выходить из космопорта. Борьба за существование заставляет организмы непрерывно конкурировать и изменяться. Умереть в этой борьбе куда как просто, а вот способов убить столько, что всех и не перечислишь.

Казалось, широкие плечи Керка поникли под тяжестью забот. Наконец он встряхнулся, как бы сбрасывая это бремя, и снова принялся за ужин. Собирая хлебом подливку, он поделился вслух своими мыслями:

— Логически у нас вроде бы нет причин оставаться на Пирре и вести войну, которой не видно конца. Конечно, если не считать того, что Пирр — наша родина.

Керк проглотил последний кусок хлеба с подливкой и заключил, указывая вилкой на Язона:

— Скажи спасибо, что ты не пиррянин и никогда не увидишь Пирр.

— Вот тут-то ты и ошибся,— возразил Язон, стараясь говорить возможно хладнокровнее.— Дело в том, что я полечу с тобой.

ГЛАВА IV

— Не болтай вздора,— сказал Керк, заказывая вторую порцию жаркого.— Есть куда более простые способы покончить с собой. Ты забываешь, что стал миллионером. С твоими деньгами ты можешь до конца жизни предаваться отдыху на курортных планетах. Пирр — планета смерти, а не достопримечательность для пресыщенных туристов. Я не могу позволить тебе лететь со мной туда.

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. Язон основательно разозлился. Но внешне это проявлялось, так сказать, со знаком минус: его лицо было совершенно бесстрастным, голос — предельно спокойным.

— Не учи меня, что мне можно, а чего нельзя, Керк Пирр. Ты сильный человек и ловкий стрелок, но это еще не дает тебе права распоряжаться мной. В крайнем случае ты можешь помешать мне лететь на твоем корабле. Но что мне стоит найти другой способ? И нечего изображать меня туристом, ведь ты не знаешь, какие соображения влекут меня на Пирр.

Язон не стал объяснять, что это за соображения. Во-первых, он еще сам в них не до конца разобрался, во-вторых, ему не хотелось раскрывать душу. Чем больше он путешествовал, тем меньше разницы видел. Старые цивилизованные планеты все на одно лицо, сплошная скука. Пограничные миры — однообразный примитив, что-то вроде временных лагерей в лесу. Нельзя сказать, чтобы все галактики ему опостылели. Просто он исчерпал их возможности, а себя еще не исчерпал. До знакомства с Керком Язон не встречал никого, кто превзошел бы его самого или мог хотя бы равняться с ним. Это было вовсе не самомнение, а голый факт. И вот он стоит перед новым фактом: похоже, что есть целый народ, который превосходит его. Язон знал, что не сможет спать спокойно, пока не побывает там и не убедится в этом своими глазами. Даже если это будет стоить ему жизни.

Но разве скажешь об этом Керку. Он лучше поймет другие аргументы.

— Вот ты не хочешь пускать меня на Пирр,— сказал Язон.— А ты сперва подумай. Я не буду говорить о том, что ты мне обязан, потому что я выиграл нужные тебе деньги. Но ты подумай о следующем разе. Сейчас тебе понадобилась уйма всякого оружия, может, и снова понадобится. Так не лучше ли иметь под рукой испытанного и верного товарища, чем изобретать какой-нибудь новый ход, который еще может подвести?

Керк задумчиво уписывал вторую порцию мяса.

— Что ж, в этом есть смысл. По правде говоря, мне это в голову не пришло. Такой уж изъян у нас, жителей Пирра,— мало думаем о будущем. День прожить и то задача. Проблемы решаем, когда возникнут, далеко вперед не заглядываем. Можешь лететь со мной. Авось еще будешь жив, когда нам понадобишься. Как посланник Пирра на этой и других планетах официально приглашаю тебя. Все расходы за наш счет. При условии, что ты неукоснительно будешь выполнять все наши указания по поводу твоей личной безопасности.

— Условия приняты,— сказал Язон.

И спросил себя, отчего это он с такой радостью подписывает свой смертный приговор.

Керк расправлялся уже с третьей порцией десерта, когда его часы тихонько зажужжали. Он немедленно отбросил вилку и встал.

— Пора,— сказал он.— Нам надо выдерживать график.

Язон тоже встал из-за стола, тем временем Керк сунул в автомат положенное количество монет в уплату за ужин. Загорелась надпись «Уплачено», и они быстро вышли из ресторана.

Язон ничуть не удивился, когда они за углом ступили на межъярусный эскалатор. Он уже сообразил, что после казино каждый их шаг был точно рассчитан заранее. Можно не сомневаться, что объявлена тревога и их разыскивают по всей планете. Тем не менее пока что не видно никаких признаков преследования. Язону и прежде доводилось спасаться от блюстителей закона, опережая их, что называется, на один ход, но впервые его при этом вел за ручку кто-то другой. Он улыбнулся собственной покорности. Столько лет сражался в одиночку, что теперь даже приятно кому-то подчиняться.

— Живей,— буркнул Керк, снова глянув на часы, и побежал вверх по эскалатору, так, что только поспевай.

Они пробежали пять пролетов, ни встречных, ни догоняющих не было, наконец Керк угомонился и предоставил эскалатору выполнять всю работу.

Язон был доволен своей физической формой. Правда, такое быстрое восхождение после бессонной ночи сделало свое, он взмок и тяжело дышал. А Керку хоть бы что — лоб сухой, дышит ровно...

На втором автоярусе Керк сошел с медленно ползущей лестницы и жестом позвал Язона за собой. В ту самую секунду, когда они очутились на улице, прямо перед ними около тротуара остановилась машина. Здравый смысл подсказал Язону, что хвататься за пистолет не надо. Открылась дверца, водитель вышел. Керк молча вручил ему полоску бумаги и сел за руль. Язон едва успел вскочить в кабину, как машина рванула с места. Вся эта процедура отняла не больше трех секунд.

В тусклом свете Язон не смог как следует присмотреться к шоферу, однако он и без того узнал его. Нет, они никогда не встречались прежде, но после знакомства с Керком Язон где угодно определил бы пиррянина по атлетической фигуре.

— Ты отдал ему расписку Элла,— сказал он.

— Точно. Можно быть спокойным за корабль и груз. Они будут достаточно далеко, пока кассилийцы проследят путь чека от казино до Элла. А теперь позаботимся о себе. Я объясню тебе все подробно, чтобы ты потом не дал маху. Слушай внимательно, и если будут вопросы, задашь их, когда я кончу говорить.

Это было сказано так категорично, что Язон безропотно подчинился. Хотя про себя не без улыбки подумал о том, как быстро Керк отнес его в разряд сосунков.

Они свернули, вливаясь в поток транспорта, направляющийся к космодрому. Керк легко вел машину и объяснял:

— В городе объявлен розыск, но мы опережаем противника. Я уверен, что кассилийцы не захотят портить себе марку на всю вселенную и не станут перекрывать дороги. Но космодром, конечно, уже кишит их людьми. Если деньги уйдут с планеты, их уже не вернешь, они это знают. И когда мы пойдем напролом, они будут уверены, что деньги еще при нас. Тогда корабль с боеприпасами уйдет без всяких помех.

Язон слегка опешил.

— Это как же, ты хочешь, чтобы мы, как говорится, приняли огонь на себя и прикрыли вылет транспортного корабля?

— Можно и так выразиться. Но ведь нам все равно надо убираться отсюда, так почему не превратить наше бегство в дымовую завесу? А теперь помолчи, пока я не закончу, понял? Еще раз перебьешь, я тебя высажу.

Язон в этом ничуть не сомневался. Внимательно и молча он выслушал, как Керк повторил все сначала и заключил:

— Служебный въезд, наверно, будет открыт. И за каждой машиной будут наблюдать агенты в штатском. Может быть, нам даже удастся проникнуть на территорию неузнанными, в чем я сильно сомневаюсь. Это неважно. Мы проедем через ворота и прямо к стартовой площадке. У нас билеты на «Гордость Дархана», за две минуты до взлета он сигналит и отцепляет трап. Мы занимаем свои места, и корабль тут же взлетает.

— Это все очень здорово,— сказал Язон.— А что в это время делает охрана?

— Стреляет в нас и друг в друга. А мы воспользуемся неразберихой — и в корабль.

Нельзя сказать, чтобы его ответ успокоил Язона. Ну да ладно...

— Хорошо, допустим, мы пробрались на корабль. А что помешает им задержать старт, пока нас не вытащат и не поставят к стенке?

Керк на миг оторвал глаза от дороги, чтобы уделить ему презрительный взгляд.

— Я же сказал тебе, что корабль называется «Гордость Дархана». Если бы ты знал хоть что-нибудь об этой планетной системе, тебе сразу все было бы ясно. Кассилия и Дархан — так сказать, планеты-сестры, и они во всем соперничают между собой. Лет двести назад, даже меньше, они схватились так, что обеим чуть конец не пришел. Теперь между ними вооруженный до зубов нейтралитет, и ни одна из сторон не смеет его нарушать. Как только мы ступим на борт корабля, мы окажемся на дарханской территории. Соглашения о выдаче у них нет. И как бы ни хотелось Кассилии нас заполучить, все же не настолько, чтобы затевать новую войну.

Дальше объяснять было некогда. Керк вывел машину из общего потока и свернул на эстакаду с объявлением «Для служебных машин». Под резким светом фонарей у ворот, к которым они приближались, Язон почувствовал себя обнаженным.

Ворота были закрыты.

С другой стороны появилась встречная машина, и Керк сбавил ход. Один из охранников что-то сказал водителю, потом сделал знак дежурному, и створки ворот стали раскрываться внутрь. В ту же секунду Керк выжал до отказа акселератор.

Все произошло молниеносно. Турбина взвыла, покрышки взвизгнули, и машина с ходу распахнула ворота. Язон успел заметить ошеломленные лица охранников; в следующую секунду оба они юркнули за угол будки. Вдогонку машине грянуло несколько выстрелов, но пули просвистели далеко в стороне.

Ведя одной рукой, Керк другой достал из-под приборной доски пистолет — копию чудовища, которое лежало в его кобуре.

— Держи взамен своего,— сказал он.— Пули реактивные. Грому от них... Не старайся в кого-нибудь попасть, это я беру на себя. Просто попугай их немного, чтобы держались подальше. Вот так.

Он быстро выстрелил в боковое окошко и бросил пистолет Язону чуть ли не раньше, чем пуля поразила цель. Пустой грузовик взлетел на воздух, обрушив на соседние машины град обломков и заставив водителей броситься врассыпную.

Кошмарный рейд через сумасшедший дом... Керк гнал машину с явным презрением к смерти. Преследующие машины заносило на отчаянных виражах. Чуть ли не все стартовое поле Керк и Язон прошли на двух колесах, оставляя за собой дымящийся хаос.

И вот уже погоня далеко позади, а впереди — только стройный шпиль «Гордости Дархана».

Посланец соперничающей планеты, само собой разумеется, был окружен крепкой проволочной изгородью. Закрытые ворота охранялись солдатами, которые уже изготовились к стрельбе. Но они напрасно ждали. Керк погнал машину прямо на ограду.

— Береги лицо!— крикнул он.

Язон закрыл руками голову в ту самую секунду, когда они врезались в изгородь.

Пронзительно заскрежетал металл, проволока прогнулась и опутала машину, но все же устояла. Язона сорвало с сиденья и бросило на приборную доску; хорошо, что амортизаторы смягчили удар. Когда Керк выломал дверцу, Язон уже решил, что путешествие окончено. Должно быть, Керк увидел его закатившиеся глаза, потому что он, не говоря ни слова, выдернул Язона из кабины и толкнул его на изуродованный капот.

— Лезь через проволоку и бегом к кораблю!— заорал он и для полной ясности сам показал пример.

Просто непостижимо, как этот тяжеловес мог развить такую скорость. Он мчался будто атакующий танк. Язон тряхнул головой, разгоняя мглу, и тоже набрал приличный ход, однако он был только на полпути к кораблю, когда Керк вскочил на трап. Рабочие уже отцепили трап, но озадаченно остановились, когда плечистый атлет затопал по ступенькам.

На верхней площадке Керк повернулся и начал стрелять по солдатам, которые ворвались в распахнутые ворота. Они сразу залегли и открыли ответный огонь, сосредоточив почти все свое внимание на Керке.

Бегущему Язону казалось, что он видит замедленное кино. Керк спокойно отстреливался, стоя под градом пуль. Люк корабля свободен, ничего не стоит укрыться, но Керк продолжал прикрывать Язона.

— Спасибо,— выдохнул Язон, одолевая последние ступеньки и обессиленно ныряя в люк.

— Добро пожаловать!— сказал Керк, входя следом и помахивая в воздухе пистолетом, словно он остужал его.

Хмурый офицер, который стоял в сторонке, чтобы его не задела шальная пуля, смерил их взглядом и пробурчал:

— Ну и как это все надо понимать?

Керк поплевал на палец, потрогал ствол пистолета и вернул его в кобуру.

— Мы законопослушные граждане другой планетной системы, ничего преступного не совершили. Но эти кассилийцы — дикари какие-то, цивилизованному человеку с ними просто невозможно иметь дело. И мы решили улететь на Дархан, вот наши билеты. Насколько я понимаю, мы теперь находимся на суверенной территории Дархана?

Последнее было сказано специально для кассилийского офицера, который в эту минуту появился на верхней площадке трапа и выхватил свое оружие. Его можно было понять. Два разыскиваемых преступника ускользали от него. И к тому же на дарханском корабле! Ярость ударила ему в голову, и он прицелился:

— А ну выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было! Руки вверх, и пошли, не то живо на тот свет отправлю...

Время остановилось, и казалось, этому мгновению никогда не будет конца. Керк и Язон неподвижно глядели на направленный на них пистолет.

Дарханский офицер шагнул в сторону, и оружие кассилийца дернулось было следом за ним, но тут же снова нацелилось на беглецов. Дарханец сделал только один шаг, но этого было довольно, чтобы он очутился рядом с вмонтированной в переборку красной коробкой. Быстрым движением

руки он отворил крышку и поднес большой палец к расположенной внутри кнопке. Губы дарханца растянулись в улыбке, больше напоминающей оскал. Он принял решение, подсказанное ему бесцеремонностью кассилийского офицера.

— Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту кнопку! — крикнул он.— Вы знаете, что это за кнопка, на ваших кораблях стоят точно такие же. Малейший враждебный акт против корабля, и кнопка будет нажата. Через секунду из реактора будут вынуты все регулирующие стержни, корабль взлетит на воздух — и половина вашего паршивого города вместе с ним.

Его улыбка, словно высеченная в камне, не оставляла никакого сомнения в том, что он выполнит свою угрозу.

— Ну, стреляйте, чтобы я мог нажать кнопочку!

Завыла стартовая сирена, сердито замигала команда капитана: «Закрыть люк». Еще секунду четыре человека смотрели друг на друга, будто персонажи из какой-нибудь жестокой драмы. Наконец кассилиец, взвыв от бессильной злобы, повернулся и побежал вниз по трапу.

— Все пассажиры на борту. Сорок пять секунд до старта. Очистить площадку! — прозвучал голос дарханца.

Одновременно он закрыл коробку и запер крышку. Керк и Язон едва успели лечь на перегрузочные ложа, как «Гордость Дархана» оторвался от платформы.

ГЛАВА V

Как только корабль вышел на орбиту, капитан пригласил Язона и Керка. Керк взял слово и рассказал начистоту о том, что произошло ночью. Он умолчал только о том, что Язон профессиональный игрок. Нарисовал очаровательный портрет двух удачливых иностранцев, у которых злые кассилийцы задумали отнять честно выигранные деньги.

Его рассказ превосходно согласовался с представлением капитана о Кассилии. Кончилось тем, что командир корабля вынес благодарность своему офицеру за правильные действия и принялся готовить пространный доклад начальству. А Керку и Язону он пожелал всякого успеха и предложил им чувствовать себя на борту как дома.

Перелет до Дархана длился недолго, Язон не успел даже выспаться. Так как у Керка с Язоном не было никакого багажа, они первыми прошли через таможню. Выходя из здания, они увидели, как поодаль приземляется другой корабль. Керк остановился, наблюдая посадку, и Язон последовал его примеру. Корабль был серый, изборожденный рубцами. Обводы транспорта, но пушек не меньше, чем у крейсера.

— Это, конечно, твой,— заметил Язон.

Керк кивнул и направился к транспортному кораблю. Когда они подошли, открылся люк, но никто не стоял в проеме, только автоматический трап со стуком дотянулся до земли. Грузный Керк живо вспорхнул по нему, и Язон угрюмо вскарабкался следом, говоря себе, что эти ребята с Пирра, пожалуй, переигрывают. Простота простотой, но все же...

Впрочем, усвоить пиррянские нравы было несложно. И Язон уже не удивился, когда увидел, что внутри корабля посла ожидал такой же прием. Никого. Керк сам задраил люк, и под звуки стартовой сирены они

устроились на ложах. Взревели рабочие двигатели, и на Язона навалилась перегрузка.

Он ждал, когда же она кончится, а она становилась все сильнее, выжимая воздух из легких, ослепляя его. Он закричал, но из-за гула в ушах не расслышал собственного голоса. Обморок избавил его от дальнейших мук.

Когда Язон пришел в себя, на корабле уже царила невесомость. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, ощущая, как боль постепенно отпускает его. Вдруг совсем рядом раздался голос Керка.

— Это я виноват, Мета. Надо было предупредить тебя, что у нас на борту непривычный пассажир. А то ты всегда рвешь с места, так что кости трещат.

— У него как будто все кости целы... Но что он тут делает?

Язон слегка удивился, услышав, что говорит девушка. Впрочем, не настолько, чтобы поднять налитые болью веки.

— Летит на Пирр. Я, понятно, старался его отговорить — не вышло, уперся. Жаль, конечно, ведь я вроде как бы в долгу перед ним. Это он добыл деньги для нас.

— Это ужасно,— сказала девушка.

«Что тут ужасного?— спросил себя Язон.— Не понимаю».

— Лучше бы он остался на Дархане,— продолжала она.— Он симпатичный. Досадно, что ему придется умереть.

Тут Язон не выдержал. Сделав над собой усилие, он открыл сперва один глаз, затем другой. Голос принадлежал девушке лет двадцати — двадцати двух. Она стояла рядом с ложем и смотрела вниз, на Язона. У нее было красивое лицо.

Он раскрыл глаза еще шире, когда разобрал, что она очень красива — особой красотой, которой Язон никогда не встречал на центральных планетах. Он привык к другим женщинам: бледная кожа, покатые плечи, серые лица, раскрашенные гримом. Продукт многовекового искусственного отбора с акцентом анемичности; такое развитие оказалось возможным после того, как медицина научилась сохранять жизнь обреченным с точки зрения эволюции типам.

Эта девушка во всех отношениях была прямой противоположностью им. Она представляла собой продукт борьбы за существование на Пирре. Высокая гравитация, снабдившая мужчин могучей мускулатурой, налила и женские мышцы силой. Упругая фигура богини, бронзовая кожа, безупречный овал лица. Коротко подстриженные волосы обрамляли голову золотым венцом. Единственной неженственной чертой была пристегнутая к предплечью массивная кобура. Увидев, что Язон открыл глаза, она улыбнулась ему. Белизна ее безупречных зубов полне оправдала его ожидания.

— Я — Мета, пилот этого корабля. А вы, как я понимаю...

— Язон динАльт. Ну и взлет у вас, Мета!

— Извините, честное слово,— рассмеялась она.— Но у того, кто родился на нашей планете, своего рода иммунитет к перегрузкам. К тому же синергическая траектория сберегает горючее...

Керк хмыкнул.

— Ладно, Мета, пошли, посмотришь груз. Там есть такие новинки, сразу закроем все бреши в периметре.

— Пошли скорей!— Она чуть не захлопала в ладоши от радости.— Я заглянула в спецификацию, это же просто прелесть.

«Совсем как школьница, которой подарили новое платье. Или коробку конфет. Надо же радоваться так... бомбам и огнеметам!» Язон криво

усмехнулся и со скрипом поднялся на ноги. Керк и Мета уже вышли, и он протиснулся в дверь следом за ними, морщась от боли.

Язон не сразу отыскал трюм. Корабль был большой, а команды не видно. Наконец он в одной из ярко освещенных кают обнаружил спящего человека. Это был водитель, который передал им машину на Кассилии. Он тотчас открыл глаза, словно и не спал крепким сном за секунду до этого.

— Как пройти в грузовой трюм?— спросил Язон.

Пиррянин ответил, закрыл глаза и снова уснул, прежде чем Язон успел поблагодарить.

Керк и Мета уже успели вскрыть несколько ящиков и буквально захлебывались от восторга, рассматривая смертоносный груз. Мета держала в руках канистру с распылителем; заметив Язона, она повернулась к нему:

— Вы только поглядите на эту штуку! Этот порошок, которым она заряжена,— его хоть ешь, ничего не будет. А все формы растительной жизни он убивает мгновенно...

Она запнулась, видя, что Язон отнюдь не разделяет ее ликования.

— Простите. Я как-то забыла, что вы не пиррянин. Вам не совсем понятно, о чем речь?

Он не успел ответить, как включилась система оповещения и чей-то голос позвал Мету.

— Переход на новую программу,— сказала она.— Идемте со мной на мостик, я займусь уравнениями, а заодно поговорим. Я ведь, кроме Пирра, почти нигде и не бывала, у меня к вам тысяча вопросов.

На мостике Мета сменила вахтенного офицера и принялась готовить данные для ОХР — особого ходового режима. Как-то странно было видеть среди электронной аппаратуры ее плотную, но гибкую фигурку в облегающем скафандре. Но с работой она явно справлялась.

— Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

— Я?— Она призадумалась.— Правду сказать, я не знаю, какой возраст положен для пилотов. Скоро три года как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта?

Язон открыл рот и рассмеялся.

— Должно быть, все зависит от того, с какой ты планеты. Кое-где вам было бы не просто получить свидетельство. Но на Пирре, разумеется, все иначе. Там вы, наверно, уже в старушках ходите.

— Это вы, конечно, шутите,— спокойно сказала Мета, набирая очередную цифру.— Я видела старушек на некоторых планетах. Морщинистые, с седыми волосами. Не знаю, сколько им лет было, я спросила одну, но она не захотела мне говорить. Во всяком случае, она была намного старше любого жителя Пирра, у нас таких лиц не увидишь.

— Я не это хотел сказать.— Язон искал нужное слово.— Не старая, конечно, а взрослая, в зрелом возрасте.

— У нас все взрослые. Вернее, как перестал нуждаться в присмотре, так и взрослый. Это, значит, лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый, и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что уж я точно взрослая.

Коротко и ясно. Для нее, а у Язона слова Меты, за которыми он угадывал необычную обстановку со своими понятиями и нормами, вызвали полное смятение в голове.

Мета закончила перфорацию программы, дождалась, когда машина начала выдавать ленту с данными для нового курса, и опять повернулась к Язону.

— Я рада, что вы летите с нами, жаль только, что на Пирр. Но у нас еще будет много времени поговорить, а мне столько всего хочется узнать! Про другие планеты. И почему тамошние люди так себя ведут. Совсем не так, как наши. У нас мне понятны поступки каждого человека.

Лента с данными на секунду отвлекла внимание Меты, но тут же она опять перевела взгляд на Язона.

— Расскажите о своей планете.

Язон мысленно перебрал басни, которыми обычно потчевал посторонних, и все забраковал. Какой смысл врать девушке, которой решительно все равно — холоп ты или аристократ? Для нее в галактике есть только два рода людей: пирряне и все остальные. Впервые с тех пор, как Язон бежал с Поргорсторсаанда, он решил сказать правду о своем происхождении.

— Моя планета? Самый нудный и паскудный медвежий угол во вселенной. Кто не был там, тот не может себе представить, что значит загнивающий аграрный мир с сословным делением, весьма довольный своим бесцветным существованием. Никаких перемен, больше того — никто их не хочет! Мой отец был фермером, и я тоже стал бы фермером, если бы послушался старших. Они даже мысли не допускали о том, чтобы я мог заняться чем-то другим. А все мои мечты и желания шли вразрез с установленными порядками. Читать я научился только в пятнадцать лет, да и то по книге, которую украл в аристократической школе. Дальше так и пошло. К девятнадцати годам, когда я удрал зайцем на корабле с другой планеты, не было того закона, который я не успел бы нарушить. И с каким удовольствием я их нарушал! Покинуть родную планету для меня было все равно что вырваться из тюрьмы на волю.

Мета покачала головой.

— Просто не могу себе представить такого мира. Знаю только, что мне бы там не понравилось.

— Не сомневаюсь,— улыбнулся Язон.— Ну вот, вырвался я в космос — без профессии, не приученный ни к какому делу, то тут, то там приткнешься... В наш технологический век я никак не мог найти себе место. Конечно, можно было пойти на военную службу, но уж очень я не люблю, когда мной командуют. А тут я заметил, что мне везет в азартных играх, так мало-помалу и втянулся. Люди-то везде одни и те же, так что я всюду неплохо устраиваюсь.

— Я понимаю, что́ вы подразумеваете, когда говорите, что люди везде одни и те же. И все-таки они такие разные... Я не очень толково объясняю, да? Я хочу сказать, что дома я всегда знаю, как человек поступит и почему. И на других планетах тоже люди ведут себя в общем одинаково, как вы и говорите, но мне трудно бывает их понять. Ну вот, например... Когда мы куда-нибудь прилетаем, мне нравится пробовать местную пищу, и если есть время, я иду в бар или, скажем, ресторан. Их всегда можно найти около каждого космопорта. И каждый раз у меня какие-нибудь неприятности с мужчинами. Они непременно хотят угостить меня вином, подержать меня за руку.

— Что ж, в таких заведениях одинокая девушка должна быть готова к тому, чтобы стать предметом внимания со стороны мужчин.

— Это я понимаю,— сказала Мета.— Мне не понятно другое: почему они не слушают, когда я говорю, что не хочу знакомиться и прошу отойти от меня. Они только смеются в ответ и продолжают приставать. Но я нашла одно безошибочное средство. Я говорю такому человеку, что сломаю ему руку, если он не оставит меня в покое.

— И это помогает?— спросил Язон.

— Конечно, нет. Но когда в самом деле сломаешь ему руку, он наконец отстает. И уже тогда другие ко мне не подходят. А главное, все это беспокойство зря, потому что еда чаще всего отвратительная.

Язон воздержался от смеха. Тем более что эта девушка в самом деле была способна сломать руку любому из тех висельников, которых хватает в каждом космопорту. В ней странным образом сочетались простодушие и сила, ничего подобного он еще не видел. И Язон больше прежнего утвердился в своем стремлении побывать на планете, рождающей таких людей, как Керк и Мета.

— Расскажите мне про Пирр,— попросил он.— Почему вы с Керком так уверены, что я упаду замертво, как только мы приземлимся? В чем дело?

Ее лицо сразу посуровело.

— Этого я не сумею рассказать. Вы должны сами убедиться. Я поняла это после того, как побывала на других планетах. Пирр не похож ни на что во всей галактике. И что бы я ни говорила, вы не поверите, пока не будет поздно. Обещайте мне одну вещь?

— Нет,— ответил Язон.— Во всяком случае, я должен сперва услышать, в чем дело.

— Оставайтесь на корабле, когда мы сядем. На борту вам ничего не грозит, а я через несколько недель опять повезу груз.

— Отсиживаться в корабле? И не подумаю.

Язон понимал, что предложение Меты обосновано, но ее менторство вызывало в нем отпор.

Мета молча закончила расчет особого ходового режима. Между ними возникло напряжение, которое исключало дальнейший диалог.

Язон увидел ее только на следующий день, да и то совершенно случайно. Войдя в астронавигационную рубку, он обнаружил, что она стоит там и смотрит через прозрачный купол на мерцающую искрами черноту. До сих пор Язон видел Мету только в форме, теперь она стояла в мягком одеянии из облегающей тело блестящей ткани.

Она улыбнулась ему.

— До чего звезды хороши! Посмотрите.

Язон подошел к ней и поднял голову вверх. Причудливые узоры неба при особом ходовом режиме были ему хорошо знакомы и все-таки волновали душу. Тем более теперь. Присутствие Меты создавало совершенно особую атмосферу в темной рубке. Ее запрокинутая голова касалась его плеча, волосы заслонили часть неба и ласкали его обоняние своим запахом.

Руки Язона сами обняли ее и ощутили тепло плотного тела под тонкой тканью. Судя по тому, что Мета накрыла его пальцы своими ладонями, она не была возмущена.

— Ты улыбаешься,— сказала она.— Ты тоже любишь звезды.

— Очень люблю,— ответил он.— Но... Мне вспомнился твой рассказ. Ты не сломаешь мне руку, Мета?

— Конечно, нет,— серьезно произнесла она, потом улыбнулась ему.— Ты мне нравишься, Язон. Хотя ты не пиррянин, ты мне очень нравишься. И я устала от одиночества.

Она посмотрела на него в упор, и он поцеловал ее. Мета ответила на его поцелуй без напускной стыдливости.

— Моя каюта тут рядом,— сказала она.

ГЛАВА VI

С того дня они редко разлучались. Когда Мета несла вахту, Язон приносил ей еду на мостик, и они разговаривали. К тому, что он успел узнать о ее планете, мало что добавилось; по молчаливому соглашению они не касались больше этой темы. Зато он много рассказывал о местах, где бывал, о людях, которых встречал. Она была благодарной слушательницей, и время летело быстро. Им было хорошо вместе. Словом, перелет проходил чудесно.

И вот он подошел к концу.

На борту было четырнадцать человек, но Язон ни разу не видел больше двоих-троих одновременно. Люди работали по строгому графику. Свободные от вахты были поглощены своими делами и не стремились к общению. Лишь после того, как корабль с особого ходового режима перешел на обычный и динамики системы оповещения рявкнули «сбор», все собрались вместе.

Керк отдавал распоряжения, касающиеся посадки, звучали вопросы и ответы. Это был чисто технический разговор, и Язон не очень прислушивался. Зато он внимательно присматривался к поведению пиррян. Они теперь и говорили, и двигались порывисто, словно солдаты, готовящиеся к бою.

Впервые ему бросилось в глаза, как они схожи между собой. Сходство выражалось не во внешности и не в подобии действий, а в их движениях и реакциях. Сейчас они напоминали больших кошек, выслеживающих добычу. Упругая походка, постоянная готовность к прыжку, глаза беспокойно рыскают, мышцы напряжены...

После совещания Язон попытался заговорить с Метой, но ее словно подменили. Она отвечала односложно, и он никак не мог поймать ее взгляда. Ей было не до него, да и у него не было к ней никаких существенных дел, и Мета пошла к выходу. Язон протянул было руку, чтобы задержать ее, но передумал. Еще будет время поговорить.

Один Керк проявил к нему внимание, это выразилось в том, что он приказал Язону занять место на амортизирующем ложе.

Посадки у Меты оказались похлеще взлетов. Во всяком случае, когда она садилась на Пирре. Неожиданные ускорения дергали Язона во все стороны. Потом началось свободное падение, и казалось, ему не будет конца. Что-то тяжелое било по корпусу, сотрясая весь корабль. Это больше походило на битву, чем на посадку. Язон даже слегка встревожился.

Самый миг приземления он пропустил. Пиррянские два G он воспринял как торможение, и только стихающий вой двигателей убедил его, что перелет закончен. С непривычки ему пришлось поднатужиться, чтобы расстегнуть ремни и сесть.

А вообще-то двойное тяготение оказалось не таким уж страшным. Во всяком случае, на первых порах. Словно несешь груз, равный твоему собственному весу. Подойдя к двери, Язон поднял руку — она была вдвое тяжелее обычного. Он вышел в проход и побрел к главному люку.

Здесь уже собралась вся команда. Двое выкатывали из ближайшего отсека какие-то прозрачные цилиндры. По глухому звону и по тому, как тяжело катились цилиндры, Язон понял, что они металлические. Но для чего они? Пустые вместилища около метра в поперечнике, длиной больше человеческого роста. Один конец сплошной, на другом — запирающаяся крышка. Смысл конструкции стал ясен Язону лишь после того, как Керк повернул запорное колесо и откинул крышку одного цилиндра.

— Полезай. Закроем, потом тебя вынесут.

— Спасибо, не стоит,— возразил Язон.— У меня нет никакого желания являться на твою планету в виде сосиски в консервной банке.

— Не говори вздора,— оборвал его Керк.— Нас всех вынесут в таких цилиндрах. Мы слишком долго отсутствовали, чтобы выходить на Пирр без переподготовки.

Язону стало как-то неловко, когда он увидел, как остальные забираются в контейнеры. Подойдя к ближайшему цилиндру, он влез в него ногами вперед, закрыл за собой крышку и затянул центральный винт, так что края плотно прижали упругую прокладку. Когда концентрация углекислоты в контейнере начала расти, загудел регенератор воздуха.

Керк последним занял место в контейнере. Сперва он проверил крышки на остальных цилиндрах и толкнул рубильник, отключающий блокировку переходной камеры. Как только начало выравниваться давление, он быстро нырнул в оставшийся контейнер. Медленно отворились оба люка, и в корабль просочился дневной свет, приглушенный завесой дождя.

Дальше последовало сплошное разочарование. Язон так волновался, так готовился — а для чего? Долго тянулось томительное ожидание, наконец подъехал маленький грузовик, и водитель перенес цилиндры в кузов, будто неодушевленный груз. Язону не повезло, он очутился в самом низу, так что ровным счетом ничего не видел, когда грузовик покинул космодром.

Первого представителя пиррянской фауны Язон увидел, только когда цилиндры были выгружены в помещении с металлическими стенами.

Водитель грузовика уже закрывал толстую наружную дверь, вдруг что-то ворвалось внутрь и с лета ударилось о стену. Язон уловил только какое-то движение, а когда пригляделся, непонятная штука упала прямо на него. Он невольно подался назад, забыв о предохраняющем его металле. Упавшая сверху тварь вцепилась в стенку контейнера, и Язону представился случай рассмотреть ее как следует.

Зрелище было настолько кошмарное, что он не поверил своим глазам. Квинтэссенция смерти... Голова — сплошная пасть с острейшими зубами в несколько рядов. Кожистые крылья окаймлены когтями; на царапающих металл конечностях — еще более длинные когти.

Язону стало жутко, когда он увидел, как эти когти оставляют борозды на поверхности цилиндра. А в тех местах, куда попадала слюна с зубов чудовища, прозрачный металл мутнел и крошился.

Разум говорил ему, что эти царапины — пустяк для толстых стенок контейнера. Но слепой страх заставил Язона сжаться в комок, словно в этом было спасение.

Только после того, как крылатая тварь начала как бы таять, он догадался, что это за помещение. На цилиндры со всех сторон полились струи пенящейся жидкости, пока совсем не затопили их. Зубы пиррянского зверя в последний раз царапнули металл, затем его смыло и куда-то унесло. Пенящаяся жидкость ушла в отверстия в полу, но за первым душем последовал второй, а потом и третий.

Пока длилась эта обработка, Язон старался унять овладевшее им смятение. Что с ним такое происходит? Конечно, чудовище жуткое, и все-таки непонятно, как оно могло внушить ему такой ужас через оболочку надежно закрытого контейнера. Реакция Язона никак не соизмерялась с вызвавшей ее причиной. Даже теперь, когда зверь был уничтожен и исчез с его глаз, Язону стоило огромных усилий усмирить свои нервы и заставить себя дышать ровно.

Мимо прошла Мета, и Язон понял, что процедура окончена. Он открыл свой цилиндр и выбрался на волю. Все остальные уже ушли, остался только какой-то незнакомец с орлиным носом, который явно ждал его.

— Меня звать Бруччо, я заведую адаптационной клиникой. Керк сказал мне, кто ты такой. Зря ты сюда прилетел. Пошли сделаем анализ крови.

— Вот это мне по душе,— отозвался Язон.— Узнаю пиррянское гостеприимство.

Бруччо только фыркнул в ответ и протопал к двери. Шагая за ним по пустому коридору, Язон вошел в лабораторию, сверкающую стерильной чистотой.

Двойное тяготение угнетало его, ложась тяжелым грузом на ноющие мышцы. И пока Бруччо исследовал его кровь, Язон воспользовался случаем немного отдохнуть. Он успел даже вздремнуть немного, но тут вернулся Бруччо с пузырьками и шприцами.

— Поразительно,— объявил пиррянин.— Ни одного антитела в крови, которое могло бы пригодиться тебе здесь. Ничего, у меня тут есть отличный набор антигенов, от них ты денек будешь чувствовать себя как в аду. Снимай-ка рубашку.

— Вам часто приходится это делать?— спросил Язон.— Накачивать дрянью инопланетников, чтобы они могли насладиться прелестями вашей планеты?

Бруччо воткнул в него иглу чуть не до кости.

— Нет, не часто. Последний раз это было несколько лет назад. Прилетело с полдюжины ученых из какого-то института, сказали, что готовы заплатить, только бы им разрешили изучать местную фауну и флору. Мы не стали отказывать, нам валюта нужна.

Язон почувствовал, что от уколов у него уже кружится голова.

— И сколько из них осталось в живых?— невнятно пробормотал он.

— Один. Мы вовремя отправили его обратно. А деньги, понятное дело, взяли вперед.

Язон принял было это за остроту, но вспомнил, что пирряне не больно-то расположены к юмору. Если хотя бы половина того, что ему говорили Мета и Керк, верно, то соотношение один к шести вовсе не так уж плохо.

В соседней комнате стояла кровать, и Бруччо помог Язону дойти до нее. Чувствуя себя так, словно его накачали наркотиками — вероятно, так оно и было,— Язон уснул.

Ему снился сон. Страх и ненависть. Страх и ненависть пополам захлестнули его жаркой волной. Если это сон, лучше больше никогда не спать. Если это явь, лучше умереть. Он силился отогнать видение, а оно только сильнее затягивало его. Страх без начала и без конца, и никакого спасения от страха...

Когда Язон пришел в себя, он не помнил подробностей кошмара, осталось лишь чувство страха. Он взмок от пота, каждая мышца болела. Не иначе это уколы виноваты, сказал он себе. Да еще двойное тяготение. И все-таки его не покидал привкус страха.

Дверь отворилась, Бруччо просунул голову внутрь и окинул взглядом Язона.

— Я уже думал, ты загнулся. Целые сутки спишь. Ладно, не вставай, сейчас принесу тебе кое-что для бодрости.

«Кое-что для бодрости» заключалось в еще одном шприце и стакане какой-то мерзкой на вид жидкости. Она утолила жажду Язона, зато он сразу почувствовал жуткий голод.

— Есть хочешь?— спросил Бруччо.— Можешь не отвечать, и так знаю. Я подстегнул твой обмен, чтобы ты побыстрее наращивал мышцы. Единственный способ поладить с тяготением. Так что в ближайшие дни у тебя будет зверский аппетит.

Бруччо тоже решил поесть, и Язон воспользовался случаем задать несколько вопросов.

— Когда я смогу взглянуть поближе на вашу замечательную планету? До сих пор мое путешествие было не более увлекательно, чем тюремная отсидка.

— Отдыхай и навались на еду. Раньше чем через три-четыре месяца ты не выйдешь. Если тебя вообще выпустят.

У Язона отвалилась нижняя челюсть.

— Может, ты объяснишь мне почему?

— Конечно. Тебе надо пройти тот же курс обучения, какой проходят у нас дети. Они тратят на это шесть лет. Правда, это первые шесть лет их жизни. А ты взрослый, и, казалось бы, можешь справиться куда быстрее. Но ведь у них еще есть наследственность. Словом, ты выйдешь отсюда не раньше, чем получишь полную подготовку.

Бруччо управился с едой и теперь перенес внимание на голые руки Язона, глядя на них с явным отвращением.

— Прежде всего снабдим тебя пистолетом,— сказал он.— Меня мутит, когда я вижу человека без кобуры.

Сам он не расставался с пистолетом даже внутри надежно изолированного от окружающей среды здания.

— Пистолеты подгоняются к владельцу, так что от чужого оружия тебе не будет никакого прока,— объяснил он.— Сейчас ты поймешь, в чем дело.

Они вышли в коридор, и Бруччо провел Язона на оружейный склад, набитый орудиями убийства.

— Сунь-ка руку сюда, вот, в эту штуку,— сказал пиррянин.— Займемся подгонкой.

«Штука» представляла собой какую-то коробку с пистолетной рукояткой на боку. Язон взялся за рукоятку; металлический хомут схватил его локоть; Бруччо зафиксировал штифтами положение руки со всех сторон и записал показания приборов. Сверяясь с полученными данными, он быстро собрал кобуру и пистолет из частей, разложенных по ящикам. Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводком. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

— Тут заключен весь секрет силовой кобуры.— Бруччо коснулся провода пальцем.— Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только тебе надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе.

— Смотри дальше.

Увлекаемый проводом пистолет нырнул в кобуру.

— А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

— Здорово!— сказал Язон.— Но все-таки, с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

— Нет, он не звуком управляется.— Бруччо даже не улыбнулся.— Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну

вот, на твоем правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, а он уже у тебя в руке. Не нужен больше — возвращается в кобуру.

Язон напряг правую руку и согнул указательный палец. В ту же секунду что-то больно ударило его по ладони и грянул выстрел. Рука держала пистолет, из дула вился дымок.

— Понятно, пока человек не освоится со своим оружием, мы заряжаем холостыми. А вообще пистолет всегда должен быть заряжен. Видишь, предохранителя нет. Скобы тоже нет. Поэтому выстрел следует сразу, если заранее согнуть указательный палец.

Язон никогда еще не имел дела с таким грозным оружием. И таким непослушным. Борясь с непривычной силой тяжести, от которой болели все мышцы, он начал упражняться с дьявольским изобретением. Пистолет упрямо возвращался в кобуру, не дожидаясь, когда он нажмет курок. Но еще хуже было то, что пистолет слишком быстро выскакивал из кобуры и нещадно бил его по пальцам, если он не успевал их правильно согнуть. Тем не менее Язон упорно продолжал тренироваться, пока рука не превратилась в сплошной рубец.

Со временем он овладеет этой техникой, но уже теперь ему стало ясно, почему пирряне никогда не снимают пистолета. Это было бы все равно что расстаться с частью тела.

Пистолет проскакивал из кобуры в руку так быстро, что Язон не мог уследить за ним глазом. Во всяком случае, быстрее, чем срабатывал нейронный импульс, заставляющий пальцы сгибаться. Как будто тебя вооружили молнией: прицелился пальцем — бабах!!

Бруччо ушел, предоставив ему упражняться. В конце концов избитая рука забастовала, тогда Язон прекратил это занятие и направился в отведенную ему комнату. В коридоре он заметил знакомую фигуру.

— Мета! Постой! Мне надо с тобой поговорить.

Она нехотя повернулась, и он прибавил шагу, насколько ему позволяли два G. Эта Мета была совсем не похожа на девушку, которую Язон знал по кораблю. На ногах — высокие, по колено, сапоги, тело защищено каким-то мешковатым комбинезоном из металлизированной ткани. Стройную талию искажал пояс с флягами. Да и сама она держалась отчужденно.

— Я соскучился по тебе,— сказал Язон.— Мне было невдомек, что ты находишься в этом же здании.

Он хотел взять ее за руку, но Мета отступила.

— Что тебе надо?— спросила она.

— Как что надо!— Он рассердился.— Я же Язон, ты что, забыла меня? Мы с тобой друзья. А друзья могут поговорить просто так, не потому что им что-то надо.

— Что было на корабле, не распространяется на Пирр.— Ей не терпелось уйти.— Я закончила переподготовку и приступаю к работе. А ты останешься здесь, так что мы с тобой не будем встречаться.

— Сказала бы уж напрямик: мол, останешься здесь с другими детьми... И не спеши ты так, сперва разберемся...

Забывшись, Язон вытянул руку, чтобы задержать Мету. И не успел опомниться, как очутился на полу. Плечо — сплошной синяк, а Меты и след простыл.

Бормоча себе под нос нехорошие слова Язон побрел в свою комнату, плюхнулся на твердокаменную постель и стал вспоминать, что его привело на эту планету. Сопоставив свои мотивы с тем, что он обрел пока на

Пирре — непрерывная пытка двойным тяготением, порожденные ею кошмары, презрительное отношение пиррян ко всем инопланетникам без разбора,— Язон поймал себя на растущей жалости к самому себе. Что ж, на пиррянскую мерку он и впрямь беспомощный и жалкий. Чтобы эти люди изменили свое отношение к нему, надо самому основательно перемениться.

Совершенно разбитый, он погрузился в тяжелый сон, но и тут ему не давали покоя жуткие видения.

ГЛАВА VII

Он проснулся утром с дикой головной болью и с таким ощущением, будто за всю ночь глаз не сомкнул. Принимая стимуляторы, доза которых была скрупулезно рассчитана Бруччо, Язон снова попытался разобраться, чем же все-таки вызваны кошмары, отравляющие его сон.

— Ешь живей,— сказал Бруччо, когда они встретились за завтраком.— Я не могу больше заниматься тобой особо. Будешь обучаться в группе по общей программе. Ко мне обращайся только в тех случаях, когда возникнет какая-нибудь проблема, которой инструктор не сможет разрешить.

Группы, как и следовало ожидать, были составлены из маленьких детей с суровыми лицами. Эти плотные и весьма прямолинейные в своем поведении крепыши были типичными пиррянами. Но дети есть дети, и вид взрослого за партой их сильно веселил. Самому Язону, когда он с багровым лицом втискивался на маленькую скамейку, было вовсе не весело.

Сходство с обычной школой не шло дальше конфигурации классных помещений. Ученики, даже самые маленькие, ходили с пистолетами. Все было нацелено на выживание. В этой школе признавалась только стопроцентная успеваемость, и учащийся переходил к следующему разделу лишь после того, как полностью усваивал предыдущий. Обычных школьных предметов здесь не преподавали. Видимо, ими занимались после того, как ребенок оканчивал первую ступень и становился вполне самостоятельным. Очень трезвый и очень логичный подход. Кстати, определения «трезвый» и «логичный» годились для характеристики пиррянского подхода в любой области.

Почти вся первая половина дня ушла на знакомство с аптечкой, которую носили на поясе. Она состояла из анализаторов, их прижимали к ранам, и если рана была заражена ядом или инфекцией, автоматически впрыскивалось лекарство. Просто в обращении, зато невероятно сложно по конструкции. А так как каждый пиррянин должен был сам следить за своим снаряжением (некого винить, кроме себя, если откажет!), полагалось знать устройство всех приспособлений и уметь их ремонтировать. Язон справился с заданием лучше, чем его малолетние соученики, хотя это стоило ему немалых физических усилий.

Во второй половине дня он впервые познакомился с тренажером. Инструктировал его двенадцатилетний паренек, в бесстрастном голосе которого угадывалось презрение к этому мягкотелому инопланетнику.

— Все тренажеры воспроизводят обстановку на планете и отражают происходящие на ней перемены. Они различаются по степени опасности для жизни. Вы начнете, разумеется, с тренажера для самых маленьких...

— Что вы, что вы,— пробормотал Язон.— Такая честь!..

Инструктор продолжал, не обращая внимания на его слова:

— ...самых маленьких, так сказать, ползунков. С виду все как на самом деле, но модель, конечно, деактивирована.

Слово «тренажер» не совсем подходило к тому, что увидел Язон, войдя через дверь с тяжелыми створками. В огромный зал словно перенесли часть внешнего мира. Очень даже просто забыть, что небо и солнце — искусственные, и вообразить себе, что он наконец-то на воле. И с виду совсем ничего угрожающего, разве что темные тучи на горизонте, чреватые пиррянской грозой.

— Пройдите кругом и осмотритесь,— говорил инструктор.— Когда прикоснетесь рукой к какому-нибудь предмету, услышите его характеристику. Показываю...

Мальчик нагнулся над покрывающей землю шелковистой травой и тронул пальцем стебель. Тотчас голос из скрытых репродукторов пророкотал:

— Ядовитая трава. Не снимать обуви.

Язон опустился на колени и присмотрелся. Травинка заканчивалась блестящим твердым крючком. С легким содроганием он понял, что вся трава такая. Зеленый газон был ковром смерти. Выпрямляясь, Язон заметил под широким листом другого растения что-то диковинное. Там прижалась к земле странная чешуйчатая тварь с заостренной головой, переходящей в длинный шип.

— Что за диво в моем саду?— спросил Язон.— Это называется товарищ детских игр для милых крошек?

Он повернулся и обнаружил, что его никто не слушает. Инструктор исчез. Язон пожал плечами и погладил чешуйчатое чудовище.

— Рогонос,— сообщил механический голос.— Одежда и обувь не защищают. Убей его.

Послышался резкий хлопок, и запрограммированный на звук холостого выстрела «рогонос» упал на бок.

— Кажется, у меня что-то начинает получаться,— с удовольствием отметил Язон.

«Убей его»,— командовал Бруччо, когда обучал Язона пользоваться пистолетом. И команда закрепилась в подсознании, судя по тому, что Язон сейчас выстрелил прежде, чем осмыслил свои действия. Его уважение к пиррянской методике обучения сразу возросло.

Несколько далеко не приятных часов бродил он по этому необычному детскому парку. Повсюду таилась смерть, и бестелесный голос неизменно твердил краткую и выразительную команду. И он учился убивать, чтобы не быть убитым. До сих пор Язон и не подозревал, что насильственная смерть может выступать в таком количестве отвратительных обличий. Все здесь, от самого крохотного насекомого до самого высокого растения, представляло смертельную опасность для человека.

В этой специализации было даже что-то противоестественное. Почему планета Пирр так непримиримо относится к человеку? Не забыть спросить об этом Бруччо... А пока поищем хоть какой-нибудь организм, который не жаждет отправить его на тот свет.

Язон тщетно искал. Правда, ему в конце концов удалось найти предмет, не ответивший зловещей командой на прикосновение руки. Это был большой камень, торчащий из ядовитой травы. Язон сел на него с чувством симпатии к неорганической материи и подобрал ноги. Оазис мира... Прошло несколько минут, обессиленные двойной гравитацией мышцы начали отходить.

— ЕДКАЯ ПЛЕСЕНЬ! НЕ ПРИКАСАТЬСЯ!

Голос прозвучал с удвоенной силой, и Язон вскочил на ноги словно ужаленный. Пистолет уже был в руке и искал цель. Только наклонившись над камнем, Язон понял, в чем дело. Камень покрылся пятнами серой пленки, которых раньше не было.

— Ах ты, дрянь коварная!— крикнул Язон, обращаясь к тренажеру.— Сколько раз уже ты сгонял с этого камня малюток, которые думали, что наконец-то можно посидеть и отдохнуть!

Его возмущало такое изощренное коварство, и в то же время он понимал, что оно оправдано. Пирряне с малых лет узнавали, что на этой планете для человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

Так Язон, изучая Пирр, узнавал что-то новое и о пиррянах.

ГЛАВА VIII

Дни складывались в недели, и Язон понемногу начал гордиться тем, как лихо косит всяких врагов. Он уже знал всю фауну и флору детской комнаты, и его перевели на тренажер, где звери не сидели на месте, а вяло атаковали. Пистолет Язона безошибочно поражал их. Даже неинтересно. Однообразие классных занятий тоже ему наскучило.

Двойное тяготение по-прежнему воспринималось как тяжелое бремя, но вообще-то мышцы явно приспосабливались. Теперь он после занятий уже не валился без сил на кровать. Зато кошмары стали еще хуже. В конце концов он обратился к Бруччо и получил снотворное, которое, хотя и не избавило его от жутких снов, умерило их интенсивность, так что, проснувшись, он почти не помнил их.

Когда Язон как следует освоил всю защитную технику, которой пользовались пирряне, дошла очередь до тренажера, предельно приближенного к действительности. Разница заключалась только в степени поражения. Яд насекомых вызывал не мгновенную смерть, а всего лишь сильную опухоль и боль. Животные могли нанести болезненные раны, но конечностей не отрывали. Словом, волосок, отделявший курсанта от смерти на этом тренажере, был достаточно тонок.

Язон ходил по этой имитации густых необозримых джунглей вместе с пятилетними мальчуганами. В их недетской суровости было что-то забавное и в то же время удручающее. В комнатах они еще могли смеяться, но каждый из них твердо знал, что на воле будет не до смеха. Умение выжить определяло общественное положение и социальную ценность человека. В этом смысле общество на Пирре делилось, условно говоря, на черных и белых. Хочешь утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих, умей за себя постоять. Это было важно для выживания народа в целом, но сильно ограничивало развитие личности. Из детей вырастали безликие убийцы, готовые сеять смерть на каждом шагу.

Закончив курс, кто-то уходил, на его место приходил другой. Прошло некоторое время, прежде чем Язон сообразил, что из тех, с кем он начинал обучение, уже никого не осталось. В этот же день он пошел к начальнику адаптационного центра.

— Бруччо,— сказал он,— долго еще вы собираетесь держать меня в этом детском тире?

— Тебя никто не держит,— ответил Бруччо в обычном для него брюзгливом тоне.— Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя можно было выпускать.

— Мне почему-то сдается, что эта минута никогда не наступит. Я уже могу с закрытыми глазами разобрать и собрать любое из ваших окаянных изобретений. Я бью из этой пушки без промаха. Если мне велят, могу хоть сейчас сесть и написать толстую книгу «О флоре и фауне планеты Пирр и как ее истреблять». Может быть, я еще не достиг того же уровня, что мои шестилетние приятели. Но что-то подсказывает мне, что я достиг своего потолка. Ну как, верно?

Бруччо сделал неловкую попытку уклониться от прямого ответа:

— Понимаешь, ну, ведь ты же нездешний, так что...

— Ладно, брось,— ехидно сказал Язон.— Куда тебе, прямодушному старому пиррянину, тягаться во лжи с представителем более слабой расы, которая в этом деле собаку съела. Я и сам понимаю, что двойное тяготение всегда будет меня сковывать и что у меня, кроме того, есть куча других врожденных дефектов. Все это так, и не об этом речь. А о том, даст мне что-нибудь дальнейшая тренировка или мои возможности в этом смысле исчерпаны.

Бруччо покрылся испариной.

— Со временем, конечно, будут сдвиги...

— Хитрец!— Язон поводил пальцем из стороны в сторону.— Говори: да или нет. Тренировка может дать мне еще что-то?

— Нет.

Бруччо хмуро смотрел на Язона, который не замедлил окончательно припереть его к стенке.

— И что же отсюда следует? Я заведомо не буду прогрессировать и все-таки торчу здесь. Это не случайно. Значит, тебе приказано не выпускать меня. И, судя по тому немногому, что я успел узнать об этой планете, приказ исходит от Керка. Верно?

— Он это для тебя же делает,— объяснил Бруччо.— Хочет, чтобы ты жив остался.

— Ну вот, все выяснилось,— сказал Язон.— И хватит об этом. Я прилетел сюда не затем, чтобы упражняться в стрельбе по роботам вместе с вашими чадами. Будь любезен показать мне, где тут выход. Или сперва должен быть выпускной вечер? Речи, вручение значков, торжественный ритуал...

— Ничего подобного,— отрезал Бруччо.— Вообще, я не понимаю, как взрослый человек вроде тебя может нести такой вздор. Никаких вечеров не будет. А будет зачет в последнем тренажере. Он связан с внешней средой, так что это даже не искусственный тренажер, а частица планеты. Только самые опасные формы органической жизни исключены. Да и то некоторые иногда ухитряются проникать...

— Когда?— выпалил Язон.

— Завтра утром. Сперва постарайся хорошенько выспаться. Тебе это пригодится.

И все-таки совсем без ритуала не обошлось. Когда Язон утром вошел в кабинет Бруччо, тот метнул ему через стол тяжелую обойму.

— Настоящие патроны. Могу заверить тебя, что они тебе пригодятся. Отныне твой пистолет всегда должен быть заряжен.

Вместе они дошли до переходной камеры, и Язон впервые за весь срок учебы увидел по-настоящему запертую дверь. Пока Бруччо раскручивал тяжелые болты, к ним подошел, прихрамывая, хмурый мальчуган лет восьми с перевязанной ногой.

— Его зовут Гриф,— сказал Бруччо.— С этой минуты он будет тебя всюду сопровождать.

— Персональный телохранитель?— осведомился Язон, глядя на коренастого коротыша, который был ему по пояс.

— Называй как хочешь.— Бруччо отворил дверь.— Гриф столкнулся с птицей-пилой и на время потерял трудоспособность. И ты ведь сам признал, что тебе никогда не сравняться с настоящим пиррянином, так что помощь тебе будет кстати.

— Бруччо, ты добряк, — сказал Язон, наклоняясь, чтобы поздороваться с мальчуганом.

У восьмилетнего телохранителя оказалась железная рука.

Вдвоем они вошли в переходную камеру. Бруччо запер за ними внутреннюю дверь, и тотчас автоматически начала открываться наружная. В ту же секунду пистолет Грифа выстрелил дважды, и, выходя на просторы Пирра, они переступили через дымящееся тело какого-то пиррянского зверя. Символическое начало, сказал себе Язон. А нехорошо вышло: во-первых, он был совсем не готов к атаке, во-вторых, не может даже опознать обугленные останки... Он напряг зрение, надеясь, что в следующий раз выстрелит первым.

Увы. Тех немногих зверей, которые им попадались первым замечал мальчуган. В конце концов Язон до того разозлился, что расстрелял какое-то зловещее, с виду колючее растение. Но он напрасно рассчитывал, что Гриф пройдет мимо его мишени и не проверит ее.

— Это растение нам не угрожало,— сказал мальчик.— Глупо тратить попусту боеприпасы.

День прошел без серьезных осложнений, Язон даже слегка разочаровался, да к тому же промок от частых ливней. Если Гриф и умел поддержать разговор, он это ловко скрывал. Все попытки Язона затеять беседу потерпели крах. Следующий день прошел точно так же. На третий день появился Бруччо.

— Не хочется тебя огорчать,— сказал он, смерив взглядом Язона,— но боюсь, что выше этого уровня тебе все равно уже не подняться. Меняй носовой фильтр каждый день. Внимательно проверяй обувь и одежду, чтобы не было никаких дыр. Перезарядка аптечки раз в неделю.

— Помни про носовой платок и не выходи без галош,— добавил Язон.— Еще что?

Бруччо хотел что-то добавить, но передумал.

— Больше ничего. Пора уже самому все знать. Будь начеку. И... желаю успеха.

Несколько неожиданно для Язона он присовокупил к этим словам крепкое рукопожатие.

Как только в руке восстановилось кровообращение, Язон вышел вместе с Грифом на волю через главные ворота.

ГЛАВА IX

Как ни реалистичны были тренажеры, встреча с Пирром ошеломила Язона. Нет, на первый взгляд все то же. Ядовитая трава под ногами... Хаотичный полет шипокрыла, тут же подстреленного Грифом... Но все это как-то растворялось в буйном клокотании стихий.

Дождь лил буквально как из ведра; с неба падали не обособленные капли, а сплошная пелена воды. Ветер рвал эту пелену и хлестал его струями по лицу. Язон протер глаза и с трудом различил на горизонте два

вулканических конуса, извергающих дым и пламя. Это пекло отбрасывало зловещий багровый отсвет на тучи, которые стремительно проносились над вулканами.

Что-то пробарабанило по его шлему и отскочило на землю. Язон нагнулся и поднял градину толщиной с большой палец. Другие градины принялись больно дубасить его по спине и шее; он живо выпрямился.

Буря кончилась так же быстро, как разразилась. Жгучее солнце растопило градины, над улицей закурились струйки пара. Язон взмок от пота в своей защитной одежде. Но не прошли они и одного квартала, как снова хлынул ливень и его забил озноб.

Гриф знай себе шагал, не обращая внимания ни на погоду, ни на вулканы, сотрясавшие землю своей яростью. Язон заставлял себя не думать о неудобствах и не отставать от мальчика.

Более унылую прогулку трудно было придумать. Сквозь завесу дождя виднелись очертания приземистых мрачных зданий, половина которых к тому же была разрушена. Язон и Гриф шли по пешеходной дорожке посередине улицы. Время от времени то с одной, то с другой стороны проносились бронетранспортеры. Язон недоумевал, почему пешеходам отведена середина, пока Гриф не подстрелил какую-то тварь, которая бросилась на них из развалин. Понятно: просвет по бокам служит для страховки... На Язона вдруг навалилась дикая усталость.

— Надо думать, о такси здесь нечего и мечтать,— сказал он.

Гриф озадаченно посмотрел на него. Было очевидно, что он впервые слышит слово «такси». Тем не менее он пошел потише, приноравливаясь к тяжелой поступи гостя. Через полчаса Язон уже утолил свое любопытство.

— Гриф, что-то этот город не блещет. Надеюсь, другие города у вас в лучшем состоянии.

— Не блещет? Не знаю, что вы этим хотите сказать, но других городов у нас нет. Есть лагеря там, где руду добывают. Но городов нет.

Странно. Язону всегда представлялось, что на Пирре несколько городов. Он вдруг подумал, что еще очень мало знает об этой планете! Как прибыл сюда, все его время было поглощено этими курсами. У него накопилась тьма вопросов, но с ними надо обращаться к кому-то другому, только не к этому угрюмому малолетнему телохранителю. К тому же есть человек, который лучше кого-либо сможет его просветить.

— Ты знаешь Керка?— спросил он мальчика.— Насколько я понимаю, он ваш посланник на целой куче планет, но его фамилия...

— Кто же не знает Керка. Но он занят, вам незачем с ним встречаться.

Язон погрозил ему пальцем.

— Твоя забота — охранять мое тело. А душу оставь в покое. Давай условимся: я задаю тон, а ты поёшь. Идет?

Очередная буря обрушила на них градины величиной с кулак и заставила искать укрытие. Когда она унялась, Гриф нехотя повел Язона в центр. Они зашли в относительно высокое здание. Здесь людей было больше, и некоторые из них даже на миг отрывались от дела, чтобы взглянуть на Язона. Одолев два лестничных пролета, он увидел дверь с надписью: КООРДИНАЦИЯ И СНАБЖЕНИЕ.

— Керк сидит здесь?— спросил Язон.

— Конечно,— ответил мальчик.— Он начальник управления.

— Отлично. Теперь ступай выпей лимонада или перекуси где-нибудь и возвращайся часа через два. Думаю, Керк не хуже тебя присмотрит за мной.

Мальчик постоял в нерешительности, потом зашагал вниз по лестнице. Язон вытер лоб и толкнул дверь.

Он увидел канцелярию, в которой находилось несколько пиррян. Никто из них не обратил внимания на Язона и не поинтересовался, какое у него дело. Раз человек пришел, у него есть на то причина. Никому не пришло бы в голову выспрашивать, что ему нужно. Язон не был приучен к таким порядкам и не сразу сообразил, что здесь ему не будут докучать пустыми формальностями. В дальнем конце комнаты была еще одна дверь. Он добрел до нее, открыл и обнаружил Керка, который сидел за конторкой, заваленной бумагами и папками.

— А я все жду, когда же ты появишься,— сказал пиррянин вместо приветствия.

— Давно пришел бы, если бы ты не препятствовал,— ответил Язон, тяжело опускаясь на стул. — Наконец до меня дошло, что я могу всю жизнь проторчать в этих ваших яслях для убийц, если не приму срочные меры. И вот я здесь, у тебя.

— Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в «цивилизованные» миры?

— Представь себе, нет. И мне уже порядком надоело слушать, как все советуют мне улететь. Я начинаю подозревать, что ты и твои пирряне стараетесь что-то скрыть.

Керк улыбнулся.

— Что нам скрывать? Вряд ли найдется другая планета, где жизнь текла бы так просто и прямолинейно.

— В таком случае ты, конечно, не откажешься ответить мне на несколько откровенных вопросов о Пирре?

Керк явно хотел что-то возразить, но вместо этого рассмеялся.

— Сдаюсь. Куда мне с тобой спорить. Ну, что тебе хочется узнать?

Язон тщетно попытался сесть поудобнее на твердом стуле.

— Сколько жителей на твоей планете?— спросил он.

Керк помялся, потом ответил:

— Около тридцати тысяч. Немного для планеты, которая уже давно обитаема, но причина достаточно ясна.

— Хорошо, население тридцать тысяч. Ну, а какую площадь вы контролируете? Знаешь, я удивился, когда узнал, что этот город с его защитными стенами, которые вы называете периметром, единственный на всей планете. Рудники не в счет, они только придатки города. Так вот, можно ли сказать, что контролируемая вами территория растет? Или же, наоборот, она сокращается?

Керк призадумался, машинально вертя в руках кусок стальной трубы, который взял со стола. При этом его пальцы гнули сталь, как резину.

— На это трудно так сразу ответить,— наконец произнес он.— Наверное, где-то есть такие данные, хотя я не знаю, где именно. Тут столько факторов...

— Ладно, оставим пока этот вопрос,— уступил Язон.— Я задам другой, пожалуй, более принципиальный. Можно ли сказать, что население Пирра медленно, из года в год, сокращается?

Труба с резким звоном ударилась о стену. Керк вдруг очутился прямо перед Язоном, его руки были угрожающе вытянуты вперед, лицо побагровело от ярости.

— Никогда не повторяй этих слов, понял? Чтобы я больше не слышал этого от тебя!

Стараясь выглядеть невозмутимым, Язон продолжал:

— Не сердись, Керк, я ведь не хотел тебя задеть.

Он говорил медленно, тщательно подбирал слова, понимая, что жизнь его висит на волоске.

— Не забывай, что я на вашей стороне. С тобой я могу говорить начистоту, потому что ты повидал гораздо больше тех пиррян, которые никогда не покидали родной планеты. Ты умеешь дискутировать, ты знаешь, что слова — только символы. Что можно отлично разговаривать и не выходить из себя из-за слов...

Керк опустил руки и сделал шаг назад. Потом отвернулся, налил себе стакан воды и выпил ее, стоя спиной к Язону.

Лицо Язона покрылось испариной, и жара была лишь отчасти повинна в этом.

— Извини... сорвался.— Керк тяжело сел.— Это со мной редко бывает. Работаю на износ — вот нервы и не выдержали.

Вопрос, который вызвал его вспышку, остался без ответа.

— Со всяким бывает,— сказал Язон.— А что было с моими нервами при первой встрече с Пирром, лучше не говорить. Могу только признать, что ты был прав во всем, что говорил об этой планете. Самое жуткое место во вселенной. Здесь могут выжить только урожденные пирряне. Правда, после обучения я кое-как могу постоять за себя, но только кое-как, в одиночку мне ни за что не справиться. Ты, очевидно, знаешь, что у меня восьмилетний телохранитель. Уже это говорит о том, чего я стою здесь.

Приступ ярости прошел, и Керк полностью овладел собой. Он задумчиво прищурился.

— А ты меня удивил, честное слово. Вот уж никогда не думал, что ты хоть в чем-то способен признать чужое превосходство. Разве ты не за этим сюда летел? Чтобы доказать, что ты ни в чем не уступишь местному уроженцу?

— Один — ноль в твою пользу,— признался Язон.— Я не думал, что это так бросается в глаза. И меня радует, что душа у тебя не такая каменная, как мышцы. Ничего не скажешь, ты верно назвал главную причину, которая привела меня сюда. Добавь еще любопытство.

По лицу Керка было видно, что он слегка озадачен ходом собственных мыслей.

— Ты прилетел сюда, чтобы доказать, что не уступишь коренным пиррянам,— продолжал он.— А сам теперь признаешь, что восьмилетний мальчик владеет пистолетом лучше тебя. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе. Ты даром ничего не уступишь... Ну, так в чем же ты все-таки видишь свое врожденное превосходство?

Как ни старался Керк говорить ровно, в голосе его угадывалось напряжение.

Язон ответил не сразу.

— Ладно, скажу,— произнес он наконец.— Только не отрывай мне за это голову. Я делаю ставку на то, что твой цивилизованный разум способен управлять твоими рефлексами. Потому что сейчас речь пойдет о таких вещах, которые на Пирре явно под большим запретом. Для ваших людей я слабак, потому что прилетел извне. Но ты-то должен понимать, что в этом заключается и моя сила. Я вижу то, чего вы не видите из-за давней привычки. Ну, знаешь, как о человеке говорят, что он за деревьями не видит леса.

Керк кивнул, и Язон продолжал:

— Теперь разовьем эту аналогию. Когда я вышел из космического корабля, то видел, так сказать, только лес. И мне бросились в глаза некоторые факты. Думаю, что и вам они известны, но вы тщательно подавляете в себе эти мысли. Это для вас своего рода табу. Сейчас я выскажу вслух

самое главное, о чем вы даже думать боитесь. Надеюсь, что ты достаточно хорошо владеешь собой и я останусь жив...

Реакция Керка выразилась лишь в том, что его могучие руки крепче стиснули подлокотники. Язон говорил негромко, но его слова проникали в мозг так же легко и гладко, как новый ланцет.

— По-моему, люди проигрывают битву на Пирре. После сотен лет оккупации этот город остается единственным на планете, да и то половина домов заброшена. Очевидно, раньше жителей было больше. Трюк, который мы выкинули, чтобы добыть оружие, он трюк и есть. Могло и сорваться. А что тогда было бы с городом? Вы тут ходите по шаткому краю вулкана и не хотите этого признать.

Все мышцы Керка напряглись, он будто окаменел, на лице блестели бисеринки пота. Чуть перегни — взорвется... Язон лихорадочно соображал, как разрядить атмосферу.

— Не подумай, что мне приятно говорить тебе эти вещи. Но ведь ты все это давно знаешь. Знаешь, да не хочешь признавать. Не хочешь признавать, что вся эта бойня не имеет смысла. Если численность населения неуклонно сокращается, ваша битва — попросту жестокий вид коллективного самоубийства. Вы могли бы покинуть эту планету, но это значит признать свое поражение. А я не сомневаюсь, что пирряне предпочтут поражению смерть.

Керк привстал, и Язон тоже поднялся, повышая голос, чтобы его слова доходили до собеседника сквозь пелену гнева.

— Я пытаюсь вам помочь, неужели не понимаешь? Брось ты этот самообман, он тебе не к лицу. Сейчас ты скорее готов убить меня, чем сознаться себе, что битва уже проиграна. Это даже не настоящая война, вы, так сказать, отсекаете один за другим пораженные пальцы и думаете таким способом спасти обреченный организм. Конечный итог может быть только один — проигрыш. Вы никак не хотите это признать. Вот почему тебе легче убить меня, чем слушать, когда я затрагиваю неприкосновенные темы.

Керк стоял над Язоном словно башня, готовая вот-вот обрушиться на голову святотатца. Только сила убеждения Язона сдерживала его.

— Когда-то надо же научиться мыслить реально. А то ты видишь все только войну да войну. Но ведь можно докопаться до ее причин и покончить с ней раз и навсегда!

Смысл слов Язона дошел наконец до сознания Керка и погасил его ярость. Пиррянин опустился на стул, у него было какое-то растерянное лицо.

— Что ты подразумеваешь, черт тебя дери? Говоришь будто какой-нибудь паршивый корчевщик!

Язон не стал спрашивать, что значит «корчевщик», но слово запомнил.

— Ты несешь околесицу,— продолжал Керк.— Нас окружает враждебный мир, с ним надо сражаться, и все тут. А причины конфликта заложены в самой природе вещей.

— Ничего подобного,— возразил Язон.— Посуди сам. Стоит кому-то из вас на какой-то срок оставить планету, как потом надо проходить переподготовку. Получить инструктаж — что́ в ваше отсутствие изменилось к худшему. Это, так сказать, линейная прогрессия. Но если в проекции на будущее всегда получается ухудшение, значит, в прошлом дело обстояло лучше. Теоретически — я не знаю, конечно, подтвердится ли это фактами,— если вернуться достаточно далеко в прошлое, можно дойти до такого времени, когда люди совсем не воевали с Пирром.

Керк явно не знал больше, что говорить, он только сидел и слушал, пока Язон набирал очки своей неотразимой логикой.

— Я могу привести доводы в пользу моей гипотезы. По-моему, даже ты должен признать, что я, хоть и не могу бороться на равных с пиррянскими тварями, кое-что в них смыслю. Ну так вот, всех представителей здешней флоры и фауны, которых я видел, объединяет одна черта. Они нефункциональны. Ни одно оружие из своего чудовищного арсенала они не применяют друг против друга. Их яды безвредны для пиррянских организмов. Они смертоносны только для гомо сапиенс. Но ведь это абсурд. За триста лет, что человек обитает на этой планете, местные организмы не могли естественно развиваться по такому пути.

— Но ведь это произошло!— крикнул Керк.

— Да, произошло,— спокойно подтвердил Язон.— А значит, есть какие-то причины, какие-то силы. Как они действуют, я себе не представляю. Но что-то заставило пиррянские организмы, так сказать, объявить войну. И мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие организмы доминировали на планете, когда здесь высадились ваши предки?

— Откуда мне знать,— ответил Керк.— Уж не хочешь ли ты сказать, что на Пирре, кроме человека, есть другие мыслящие существа? Которые организуют сопротивление нам?

— Я этого не говорил, ты сам пришел к такому выводу. Значит, до тебя дошла суть моих рассуждений. Не знаю, что именно вызвало такой поворот, но мне хотелось бы это узнать. И посмотреть, нельзя ли повернуть колесо назад. Конечно, я ничего определенного не обещаю. Но согласись, что разобраться в этом стоит.

Керк расхаживал по комнате, ударяя себя кулаком по ладони, и казалось, все здание вздрагивает от его тяжелой поступи. Душу его раздирали противоречия. Новые идеи сражались со старыми убеждениями. Все это было так неожиданно. И так убедительно.

Не спрашиваясь, Язон взял флягу и налил себе холодной воды, потом сел в изнеможении. Что-то пробило защитный экран открытого окна и ворвалось в комнату. Не останавливаясь, даже не отдавая себе отчета в своих действиях, Керк одним выстрелом уложил крылатую тварь.

Его размышление длилось недолго. Привыкший быстро действовать, плечистый пиррянин и решал быстро. Он остановился и пристально посмотрел на Язона.

— Я не могу сказать, что ты меня убедил, но сейчас мне нечем опровергнуть твои доводы. Значит, будем пока считать их верными. Итак, что ты собираешься предпринять? Что ты можешь сделать?

Он сделал ударение на слове «можешь».

Язон начал перечислять, загибая пальцы:

— Во-первых, мне нужно место, где бы я мог жить и работать, хорошо защищенное место. Чтобы я мог заняться этим делом, и не тратить всю энергию только на то, чтобы выжить. Во-вторых, мне нужен человек, который помогал бы мне и в то же время был моим телохранителем. Хорошо бы кто-нибудь посмышленее, чем мой теперешний сторож. Мне кажется, лучше всех для этого подходит Мета.

— Мета?— удивился Керк.— Она космонавт и оператор защитных экранов, что она тут может сделать?

— Очень много. Она знакома с другими мирами и способна — в какой-то мере — взглянуть на вещи под другим углом зрения. И она знает о Пирре не меньше любого другого взрослого пиррянина, так что сможет ответить мне на любой вопрос.

Язон улыбнулся и добавил:

— Наконец, она симпатичная девушка, мне приятно ее общество.

Керк фыркнул.

— Я все ждал, назовешь ли ты эту причину. Но остальные доводы достаточно веские, так что не буду спорить. Подберу замену для Меты и вызову ее сюда. В городе найдется достаточно надежных зданий, выбирай любое.

Керк переговорил с одним из своих помощников, потом отдал по визифону необходимые распоряжения. Язон с интересом следил за всей этой процедурой.

— Извини, что спрашиваю,— сказал он наконец.— Ты что, здешний диктатор? Стоит тебе щелкнуть пальцами, и все прыгают.

— Пожалуй, так может показаться, — согласился Керк. — Но это только видимость. На Пирре нет абсолютного властелина, но и демократической системы нет. Населения-то у нас всего на хорошую дивизию наберется. Каждый выполняет ту работу, для которой он лучше всего годится. Различные отрасли деятельности подчинены управлениям, во главе управления стоит самый квалифицированный человек. Я руковожу координацией и снабжением, у нас очень широкое поле деятельности. Мы, так сказать, стыкуем между собой все управления и ведем дела с другими планетами.

Вошла Мета и обратилась к Керку, не глядя на Язона.

— Меня сняли с вахты и послали сюда. В чем дело? Расписание изменилось?

— Если хочешь, да,— ответил Керк.— С этой минуты ты освобождаешься от всех своих прежних обязанностей и приписываешься к новому управлению, которое будет заниматься исследованием и расследованием. Возглавлять управление будет вот этот задохлик.

— Что такое? Чувство юмора?— сказал Язон.— Первый случай на Пирре. Поздравляю, еще не все надежды потеряны.

Мета быстро перевела взгляд с одного на другого.

— Не понимаю. Не может быть. Новое управление — зачем?

Она заметно нервничала.

— Извини,— ответил Керк.— Не обижайся на меня. Я просто хотел, чтобы ты чувствовала себя проще. Но, по сути, все так и есть. Похоже, что Язон может оказать серьезную услугу Пирру. Ты согласна ему помочь?

Мета уже овладела собой. И слегка рассердилась.

— Я должна? Это приказ? Ты знаешь, у меня хватает работы. И уж тебе-то известно, что она будет поважнее всего, что может придумать какой-то инопланетник. Он никогда не поймет...

— Да. Это приказ,— оборвал ее Керк.

Мета вспыхнула.

— Может быть, я объясню,— вступил Язон.— Тем более что это моя затея. Но сперва выполни мою просьбу. Вынь обойму из пистолета и отдай ее Керку, хорошо?

На лице Меты отразилось недоверие, но Керк кивком подтвердил свое согласие.

— Это всего на несколько минут, Мета,— сказал он.— Я ведь вооружен, так что тебе тут ничто не грозит. Я догадываюсь, о чем пойдет речь, и думаю, что он прав. По себе убедился...

Мета неохотно рассталась с обоймой и вынула патрон из ствола. Лишь после этого Язон приступил к делу.

— У меня есть гипотеза по поводу пиррянских организмов, и боюсь, эта гипотеза может поколебать кое-какие иллюзии. Прежде всего надо

признать тот факт, что ваш народ постепенно проигрывает войну и в конце концов всех ждет полное истребление...

Он не договорил: пистолет Меты смотрел ему прямо в лоб, и ее палец яростно щелкал курком. Лицо девушки выражало предельное отвращение и ненависть. Какие ужасные вещи он говорит! Что война, которой они целиком себя посвятили, уже проиграна!..

Керк обнял ее за плечи и усадил на стул, пока она не натворила чего похуже. Прошло несколько минут, прежде чем Мета успокоилась настолько, что могла продолжать слушать Язона. Не так-то легко человеку видеть, как рушится система представлений, впитанных им за много лет. Только тот факт, что она побывала на других планетах и что-то повидала, помогал ей сдерживать себя.

И все-таки глаза Меты еще сверкали бешенством, когда Язон кончил излагать ей то, что уже говорил Керку. Она вся напряглась, и казалось, лишь руки Керка не дают ей броситься на Язона.

— Понятно, с одного раза это трудно переварить,— заключил Язон.— Скажем проще. Мне кажется, что мы можем установить причину такой лютой ненависти к человеку. Может быть, наш запах виноват. И мы придумаем настой из пиррянских жуков — натерся и выходи, ничего не бойся. Пока что мы не знаем ответа. Но как бы то ни было, этот вопрос нужно расследовать. Керк со мной согласен.

Мета посмотрела на Керка, он кивнул. Плечи ее поникли, она сдалась.

— Я... нет, я не могу сказать, что согласна с тобой,— прошептала она.— Я даже не все поняла. Но я помогу тебе. Если Керк считает, что так надо.

— Да, считаю,— подтвердил он.— Ну как, можно вернуть тебе обойму? Больше не будешь стрелять в Язона?

— Я вела себя глупо,— сухо произнесла Мета, перезаряжая свое оружие.— Зачем мне пистолет? Если понадобится убить его, я могу сделать это голыми руками.

— Я тоже тебя люблю,— улыбнулся Язон.— Ну, пошли... Ты готова?

— Конечно.— Она убрала со лба локон.— Сперва найдем место, где ты сможешь жить. Это я беру на себя. А работа нового управления — это уже твое дело.

ГЛАВА X

Они спустились по лестнице, не говоря ни слова. Выйдя на улицу, Мета с каким-то изощренным злорадством разнесла выстрелом птицу, которая им совсем не угрожала. Язон решил не корить ее за напрасную трату боеприпасов. Пусть лучше стреляет по птицам, чем по нему.

В здании одного из вычислительных центров нашлись свободные помещения. Все здания такого рода наглухо запирались, чтобы никакие твари случайно не добрались до тонкой аппаратуры. Мета пошла искать койку, а Язон, напрягая все силы, перетащил из пустующей канцелярии в облюбованную им комнату конторку, стол и стулья. Когда Мета вернулась с надувным матрацем, он сразу плюхнулся на него и облегченно вздохнул. Она скривила губы, глядя на такое явное проявление немощности.

— Тебе придется привыкать,— сказал он.— Я собираюсь работать по преимуществу в горизонтальном положении. Ты будешь моей сильной

правой рукой. А теперь, Правая Рука, раздобыла бы ты чего-нибудь поесть. Кстати, есть я тоже предпочитаю в уже упомянутой позе.

Мета возмущенно фыркнула и вышла. Пока она ходила за едой, Язон задумчиво пожевал конец ручки, потом не спеша сделал кое-какие записи.

Управившись с безвкусной трапезой, он приступил к делу.

— Мета, ты не знаешь, где хранятся исторические архивы? Всякая там информация о первой поре освоения Пирра.

— Я никогда не слышала о таких вещах. Не знаю даже...

— Что-то где-то должно быть,— настаивал он.— Это теперь все время и все силы вашего общества обращены на борьбу за существование, но ведь не всегда было так. Уверен, что прежде люди вели какие-то записи, регистрировали события. Где будем искать? Есть у вас какая-нибудь библиотека?

— Конечно,— ответила она.— Есть прекрасная техническая библиотека. Но я уверена, что там нет ничего подобного.

Язон поднялся, стараясь не охать.

— Ладно, я уж как-нибудь разберусь. Показывай дорогу.

Библиотека была полностью автоматизирована. Индекс-проектор позволял быстро находить шифр нужного текста. Лента поступала на стол выдачи через полминуты после того, как читатель набирал номер. Использованные записи опускались в приемное гнездо и автоматически возвращались на место. Весь механизм работал безотказно.

— Великолепно,— заключил Язон, отрываясь от проектора.— Образец технического совершенства. Да только здесь нет ничего для нас. Сплошные выдержки из справочников и учебников.

— А что еще может быть в библиотеке?— Мета была искренне удивлена.

Язон начал было объяснять, но передумал.

— Ладно, об этом после,— сказал он.— Сейчас не время. Сейчас нам нужно отыскать какую-нибудь нить. Могут быть в библиотеке ленты или, скажем, печатные книги, которые не внесены в индекс?

— Не думаю, но мы можем спросить Поли. Он заведует библиотекой и живет где-то здесь же. Регистрирует новые поступления, следит за аппаратурой.

Единственная дверь, ведущая в задние комнаты, была заперта, и, сколько Язон ни стучал, никто не отзывался.

— Если он жив, сейчас покажется,— сказал Язон и нажал кнопку неисправности на пульте управления.

Это подействовало. Не прошло и пяти минут, как дверь отворилась и появился Поли.

Обычно смерть не мешкала на Пирре. Стоило человеку утратить хотя бы часть подвижности из-за каких-нибудь ранений, как вездесущие враги быстро довершали дело. Поли был исключением из правила. Противник, который некогда добрался до него, потрудился на совесть. Нижней части лица у Поли практически не осталось. Изуродованная левая рука бездействовала. Ноги были так искалечены, что он с трудом передвигался. Но он сохранил одну руку и зрение и мог работать в библиотеке, заменяя полноценного человека.

Никто не знал, сколько лет этот калека елозил по библиотечным коридорам. Несмотря на муку, которой были исполнены его красные, слезящиеся глаза, он продолжал жить. Жить и стариться: такого старика Язон еще не видел на Пирре.

Поли доковылял до пульта и отключил вызвавший его сигнал тревоги. Язон принялся объяснять, в чем дело, но старик никак не реагировал. Когда он извлек откуда-то из складок своей одежды слуховой аппарат, Язон понял, что библиотекарь ко всему еще и глухой. Он повторил, зачем пришел. Поли кивнул и написал на дощечке ответ:

«Старые книги есть. Хранятся в подвалах».

Большую часть здания занимали библиотечные автоматы. Язон и Мета проследовали вдоль них за старым библиотекарем до запертой двери в дальнем конце главного зала. Поли указал на дверь. Пока Мета и Язон сражались с приржавевшими засовами, он написал на дощечке:

«Много лет не открывали. Крысы».

Рефлекс сработал безотказно: тотчас в руках у Язона и Меты появились пистолеты.

Язон один завершил поединок с дверью. Оба пиррянина в это время стояли наготове — и слава богу: он ни за что не управился бы в одиночку с волной нечисти, которая хлынула в проем.

Ему даже не пришлось самому отворять створку. Скрип засовов явно привлек всех хищных тварей, расплодившихся в подполе. Едва Язон снял последний засов и нажал ручку, как дверь распахнули с той стороны.

Откройте ворота в ад и посмотрите, что оттуда полезет... Стоя плечом к плечу, Мета и Поли вели огонь по омерзительному месиву; Язон отскочил в сторону и добивал уцелевших тварей. Казалось, этой бойне не будет конца.

Прошло немало минут, прежде чем последнее когтистое чудовище совершило свой предсмертный прыжок. Мета и Поли продолжали стоять и ждать с горящими глазами. Они упивались возможностью сеять смерть. А Язона мутило после этого немого свирепого штурма, отражая который оба пиррянина сами уподобились свирепым бестиям.

На щеке у Меты была глубокая царапина — след когтя. Сама она никак не реагировала на рану, тогда Язон выхватил аптечку и направился к ней в обход груды отвратительных тел. Что-то зашевелилось у его ног, и в ту же секунду грянул выстрел. Подойдя к девушке, он прижал к царапине анализатор. Аппарат щелкнул, и Мета дернулась. Лишь когда ее уколола игла с противоядием, до нее дошло, что делает Язон.

— Спасибо, я и не заметила. Их было так много, и они вырвались так стремительно.

У Поли был с собой сильный фонарь. С молчаливого согласия пиррянина, Язон вооружился этим фонарем; старик, хотя и искалеченный, лучше его управлялся с пистолетом. Они начали медленно пробираться вниз по ступенькам, заваленным всяким хламом.

— Ну и вонь!— Язон скривился.— Если бы не фильтры в ноздрях, наверно, один запах убил бы меня.

Что-то мелькнуло в луче света, выстрел подсек какую-то тварь в прыжке. Крысы давно обжили подвал и не хотели мириться с вторжением.

Спустившись в подвал, они посмотрели по сторонам. Да, тут, несомненно, хранились книги и магнитозаписи. Когда-то. Потому что после многолетней систематической обработки острыми зубами от них ничего не осталось.

— Хорошо вы храните свои старые книги,— негодующе произнес Язон.— Только не приходите ко мне и не просите что-нибудь почитать.

— Это были бесполезные книги,— холодно заметила Мета.— Иначе их хранили бы, как положено, в библиотеке наверху.

Язон мрачно переходил из помещения в помещение. Ничего стоящего... Одни лишь клочки да обрывки. И такие разрозненные, что собирать бесполезно, ничего связного не составишь. Носком бронированного башмака он сердито пнул кучу мусора. Мелькнуло что-то вроде ржавого металла.

— Ну-ка подержи!

Он передал фонарь Мете и, позабыв об опасности, принялся разгребать мусор. Показался плоский металлический ящик с буквенным замком.

— Это же бортовой журнал!— удивленно воскликнула Мета.

— Я так и подумал,— отозвался Язон.— И если ты не ошиблась, может оказаться, что мы трудились не зря.

ГЛАВА XI

Они заперли наглухо подвал и отнесли металлический ящик в контору Язона. Обрызгали его дезинфицирующим раствором и только потом приступили к осмотру. Мета первая заметила выгравированные на крышке буквы.

— «М. Т. ПОЛЛУКС ВИКТОРИ»... Это, должно быть, название корабля. Но я не вижу, какого класса корабль. И что означают буквы «М. Т.»?

— «Межзвездный Транспорт», — объяснил Язон, принимаясь за замок.— Я только слышал о них, а видеть не пришлось. Их строили во время последней волны галактической экспансии. Собственно, это были всего лишь огромные металлические контейнеры. Их собирали в космосе, загружали людей, аппаратуру, снаряжение и буксировали к той или иной планетной системе. Разовые ракеты и те же буксиры тормозили «М. Т.» для посадки. Транспорт оставался на планете. Корпус был готовым источником металла, поселенцы могли сразу же приступать к созиданию нового мира. Ведь транспорты были гигантские. Каждый вез не меньше пятидесяти тысяч человек.

Произнеся эту фразу, Язон вдруг сообразил, что из нее вытекает. Он взглянул на побледневшее лицо Меты. Да, да... Теперь на Пирре меньше людей, чем было, когда создавалась колония.

А ведь население, если не ограничивать рождаемость, обычно растет в геометрической прогрессии. Язон вспомнил привычку Меты чуть что хвататься за пистолет и поспешил добавить:

— Но мы не знаем точно, сколько народу было на этом корабле. Не знаем даже, в самом ли деле это журнал корабля, который доставил первых поселенцев. Ты не придумаешь, чем открыть эту штуку? А то крышка совсем приржавела.

Мета выместила свою ярость на ящике. Под нажимом ее пальцев край крышки подался, она нажала еще сильнее, металл заскрипел, ржавые петли лопнули, крышка слетела, и на стол со стуком упала тяжелая книга. Надпись на обложке положила конец всем сомнениям.

«Бортовой журнал «М. Т. Поллукс Виктории». Маршрут Сетани — Пирр. На борту 55 тысяч переселенцев».

Тут уже не поспоришь... Сжав кулаки, Мета через плечо Язона читала записи на пожелтевших, хрупких листах. Он быстро пролистал первые страницы, на которых рассказывалось о приготовлениях к рейсу и о перелете до Пирра. Наконец он дошел до посадки и стал читать внимательнее, взволнованный словами, дошедшими до них из глубины веков.

— Вот! — крикнул Язон.— Доказательство того, что мы идем по верному следу. Даже тебе придется это признать. Читай, вот здесь.

«...второй день, как ушли буксировщики и мы полностью предоставлены сами себе. Колонисты еще не освоились на новом месте, хотя каждый вечер проводятся специальные беседы. Да и можно ли упрекать людей, которые жили в подземных городах Сетани и видели солнце от силы раз в год. Здесь солнца хватает, а такого ветра я не встречал нигде, хотя побывал на сотне планет. Может быть, я допустил ошибку при разработке плана и надо было настоять на вывозе людей с какой-нибудь из аграрных планет? Людей, привычных к вольному воздуху? Эти горожане с Сетани дождя боятся. Правда, на своей планете они росли при полуторной силе тяжести, так что им легче привыкнуть к здешней двойной. Этот фактор сыграл решающую роль. Как бы то ни было, теперь поздно переигрывать. И с этими бесконечными ливнями, снегом, градом, ураганами тоже ничего не поделаешь. Надо скорее пускать рудники, продавать металл и строить закрытые города.

Всё на этой злополучной планете против нас — всё, кроме животных. Правда, в первые дни появилось несколько крупных хищников, но часовые быстро с ними расправились. Остальные звери нас не беспокоят. И на том спасибо! Они тут ведут такую жестокую борьбу за существование, что я еще не видел более устрашающих тварей. Даже самые маленькие грызуны, длиной с ладонь, вооружены не хуже танка...»

— Не верю ни одному слову,— вдруг сказала Мета.— Это написано не про Пирр...

Она не договорила: Язон молча ткнул пальцем в надпись на обложке.

Он стал листать дальше, пробегая страницы глазами. Одно предложение заставило его задержаться, и Язон прочел вслух, ведя пальцем вдоль строчек:

— «...все больше осложнений. Во-первых, Хар Пало выдвинул гипотезу, будто злаки растут так хорошо потому, что почва теплая от близости магмы. Даже если это так, что мы можем поделать? Мы должны сами себя всем обеспечивать, если хотим выжить. А тут еще новость. Похоже, что лесной пожар гонит в нашу сторону животных, с какими мы раньше не встречались. Звери, насекомые, даже птицы нападают на людей. (Обратить внимание Хара: проверить, не связано ли это с сезонными миграциями.) Уже четырнадцать человек погибло от ран и отравления. Надо будет строго-настрого приказать всем постоянно пользоваться репеллентами от насекомых. А для защиты от крупных животных придется, пожалуй, обнести лагерь защитной стеной».

— Отсюда все и пошло.— сказал Язон.— Что ж, теперь мы хоть знаем, в чем дело. Конечно, от этого нам будет не легче справиться с Пирром. И здешние звери не станут менее опасными оттого что мы узнали, что в прошлом они лучше ладили с людьми. Пока что мы, можно сказать, только докопались до сути. Что-то воздействовало на миролюбивые организмы, распалило их и превратило всю планету в сплошной капкан для людей. Теперь надо выяснить, что же это было.

ГЛАВА XII

Дальнейшее чтение ничего существенного не добавило. В журнале содержались дополнительные данные об исконной фауне и флоре, об их опасности для людей, о первых мерах защиты. Сведения, интересные

в историческом плане, но практической пользы от них никакой. Капитану явно не приходило в голову, что пиррянские организмы изменяются, он думал, что колонисты открывают все новые виды. Ему так и не довелось пересмотреть свои взгляды. Последняя запись, сделанная меньше чем через два месяца после первого конфликта, была очень короткой. И писала уже другая рука.

«Капитан Курковски умер сегодня после укуса ядовитым насекомым. Все сожалеют о его гибели».

Причину такой нелюбви планеты к человеку еще предстояло выяснить.

— Надо показать эту книгу Керку,— сказал Язон.— Он, наверное, знает, что было потом. Можно на чем-нибудь доехать или мы пойдем в ратушу пешком?

— Пешком, конечно,— ответила Мета.

— Тогда ты неси книгу. При двух G мне трудновато быть джентльменом.

В ту самую минуту, когда они вошли в канцелярию Керка, из визифона вырвался пронзительный крик. Язон не сразу разобрал, что это не голос человека, а механический сигнал.

— Что случилось?— спросил он.

Керк выскочил из своей канцелярии и ринулся к выходу. Остальные сотрудники последовали за ним. Мета в замешательстве посмотрела на дверь, потом на Язона.

— В чем дело? Ты можешь мне ответить?— Он дернул ее за руку.

— Секторальная тревога. Периметр прорван. Все должны явиться к месту прорыва, кроме часовых на других участках периметра.

— Ну так иди,— сказал Язон.— За меня не беспокойся. Как-нибудь перебьюсь.

Его слова подействовали как спусковой крючок. Он еще не договорил, а Мета с пистолетом в руке уже исчезла за дверью. Язон устало опустился на стул в безлюдной канцелярии.

Неестественная тишина в здании начала действовать ему на нервы, тогда он пододвинулся вместе со стулом к визифону, повернул переключатель, и аппарат буквально взорвался красками и звуками. Поначалу Язон ничего не мог разобрать. Какой-то хаос лиц и голосов... Аппарат был многоканальный, военного образца. На экран поступало изображение сразу с нескольких камер, и было видно, где ряды голов, где смазанный фон. И так как головы говорили одновременно, понять что-либо было невозможно.

Рассмотрев все ручки и немного поэкспериментировав с ними, Язон понял принцип действия аппарата. Хотя видеосигналы всех передающих станций одновременно поступали на экран, звуковые каналы поддавались отстройке. Две, три или больше станций могли соединиться в сети, участники которых разговаривали между собой, не теряя при этом связи и с другими.

Звук автоматически привязывался к изображению. Когда кто-то говорил, его изображение окрашивалось в пунцовый цвет. Оперируя методом проб и ошибок, Язон выделил интересующие его звуковые каналы и попробовал разобраться в ходе баталии.

Он быстро уразумел, что бой идет нешуточный. Каким-то образом — как именно, из отрывочных реплик нельзя было понять — оборонительный пояс был прорван, и теперь аварийные отряды заделывали брешь. Судя по всему, руководил операцией Керк; во всяком случае, только у него был циркулярный передатчик, позволяющий включаться в любую сеть.

Время от времени звучали его команды; тогда мозаика маленьких лиц как бы таяла, вытесняемая большим, во весь экран, изображением Керка.

— Всем постам направить двадцать пять процентов личного состава на участок двенадцать.

Снова появились маленькие лица, нестройный гул голосов усилился, то одно, то другое лицо загоралось пунцовым огнем.

— ...очистить первый ярус, радиус кислотных бомб недостаточен.

— Если останемся здесь, будем отрезаны, на западном фланге нас уже обходят. Просим подкреплений.

— БРОСЬ, МЕРВ... ЭТО БЕЗ ТОЛКУ!

— ...напалм уже на исходе. Какие будут приказания?

— Транспортер уже здесь, живо на склад, там найдете...

Из всего речевого сумбура только две последние реплики прозвучали осмысленно для Язона. Он помнил надписи у входа в здание и знал, что оба первых этажа заняты под склад боеприпасов. «Кажется, мой выход»,— сказал он себе.

Сидеть и смотреть сложа руки было невыносимо. Тем более когда шла такая отчаянная схватка. Язон не переоценивал своих возможностей, однако не сомневался, что и его пистолет будет не лишним.

Когда он дотащился до первого этажа, на улице у грузовой платформы уже стоял турбомобиль. Два пиррянина поспешно выкатывали со склада бочки с напалмом, нисколько не думая о своей безопасности. Язон не отважился нырнуть в этот водоворот катящегося металла. Он смекнул, что от него будет гораздо больше проку, если он возьмется кантовать тяжелые бочки в кузове. Пирряне восприняли его помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ворочать свинцовые бочки, борясь с двойным тяготением,— адский труд... Кровь стучала в висках, глаза застилала багровая мгла. Язон работал вслепую, и что дело сделано, понял лишь после того, как транспортер вдруг рванулся вперед и его бросило на дно кузова. Он остался лежать между бочками, тяжело дыша. Водитель гнал тяжелую машину полным ходом, и Язона мотало во все стороны. К тому времени, когда они достигли зоны боя и круто затормозили, в глазах у него немного прояснилось, но отдышаться он еще не успел.

Его взгляду представился сплошной сумбур. Стрельба, языки пламени, со всех сторон бегущие мужчины и женщины. Напалм сгрузили без его участия, и транспортер тотчас укатил за новой партией. Прислонившись к стене полуразрушенного здания, Язон попробовал разобраться, что к чему. Это было невозможно. Кругом кишели какие-то мелкие твари, он убил двух, которые пытались его атаковать. В остальном ход битвы оставался для него непонятным.

Рядом с собой он увидел пиррянина с бледным от боли и напряжения лицом. Правая рука его с зияющей рваной раной, которую кто-то обработал специальным раствором, безвольно повисла. В левой руке он держал пистолет с обрывком провода. Язон подумал, что раненый ищет, кто бы мог его перевязать. Он ошибся.

Стиснув пистолет зубами, пиррянин захватил здоровой рукой бочку с напалмом и повалил ее на бок. Потом снова взял в руку пистолет и начал катить бочку по земле ногами. Она плохо поддавалась, но раненый не хотел выходить из боя.

Язон протиснулся к нему между снующими людьми и наклонился над бочкой.

— Дай-ка я буду катить,— сказал он.— А ты прикрывай меня пистолетом.

Пиррянин вытер рукой пот со лба и присмотрелся к Язону. Казалось, он его узнал. Во всяком случае, он улыбнулся; правда, улыбка была безрадостная, больше похожая на гримасу боли.

— Ладно, кати, я еще могу стрелять. Два полчеловека — вместе, пожалуй, выйдет боец.

Язон уже сражался с бочкой, и ему было не до того, чтобы обижаться.

Улица впереди была разворочена взрывом. Два человека трудились на дне воронки, углубляя ее лопатами. Язон не понимал, зачем это нужно. В ту самую минуту, когда он подкатил бочку к яме, оба пиррянина выскочили из нее и открыли огонь, целясь вниз. Один из стреляющих оказался совсем юной девушкой лет одиннадцати-двенадцати.

— Спасибо периметру!— выдохнула она.— Давайте напалм. Одно из новых чудовищ пробивается на участок тринадцать, мы только что его обнаружили.

Говоря, она развернула бочку, сшибла пробку, и студенистое вещество потекло в яму. Не дожидаясь, когда все вытечет, девушка столкнула бочку в воронку. Ее товарищ сорвал с пояса осветительную ракету и швырнул следом.

— Назад, живо!— крикнул он.— Они не любят тепла.

Это было очень мягко сказано. Напалм вспыхнул, вверх взметнулись языки коптящего пламени, заклубился дым. Земля под ногами Язона заколыхалась, среди огня возникло что-то длинное, черное и изогнулось в воздухе у них над головой. Окруженное пеклом чудовище как-то странно дергалось. Оно было огромное, толщина не меньше двух метров, а о длине можно было догадываться по тому, как дыбился и трескался асфальт на полсотни метров по обе стороны воронки. Пламя не укротило его, только придало еще больше ярости. Петля за петлей появлялась из-под земли. Следуя примеру других, Язон начал стрелять по извивающемуся телу, но пули не производили никакого видимого действия.

Со всех сторон прибывало подкрепление, люди несли разное оружие, но всего эффективнее оказались минометы и огнеметы.

— Освободить участок, открываем массированный огонь! Отходи!

Голос прозвучал так громко, что у Язона зазвенело в ушах. Он повернулся и увидел Керка, который привел транспортеры с оружием. На спине у пиррянина висел рупор, микрофон торчал перед ртом. Подчиняясь команде, толпа бросилась в сторону.

Язон растерялся. Освободить участок? Какой участок? Он рванулся было к Керку, но вдруг увидел, что все бегут в противоположную сторону. Да как бегут!

Язон остался в одиночестве посреди улицы, чувствуя себя совсем беззащитным. Все остальные исчезли. Нет, не все. Раненый, которому он помог справиться с бочкой, приближался, размахивая здоровой рукой. Язон не мог разобрать, что он говорит. Керк опять что-то командовал, стоя на транспортере. Машины тронулись с места. Язон понял, что надо пошевеливаться, и сделал несколько шагов.

Поздно. Земля вспучилась сразу со всех сторон, из трещин петля за петлей выбиралась наружу невиданная тварь. Спасение было впереди, но на пути к нему изогнулась в воздухе облепленная землей серая арка.

Иногда секунды кажутся вечностью. Субъективное время вдруг бесконечно растягивается. Сейчас был как раз такой случай. Язон застыл на месте. Даже дым в небе словно окаменел. Прямо перед собой Язон отчетливо видел странную петлю — часть чужеродного организма. Видел все до мельчайших подробностей.

Толстое тело, серое и шершавое, будто старое дерево. С множеством извивающихся по-змеиному длинных белесых отростков. С виду растение, а двигается как животное... И оно лопается, трескается! Это было самое ужасное.

Появились какие-то трещины, отверстия. Словно разинутые пасти, они изрыгали полчища мертвенно белых тварей, которые издавали пронзительный визг на грани слышимых частот. Он увидел страшные челюсти с множеством острейших клыков.

Ужас встречи с неведомым сковал руки и ноги Язона. Он приготовился умереть. Керк орал ему что-то громовым голосом в мегафон, по атакующему чудовищу непрерывно стреляли, а Язон стоял словно в забытьи.

Вдруг чье-то твердое, как камень, плечо сильно толкнуло его вперед. Это был раненый пиррянин, он все еще рассчитывал выручить Язона. Держа пистолет зубами, он здоровой рукой потащил Язона за собой. Прямо на чудовище. Стрельба на время прекратилась. Другие пирряне поняли его замысел.

Под изогнувшейся в воздухе петлей образовался большой просвет. Пиррянин уперся как следует ногами, весь напрягся, рывком оторвал Язона от земли и буквально швырнул его в проход под живой аркой. Извивающиеся щупальца обожгли лицо Язона, в следующую секунду он уже катился по земле по ту сторону петли. Раненый пиррянин прыгнул следом за ним.

Он опоздал. Обстановка позволяла спастись только одному. И пиррянин, вместо того чтобы использовать этот единственный шанс, протолкнул вперед Язона. Щупальца, которые задел Язон, передали сигнал в мозг чудовища, оно опустилось и накрыло пиррянина. Он пропал из виду, весь облепленный белесыми тварями. Но пистолет-автомат продолжал стрелять еще долго после того, как человек заведомо был мертв.

Язон встал на четвереньки и пополз. Несколько клыкастых бестий бросились к нему, но были подстрелены. Он этого не видел. Чьи-то сильные руки грубо поставили его на ноги и дернули. Он ударился о борт транспортера и увидел разъяренное лицо Керка. Могучая пятерня схватила его за грудь, оторвала от земли и безжалостно встряхнула, словно кучу тряпья. Язону оставалось лишь молча терпеть и ждать, чем это кончится.

Керк не убил Язона, только отшвырнул в сторону. Кто-то другой подобрал его и забросил в кузов. Он еще был в сознании, когда машина рванула с места, но у него не было сил двигаться. Ничего, сейчас всё пройдет, и он сядет. Он просто устал немного, вот и все... Здесь течение его мыслей оборвалось.

ГЛАВА XIII

— Совсем как в давние времена,— приветствовал Язон входящего в комнату Бруччо.

Пиррянин молча подал Язону и другим раненым еду и вышел.

— Спасибо!— крикнул ему вдогонку Язон.

Шутка, улыбка, все как положено. Вот только губы словно чужие. Как будто их налепили, и они говорят и улыбаются сами по себе. И внутри все онемело. Мышцы не слушались, а перед глазами стояла одна и та же картина: живая арка, которая обрушивалась на однорукого пиррянина и оплетала его миллионами жгучих щупалец.

Язон представлял себя на месте погибшего. Ведь по справедливости он должен был там остаться... Он машинально очистил тарелку.

Эта мысль преследовала его с того самого утра, когда он пришел в сознание. Это он должен был умереть там, на перенаханной битвой улице. Он должен был расплатиться жизнью за то, что возомнил, будто может чем-то помочь сражающимся пиррянам. А он только путался под ногами и мешал. Если бы не Язон, сейчас здесь лечился бы тот раненый пиррянин. Он занимает чужое место.

Место человека, который отдал свою жизнь за Язона.

Человека, которого он даже не знал по имени.

В еду было подмешано что-то снотворное. Тампоны высасывали саднящую боль из ожогов на лице, там, где его полоснули щупальца. Когда Язон проснулся опять, он мог уже мыслить более здраво.

Другой человек умер, чтобы он мог жить. От этого никуда не уйдешь. При всем желании погибшего не вернешь к жизни. Значит, надо сделать так, чтобы его смерть была не напрасной. В той мере, в какой вообще смерть человека может считаться оправданной... Ну вот, опять о том же! Хватит.

Язон знал, что он должен делать. Теперь его поиск приобретает еще большее значение. Если он решит загадку этого свирепого мира, он вернет тем самым часть своего долга.

Язон сел, тотчас голова закружилась так, что он машинально ухватился руками за край кровати. Прошло несколько минут, прежде чем головокружение унялось. Остальные раненые даже не смотрели на него, когда он медленно, кривясь от боли, начал одеваться. Вошел Бруччо, увидел, чем он занят, и молча вышел.

Одевание затянулось надолго, наконец он управился. Когда Язон вышел из комнаты, за дверью его ожидал Керк.

— Керк, я хочу тебе сказать...

— Не говори мне ничего!— Голос Керка громом раскатился по коридору.— Говорить буду я. Ты выслушаешь меня, и на этом разговор будет окончен. Мы не желаем больше видеть тебя на Пирре, Язон динАльт, мы не нуждаемся ни в тебе, ни в твоих премудрых суждениях постороннего. Один раз тебе с твоим лживым языком удалось меня убедить. Я помог тебе за счет более важных дел. Я должен был раньше сообразить, куда заведет твоя пресловутая логика. Теперь я увидел это воочию. Велф умер, чтобы ты мог жить. А он стоил двоих таких, как ты.

— Велф? Его звали Велф?— неловко спросил Язон.— Я не знал...

— Ты не знал.— Зубы Керка обнажились в презрительной гримасе.— Ты даже не знал его имени, а он умер, чтобы ты мог и дальше влачить свое жалкое существование.

Керк сплюнул, словно ему попала в рот какая-то дрянь, и зашагал к выходу. Потом вспомнил что-то и повернулся к Язону.

— Ты будешь здесь, в изоляторе, пока не придет корабль. Через две недели ты покинешь эту планету и никогда больше не вернешься. А если вернешься, я убью тебя на месте. С большим удовольствием.

Он вошел в переходную камеру.

— Постой!— крикнул Язон.— Так нельзя. Ты еще не видел того, что я нашел. Спроси Мету...

Дверь захлопнулась, и Керк исчез.

Черт знает что. Бессильное отчаяние сменилось яростью. С ним обращаются как с несмышленым ребенком, ни во что не ставят важное открытие, которое он сделал.

Язон обернулся и увидел Бруччо.

— Ты слышал?— спросил он.

— Да. И я с ним полностью согласен. Считай еще, что тебе повезло.

— Повезло!— Язон окончательно рассвирепел.— В том, что ко мне относятся как к малолетнему недоумку, что моих усилий не принимают всерьез...

— А я говорю: повезло,— перебил его Бруччо.— У Керка из всех сыновей только Велф и остался. Керк возлагал на него большие надежды, готовил его себе в преемники.

Бруччо повернулся, чтобы уходить, но Язон окликнул его.

— Погоди. Мне очень горько, что Велф погиб. Независимо от того, что́ ты мне сейчас сказал. Но теперь мне понятно, почему Керку не терпится меня выпроводить. Вместе с материалами, которые я нашел. Бортовой журнал...

— Знаю, видел я его. Мета приносила. Очень интересный исторический документ.

— И это все, что ты можешь о нем сказать? Исторический документ... А суть перемены, которая произошла с планетой, до тебя не дошла?

— Дошла,— сухо ответил Бруччо.— Но я не вижу, при чем тут сегодняшний день. Прошлого не переделать, а мы боремся в настоящем, и все наши силы уходят на эту борьбу.

Все, все впустую, прямо хоть вой... Куда ни повернись, сплошное безразличие.

— Ты же умный человек, Бруччо, и, однако, видишь не дальше собственного носа. Наверно, с этим ничего не поделаешь. Ты и все остальные пирряне — супермены на земную мерку. Свирепые, беспощадные, несокрушимые, с молниеносной реакцией. Живучие, как кошки. Из вас получились бы бесподобные техасские рейнджеры, канадские конные патрули, разведчики болот Венеры — любые из мифических героев далекого прошлого. И по-моему, именно там ваше место, в прошлом. На Пирре человек находится в условиях, которые требуют максимума от его мышц и рефлексов. Но ведь это тупик. Мозг вывел человека из пещер и открыл ему путь к звездам. Если опять впереди мозга поставить мышцы, мы вернемся к пещерному уровню. В самом деле, кто вы, пирряне, если не племя троглодитов, которые бьют зверей по голове каменными топорами? Вы когда-нибудь задумываетесь над тем, для чего вы тут живете? Что делаете? Куда идете?

Язон остановился, чтобы перевести дух. Бруччо задумчиво потер подбородок.

— Пещеры?— повторил он.— Где ты видел у нас пещеры и каменные топоры? Я тебя совсем не понимаю.

Можно ли тут сердиться, раздражаться? Язон открыл рот, хотел ответить, но вместо этого рассмеялся. Это был невеселый смех. Он устал спорить с этими пиррянами. Это как об стену горох. Они мыслят только в настоящем. Прошлое и будущее для них неизменимо и непознаваемо, а потому не представляет никакого интереса.

— Как идет бой на периметре?— спросил он, переводя разговор на другое.

— Окончен. Во всяком случае, подходит к концу.

И Бруччо принялся с жаром показывать стереофотографии врага, не замечая, что Язон с трудом подавляет отвращение.

— Это был самый серьезный прорыв за много лет, но мы вовремя его засекли. Жутко подумать, что было бы, опоздай мы на неделю-другую.

— А что это за твари?— спросил Язон.— Какие-нибудь гигантские змеи?

— Не говори вздора,— фыркнул Бруччо и постучал ногтем по снимку.— Корни. Только и всего. Сильно видоизмененные, конечно, но все равно корни. Задумали пробраться под периметром, такого глубокого подкопа еще никогда не было. Сами-то по себе они не опасны, подвижность очень маленькая. Обруби такой корень — долго не проживет. А вся опасность в том, что они служили как ходы для штурма. Каждый корень внутри испещрен ходами, в них живут два или три вида животных, своего рода симбиоз. Теперь, когда мы в них разобрались, будем начеку. А вот если бы они подрыли весь периметр и атаковали сразу со всех сторон, тогда нам пришлось бы худо.

Предельные условия. Жизнь на краю вулкана, грозящего всех истребить. Пирряне рады каждому прожитому дню. Видно, их уже не переделаешь. Язон не стал продолжать разговор. Забрав в комнате Бруччо бортовой журнал корабля «Поллукс Виктори», он отнес его к себе. Соседи по палате не замечали его. Он лег и открыл журнал на первой странице.

Два дня Язон не выходил из палаты. Раненые быстро поправлялись, он остался один и внимательно читал страницу за страницей, пока не изучил во всех подробностях историю освоения Пирра. Кипа заметок и выписок быстро росла. Он вычертил карту первоначального поселения и наложил ее на самую последнюю. Ничего похожего...

Да, это тупик. Сравнение карт неумолимо подтверждало то, о чем он догадывался. Все детали местности и рельефа были описаны в журнале очень точно. Город, несомненно, переместился со времени первоначальной высадки колонистов. Где-то это фиксировалось, но все данные должны были попасть в библиотеку, а этот источник он уже исчерпал. И больше негде искать.

Дождь хлестал по стеклу над его головой, сверкали молнии. Незримые вулканы опять проснулись, и от их глухого подземного ворчания содрогался пол.

Плечи Язона поникли под тяжким грузом поражения, пасмурное небо казалось еще более хмурым.

ГЛАВА XIV

Весь следующий день Язон пролежал на койке, уныло глядя в потолок и пытаясь переварить мысль о своем проигрыше. Приказ Керка не выходить из изолятора связывал его по рукам и ногам. Ему казалось, что лишь несколько шагов отделяют его от ответа. Но как сделать эти шаги?

Его хандры хватило ровно на один день. Язон не видел в позиции, занятой Керком, ни капли логики, одни эмоции. Мысль об этом неотступно преследовала его. Жизнь давно научила Язона относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. Он ни в чем не мог согласиться с Керком — значит, надо использовать оставшиеся десять дней, чтобы решить проблему. Пусть даже для этого придется нарушить приказ Керка.

Он с жаром взялся опять за свой блокнот. Первые источники информации исчерпаны, но должны быть другие. Грызя ручку и упорно размышляя, Язон перебирал возможные варианты. Любая идея, даже самая безумная, заслуживала внимания. Исписав блокнот, он вычеркнул чересчур трудоемкие и заведомо неосуществимые ходы. Такие, как обращение к внепланетным историческим архивам. Речь идет о сугубо пиррянской

проблеме, либо она будет решена на Пирре, либо так и останется нерешенной.

В конце концов он остановился на двух вариантах. Первый — старые документы, записки или дневники, которые могли сохраниться в личном владении у кого-нибудь из пиррян. Второй — изустные предания, передававшиеся из поколения в поколение. Вариант номер один казался ему наиболее реальным, и Язон тотчас приступил к делу. Тщательно проверив свою аптечку и пистолет, он пошел к Бруччо.

— Что нового смертельного появилось на свете за то время, что я тут сижу?— спросил он.

Бруччо воззрился на него.

— Тебе нельзя выходить, Керк запретил.

— Он велел тебе следить, чтобы я повиновался?— холодно осведомился Язон.

Бруччо потер подбородок и насупил брови. Поразмыслив, он пожал плечами.

— Да нет, я тебя не сторожу. И ни к чему это мне. Я понимаю так, что это ваше с Керком личное дело — ну так и разбирайтесь сами. Уходи когда тебе вздумается. И постарайся, чтобы тебя где-нибудь тихо прикончили, для нас будет одной заботой меньше.

— И я тебя тоже люблю,— отозвался Язон.— Теперь рассказывай про фауну.

Единственной новой мутацией, требовавшей дополнительных мер защиты, была серо-голубая ящерица, которая с убийственной меткостью плевалась ядом, поражающим нервную систему. Смерть наступала через несколько секунд после того, как яд попадал на кожу. Эту ящерицу ни в коем случае нельзя было подпускать близко.

Одного часа упражнений на тренажере оказалось достаточно, чтобы у Язона выработался нужный рефлекс.

Никем не замеченный, он покинул здание изолятора и побрел по пыльным улицам к ближайшим казармам, сверяясь с планом города. Было душно, царила тишина, нарушаемая лишь далеким рокотом да изредка его собственными выстрелами.

Внутри толстостенных бараков было прохладно, и Язон тяжело опустился на скамейку. Когда пот на лице высох и сердце забилось ровнее, он вошел в комнату отдыха и приступил к опросу.

Дознание не затянулось. Никто из пиррян не хранил старинных предметов; сама мысль об этом казалась им нелепой. После двадцатого отрицательного ответа Язон понял, что ничего не добьется.

Значит, остаются изустные предания. Но и тут опрос ничего не дал. К тому же пиррянам надоела его назойливость, и они начали ворчать. Лучше остановиться вовремя, пока он еще цел...

Заведующий пищеблоком угостил его обедом, который на вкус напоминал древесные опилки и размазню из пластика. Язон быстро управился с едой и задумался над пустым подносом. Он упорно гнал от себя мысль, что снова забрел в тупик. От кого можно получить толковый ответ? Все, с кем он здесь говорил, очень уж молоды. Какое им дело до преданий старины. Это чисто стариковское хобби, требующее особого интереса и терпения. Но на Пирре нет стариков.

А впрочем, есть одно исключение: библиотекарь Поли. В самом деле. Человек, который имеет дело с документами и книгами, мог сберечь что-нибудь старинное. На худой конец, он может помнить что-то из прочитанного. Не очень надежная нить, но ее надо проверить.

Путь до библиотеки едва не доконал Язона. Ливни сделали дорожное покрытие совсем скользким, а сумрачное освещение мешало видеть, что делается кругом. Какая-то тварь сумела подобраться вплотную и основательно цапнуть его, прежде чем он ее подстрелил. От противоядия у него помутилось в глазах, и он потерял довольно много крови, пока наложил перевязку. До библиотеки он добрался совсем усталый и злой.

Поли копался во внутренностях одной из библиотечных машин и оторвался от работы только после того, как Язон тронул его за плечо. Включив слуховой аппарат, старый инвалид приготовился слушать.

— У вас есть старые бумаги или письма, которые вы храните для себя лично?

Пиррянин отрицательно покачал головой.

— А как насчет преданий — может, вы в молодости слышали какие-нибудь рассказы о древних делах, о подвигах?

Снова отрицательный жест.

О чем бы Язон ни спросил, Поли только качал головой. Наконец старый пиррянин раздраженно показал на ожидавшую его работу.

— Да, да, я знаю, что вам надо работать. Но это очень важно.

Поли сердито мотнул головой и поднял руку, намереваясь выключить слуховой аппарат. Язон лихорадочно старался придумать такой вопрос, который мог бы вызвать более позитивную реакцию. В мозгу вертелось какое-то слово, которое он однажды слышал и, так сказать, заложил в память, чтобы потом выяснить его значение. Слышал от Керка...

Есть! Заветное слово вынырнуло из подсознания.

— Минуточку, Поли, только еще один вопрос. Что такое корчевщик? Вы когда-нибудь видели корчевщика? Чем они занимаются? Где их можно увидеть?

Он не договорил. Поли развернулся и со всего размаха ударил Язона по лицу здоровой рукой так, что едва не раздробил ему челюсть! Язон отлетел в сторону и словно в тумане увидел, как старый калека идет, ковыляя, к нему. Уцелевшая часть лица библиотекаря была искажена яростной гримасой, изувеченное горло издавало какие-то клекочущие звуки.

Тут уж было не до объяснений. Со всей скоростью, какую только он мог развить при двойном тяготении, Язон направился к двери. Рукопашная схватка с пиррянином, будь то малорослый юнец или старый инвалид, не сулила ему ничего хорошего. Он выскочил наружу и захлопнул дверь перед самым носом Поли.

Дождь успел смениться снегом, и Язон зашлепал по слякоти, потирая ноющую скулу и осмысливая единственный факт, которым он располагал. «Корчевщик» — явно ключ, но к чему? И куда теперь обратиться за информацией? Из всех пиррян только с Керком у него получался путный разговор, но с ним больше не поговоришь. Остается Мета. Надо немедленно повидаться с ней. Но тут им вдруг овладела такая слабость, что он через силу добрел обратно до учебного центра.

Утром он чуть свет позавтракал и снова отправился в город. Всего неделя осталась в запасе... Проклиная два G, пресекающие все его попытки идти быстро, Язон дотащился до здания диспетчерской службы, узнал, что Мета вот-вот должна вернуться с ночного дежурства на периметре, и отправился в ее казарму. Когда Мета вошла, он лежал на ее койке.

— Уходи,— бесстрастно сказала она.— Или тебя надо вышвырнуть?

— Терпение.— Он сел.— Я просто прилег отдохнуть, пока ждал тебя. У меня к тебе один-единственный вопрос. Ответь мне на него, и я сразу уйду.

— Какой еще вопрос?— Мета нетерпеливо постукивала по полу каблуком, но Язон уловил нотку любопытства в ее голосе.

Он еще раз тщательно продумал все, потом заговорил:

— Только постарайся воздержаться от стрельбы. Ты знаешь меня как болтливого инопланетника, я уже говорил при тебе ужасные вещи, и ты не стреляла в меня. Сейчас ты услышишь еще одну ужасную вещь. Пожалуйста, подтверди свое превосходство над другими обитателями галактики, держи себя в руках и не разлагай меня на атомы.

В ответ она только еще раз стукнула каблуком. Язон собрался с духом и выпалил:

— Что такое «корчевщик»?

На миг Мета словно окаменела. Потом с отвращением посмотрела на него.

— Ты умеешь находить самые омерзительные предметы для разговора.

— Возможно,— согласился он.— Но это не ответ на мой вопрос.

— Это... В общем, это одна из тех вещей, о которых люди не говорят.

— Я говорю.

— А я нет! Это самая отвратительная вещь на свете, больше я ничего не скажу. Потолкуй с Кранноном, а с меня хватит.

Говоря, Мета схватила его за руку и выволокла в тамбур. В следующую секунду дверь захлопнулась за его спиной. Язон сердито буркнул себе под нос: «Силачка»,— но гнев улетучился, как только он сообразил, что Мета, хотела она того или нет, дала ему в руки ключ. Теперь надо выяснить, кто такой — или что такое — Краннон.

В диспетчерской Язон узнал, кто Краннон, а также где и в какую смену он работает. Идти туда было недалеко, и Язон скоро очутился перед большим кубическим строением без окон. У каждого из надежно запертых входов висело по вывеске с одним только словом: «Продовольствие». Чтобы попасть внутрь здания, Язону пришлось пройти через несколько тесных автоматических камер, где он подвергся ультразвуковой, ультрафиолетовой и антибиотической обработке. Затем его почистили вращающиеся щетки и последовательно окатили три различных душа. Несколько более влажный и несравненно более чистый, он был наконец допущен в центральное помещение. Здесь люди и роботы перекладывали ящики, и Язон спросил одного из пиррян, где можно видеть Краннона. Пиррянин холодно смерил Язона взглядом, плюнул на его башмаки и только потом ответил.

Краннон — коренастый и весьма мрачный мужчина в залатанном комбинезоне — работал один в просторной кладовой. При виде Язона он перестал ворочать тюки и сел. Угрюмые складки на его лице, казалось, стали еще глубже, когда Язон принялся объяснять, зачем пришел. Разговор о пиррянской старине нагнал на него тоску, и он откровенно зевал. Наконец Язон закончил. Однако он тщетно ждал ответа, Краннон только молча продолжал зевать.

В конце концов Язон не выдержал:

— Ну так как, у вас есть старые книги, документы, записки или что-нибудь в этом роде?

— Ты обратился по адресу, инопланетник,— услышал он.— От разговора со мной тебе будут сплошные неприятности.

— Это почему же?

— Почему?— Язон увидел, что лицо Краннона может выражать не только уныние.— Я тебе скажу почему! Однажды я допустил промашку, только одну, и был наказан за это пожизненным приговором. На всю

жизнь — понятно тебе? Я один, все время один. Корчевщики и те надо мной начальники.

Язон постарался не выдать своего ликования.

— Корчевщики? А кто это такие — корчевщики?

От такого чудовищного вопроса Краннон даже онемел. Неужели есть на свете человек, который не слышал про корчевщиков? Что-то похожее на радость потеснило тоску в его душе, когда он понял, что наконец-то обрел чуткого слушателя, с которым можно поделиться своей бедой.

— Корчевщики — предатели, иначе их не назовешь. Предатели рода человеческого, я бы их всех перебил, была бы моя воля. Живут в джунглях. А что они с животными делают...

— Вы хотите сказать, что это люди? Такие же пирряне, как вы сами? — перебил его Язон.

— Нет, сударь, не такие же, как я. И не повторяй этой ошибки, если тебе жизнь дорога. Допустим, я один раз задремал на посту, за что и должен теперь делать эту работу. Но отсюда еще не следует, что она мне не по душе. Или что они мне по душе. От них смердит, да, да, смердит, и если бы они не давали нам продовольствие, их завтра же прикончили бы всех до одного. Вот работенка, за которую я взялся бы с великой радостью!

— Но если они поставляют вам продовольствие, вы должны давать им что-то взамен?

— Меновой товар — бусы, ножи и все такое прочее. Мне их сюда привозят в коробках, мое дело только доставить эти коробки по адресу.

— Как вы это делаете?

— Отвожу в условленное место на бронетранспортере. Потом еду туда снова и забираю продовольствие, которое они оставляют.

— Можно в следующий раз мне поехать с вами?

Краннон немного поразмыслил, прежде чем ответить.

— Что ж, валяй поезжай, если природа обделила тебя умишком. Подсобишь мне с погрузкой. Сейчас урожай еще не собран, так что следующий рейс через восемь дней...

— Но ведь это будет после того, как улетит корабль. Слишком поздно. А раньше вы не можете поехать?

— Не лезь ко мне со своими проблемами, сударь,— пробурчал Краннон, вставая.— Через восемь дней, и никаких перемен ради твоей милости.

Язон понял, что от этого человека ему большего за один раз не добиться. Он уже собрался уходить, но затем обернулся.

— Еще один вопрос. Как выглядят эти дикари? Эти корчевщики?

— Откуда мне знать!— рявкнул Краннон.— Я с ними торгую, а не целуюсь. Попадись мне хоть один, я пристрелил бы его на месте.

Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, заставляя пистолет выскакивать из кобуры. Язон предпочел тихо удалиться.

Растянувшись на койке, чтобы мышцы отдохнули от перегрузки, он ломал голову над тем, как убедить Краннона перенести срок. Его надо подкупить. Но чем? В этом мире, где валюта не котируется, его миллионы кредов ничего не значат. Глаза Язона остановились на стенном шкафу, в котором висела его старая одежда... Кажется придумал!

На другой день — еще одним днем меньше!— он спозаранок пришел в здание продовольственного склада. Краннон даже не обернулся на звук его шагов.

— Хотите получить эту штуку?— Язон протянул изгою плоский золотой футляр с крупным алмазом посередине.

Краннон хмыкнул и повертел футляр в руках.

— Игрушка,— сказал он.— Какой от нее прок?

— А вы нажмите кнопку, появится огонь.

Над дырочкой в крышке вырос язычок пламени. Краннон вернул футляр Язону.

— На кой мне такой огонек. Оставь себе.

— Погодите,— сказал Язон.— Это не все. Если надавить на этот камень посередине, выскочит... вот, видите?

У него на ладони очутился черный шарик величиной с ноготь.

— Граната, из чистого ульранита. Сдави ее хорошенько, потом брось, и будет такой взрыв, что начисто разнесет дом вроде этого.

Краннон снова взял золотой футляр. На грозное оружие он смотрел чуть ли не с улыбкой, словно ребенок на конфетку.

— Футляр и бомбы будут ваши, если вы перенесете очередной рейс на завтра и возьмете меня с собой,— поспешил объявить Язон.

— Будь здесь ровно в пять утра,— ответил Краннон.— Мы выедем рано.

ГЛАВА XV

Рокоча гусеницами, бронетранспортер подкатил к воротам периметра и остановился. Краннон сделал рукой знак часовым и опустил металлический щит перед ветровым стеклом. Ворота распахнулись, и транспортер — по сути дела, это был тяжелый танк — медленно пополз вперед. За первыми воротами были вторые, они открылись только после того, как сомкнулись внутренние створки. Язон смотрел в перископ, как отворяются наружные ворота. Автоматические огнеметы поливали пламенем проход, пока транспортер не подошел вплотную. Широкая полоса выжженной земли окаймляла периметр; дальше начинались джунгли. Язон непроизвольно съежился на сиденье.

Растения и животные, которых он до сих пор знал лишь по образцам, здесь окружали его со всех сторон. Колючие ветви и лианы переплелись, образуя сплошную массу, кишащую всякой живностью. Воздух наполнился неистовым гулом, что-то непрерывно царапало броню, стучало по ней. Краннон усмехнулся и включил контакт, подающий электрический ток на защитную решетку. Царапанье умолкало по мере того, как звери своим телом замыкали цепь на заземленный корпус.

Транспортер продирался сквозь джунгли на самой малой скорости. Лицо Краннона будто срослось с перископом. Он молча управлял машиной. С каждой милей транспортер шел все лучше; наконец водитель убрал перископ и поднял щит. По-прежнему их грозно обступал густой лес, но это было совсем не то, что около периметра, вдоль которого, казалось, сосредоточилась главная смертоносная мощь планеты Пирр. «Почему?— спросил себя Язон.— Откуда эта исступленная ненависть направленного действия?»

Мотор стих, Краннон встал и потянулся.

— Приехали,— сказал он.— Давай выгружать.

Транспортер стоял на голой скале с такими крутыми и гладкими склонами, что на них не держалась никакая растительность. Краннон открыл грузовые отсеки, и они принялись сгружать клети и ящики. Когда работа была закончена, Язон обессиленно привалился к груде ящиков.

— Полезай в кабину едем обратно,— приказал Краннон.

— Вы поезжайте, я останусь.

Краннон холодно посмотрел на него.

— Лезь в машину, или я тебя убью. Здесь нельзя оставаться. Во-первых, ты и часа один не проживешь. А главное, попадешь в руки корчевщикам. Они тебя сразу прикончат, но не в этом беда. А в том, что у тебя есть снаряжение, которое не должно попасть в их руки. Только корчевщика с пистолетом нам не хватает!

Пока пиррянин говорил, Язон лихорадочно продумывал следующий ход. Вся его надежда была на то, что Краннон смекает не так быстро, как реагирует.

Язон уставился на деревья, точно заметил что-то среди ветвей. Краннон, продолжая говорить, автоматически последовал его примеру. И как только в руке Язона оказался пистолет, Краннон тотчас выхватил свое оружие.

— Вон там! На макушке!— крикнул Язон, стреляя наугад в зеленый хаос.

Краннон тоже открыл огонь. В ту же секунду Язон отпрянул назад, сжался в комок и покатился вниз по склону. Выстрелы заглушили звук его движений, и прежде чем Краннон успел повернуться, Язон уже скрылся в зарослях. Кусты хлестали его прутьями, но они же тормозили падение, и в конце концов он остановился. Пули, посланные вдогонку Кранноном, не достигли цели.

Лежа в кустах, исцарапанный, запыхавшийся, Язон слышал, как Краннон честит его последними словами. Топая по скале, взбешенный пиррянин продолжал стрелять наугад, однако спускаться в заросли не стал. В конце концов он сдался и сел в кабину. Мотор взревел, гусеницы звякнули и заскребли по камню, и транспортер пошел обратно через джунгли. Некоторое время было слышно рокот и треск, потом все стихло.

Язон остался один.

До этой минуты он даже не представлял себе, что можно чувствовать себя таким одиноким. Машина исчезла, а кругом — смерть, и ничего кроме смерти. Он с трудом подавил в себе стремление броситься вдогонку за бронетранспортером. Что сделано, то сделано, возврата нет.

Риск немалый, но другого способа связаться с корчевщиками не было. Пусть они дикари, но ведь люди же. Ведут меновую торговлю с цивилизованными пиррянами — значит, не так уж безнадежно одичали. Он должен установить контакт, должен как-то поладить с ними. И выяснить, как они ухитряются жить без опаски в этом безумном мире.

Будь у него другой способ решить проблему, он предпочел бы его; роль героя-мученика Язону вовсе не улыбалась. Но Керк и назначенный им срок не оставляли ему выбора. Надо было возможно скорее устанавливать контакт, и он не видел другого пути.

Где сейчас находятся дикари? Скоро ли появятся? Попробуй угадай. Не будь лес таким опасным, он мог бы укрыться и выждать подходящий момент для встречи с корчевщиками. Ведь если они застанут его около ящиков, то с присущим пиррянам рефлексом могут сразу отправить его на тот свет.

Волоча ноги, Язон добрел до высоких деревьев. Что-то шевельнулось среди ветвей и тут же пропало. Он поглядел на ближайшее дерево. Окружающие толстый ствол растения не производили впечатления ядовитых, и Язон вошел в лес. Вроде бы ничего угрожающего кругом. Странно... Он прислонился к шершавому стволу, собираясь с силами.

Что-то мягкое накрыло ему голову, руки и ноги точно сковало железом, и чем сильнее он отбивался тем крепче становилась хватка. Кровь стучала в висках, легкие готовы были взорваться.

Наконец он прекратил сопротивление, и сразу хватка несколько ослабла. Поняв, что на него напал не зверь, Язон слегка воспрял духом. Он ничего не знал о корчевщиках, но рассчитывал на то, что человеческое в них возьмет верх.

Он был крепко связан, кобуру с пистолетом у него забрали. Без оружия Язон чувствовал себя словно голый. Все те же могучие руки снова схватили его и бросили ничком на что-то мягкое и теплое. Это «что-то» явно было каким-то крупным животным, и Язона опять обуял ужас, ведь все пирянские животные были смертельными врагами человека.

Когда животное тронулось с места, унося его на себе, на смену страху пришло огромное облегчение. Выходит, корчевщики сумели наладить своего рода сотрудничество по меньшей мере с одним представителем местной фауны. Если он выяснит, как это оказалось возможно, и сумеет сообщить секрет жителям города, все его труды и мытарства окупятся. Пожалуй, даже смерть Велфа будет оправдана, если удастся умерить, а то и вовсе прекратить многовековую войну.

Туго связанные конечности сначала отчаянно болели, потом потеряли чувствительность, а они все ехали и ехали куда-то. Язон потерял всякое представление о времени. Дождь промочил его насквозь, потом он ощутил, как жгучее солнце принялось подсушивать его одежду.

Наконец тряска прекратилась, Язона стащили со спины животного и бросили на землю. Чувствительность вернулась к развязанным рукам, и острая боль пронизала мышцы, когда он попробовал пошевельнуться. Как только руки стали слушаться, он поднял их и сдернул с головы мешок, сшитый из какого-то густого меха. Ослепленный ярким светом, он жадно хватал ртом чистый воздух.

Отдышавшись немного, Язон огляделся вокруг. Он лежал на полу из неструганных досок; через дверной проем прямо в лицо ему светило заходящее солнце. Весь склон холма до самого леса занимало вспаханное поле. Царивший внутри хижины полумрак не позволял рассмотреть подробностей обстановки.

Что-то заслонило свет, на пороге выросла высокая фигура. В первую секунду Язону почудилось, что это зверь, потом он увидел лицо человека с длинными волосами и густой бородой. Человек был одет в шкуры, даже чулки на ногах были меховые. Поглаживая рукой подвешенный к поясу топор, он пристально смотрел на пленника.

— Кто ты? Чего тебе надо?— вдруг спросил бородач.

Язон помешкал с ответом — как бы этот дикарь не оказался таким же вспыльчивым, как горожане.

— Меня зовут Язон. Я пришел с миром. Я хочу быть вашим другом...

— Ложь!— Бородач взялся за топор.— Врешь, жестянщик! Я видел, как ты прятался. Хотел меня убить. Но раньше я тебя убью.

Он потрогал мозолистым пальцем лезвие топора и замахнулся.

— Погодите!— отчаянно воскликнул Язон.— Вы не поняли.

Топор качнулся вниз.

— Я инопланетник и...

Топор вонзился в дерево возле уха Язона с такой силой, что даже пол вздрогнул. Бородач передумал в последнюю секунду. Схватив Язона за грудь, он подтянул его к себе, их лица соприкоснулись.

— Правда? Инопланетник?

Не дожидаясь ответа, он разжал пальцы, и Язон упал на доски. Дикарь перескочил через него и шагнул куда-то в глубину хижины.

— Надо доложить Ресу,— сказал он, возясь с чем-то у стены.

Загорелся свет. Язон ошарашенно вытаращил глаза. Одетый в шкуры косматый дикарь включил связное устройство. Грубые грязные пальцы быстро настроили аппарат и набрали номер.

ГЛАВА XVI

Вздор какой-то... В уме Язона вид волосатого варвара никак не вязался с электронной аппаратурой. Кого он вызывает? Если есть связное устройство, должно быть по меньшей мере еще одно. Кто такой Рес?

Усилием воли Язон укротил беспорядочный бег мыслей. Перед ним оказалось нечто совсем неожиданное, непредвиденное. Ничего, все на свете поддается объяснению, надо только разобраться в фактах.

Закрыв глаза, чтобы не мешали пробивающиеся сквозь макушки деревьев лучи солнца, Язон попробовал анализировать факты. Их можно было разделить на две группы: то, что он видел сам, и то, что узнал от жителей города. Вторая категория явно нуждалась в проверке и сопоставлении с наблюдаемым. Может статься, что многие, если не все, факты этого рода окажутся ложными.

— Вставай,— вторгся в его мысли голос бородача.— Поехали.

Затекшие ноги не держали Язона. Бородач презрительно фыркнул, поднял его и прислонил к наружной стене. Потом он куда-то исчез, и Язон, держась за корявые бревна, воспользовался случаем хорошенько осмотреться.

Впервые после побега из родного дома он очутился на ферме. Другая планета со своей экологией, но все равно сходство бросалось в глаза. Перед лачугой простерлось недавно засеянное поле. Видно, что здесь потрудился искусный пахарь. Аккуратные борозды равномерно огибали склон. Рядом с жилым строением стояло другое, то ли амбар, то ли конюшня.

За спиной Язона послышалось чье-то фырканье. Он резко обернулся и окаменел; рука сжимала несуществующий пистолет, палец дергал курок, которого не было.

Перед ним стоял какой-то зверь, неприметно вышедший из леса. Длиной около двух метров, шесть толстых ног с когтистыми лапами, тусклая черно-желтая шерсть, только череп и лопатки выстланы налегающими друг на друга роговыми пластинами. Зверь был так близко, что Язон хорошо все разглядел.

Он приготовился умереть.

Раскрылась жабья пасть, обнажая два ряда зубов, похожих на пилы.

— Ко мне, Фидо,— позвал вышедший из сарая бородач и щелкнул пальцами.

Шестиногая тварь пробежала мимо огорошенного Язона и потерлась головой о ногу пиррянина.

— Хороший, хороший песик,— приговаривал тот, почесывая лопатку зверя около последней пластины.

Язон увидел, что бородач вывел двух оседланных и взнузданных верховых животных. Садясь на своего «коня», он обратил внимание на его гладкие, лоснящиеся бока и длинные ноги. Хозяин крепко привязал ступни Язона к стременам, и они тронулись в путь, сопровождаемые лысой тварью.

— Хорошая собачка!— сказал Язон, и вдруг на него напал беспричинный смех.

Бородач обернулся и хмуро смотрел на него, пока он не угомонился.

Когда они въехали в джунгли, уже стемнело. Под густым лесным пологом ничего не было видно, тем более без фонарей, но животные явно знали дорогу. Кругом что-то шуршало, звучали пронзительные крики, однако Язон не испытывал особой тревоги. То ли ему передалась уверенность его провожатого, то ли успокоительно действовало присутствие «пса», которого он скорее ощущал, чем видел.

Путь был не очень трудный, но долгий; плавная трусца животного и усталость сделали свое, и Язон задремал, просыпаясь каждый раз, когда сильно клевал носом. В конце концов он приспособился спать, сидя прямо. Так прошло несколько часов. Вдруг Язон, в сотый раз открыв глаза, увидел впереди освещенный квадрат. Путешествие окончилось.

Когда его освободили от стремян, он, морщась от боли, с великим трудом слез на землю. Онемевшие ноги подкосились, и он едва не упал. Открылась дверь, Язон вошел в дом. Когда его глаза привыкли к свету, он разглядел кровать и лежащего на ней человека.

— Подойдите сюда и сядьте.

Голос был громкий, властный, привыкший повелевать, а тело, закрытое до пояса одеялом, принадлежало инвалиду. Болезненно бледная кожа в красных узелках дряблыми складками облегала костяк. Вот уж поистине кожа да кости...

— Не очень красивое зрелище,— сказал человек на кровати,— но я уже привык.

Он продолжал совсем другим тоном:

— Накса сообщил, что вы инопланетник. Это верно?

Язон кивнул. Живые мощи сразу взбодрились. Голова больного оторвалась от подушки, обрамленные красными веками глаза впились в Язона.

— Мое имя Рес, я... корчевщик. Вы мне поможете?

Язона озадачило волнение, с которым были произнесены эти, казалось бы, такие простые слова. Тем не менее он, не задумываясь, ответил:

— Конечно, я помогу вам чем смогу. Только бы это не было во вред другим. А что вы хотите?

Больной уже опустил голову обратно на подушку, но глаза его горели по-прежнему.

— Не беспокойтесь, я никому не желаю вреда,— заверил он.— Напротив. Как видите, у меня болезнь, против которой все наши средства бессильны. Мне осталось жить несколько дней. Но я видел... у горожан... какое-то приспособление... Они прикладывают его к ранам и укусам. У вас нет с собой такого аппарата?

— Вы, очевидно, говорите про аптечку.— Язон нажал кнопку на поясе, и аптечка оказалась у него в руке.— Вот. Это устройство определяет и излечивает большинство...

— Вы не могли бы испробовать его на мне?— нетерпеливо перебил Рес.

— Извините. Я должен был сразу сообразить.

Язон подошел к Ресу и прижал аппарат к воспаленному участку кожи на его груди. Вспыхнул контрольный огонек, вниз пошел тонкий штифт анализатора. Как только он возвратился на место, аппарат зажужжал, потом трижды щелкнул: три иглы поочередно вошли в тело. Наконец огонек погас.

— И все?— спросил Рес, глядя, как Язон пристегивает аптечку к поясу.

Язон кивнул и увидел влажные дорожки на щеках больного. Рес поймал его взгляд и сердито смахнул рукой слезы.

— Стоит заболеть,— проворчал он,— и твое тело, все твои органы чувств тебя предают. Я с детства не плакал, и сейчас мне не себя жаль, а тысячи людей, умерших только потому, что у нас нет этой маленькой штучки, с которой вы так запросто обращаетесь.

— Неужели у вас нет своих лекарств и врачей?

— Знахари и колдуны.— Рес сделал рукой выразительный жест, в который вложил все свое презрение к этим людям.— Честных тружеников сбивает с толку то, что шептуны обычно помогают им лучше всех настоев.

Разговор утомил Реса. Он вдруг умолк и закрыл глаза. Уколы уже начали действовать, и красные пятна на груди посветлели.

Язон осматривал комнату, надеясь найти какие-нибудь ключи к загадке этого народа.

Пол и стены из плотно подогнанных досок. Ни краски, ни резьбы, простые, грубые доски, как и должно быть у дикарей. А впрочем, точно ли они грубые? Какая сочная фактура у этого дерева, кажется, что оно светится изнутри... Язон нагнулся и увидел, что доски натерли воском, чтобы выявить узор. Чьих рук это дело — дикарей или людей с тонким вкусом, которые стремились облагородить простейший материал? И выглядит куда красивее, чем комнаты горожан с их унылой краской и стальными заклепками. Недаром говорят, что простота венчает оба конца шкалы артистизма... Непросвещенный абориген облекает простую идею в бесхитростную форму и творит красоту. А искушенный критик отвергает чрезмерную изощренность и красивость ради чистой подлинности незатейливого искусства. Какой конец шкалы сейчас перед ним?

Ему говорили, что эти люди дикари. Они носят одежду из шкур, и речь у них — во всяком случае, у Наксы — грубая. Рес косвенно признался, что его народ предпочитает лекарям шептунов. Но как совместить это со связными устройствами? И с люминесцентным потолком, который заливает всю комнату мягким светом?

Рес открыл глаза и уставился на Язона так, будто видел его впервые.

— Кто вы?— спросил он.— И зачем вы пришли к нам.

Холодная угроза, прозвучавшая в его голосе, не удивила Язона. Городские пирряне ненавидели корчевщиков, и это чувство, несомненно, было обоюдным. Об этом ему сказал еще топор Наксы... Кстати, вот и Накса стоит, держа руку на том самом топоре. Язон прекрасно понимал, что, пока эти люди не услышали от него удовлетворительный ответ, жизнь его под угрозой.

Но и правды говорить нельзя. Стоит им заподозрить, что он шпионит в пользу горожан, и на этом все кончится. Как же выяснить, каким образом они ухитряются выживать в джунглях?

Решение пришло тут же, он повернулся к больному и ответил, стараясь говорить возможно спокойнее:

— Меня зовут Язон динАльт, я эколог, так что, сами понимаете, у меня были все основания выбрать эту планету...

— Что такое эколог?— перебил его Рес.

По тону вопроса нельзя было понять, спрашивает ли он всерьез или расставляет сети. Если перед этим они разговаривали непринужденно, то теперь Язон уловил в голосе Реса угрозу такую же смертельную, как яд шипокрыла. Как бы не обмолвиться...

— Проще говоря, это отрасль биологии, которая изучает взаимоотношения живых организмов со средой. Как действуют на организм климат и другие факторы и как организмы влияют друг на друга и на среду.

Поскольку этим исчерпывалось все, что Язон знал об экологии, он не стал задерживаться на этом предмете.

— Я много слышал о вашей планете и наконец решил сам с ней познакомиться. Поработал в городе, но понял, что этого мало. Люди там считают меня помешанным, но я все же добился того, что меня повезли в лес.

— Когда и как они должны вас забрать?— быстро спросил Рес.

— Мы об этом не договаривались. Они твердили, что меня сразу убьют, что я ни за что не вернусь. Никак не хотели отпускать меня одного, и мне пришлось убежать.

Судя по безрадостной улыбке Реса, ответ Язона как будто удовлетворил его.

— Типично для этих жестянщиков. Они шагу не шагнут за свои стены без бронированной машины с амбар величиной. А что они вам рассказывали про нас?

Язон ответил не сразу, понимая, как важно сейчас не промахнуться.

— Что ж, может быть, мне снесут голову этим топором, но лучше я скажу правду. Вам следует знать, что они о вас думают. Мне описывали вас как грязных, невежественных дикарей, говорили, что от вас смердит и что вы общаетесь с животными. Что они вам дают бусы и ножи в обмен на продовольствие...

Оба пиррянина громко расхохотались. Правда, Реса хватило ненадолго, но Накса буквально закатился смехом и справился с собой только после того, как плеснул себе на голову холодной водой из высушенной тыквы.

— Охотно верю,— сказал Рес.— Как раз в их духе глупость. Эти люди совсем не знают мира, в котором живут. Надеюсь, остальное, что вы говорили, тоже правда. Но все равно вы желанный гость. Я уже убедился, что вы инопланетник. Ни один из жестянщиков пальцем не пошевельнул бы, чтобы меня спасти. Вы первый инопланетник, с которым встречается мой народ, поэтому мы вам вдвойне рады. Мы готовы помочь вам всем, чем только можем. Моя рука — ваша рука.

Последние слова прозвучали как ритуальная формула, и Накса поощрительно кивнул, когда Язон повторил их. И ведь это была не пустая фраза. Он знал, что на Пирре без взаимопомощи не выжить и что эти люди сплоченно противостоят окружающим им смертельным опасностям. Может быть, после ритуала и на него распространится защитная сфера?

— Ладно, хватит на сегодня,— подвел итог Рес.— Эта пятнистая немочь измотала меня, а ваше лекарство превратило меня в кисель. Оставайтесь здесь, Язон. Одеяло найдется. Правда, кровати пока нет.

До сих пор душевный подъем помогал Язону справляться с двумя G. Но теперь его как-то вдруг сразила усталость, накопленная за этот долгий день. Он отказался от еды, завернулся в одеяло и забылся.

ГЛАВА XVII

Каждая клеточка его тела, придавленная двойным тяготением к твердому деревянному полу, ныла. Веки слиплись, во рту был какой-то налет с отвратительным вкусом. Он с трудом сел и подавил стон, когда хрустнули суставы.

— Добрый день, Язон,— приветствовал его с кровати Рес.— Не верь я так в лекарства, я бы сказал, что ваша машина исцелила меня за одну ночь волшебством.

Сразу было видно, что он идет на поправку. Воспаленные пятна на коже пропали, глаза освободились от горячечного блеска. Он сидел, опираясь на подушки, и смотрел, как под лучами солнца тает на поле ночной град.

— Там в шкафу вы найдете мясо,— продолжал Рес.— А для питья есть вода и виск, что больше нравится.

Виск оказался прозрачным напитком чрезвычайной крепости, от которого у Язона сразу прояснилось в голове. И слегка зазвенело в ушах. А окорок нежнейшего копчения неизмеримо превосходил вкусом все, что он ел с тех пор, как покинул Кассилию. Вместе они возродили веру Язона в жизнь и в будущее. Он глубоко вздохнул, поставил стакан и осмотрелся вокруг.

Усталость прошла, ничто не угрожало его жизни, и мысли Язона снова обратились к волнующей его проблеме. Что же это за люди, на самом деле? И как они ухитрились выжить среди джунглей, где человека на каждом шагу подстерегает смерть? В городе ему говорили, что они дикари. Но вот на стене вполне исправное связное устройство. Около двери висит арбалет, стреляющий металлическими стрелами фабричного производства; на черенках даже видно клеймо. Информация, вот что ему надо. А для начала хотя бы отчасти развеять туман дезинформации.

— Рес, вы рассмеялись, когда я сказал, что в городе меня уверяли, будто дают вам безделушки за продовольствие. А что вы получаете от них на самом деле?

— Все, до известных пределов. Разные фабричные изделия, в том числе электронику для наших связных устройств. Нержавеющие сплавы, которых мы сами не можем производить, атомно-электрические преобразователи, которые работают на любых радиоактивных элементах. И так далее. В общем, что попросим, то и получаем, если только это изделие не числится в списке запрещенных товаров. Они остро нуждаются в продовольствии.

— А что входит в список?

— Оружие, конечно, и все, из чего можно изготовить мощное оружие. Они знают, что мы делаем порох, поэтому нам не дадут крупного литья или бесшовных труб, пригодных для изготовления стволов большого калибра. Мы вручную сверлим себе ружейные стволы — правда, в джунглях от бесшумного арбалета больше проку. Еще они стремятся ограничить нас в знаниях, поэтому к нам доходят одни только технические инструкции без каких-либо теоретических основ. Наконец, это вы уже знаете, под запретом медицина. Меня это особенно бесит, я ненавижу их все сильнее с каждым смертным случаем, который можно было предотвратить.

— Я знаю их соображения,— сказал Язон.

— Расскажите мне, потому что я не вижу в этом никакого смысла.

— Борьба за существование, только и всего. Вам, очевидно, невдомек, что население города сокращается. Через несколько десятков лет там вообще никого не останется. А у вас численность населения стабильная, наверно, даже есть небольшой прирост, а то бы вам без механических средств защиты не уцелеть. Отсюда эта ненависть и зависть горожан. Если дать вам лекарства, вы сумеете выиграть битву, которую они уже проиграли. Думаю, они терпят вас как неизбежное зло ради продовольствия, которым вы их снабжаете. Иначе они поспешили бы отправить вас на тот свет.

— Похоже на правду,— пробурчал Рес и стукнул кулаком по кровати.— Как раз такая извращенная логика и должна быть у этих жестянщиков. Они кормятся за наш счет, дают нам минимум взамен и отрезают

нас от знаний, без которых мы вынуждены жить впроголодь. Но самое главное, они отрезают нас от звезд и от остального человечества.

Лицо его выражало такую ненависть, что Язон невольно попятился.

— Ну а как вы, Язон? Тоже считаете нас дикарями? Мы выглядим как животные, ведем себя как животные, потому что вынуждены бороться за существование на уровне животных. Но мы кое-что знаем о звездах. Вон в том сундуке, в железном, хранится около трех десятков книг — все, что у нас есть. По большей части художественная литература, но есть исторические труды и научно-популярные книжки. Из них мы черпаем наши представления о прошлом колонии на Пирре и об остальной вселенной. Мы видим, как в городе садятся корабли, и знаем, что там, наверху, есть другие миры, о которых мы можем только грезить. Что же удивительного в том, что мы ненавидим этих зверей, которые называют себя людьми? И что мы в одну секунду уничтожили бы их, если бы могли? Они правильно делают, что не дают нам оружия. Иначе мы, как пить дать, перебили бы их всех до одного и завладели бы всем, чего они нас лишают.

Суровый приговор, но справедливый. Во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя. Язон не стал говорить сердитому хозяину дома, что городские пирряне считают свою линию единственно возможной и правильной.

— А с чего вообще начался этот разлад между вашими двумя группами?— спросил он.

— Не знаю,— ответил Рес.— Я об этом думал много раз, но у нас нет никаких документов той поры. Известно, что все мы происходим от колонистов, которые прибыли в одно время. В какой-то момент они разделились на две группы. Возможно, была война вроде тех, про которые пишут в книгах. Есть у меня догадка, только доказать ее я не могу,— что все дело в расположении города.

— Расположение города? Не понимаю...

— Вы ведь знаете этих жестянщиков, видели их город. Они умудрились расположиться в самом лютом месте на всей планете. Сами знаете, они не считаются ни с кем, только с собой. Стрелять и убивать — вот и вся их логика. Им все равно было, где обосноваться, и получилось так, что они выбрали самое неподходящее место. Уверен, что мои предки понимали, как нелеп их выбор, и пытались им это втолковать. Вот вам и причина для войны — разве нет?

— Возможно... Если и впрямь так было,— сказал Язон.— Но мне кажется, вы неверно понимаете проблему. На самом деле идет война между исконно пиррянской жизнью и человеком. Причем местные организмы все время видоизменяются в своем стремлении стереть с лица земли вторгшихся людей.

— Если уж на то пошло, ваша гипотеза еще невероятнее моей,— возразил Рес.— Потому что вы совсем ошибаетесь. Конечно, жить на этой планете нелегко, когда сравниваешь с тем, что я читал про другие миры, но организмы не изменяются. Только не зевай и будь начеку при встрече с любым животным, которое превосходит тебя размерами, а так-то жить вполне можно. И в конце концов, не в этом суть. А в том, что жестянщики сами все время напрашиваются на неприятности. И я только рад, что они их пожинают в полной мере.

Язон не стал больше спорить. Допустим, он даже переубедит Реса, но что это ему даст? Ведь в городе, в самом центре убийственных мутаций, он никого не сумел убедить, хотя там налицо все факты. А вот еще порасспросить Реса не мешает.

— Я допускаю, что не так уж важно, кто начал,— уступил Язон, хотя в душе этого не считал.— Но согласитесь, что горожане непрерывно воюют со всеми здешними организмами. А ваш народ, как я уже мог убедиться, сумел одомашнить, во всяком случае, два вида. Вам не известно, как именно удалось этого добиться?

— Сейчас придет Накса,— ответил Рес, кивая на дверь.— Он как раз кормит животных. Спросите его, он у нас лучший говорун.

— Говорун? У меня о нем прямо противоположное мнение. Он отнюдь не речист, а когда заговорит, то... простите, его не всегда поймешь.

— Он говорун не в том смысле,— нетерпеливо объяснил Рес.— Говоруны занимаются животными. Обучают собак и доримов, а лучшие, вроде Наксы, стараются найти подход и к другим животным. Одеты просто, но это по необходимости. Они говорят, что животные не любят никакой химии, металлов, крашеной кожи. Вот и носят чаще всего шкуры. Но пусть они неопрятны на вид, это не имеет никакого отношения к уму.

— Доримы? Это так называются верховые животные, на которых мы приехали сюда?

Рес кивнул.

— На них не только верхом ездят — они на многое годятся. Крупные самцы тянут плуги и другие механизмы, а молодые животные — это мясо. Хотите узнать побольше, расспросите Наксу, он сейчас на конюшне.

— Пожалуй, так и сделаю.— Язон встал.— Только я как-то неловко себя чувствую без пистолета...

— Возьмите его, милости прошу, он лежит в ящике около двери. Да только не стреляйте без разбора.

Накса стоял в глубине сарая и стачивал копыто дориму. Удивительная картина, странное сочетание... С одной стороны, человек, одетый в шкуры, и диковинный зверь, с другой стороны — напильник из сплава бериллий — медь и электролюминесцентное освещение. При виде Язона дорим раздул ноздри и шарахнулся в сторону. Накса погладил животное по шее и ласково заговорил с ним; наконец дорим успокоился, только иногда по его шкуре пробегала дрожь.

Что-то шелохнулось в сознании Язона. Словно напряглась мышца, которой он давно не пользовался. Какое-то неуловимо знакомое чувство...

— Доброе утро,— поздоровался он.

Накса буркнул что-то в ответ и продолжал работать напильником. Язон глядел на него и силился разобраться в своей собственной душе, осмыслить загадочное чувство, которое дразнило его и упорно не хотело поддаваться определению.

— Вам не трудно позвать собаку, Накса? Мне хочется посмотреть на нее поближе.

Не поднимая головы, Накса тихонько свистнул. Язон готов был поклясться, что этот свист не мог проникнуть через стену сарая. Тем не менее не прошло и минуты, как в конюшню тихо вошла пиррянская собака. Говорун поскреб ей загривок, бормоча что-то, а она пристально смотрела ему в глаза. Когда же Накса снова взялся за напильник, собака сразу заметалась по сараю, тревожно принюхиваясь, потом устремилась к двери. И тут Язон окликнул ее.

Точнее, он собирался ее окликнуть. В последнюю минуту Язон передумал и, подчиняясь внезапному побуждению, позвал собаку мысленно, не открывая рта. Произнося про себя слова «Иди сюда», он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы передать команду собаке примерно так же, как делал это с игральными костями. И подумал кстати, что давно не прибегал к телепатии.

Собака остановилась и повернулась в его сторону.

Постояла, глядя на Наксу, потом подошла к Язону.

Вблизи это была совершенно кошмарная тварь. Голые защитные пластины, маленькие глазки с красным ободком и поблескивающие слюной клыки отнюдь не внушали доверия. И, однако, Язону не было страшно. Между человеком и зверем установился обоюдный контакт. Язон машинально протянул руку и почесал зверю спину, словно по себе чувствовал, где именно она чешется.

— А я и не знал, что ты говорун,— сказал Накса; впервые в его голосе прозвучала дружеская нотка.

— И я не знал... до этой минуты,— ответил Язон.

Он заглянул в глаза зверю, еще раз почесал уродливую спину и подумал, что загадка вроде бы проясняется.

У говорунов явно хорошо развиты телепатические способности. Когда два существа разделяют эмоции друг друга, нет ни расовых, ни каких-либо иных барьеров. Надо проникнуть в душу, понять ее, чтобы исключить ненависть и страх, потом можно наладить прямое общение. Видимо, говоруны первыми преодолели барьер ненависти на Пирре и научились ладить с пиррянскими тварями. Другие последовали их примеру — может быть, так и сложилась мало-помалу община «корчевщиков».

Настроившись на нужный лад, Язон отчетливо воспринимал окружающие его мысленные флюиды. Телепатическое поле питалось биотоками не только дорима, с которым был занят Накса; не выходя из конюшни, Язон внутренним зрением видел других доримов, ходивших на лугу за сараем.

— Это все совсем ново для меня,— сказал он.— А вы никогда не задумывались, Накса, над этой своей способностью? Сами-то вы знаете, почему вас животные слушаются, а другим людям никак не удается ими управлять?

Накса явно не привык размышлять о таких предметах. Он расчесал пятерней свои густые волосы и насупился.

— Не знаю, я об этом не думал. Просто так получается. Ты только знай животных как следует и всегда угадаешь, как они себя поведут. И все тут.

Было очевидно, что Накса никогда не ломал себе голову над истоками своего умения управлять животными. И не только он. Похоже, эти люди воспринимают дар говорунов как нечто само собой разумеющееся.

В мозаике, которую он мысленно складывал, прибавилось еще несколько кусочков. В беседе с Керком Язон говорил, что все пиррянские организмы явно объединились в борьбе против человека, но он не знал почему. Он и сейчас не знает почему, зато, кажется, догадывается как...

— Сколько отсюда до города?— спросил Язон.— Долго ехать, если отправиться туда на дориме?

— Полдня туда, полдня обратно. А что? Хочешь уехать?

— Нет, в город я не хочу, пока не хочу. Но мне хотелось бы подобраться к нему поближе.

— Поглядим, что Рес скажет.

Рес сразу дал свое согласие, не задавая никаких вопросов. Они оседлали доримов и немедля отправились в путь, чтобы обернуться до темноты.

Не прошло и часа, как Язон почувствовал приближение города. С каждой минутой это чувство становилось все сильнее. И Накса как-то беспокойно ежился в седле. Доримы проявляли растущую тревогу, их приходилось все время поглаживать и успокаивать.

— Хватит,— сказал наконец Язон, и Накса с облегчением остановился.

Некая безымянная мысль вторглась в сознание Язона и заполонила

его. Она напирала со всех сторон, но всего сильнее спереди, где находился незримый отсюда город. Накса и доримы тоже, как и он, испытывали странное беспокойство, не сознавая его причины.

Но одну вещь он понял со всей очевидностью. Пиррянские животные восприимчивы к телепатическому излучению; вероятно, это относится также и к растениям, и к низшим организмам. Не исключено, что они сообщаются телепатически между собой, раз они подчиняются тем из людей, у которых сильно развита эта способность. Причем здесь, в этом районе, напряженность телепатического поля превосходила все, с чем он когда-либо встречался. Хотя сам Язон лучше всего владел психокинезом, иначе говоря, усилием мысли приводил в движение неодушевленные предметы, он был восприимчив и к другим феноменам этого ряда. Сколько раз во время спортивных состязаний он улавливал мощный аккорд порыва, который одновременно овладевал душами зрителей. Вот и сейчас он испытывал что-то в этом роде.

С одной зловещей разницей... Толпа на стадионе ликовала, когда спортсмен добивался успеха, стонала, когда он промахивался. Там по ходу игры менялась и сила, и полярность телепатического поля. А здесь излучение было мощным и постоянным, и оно навевало тревогу. И не сразу подберешь для него определение... Тут и ненависть, и страх, а больше всего — страсть к разрушению. В двух словах что-то вроде команды «УБЕЙ ВРАГА».

Да нет, и это определение всего не исчерпывает... Его сознание будто омывала мощная река исступления и смерти.

— Поехали назад,— сказал Язон, почувствовав внезапное изнеможение от внутренней борьбы с этим потоком.

Они двинулись в обратный путь, и он подумал, что вот еще кое-что проясняется. Невыразимый страх, который он вдруг испытал, когда его в первый день атаковало пиррянское животное. И упорные кошмары, от которых его не избавляло никакое снотворное. И то и другое — реакция на ненависть, направленную против города. Хотя Язон только теперь по-настоящему ее осознал, он с самого начала воспринимал ее достаточно сильно, чтобы это отразилось на его душевном равновесии.

Когда они вернулись, Рес спал, и пришлось разговор с ним отложить на утро. Несмотря на усталость, Язон долго не мог уснуть, все думал о сделанных в этот день открытиях. Стоит ли делиться этим с Ресом? Вряд ли. Ведь тогда придется не только разъяснять всю важность выводов, к которым он пришел, но и говорить, что он собирается делать дальше. А от Реса не приходится ожидать, чтобы он приветствовал какие-либо шаги, способные хоть как-то облегчить жизнь горожанам. Нет, лучше уж ничего не говорить, пока дело не будет сделано.

ГЛАВА XVIII

После завтрака Язон сказал Ресу, что решил вернуться в город.

— Значит, насмотрелись нашего варварского мира и вас потянуло обратно к вашим друзьям? Уж не за тем ли, чтобы помочь им разделаться с нами?

Рес весело произнес эти слова, однако за ними угадывалась ледянящая злоба.

— Надеюсь, вы не думаете так на самом деле,— ответил Язон.— Ведь дело-то обстоит как раз наоборот. Я мечтаю, чтобы эта междоусобная вой-

на прекратилась и ваш народ мог воспользоваться всеми благами науки и медицины, которых он был лишен. И я собираюсь сделать для этого все, что в моих силах.

— Все равно их не переделать,— мрачно произнес Рес.— Не тратьте зря времени. Обещайте только для вашего и для нашего блага одну вещь. Не говорите им, даже не намекайте, что вы разговаривали с корчевщиками!

— Почему?

— Почему?! Гром и молния, вы взаправду такой простак? Они же на все готовы, только бы не дать нам подняться на ноги по-настоящему, предпочтут, чтобы мы все подохли! Стоит им заподозрить, что вы встречались с нами, и они вас сразу прикончат. Или вы в этом сомневаетесь? Не знаю, может быть, вам это невдомек, но они отлично понимают, что в вашей власти изменить соотношение сил на планете. Рядовые жестянщики, возможно, и верят, что мы недалеко ушли от животных, но руководители так не думают. Им хорошо известно, в чем мы нуждаемся и к чему стремимся. И они сразу сообразят, с какой просьбой я мог обратиться к вам. Да, да, Язон динАльт, у меня есть к вам просьба. Помогите нам. Вернитесь к этим двуногим бестиям и солгите. Скажите, что вы не имели с нами никаких дел, что вы скрывались в лесу, и мы напали на вас, и вам пришлось отстреливаться. А мы для большей верности подбросим несколько свежих трупов. Постарайтесь, чтобы вам поверили, и когда вам покажется, что вы их убедили, все равно продолжайте играть свою роль, потому что они будут следить за вами. Потом скажите им, что вы закончили свои исследования и возвращайтесь домой. Постарайтесь улететь с Пирра на другую планету, и я вам обещаю любые блага. Все, чего вы только пожелаете. Деньги, могущество — что угодно: Пирр — очень богатая планета. Жестянщики добывают и продают металл, но мы могли бы справиться с этим делом куда лучше их. Возвращайтесь сюда на другом корабле и приземляйтесь в нашем краю где угодно. У нас нет городов, но фермы разбросаны повсюду, и наши люди отыщут вас. И мы сами поведем с вами торговлю. Это наша мечта, и уж мы потрудимся как следует. А вся заслуга будет принадлежать вам. И вы получите от нас все, чего пожелаете. Я вам это обещаю, а мы свое слово держим.

Волнение, с каким говорил Рес, и перспектива, которую он нарисовал, подействовали на Язона. Он знал, что Рес говорит правду, что все ресурсы планеты будут в его распоряжении, если он сделает то, о чем его просят. И он даже чуть не поддался искушению, представив себе на секунду, как это все будет выглядеть. Но тут же понял, что это будет половинчатое решение, к тому же далеко не лучшее. Как только эти люди обретут желаемую силу, они первым делом попробуют разделаться с горожанами. Начнется кровавая междоусобная война, которая скорее всего кончится плохо для обеих сторон.

Словом, решение Реса, как ни заманчиво оно на первый взгляд, не годится. Язон обязан придумать что-нибудь получше. Надо найти способ положить конец всяким усобицам на Пирре, чтобы обе группы жили в мире.

— Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему,— сказал он.

Ответ Язона удовлетворил Реса, который не уловил заложенного в нем двойного смысла. И пиррянин подсел к связному устройству, чтобы условиться о доставке продовольствия с ферм на место обмена.

— Ну так, продовольствие доставлено, и мы передали в город положенный сигнал,— сообщил он через несколько часов.— Транспортер придет завтра утром, к этому времени вы будете там. Все подготовлено,

как я говорил. Отправляйтесь в путь вместе с Наксой. Вам надо поспеть туда раньше транспортера.

ГЛАВА XIX

— Машина сейчас придет. Ты все помнишь, что надо делать? — спросил Накса.

Язон кивнул и еще раз поглядел на покойника. Пиррянин потерял руку в схватке с каким-то зверем и истек кровью. Оторванную руку подшили, издали ничего не заметно, но вблизи эта рука, восковая кожа и застывшее на лице мертвеца выражение ужаса вызывали оторопь. Лучше бы покойника закопали поглубже в землю, но что поделаешь, придется потерпеть.

— Вот он,— прошептал Накса.— Обожди, пока спиной повернется.

На этот раз бронетранспортер тащил на прицепе три грузовые платформы. Автопоезд взобрался на скалу и остановился. Краннон вылез из кабины, внимательно посмотрел по сторонам, затем приступил к погрузке. Ему помогал спецробот.

— Пошел!— прошипел Накса.

Язон выскочил из леса и побежал к транспортеру, громко выкрикивая имя Краннона. За его спиной раздался треск ломающихся ветвей, это двое сопровождающих бросили следом мертвое тело. Язон повернулся и несколько раз выстрелил на ходу по летящей в воздухе мишени.

Краннон немедленно поддержал его огнем из своего пистолета, и дважды покойник упал на землю, весь обугленный. Тем временем Краннон, плюхнувшись на камень, перенес огонь на деревья за спиной Язона.

В ту самую секунду, когда Язон добежал до траспортера, что-то со свистом пролетело по воздуху, ожгло ему спину и бросило его ничком на скалу. Краннон живо втащил его в кабину, Язон оглянулся и увидел торчащий из лопатки черенок металлической стрелы.

— Везучий ты,— сказал пиррянин.— На дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе — берегись этих корчевщиков. Еще легко отделался.

Лежа у дверцы, он продолжал обстреливать безмолвный лес.

Извлечь стрелу оказалось не просто: когда она попала, было не так больно. Язон бранился сквозь зубы, пока Краннон бинтовал его, а в душе восхищался людьми, которые подстрелили его. Они подвергли риску его жизнь, чтобы побег выглядел натуральным. И при этом они не испугались того, что он захочет им отомстить. Ничего не скажешь, основательно потрудились. Черт бы побрал их основательность.

Перевязав Язона, Краннон осторожно выбрался из кабины и быстро завершил погрузку, после чего повел автопоезд обратно в город. Получив обезболивающий укол, Язон почти сразу же забылся.

Очевидно, Краннон передал о случившемся по радио, пока он дремал, потому что среди встречающих был Керк. Как только машина вошла внутрь периметра, он распахнул дверцу и вытащил Язона. Повязка слетела, и рана вскрылась. Язон скрипнул зубами. Нет, Керк не дождется его стона.

— Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе? Почему ты ушел? Почему покинул город? Ты разговарил с корчевщиками? Ну?

С каждым вопросом он грубо встряхивал Язона.

— Я... ни с кем... не разговаривал,— через силу вымолвил Язон.— Они охотились за мной, я убил двоих... И прятался пока не пришла машина.

— Потом пришил еще одного,— вступил Краннон.— Я сам видел. Чистая работа. Да и я вроде не промазал. Отпусти его, Керк, они его ранили, когда он бежал к машине.

«Больше оправдываться не надо,— сказал себе Язон.— Незачем пережимать. Пусть не спешит с выводами. Сейчас лучше переменить тему. Есть одна вещь, которая сразу отвлечет его мысли от корчевщиков».

— Пока вы отсиживались тут в безопасности за периметром, я за вас воевал, Керк.— Он прислонился к транспортеру, пользуясь тем, что хватка Керка немного ослабла.— Мне удалось разобраться в причинах ваших неладов с планетой. И я понял, как победить в этой битве. Дай-ка я сяду и уж тогда расскажу.

Вокруг них собралась целая толпа пиррян. Они стояли словно оцепенев и неотступно глядели на Язона. Керк тоже явно был огорошен. Наконец он медленно произнес:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То самое, что сказал. Планета Пирр воюет с вами, воюет упорно и сознательно. Стоит удалиться от города, и сразу чувствуешь направленные на него волны ненависти. Хотя нет, вы-то их не почувствуете, ведь вы здесь выросли. А вот я чувствую. И любой человек с телепатическими способностями почувствует. На город постоянно направленно излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, видоизменения, мутации — все подчинено одной цели: истребить вас. И так будет продолжаться, пока вы не погибнете все до одного. Если, конечно, вам не удастся положить конец этой войне.

— Как?— выпалил Керк; этот же вопрос был написан на лицах всех окружающих.

— Надо установить, кто или что излучает эту команду. Организмы, которые вас атакуют, сами не наделены разумом. Они только выполняют команду. И мне кажется, я знаю, как обнаружить источник, откуда она поступает. А потом останется придумать, как передать предложение о перемирии и совсем покончить с войной.

Пирряне примолкли, осмысливая его идеи. Наконец Керк жестом руки велел всем расходиться.

— Возвращайтесь к работе. Это по моей части, я займусь этим делом. Как только выясню, что тут правда, а что ложь, получите мой полный отчет.

Люди молча разошлись, то и дело оглядываясь на Язона.

ГЛАВА XX

— Так, теперь давай все сначала,— сказал Керк.— И ничего не пропускай.

— Да мне в общем нечего добавить к фактам, о которых я уже говорил. Я наблюдал животных, разобрался в команде, которая их направляет. Даже сам провел несколько опытов, и они подчинялись моим мысленным приказам. Теперь я должен обнаружить источник, откуда идет команда на войну. Сейчас я скажу тебе то, чего еще никому не говорил. Мне не просто везет в игре. У меня есть телепатическое свойство, оно позволяет мне в какой-то мере влиять на вероятный исход игры. Правда, свойство непосто-

янное, и я, естественно, старался его развивать. За последние десять лет сумел ознакомиться со всем, что делают в этой области разные научные центры. Просто удивительно, как мало известно о телепатии, если сравнить с другими отраслями знания. Как бы то ни было, врожденные способности можно развить упражнением. Созданы даже аппараты, которые усиливают телепатическое излучение. Один из этих аппаратов вполне может работать как пеленгатор.

— Ты хочешь собрать такой аппарат?— спросил Керк.

— Вот именно. Собрать и вылететь с ним на корабле за город. Если сигнал достаточно мощный, чтобы из столетия в столетие стимулировать войну, значит, можно его засечь. Я пойду по пеленгу, свяжусь с существами, которые передают команду, и попытаюсь выяснить, зачем они это делают. Надо думать, ты поддержишь разумный план, чтобы прекратить войну?

— Разумный — да,— холодно произнес Керк.— Сколько времени тебе надо, чтобы собрать аппарат?

— Несколько дней, если найдутся все нужные части.

— Приступай. Я отменяю очередной рейс и держу корабль наготове. Когда соберешь аппарат, засеки сигнал и доложи мне.

— Договорились.— Язон встал.— Как только мне залатают дыру в лопатке, составлю список, что мне нужно.

В помощники и телохранители Язону назначили сурового, неулыбчивого типа по имени Скоп. Он ревностно отнесся к своему поручению, и Язон быстро убедился, что о полной свободе ему мечтать не приходится. Хотя Керк не оспаривал его версию, это еще не означало, что он в нее поверил. Скажет слово, и телохранитель превратится в палача...

Язон с ужасом подумал о том, что скорее всего этим дело и кончится. Поверил, не поверил — Керк рисковать не станет. У них нет полной гарантии, что Язон не общался с корчевщиками, поэтому его не отпустят с планеты живым. Только наивностью можно объяснить веру лесных людей в то, что их замысел не будет разгадан. А может быть, они вполне сознательно делали ставку на минимальный шанс — авось получится? Они-то в любом случае ничего не теряют...

Составляя список деталей для пеленгатора, Язон продолжал упорно искать выход, которого не было. Его мысли вращались по заколдованному кругу. Задний ход давать поздно, Керк его не выпустит. Либо он найдет способ покончить с войной и решить проблему корчевщиков, либо его ждет пожизненное заточение на Пирре. И надолго оно не затянется...

Подготовив список, он связался с Управлением по снабжению. Кое-что пришлось заменить, но все остальное было налицо, и ему обещали немедленно выполнить заказ. Скоп сидел и клевал носом. Подперев рукой тяжелую голову, Язон принялся составлять монтажную схему.

Внезапно его внимание привлекла тишина. Тишина?.. Он слышал, как работает аппаратура в здании, слышал голоса в соседнем помещении. Так в чем же дело?

Ах вот оно что — внутренний слух! После возвращения в город у Язона было столько забот, что он только теперь обратил внимание на полное отсутствие телепатических импульсов. Постоянный фон, образованный реакциями животных, исчез, исчез и его собственный телепатический настрой. И ведь в городе — он только сейчас это сообразил — всегда было так.

Язон попытался включить внутренний слух — и тотчас прекратил этот эксперимент, так велика была напряженность телепатического поля. Словно ты находишься в подводной лодке на большой глубине и положил ладонь на люк, сдерживающий чудовищное давление. Ведь и впрямь до-

статочно коснуться люка, чтобы ощутить напор сил с другой стороны, которые стремятся прорваться внутрь и сокрушить тебя. Вот и город подвержен такому же давлению, только в сфере психики. Открой люки сознания, и оно будет растерзано исполненными ненависти беззвучными криками Пирра. Какая-то часть мозга, действуя как предохранитель, выключала телепатическое восприятие и спасала рассудок. Но и того, что все-таки просачивалось, хватало, чтобы он ощущал напор извне. И чтобы питать упорно преследующие его кошмары.

От мозгового предохранителя была еще и та польза, что без давления извне Язону легче было сосредоточиться и, как он ни устал, работа над схемой продвигалась быстро.

Ближе к вечеру появилась Мета с заказанными им деталями. Она бросила на верстак длинный ящик и явно хотела что-то сказать, но потом раздумала. Язон поднял взгляд на нее и улыбнулся.

— Ты чем-то озадачена? — спросил он.

— О чем это ты? Вовсе я не озадачена. Просто мне досадно. Очередной рейс отменен, график поставок нарушен, притом надолго. Вместо того чтобы идти в рейс или дежурить на периметре, я должна слоняться без дела и ждать тебя. Потом зачем-то лететь куда-то, куда ты скажешь. Разве это не причина для досады?

Язон тщательно разместил детали на шасси, потом продолжил разговор.

— А я говорю, что ты озадачена. Если хочешь, могу уточнить. И окончательно сбить тебя с толку. Очень уж соблазнительно это сделать.

Она хмуро глядела на него через верстак, машинально крутя пальцами непокорный локон. Такой Мета ему больше нравилась. Когда она выступала в роли пиррянина, работающего на полную мощность, в ней было индивидуальности не больше, чем в части громадной машины. Сейчас он почти узнавал в ней ту девушку, с которой летел на Пирр. Может быть, все-таки удастся довести до ее сознания то, о чем он думает?

— Если я говорю «озадачена», в этом нет ничего обидного для тебя. Да иначе и быть не может, ведь тебя так вырастили. Конечно, Пирр — это как бы остров с множеством сложных проблем, решать которые вы мастера. Но остров он остров и есть. Перед лицом внепланетной проблемы ты теряешься. И еще сильнее теряешься, когда ваши островные проблемы оказываются частью более широкого контекста. Представь себе, что ты ведешь игру, в которой правила непрерывно меняются.

— Какой-то вздор ты говоришь,— оборвала она его.— Пирр вовсе не остров, и борьба за существование — отнюдь не игра.

— Извини,— улыбнулся он.— Я ведь это в переносном смысле, да, видно, сравнение не совсем удачно выбрал. Ладно, давай более конкретно. Разберем пример. Допустим, я скажу тебе, что вон там, на двери, сидит шипокрыл...

Прежде чем он договорил, пистолет Меты нацелился на дверь. С грохотом опрокинулся стул — Скоп очнулся, вскочил на ноги и тоже прицелился.

— Это я так, для примера,— объяснил Язон.— Там же нет ничего.

Охранник убрал пистолет, наградил Язона презрительным взглядом, поднял стул и снова сел.

— Сейчас вы оба подтвердили всю способность решать пиррянские проблемы,— продолжал Язон.— Ну а если я скажу, что над дверью сидит тварь, которая только с виду похожа на шипокрыла? А на самом деле это огромное насекомое, и оно прядет тонкую шелковую нить, пригодную для изготовления ткани?

Скоп метнул из-под густых бровей взгляд на дверь, и пистолет его выскочил было из кобуры, но тотчас вернулся на место. Буркнув что-то нелестное для Язона, пиррянин сердито вышел и хлопнул дверью. Мета наморщила лоб, размышляя.

— Это мог быть только шипокрыл,— сказала она наконец.— Никаких других тварей, похожих на шипокрыла, нет. И шелковая нить тут ни при чем. А если бы ты подошел к нему поближе, он бы тебя укусил. Так что тебе поневоле пришлось бы убить его раньше.

Судя по улыбке Меты, она была довольна логикой своего ответа.

— Опять промах,— возразил Язон.— Я описал мимикрирующего паука, который водится на планете Стовера. Этот паук умеет маскироваться под самых опасных животных, да так ловко, что ему не нужна никакая другая защита. Так вот, этого паука можно спокойно посадить себе на руку, он будет сидеть и прясть. Представь себе, что я завез бы сюда на Пирр несколько тонн таких пауков, знали бы вы, когда стрелять, а когда нет?

— Но их тут нет,— стояла на своем Мета.

— Сейчас нет,— а вдруг появятся? Придется менять все правила нашей игры. Ну как, поняла? В галактике действуют определенные законы и нормы, но они отличаются от ваших. Для вас нормой стала нескончаемая война с местными организмами. Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства — всего того, на что у вас теперь просто нет времени?

Слушая Язона и стараясь осмыслить все эти непривычные понятия, Мета преобразилась, пиррянская суровость совсем сошла с ее лица. Он как-то машинально взял ее за руку — рука была теплая и отзывалась на его прикосновение частым биением пульса.

Вдруг Мета опомнилась, отдернула руку, вскочила на ноги и бросилась к двери. Вдогонку ей неслись слова Язона:

— Скоп бежал, потому что боялся за свою драгоценную черно-белую логику. Это все, что у него есть. Но ведь ты-то видела другие части галактики, ты знаешь, что жизнь не сводится к тому, чтобы убивать или быть убитым на Пирре. Ты чувствуешь, что я прав, только не хочешь этого признать.

Она выскочила за дверь.

Проводив ее взглядом. Язон задумчиво потер пальцами щетинистый подбородок.

«Кажется, женщина берет верх над пиррянином,— сказал он себе.— По-моему, я видел слезы на ее глазах...Может быть, даже первые слезы за всю кровавую историю этого истерзанного войной города...»

ГЛАВА XXI

— Только урони эту штуку, и Керк оторвет тебе обе руки,— сказал Язон.— Вон какой он мрачный, сам не рад, что дал себя уговорить на это дело.

Скоп негромко выругался, передавая громоздкую упаковку с частями пеленгатора Мете, которая стояла в открытом люке корабля. Язон наблюдал за погрузкой и подстреливал излишне любопытных представителей местной фауны. В это утро больше всего было рогоносов, он один уложил четырех. Язон последний поднялся на борт и задраил за собой люк.

— Где ты его поставишь? — спросила Мета.

— Где ты посоветуешь, — ответил Язон. — Мне нужно для антенны такое место, чтобы ее не экранировал металл. Тонкий пластик — не страшно. В крайнем случае установлю антенну снаружи и налажу дистанционное управление.

— Может, так и придется сделать. Корпус сплошной, для обзора у нас служат приборы и телевидение. Так что... Хотя погоди, кажется, есть подходящее место.

Мета проводила его к отсеку, где помещалась одна из спасательных капсул. Вход в этот отсек всегда был открыт. Они вошли; за ними вошел и Скоп со своей ношей.

— Капсулы утоплены в корпус только наполовину, — объяснила Мета. — У них прозрачные носовые иллюминаторы, которые закрыты щитами, но щиты автоматически сбрасываются, когда капсула катапультируется.

— А сейчас можно раздвинуть щиты?

— Попробуем, — сказала Мета.

Она проследила провода до соединительной коробки, открыла крышку, замкнула реле вручную, и тяжелые пластины втянулись в корпус. Большая часть иллюминатора выступала ниже брюха корабля, это обеспечивало свободный обзор.

— Превосходно — заключил Язон. — Здесь и устроюсь. А как мы с тобой будем переговариваться?

— Вот... Видишь, устройство связи и блок с фиксированной настройкой. Только больше ничего не трогай, особенно вот этот контакт.

Мета показала на рукоятку посредине панели управления.

— Если включить его, через две секунды капсула отстреливается. А своего запаса горючего у нее нет.

— Есть не трогать, — сказал Язон. — Теперь вели этому тугодуму подключить меня к сети питания, и я соберу пеленгатор.

Аппарат был не очень сложный, но требовал точной настройки. Чашеобразная антенна подавала сигнал на чувствительное приемное устройство. Напряжение входного сигнала резко падало при малейшем отклонении в сторону, это позволяло точно определить его направленность. Дальше он поступал на усилитель, который в отличие от сосредоточенных радиопеленгаторов первого каскада, смонтированного из отдельных деталей, был выполнен в виде печатной схемы на белой подложке с надежно приклеенными полосками контактов на входе и выходе.

Закончив сборку и установку, Язон кивнул изображению Меты на экране визифона.

— Пошли, да потише, пожалуйста. Обойдемся без твоих любимых девятикратных перегрузок. Когда взлетим, пойдешь медленно над периметром, пока не дам новую команду.

Корабль умеренным ходом взмыл в воздух, набрал высоту и лег на круговой курс. После пятого круга Язон покачал головой.

— С аппаратом, по-моему, все в порядке, но слишком много помех от местной активности. Отойди-ка на тридцать километров от города, там опять пойдем по кругу.

На этот раз дело пошло лучше. Со стороны города поступал мощный импульс; пеленгатор давал его направление с точностью до одного градуса. Развернув антенну под прямым углом к курсу, Язон получал достаточно постоянный сигнал. Мета повернула корабль вокруг продольной оси так, что капсула Язона оказалась точно внизу.

— Теперь полный порядок, — сказал он. — Держи так и старайся, чтобы нос не отклонялся.

Сделав засечку на лимбе, Язон повернул антенну на 180 градусов. Корабль продолжал идти по кругу, а Язон внимательно следил, нет ли импульсов, направленных к городу. Когда половина окружности была пройдена, он снова услышал сигнал.

Полоса была узкая, но мощная. Для полной уверенности Язон прошел еще два полных круга и оба раза точно засек гирокомпасом направление. Показания совпали. После этого он вызвал Мету.

— Приготовься делать поворот вправо, или как там у вас это называется. Кажется, есть пеленг. Внимание... давай!

Поворот был сделан так плавно, что Язон ни на секунду не потерял сигнала. Два-три раза стрелка прибора качалась, но Язон тотчас возвращал ее на место. Как только корабль лег на заданный курс, Мета увеличила тягу.

Они шли прямо на область лесных пиррян.

Час хода почти на предельной атмосферной скорости не принес никаких изменений. Мета ворчала, но от курса не отклонялась. Направление сигнала не менялось, а мощность понемногу росла. Они прошли над цепью вулканов по краю материка, и корабль тряхнули восходящие потоки воздуха. Когда берег остался позади и внизу простерлось море, Скоп тоже начал ворчать. Он все крутил свою турель, однако вдали от суши не по чему было стрелять.

Но вот из-за горизонта появились острова, и сразу направление сигнала переменилось.

— Сбавляй ход!— скомандовал Язон.— Похоже, наш источник на этих островах!

Некогда здесь был целый материк. Он плавал на жидком ядре Пирра, напряжения в коре менялись, суша перемещалась, и материк ушел под воду. От кипящего жизнью края осталась лишь цепочка островов, некогда бывших вершинами самого высокого хребта. Торчавшие из океана клочки суши стали убежищем последних обитателей погибшего континента, победителей долгой и жестокой борьбы за существование. Здесь уцелели древнейшие виды пиррянской фауны.

— Пониже,— распорядился Язон.— Курс на большую гору. Кажется, сигнал идет оттуда.

Они прошли над самой горой, но увидели только деревья да опаленные солнцем камни.

Дикая боль пронизала голову Язона. Словно страшный заряд ненависти проник из приемника ему в череп. Он сорвал наушники и стиснул голову руками. Сквозь слезы он увидел, как с деревьев внизу сорвались черные тучи крылатых тварей. Склон промелькнул и исчез, в ту же секунду Мета резко прибавила ход, и корабль пошел вверх.

— Нашли!— прозвучал ликующий голос Меты, однако она сразу переменила тон, увидев на экране лицо Язона.— Что с тобой? Что случилось!

— Я совсем разбит... В жизни не ощущал такой мощной телепатической атаки! Перед самой атакой я заметил какую-то дыру, что-то вроде входа в пещеру. Похоже, излучение идет оттуда.

— Ложись и отдыхай,— сказала Мета.— Я тебя живо доставлю домой. Сейчас свяжусь с Керком. Он должен знать, что произошло.

В здании космопорта стояла кучка ожидающих. Как только ракетные двигатели смолкли, они выбежали на поле, закрывая руками лицо от струй раскаленного воздуха, Керк первым ворвался внутрь корабля

и отыскал взглядом Язона, распростертого на перегрузочном ложе.

— Это правда?— рявкнул он.— Ты выследил извергов, которые начали войну?

— Спокойно, брат, не горячись,— отозвался Язон.— Я засек источник телепатической команды, которой направляется война. Но я не установил, кто начал войну, и у меня нет никаких оснований называть их извергами...

— Мне надоела твоя игра словами,— перебил его Керк.— Ты нашел этих тварей, их логово засечено.

— Совершенно точно,— подхватила Мета.— Найду с завязанными глазами.

— Отлично, отлично,— Керк потер руки так, что скрипнули мозоли.— Даже не верится, что наконец-то мы можем покончить с этой многовековой войной. Можем! Вместо того чтобы без конца косить эти проклятые самовозрождающиеся легионы, мы доберемся до вожаков. Разыщем их — пусть на себе узнают, что такое война,— и сотрем с лица планеты!

— Ни в коем случае!— возразил Язон, заставив себя сесть.— Ни за что на свете! С первого дня, как я прибыл на эту планету, мной все время помыкают, сколько раз моя жизнь висела на волоске! Думаешь, я сделал это только затем, чтобы ты мог потешить свою кровожадную душу? Я добиваюсь мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать повести с ними переговоры. Честный человек держит свое слово!

— В другое время я убил бы тебя на месте за оскорбление,— сказал Керк.— Ну да ладно... Ты сделал большое дело для нашего народа, и мы не стыдимся признать, что обязаны тебе. И вообще, не надо обвинять меня в нарушении обещаний, которых я не давал. Я отлично помню свои слова. Я обещал поддержать любой разумный план, чтобы покончить с войной. Это самое и я собираюсь теперь сделать. Твой план вести мирные переговоры нерационален. Поэтому мы уничтожим врага.

Керк повернулся, чтобы уходить.

— Подумай как следует! — крикнул Язон ему в спину.— Что плохого в том, чтобы попытаться устроить переговоры и объявить перемирие? А уж если не получится, испытаешь свой способ.

В отсек успело набиться довольно много народу. Керк остановился на пороге.

— Я скажу тебе, почему перемирие не годится. Это выход для трусов, понял? Ты инопланетник, с тебя нечего спрашивать. Но неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я стану поддерживать такую пораженческую линию? Учти, я говорю не только за себя, а за всех нас. Мы не боимся схватки и умеем постоять за себя. Мы знаем, что без войны сможем наладить здесь совсем другую жизнь. Но если нам придется выбирать между войной и трусливым миром — мы за войну! И кончится она только тогда, когда враг будет поголовно истреблен.

Его поддержали одобрительные возгласы, и Язону пришлось напрячь голос:

— Блестяще. Уверен, ты даже считаешь свои речения оригинальными. Но ты прислушайся — слышишь овации на хорах? Это тебя приветствуют духи всех подонков, которые когда-либо бряцали оружием и кричали о пользе войны. Они узнают свои старые лозунги. Мы-де представляем светлые силы, а противник воплощает силы тьмы. Правда, враг говорит то же самое, но это ничего не значит. Знай себе тверди старые фразы, которые губят людей, сколько существует человеческий род. «Трусливый мир» — это надо же! Мир означает отсутствие войны, прекращение военных действий. При чем тут трусость? Что ты пытаешься замазать этим путаным определением? Свои истинные побуждения? Ты их стыдишься?

И правильно делаешь, я бы тоже стыдился. Скажи лучше напрямик, что ты раздуваешь войну, потому что тебе нравится убивать! У тебя и твоих убийц душа радуется смотреть, когда кто-то умирает, вот вы и стараетесь!

Наступила напряженная тишина. Все ждали, что скажет Керк. Он побелел от ярости, но держал себя в руках.

— Ты прав, Язон. Нам нравится убивать. И мы будем убивать. Все, что противилось нам на этой планете, будет уничтожено. И мы сделаем это с величайшим удовольствием.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь, когда развеется впечатление от его слов. Остальные последовали за ним, возбужденно переговариваясь. Язон откинулся на ложе совершенно разбитый.

Когда он открыл глаза, все уже ушли. Все, кроме Меты. На ее лице тоже был написан кровожадный экстаз, однако, посмотрев на Язона, она словно протрезвела.

— Ну что, Мета?— резко спросил он.— Никаких сомнений, никаких колебаний? Ты тоже считаешь, что другого пути покончить с войной нет?

— Не знаю,— ответила она.— Я не уверена. Впервые в жизни я чувствую, что может быть несколько ответов.

— Поздравляю,— с горечью произнес он.— Ты становишься взрослой.

ГЛАВА XXII

Стоя в сторонке, Язон смотрел, как в трюм корабля укладывают смертоносный груз. Пирряне весело таскали пулеметы, гранаты, газовые бомбы. Когда дошла очередь до ранца с атомной бомбой, кто-то запел лихой марш, и все подхватили. Они явно радовались, а Язон с тяжелым сердцем думал о предстоящем побоище. Он чувствовал себя предателем. Может быть, найденные им организмы следовало уничтожить. А может быть, и нет. Все равно сперва надо было сделать хоть что-то для примирения, а так это будет просто-напросто убийство.

Из здания оперативного центра вышел Керк; из недр корабля донесся вой пусковых насосов. Через несколько минут — старт. Язон затрусил к кораблю и перехватил Керка на полпути.

— Я полечу с вами, Керк, ты не смеешь мне отказать. Как-никак ведь это я их нашел.

Керк помялся.

— Это боевая операция,— сказал он.— Где мы наблюдателей поместим, к тому же лишний вес... И ведь ты отлично знаешь, Язон, что нас теперь не остановишь.

— Вы, пирряне, первые лжецы во всей вселенной,— отозвался Язон.— Мне не хуже тебя известно, что корабль может взять в десять раз больше того, что вы сейчас погрузили. Ну так как, ты берешь меня или отказываешь без объяснения причин?

— Живо на борт!— сказал Керк.— Только не попадайся под ноги — растопчу.

Теперь, когда цель была известна, полет занял гораздо меньше времени. Мета подняла корабль в стратосферу по высокой баллистической кривой, которая заканчивалась на острове. Керк занял кресло второго пилота, Язон устроился позади них так, что видел экраны. Десантники — двадцать пять добровольцев — поместились в грузовом трюме, где лежало оружие. Все экраны были подключены к носовой видеокамере. Вот пока-

зался зеленый остров; он быстро надвигался, потом его заслонило пламя тормозных ракет. Мета сбросила ход и плавно посадила корабль на ровной площадке рядом с устьем пещеры.

На этот раз лучи ненависти не застигли Язона врасплох и все-таки заставили его сморщиться от боли. Стрелки, злорадно смеясь, открыли ураганный огонь по живности, которая окружила корабль плотным кольцом. Они косили тысячами представителей островной фауны, а те все шли и шли.

— Неужели это необходимо? — спросил Язон.— Это же просто убийство, резня, избиение...

— Самооборона,— возразил Керк.— Они нас атакуют, мы отбиваемся. Элементарно. А теперь заткнись, пока я не вышвырнул тебя туда.

Только через полчаса огонь немного ослаб. Животные продолжали атаковать, но массовые штурмы кончились. Керк распорядился по интеркому:

— Десантному отряду выходить! И глядеть в оба. Они знают, что мы здесь, и постараются задать вам жару. Отнесите бомбу в пещеру и проверьте, сколько тянется ход. Можно дать по ним хороший залп с воздуха, но какой от этого толк, если они засели в горе. Не выключайте визифоны. Положите бомбу и, как только я скомандую, возвращайтесь. Ну, пошли!

Десантники скатились по трапам на землю и образовали штурмовой порядок. Они подверглись атаке, но косили противника, не подпуская его близко. И вот направляющий уже вошел в пещеру. Его видеодатчик был обращен вперед, и на экранах в корабле было хорошо видно, как продвигается отряд.

— Да,большая пещера,— пробурчал Керк.— И главное, дальше понижается. Как раз то, чего я боялся. Сбросить бомбу сверху — закупорит вход, и только. Никакой уверенности, что обитатели не выберутся через какой-нибудь другой ход. Ну ладно, поглядим, как далеко она тянется.

Тепло в пещере позволяло пользоваться инфракрасными фильтрами. Стены рисовались на экранах черно-белыми узорами.

— Как вошли в пещеру, никаких признаков жизни,— докладывал командир отряда.— У входа были обглоданные кости, помет летучих мышей. На искусственное сооружение непохоже, обыкновенная пещера.

Десантники продолжали двигаться дальше, постепенно замедляя шаг. При всей нечувствительности пиррян к телепатии даже они ощущали лучи концентрированной ненависти, от которых у Язона все сильнее раскалывалась голова.

— Берегись! — вдруг закричал Керк, с ужасом глядя на экран.

Всю пещеру заполнили какие-то белесые безглазые твари. Боковые ходы, из которых сыпалась эта мерзость, были настолько малы, что животные казались порождением самой горы. Пламя огнеметов пожирало передовые шеренги, но сзади напирали другие. Изображение пещеры опрокинулось: командир упал. Линзу видеодатчика накрыли белые тела.

— Сомкнуть ряды! Огнеметы и газ — рявкнул Керк в микрофон.

После первой атаки осталось меньше половины отряда. Прикрываясь огнеметами, уцелевшие бросили газовые гранаты. Сами они были надежно защищены от газа боевыми скафандрами. Кто-то нырнул в кучу тел и вытащил видеодатчик.

— Оставить бомбу и отойти!— скомандовал Керк.— Хватит с нас потерь.

Вместо убитого командира Керку ответил другой.

— Простите, начальник, но теперь что назад идти, что вперед. Газ свое дело делает. Немного осталось, зачем же отступать.

— Выполняйте приказ! — отрезал Керк, но лицо десантника уже исчезло с экрана.

Наступление продолжалось. Язон стиснул ручки кресла до боли в пальцах. Опомнившись, он разжал их и начал растирать.

На экране навстречу им опять плыла черно-белая пещера. Часы отмеряли минуту за минутой. Каждый раз, когда белесые твари атаковали, взрывались газовые гранаты.

— Вижу впереди что-то еще... другого вида,— произнес прерывающийся голос.

Узкий ход, постепенно расширяясь, сменился огромным залом — ни потолка, ни дальней стены не видно.

— Кто это там?— спросил Керк.— Прожектор направо!

Картинка на экране была смазана, выступы мешали рассмотреть подробности, но и без того было понятно, что речь идет о чем-то необычном.

— Никогда не видел... ничего похожего,— продолжал голос.— Что-то вроде больших растений, высота метров десять... Только они шевелятся. Не то ветви, не то щупальца прямо в нас целятся... голова разламывается...

— Подстрели одно, посмотри, что получится,— сказал Керк.

Грянул выстрел, и в ту же минуту мощная волна ненависти повергла десантников на землю. Они скорчились от боли, теряя сознание, неспособные ни думать, ни дать отпор безглазому зверью, которое снова пошло в атаку.

Сидя в корабле, Язон ощутил сильнейший шок и спросил себя, каково же людям там, в подземелье? Керка и Мету тоже поразило излучение. Керк ударил кулаком по раме визифона и закричал:

— Назад, назад сейчас же!

Поздно. Пиррянские твари захлестнули бьющихся в судорогах десантников, нащупывая швы скафандров. Наконец кому-то одному удалось встать. Отбиваясь руками от зверья, он с трудом сделал несколько шагов, нагнулся над копошащейся массой, напрягся и поднял своего мертвого товарища, у которого на спине был укреплен ранец. Мелькнули окровавленные пальцы, в следующую секунду все накрыла волна смерти.

— Это была бомба!— крикнул Керк Мете.— Если он не переключил механизм, у нас в запасе десять секунд. Уводи корабль!

Язон едва успел плюхнуться на перегрузочное ложе. Взревели ракетные двигатели, и на него навалилась огромная тяжесть. В глазах потемнело, но сознания он не потерял. Вой рассекаемого воздуха резал уши, потом наступила тишина — они вышли из атмосферы.

В тот самый миг, когда Мета сбросила ход, экраны озарила белая вспышка. И тотчас они потемнели — наружные видеодатчики не выдержали. Мета нажала одну кнопку — установка фильтров, потом другую — замена датчиков.

Далеко внизу, посреди клокочущего моря, на месте острова, вспухало раскаленное грибовидное облако. Они молча смотрели на него. Керк опомнился первым.

— Курс домой, Мета. Свяжись с оперативным центром. Мы потеряли двадцать пять человек, но они выполнили задание. Добили эту мерзость. И покончили с войной. Достойная смерть для мужчин.

Мета рассчитала орбиту, потом вызвала центр.

— Нет связи,— доложила она.— Наводящий луч принимаю, а на вызов никто не отвечает.

В эту минуту на экране возникло изображение пиррянина. Встревоженное лицо блестело от пота.

— Керк, ты? Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек не

справимся! Минуту назад тут началось что-то невообразимое, со всех сторон атакуют, такого еще никогда не было!

— Как это так?— недоверчиво вымолвил Керк.— Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб.

— Они лютуют как никогда прежде!— прозвучал сердитый ответ.— Не знаю, что вы там сделали, но только тут сейчас настоящая чертова мельница. Ладно, хватит болтать, гони сюда корабль!

Керк медленно повернул к Язону лицо, искаженное животной яростью.

— Ты! Это ты виноват! Надо было убить тебя в первый же день. Как мне хотелось это сделать, теперь вижу, что зря удержался. Ты словно чума — как прибыл сюда, кругом смерть сеешь. Ведь я знал, что ты не прав, да поддался твоему лживому языку. А что вышло? Сперва ты убил Велфа. Потом наших людей, которые пошли в пещеру. Теперь идет бой по всему периметру. Каждый, кто там погибнет, будет на твоей совести!

Взбешенный Керк шаг за шагом наступал на Язона, а тот отполз назад, пока не уперся в картодержатель. Рука Керка метнулась вперед. Это был не кулачный удар, а простая оплеуха. Язон дернулся в сторону, но ладонь. Керка настигла его и сбросила на пол. Он упал на спину, плечом к картодержателю, и пальцы его коснулись контейнеров с матрицами ОХР.

Язон схватил обеими руками один контейнер, выдернул его из гнезда и со всего размаха ударил им Керка. Металлическая трубка рассекла пиррянину лоб и скулу, но рана ничуть его не обескуражила. Он нагнулся и с улыбкой, не сулящей ничего доброго, поднял Язона на ноги.

— Сопротивляйся,— сказал он.— Тем приятнее мне будет прикончить тебя.

И он занес над Язоном гранитный кулак, который был способен снести противнику голову с плеч.

— Давай.— Язон прекратил борьбу.— Убивай. Тебе это ничего не стоит. Только не называй это правосудием. Да, Велф умер, чтобы спасти меня. Но десантники на острове погибли из-за твоей глупости. Я добивался мира, ты добивался войны. Ты получил ее. Убей меня, заглуши голос своей совести, ведь ты боишься смотреть правде в глаза.

Керк взревел от ярости, и его кулак, подобный копру для забивки свай, пошел вниз.

Мета обеими руками схватила руку Керка и повисла на ней, отвращая удар. Все трое повалились на пол; у Язона хрустнули кости.

— Не смей!— кричала Мета.— Язон был против высадки этих людей. Это была твоя затея. Ты не имеешь права убивать его за это!

Рассвирепевший Керк ничего не слышал. Сейчас он сражался с Метой. Конечно, женские мышцы не шли ни в какое сравнение с его могучими мускулами. Но она была пиррянка и сделала то, с чем не справился бы ни один инопланетник. Ей удалось отвлечь Керка, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы освободиться от хватки Меты и отбросить ее в сторону. Этих секунд Язону оказалось достаточно, чтобы добраться до выхода.

Он выскользнул в переход, живо захлопнул люк и задвинул засов. Мгновением позже Керк обрушился всей тяжестью на люк с другой стороны. Сталь заскрежетала и подалась. Одна петля лопнула, другая держалась только чудом. Еще толчок, и она полетит.

Но Язон не стал этого дожидаться. Ему вовсе не хотелось проверять, долго ли может устоять люк против разъяренного пиррянина. Он и без того уже знал, что нет таких дверей, которые удержали бы Керка. И Язон со всей доступной ему прытью пустился вниз по трапу. На корабле укрыться негде — значит, надо покидать корабль. А вот и шлюпочная палуба со спасательными капсулами.

С тех самых пор, как Язон увидел эти капсулы, они не шли у него из головы. Конечно, он не мог предвидеть такой ситуации, однако он допускал, что в какой-то момент ему может понадобиться, так сказать, транспортное средство. И спасательная капсула его устраивала как нельзя лучше. Если не считать того, что у этих капсул, по словам Меты, нет горючего... В той капсуле, где Язон сидел с пеленгатором, баки в самом деле были пустые, он нарочно проверил. Но ведь есть еще пять капсул. Спасательные капсулы без горючего — хитрая загадка, но у него было время поразмыслить над ней, и, кажется, он знает ответ.

Этот космический корабль у пиррян единственный. Мета как-то говорила ему, что они давно хотели приобрести второй, да до сих пор так и не собрались. Каждый раз деньги уходили на вооружение. И к тому же они вполне обходились одним кораблем, только надо было всегда держать его в готовности, чтобы город мог жить. Без поставок горожане просуществовали бы от силы два-три месяца. Поэтому, что бы ни случилось с кораблем, команде никогда не пришло бы в голову покинуть его в полете. Ведь гибель корабля означала гибель их мира.

Это освобождало их от необходимости заправлять горючим спасательные капсулы. Во всяком случае, всю шестерку. Но хоть одна-то должна быть заправлена для коротких рейсов, в которые нет смысла гонять большой корабль! Язон чувствовал, что тут в его рассуждениях намечается слабина. Чересчур много «если»... Если они вообще пользуются капсулами, то какую-то из них поддерживают в рабочем состоянии. Если так, то в ее баках должно быть горючее. Если горючее есть, то в которой из шести? Все проверять некогда. Он должен угадать с первого раза.

Правда, на этот счет у него была догадка. Еще одна. Если капсула заправлена, то скорее всего та, которая расположена ближе всех к пилотской кабине. Та самая, к которой сейчас метнулся Язон, думая о том, что его жизнь висит на тонкой цепочке догадок.

Люк за его спиной с грохотом упал. Яростно рыча, Керк прыгнул вниз. Язон нырнул в люк спасательной капсулы со всей скоростью, какую ему позволяли развить два G. Схватил обеими руками стартовый рычаг и рванул его.

Зазвенел аварийный сигнал, и люк капсулы закрылся перед самым носом Керка. Только молниеносная реакция спасла пиррянина от чувствительного удара.

Пусковая установка отстрелила капсулу. Кратковременное ускорение бросило Язона на пол, потом началось свободное падение, и он поплыл по воздуху. Двигатель молчал.

Вот когда Язон постиг смысл выражения «верная смерть». Без горючего капсула камнем рухнет на джунгли и разлетится вдребезги при ударе о землю. Теперь его ничто не спасет.

Вдруг сработало зажигание, взревели ракеты, Язон врезался в переборку и расквасил себе нос. Сел, вытер кровь и осклабился. Все в порядке, горючее есть. А зажигание так и должно запаздывать, чтобы капсула успела отойти сколько надо от корабля.

Так, теперь разберемся в управлении... Язон добрался до пилотского кресла.

Автопилот уже принял данные с альтиметра и выровнял капсулу параллельно земле. Как и на всяком спасательном устройстве, управление было предельно простое, чтобы даже новичок мог справиться. Автопилот не отключался, он работал параллельно с ручным управлением, исключая грубые ошибки. Вот и сейчас стоило Язону нетерпеливо крутнуть штурвал, как автопилот притормозил его.

Язон увидел через иллюминатор, как корабль закладывает крутой вираж. Он мог только гадать, кто ведет корабль и в чем смысл этого маневра. Как бы то ни было, лучше не рисковать. Он резко подал штурвал вперед и выругался, потому что капсула, вместо того чтобы спикировать, пошла плавно вниз. Корабль не был так ограничен в своих маневрах. Он резко изменил курс и ринулся на перехват. Носовая турель открыла огонь, и капсулу тряхнул взрыв. От сильного толчка что-то случилось с автопилотом, плавный спуск сменился крутым пикированием, все поле зрения занял стремительно надвигающийся лес.

Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Рев ракет... треск ломаемых деревьев... громкий всплеск... Затем — тишина.

Ветер унес дым. Высоко в небе кружил космический корабль. Вот он пошел вниз, словно собираясь сесть. Но тут же снова набрал высоту. Город звал на помощь, лояльность пересилила, и корабль, извергая пламя, помчался домой.

ГЛАВА XXIII

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение. Разбитый цилиндр медленно погружался в болотную жижу. Нос целиком ушел под воду, прежде чем Язону удалось ударом ноги открыть аварийный люк в средней части капсулы.

Никто не смог бы ответить, сколько времени понадобится болоту, чтобы засосать всю капсулу, да Язону было и не до того, чтобы размышлять над этим. Весь в синяках и ссадинах, он еле нашел в себе силы выкарабкаться наружу. Спотыкаясь и падая, он добрел до относительно сухого места и тяжело сел.

Капсула громко булькнула и окончательно скрылась. Несколько минут со дна еще поднимались пузырьки воздуха, затем и они пропали. Если не считать ободранных деревьев и разбросанных ветвей, ничто не говорило о вторжении космического аппарата в эти края.

Над болотом проносились насекомые, безмолвие леса нарушалось только мерзким воем какого-то зверя, расправляющегося с добычей. Потом и этот звук замер, воцарилась полная тишина.

Язон сбросил с себя оцепенение. У него было такое чувство, будто его пропустили через мясорубку; мысли вязли в густом тумане, заполнившем голову; наконец он вспомнил, что у него есть аптечка. Она никак не хотела отстегиваться, тогда он подсунул руку под жерло и навалился корпусом на аппарат. Аптечка прилежно загудела, и хотя Язон не ощутил уколов, он понял, что устройство сработало. Постепенно головокружение прошло, и у него прояснилось в глазах. Болеутоляющие средства окончательно разогнали черное облако, которое окутало его мозг, когда капсула спикировала в лес.

Рассудок вернулся к нему и принес с собой чувство одиночества. Без еды, без друзей, кругом враждебные силы чужой планеты... В недрах души зародился страх, и Язону стоило большого труда укрощать его.

— Думай, Язон, думай, не поддавайся эмоциям,— сказал он вслух, увещевая самого себя.

Сказал — и не обрадовался, так жалко прозвучал в пустоте его голос с оттенком истерии. В горле что-то застряло, он откашлялся, сплюнул

и увидел кровь. Глядя на красное пятнышко, Язон вдруг ощутил прилив ярости. Как он ненавидел эту свирепую планету и невообразимую тупость живущих на ней людей! Он громко выругался. На этот раз голос его уже не казался жалким. Язон орал, грозил кому-то кулаком. Помогло. Гнев вытравил страх и вернул ему здравый взгляд на действительность.

Совсем не так уж плохо посидеть на земле... Солнце ласково пригревало, и когда он откинулся на спину, то почти забыл о двойном тяготении. Прилив ярости вымыл страх из его души, а отдых прогнал усталость. Где-то в глубинах сознания возникло старое, стертое изречение: «Пока есть жизнь — есть надежда». Банально, ничего не скажешь, но в этих словах кроется зерно истины.

Итак, что у него есть в активе? Он изрядно потрепан, но жив. Ушибы и ссадины не страшные, кости целы. Пистолет в порядке; едва Язон подумал о нем, как он тотчас выскочил из кобуры. Да, пиррянское снаряжение сработано на совесть. Аптечку он уже проверил. Если он сохранит трезвость суждений, будет идти по возможности прямо и сумеет прокормиться плодами здешней земли, есть надежда добраться до города. Какой прием ждет его там — это другой вопрос. Придет — узнает. Сначала надо дойти.

В пассиве — планета Пирр. Изнуряющее тяготение, зверская погода, лютые звери. Сумеет ли он выжить? Как нарочно, небо вдруг потемнело, и в лесу зашелестел приближающийся дождь. Язон поднялся на ноги, чтобы засечь азимут, пока все не скрылось в пелене дождя. Вдали неясно вырисовывались горы, он помнил, как корабль проходил над ними. Что ж, это будет первый этап. Доберется туда, наметит следующий.

Неистовые порывы ветра забросали его листьями и мусором, потом хлынул ливень. Мокрый, озябший, адски усталый, с трудом переставляя ноги, он брел по планете смерти.

Спустилась ночь, а дождь все лил. Ориентироваться было невозможно, значит, идти дальше бессмысленно. К тому же Язон совсем выбился из сил. А впереди его ждала мокрая ночевка. Деревья кругом были такие толстые и скользкие, что он и при обычном тяготении ни на одно не влез бы. Проверил под упавшими стволами, под кустами — всюду одинаково мокро. Под конец Язон свернулся калачиком на земле около дерева и забылся, дрожа всем телом.

Около полуночи дождь прекратился, и сразу сильно похолодало. Язону приснилось, что он замерзает, к нему подкрадывается смерть, а проснувшись и с трудом открыв глаза, он убедился, что это почти так и есть. Между ветвями сыпал снежок, припорашивая землю, а заодно и Язона. У него все суставы окоченели, и когда он чихнул, грудь пронизала острая боль. Ноющие мышцы жаждали только покоя, но еще теплившийся рассудок приказал встать. Дальше лежать — смерть. Придерживаясь рукой за ствол, чтобы не упасть, он пошел вокруг дерева. Шаг за шагом, круг за кругом... Холод мало-помалу отступал, дрожь унялась. Усталость окутывала его тяжелой серой пеленой, а он все шел с закрытыми глазами, открывая их только тогда, когда падал и надо было, превозмогая боль, вставать.

На рассвете солнце выжгло снеговые тучи. Язон прислонился к дереву и поднял к небу воспаленные глаза. Кругом все было бело, не считая натоптанной им черной дорожки. Опираясь спиной о гладкий ствол, Язон медленно опустился на землю. Всеми клетками он впитывал солнечные лучи.

Голова кружилась от усталости, губы потрескались, упорный кашель раздирал грудь. Солнце, едва выйдя из-за горизонта, уже припекало. Язон быстро высох, потом ему стало жарко. Очень жарко.

Что-то не в порядке... Эта мысль настойчиво стучалась в его мозг. Наконец он впустил ее и рассмотрел со всех сторон. Что не в порядке?.. Его самочувствие.

Воспаление легких. Явные признаки пневмонии.

Язон улыбнулся, потом слизнул с губ капельки крови. Право, смешно: он успешно отбивался от пиррянских хищников и ядовитых рептилий, а вот самые крохотные бестии его одолели. Ничего, найдется и на них управа. Он засучил рукав и дрожащими пальцами прижал к руке жерло аптечки. Послышался щелчок, затем сердитое жужжание. Он знал, что этот звук что-то означает,— но что именно? Подняв аптечку, Язон увидел торчащий конец иглы. Ну конечно. Нет антибиотика, предписанного анализатором. Аппарат нуждается в заправке.

Язон выругался и отшвырнул аптечку; она шлепнулась в лужу и утонула. Конец лекарства, конец аптечки, конец Язона динАльта. Одинокий воитель против полчищ планеты смерти... Отважный чужепланетник, ни в чем не уступающий местным жителям... Всего один день без посторонней помощи — и его смертный приговор утвержден.

За его спиной раздалось свирепое рыканье. Он мгновенно повернулся и выстрелил, бросаясь на землю. И даже не успел осознать происходящего, как уже все было кончено. Пиррянская школа здорово натренировала его подкорковые центры. Глядя на уродливую тварь, которая корчилась в предсмертных судорогах в метре от него, Язон сказал себе, что часы учения не пропали зря.

Тут же он с огорчением подумал, что убил одну из собак корчевщиков. Однако, присмотревшись, Язон заключил, что этот зверь отличается от собак и мастью и размерами. И нравом. Хотя выстрел разнес грудную клетку и кровь била фонтаном из разорванных сосудов, чудовище все еще пыталось добраться до противника. Оно успело доползти до самых ног Язона, прежде чем смерть навела глянец на его глаза.

Нет, это не собака, но, возможно, ее дикий родич. Вероятно, тут такое же родство, как между собакой и волком на Земле. Может быть, и у этих тварей есть волчьи черты? Может быть, и они охотятся стаями?

Он живо поднял голову. И вовремя поднял! Между деревьями крались серые силуэты. Язон уложил одного за другим двух хищников; остальные, яростно ворча, отступили в лес. Но они не ушли совсем. Гибель трех членов стаи не устрашила остальных, только прибавила им злости.

Сидя спиной к дереву, Язон отражал повторные атаки. Подпустит зверье поближе и только тогда открывает огонь. После каждого выстрела, сопровождающегося предсмертным визгом жертвы, все громче и яростнее выли уцелевшие. Некоторые затевали драку между собой, давая выход своему бешенству. Один, поднявшись на задних лапах, начал сдирать когтями кору с дерева. Язон выстрелил по нему, но промахнулся, расстояние было слишком велико.

Он подумал, что у высокой температуры бывают свои преимущества... Ведь вот рассудок говорит ему, что он доживет только до заката или до тех пор, пока не расстреляет все патроны. А ему хоть бы что! Наплевать на все. Он полностью расслабился. Поднимет руку, выстрелит — и опять отдыхает. Иногда приходилось поворачиваться, чтобы уложить зверя, который подкрадывался сзади. Будь дерево потоньше, на этот маневр уходило бы меньше усилий... Ничего, и это сойдет.

Под вечер он истратил последний заряд. Поймав себя на том, что он все чаще промахивается. Язон на этот раз дал зверю подойти совсем близко, потом выстрелил. Чудовище захрипело и испустило дух. Остальные с воем отпрянули, при этом одна тварь подставила бок, и Язон поспешил нажать на спуск.

Последовал негромкий щелчок. Осечка? Он нажал снова — опять щелчок. Магазин был пуст, опустел и патронташ на поясе. Язон не мог даже припомнить, сколько раз перезаряжал свое оружие.

Выходит, конец. Верно ему говорили, Пирр не по его зубам. А что говорили — как будто Пирр и с ними не расправится! Еще ни один пиррянин не умер своей смертью. И вообще пирряне не доживают до преклонных лет — их раньше съедают.

Теперь, когда ему не надо было держаться начеку и отстреливаться, болезнь взяла верх над ним. Ему страшно хотелось спать, и он знал, что это будет долгий сон. Слипающимися глазами он смотрел, как зверье подкрадывается к нему. Вожак уже совсем близко... Язон увидел, как его мышцы напряглись для прыжка.

Хищник прыгнул. Сделал в воздухе кувырок и упал подле Язона. Из клыкастой пасти струилась кровь, в голове сбоку торчал короткий металлический черенок.

Два человека вышли из зарослей и направились к Язону. Звери тотчас скрылись; одного появления этих людей было достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Корчевщики. Он так спешил добраться до города, что забыл про корчевщиков. Хорошо, что они здесь. Хорошо, что пришли. Язык не слушался Язона, поэтому он улыбнулся им в знак благодарности. Но улыбаться было очень больно, и он решил поспать.

ГЛАВА XXIV

Дальше он воспринимал происходящее только урывками. Какое-то движение, и крупные животные кругом... Стены, запах дыма, голоса... Но его ничто не волновало и не заботило, он слишком устал. Куда легче и проще ничем не загружать мозги.

— Наконец-то,— сказал чей-то голос.— Еще день-другой, и мы закопали бы тебя в землю, хотя бы ты еще и дышал.

Язон прищурился, стараясь сфокусировать расплывшееся перед его глазами лицо. Узнал Реса, хотел ответить, но едва открыл рот, как на него напал нестерпимый кашель. Кто-то поднес ему к губам чашку, и он проглотил какую-то сладковатую жидкость. Отдохнув немного, он сделал новую попытку.

— Давно я здесь?— Язон не узнал собственного голоса, так тонко и слабо он прозвучал.

— Восемь дней,— сказал Рес.— Но почему ты меня не слушал, когда мы с тобой говорили в прошлый раз? Почему не остался около ракеты после аварии? Я же сказал тебе, что ты можешь садиться в любом месте нашего края. Ну ладно, теперь это уже позади. Но в другой раз слушай меня повнимательнее. Наши люди не теряли времени, они еще до темноты были на месте аварии. Увидели сломанные деревья, увидели след от затонувшей ракеты и сперва подумали, что из нее никто не смог выбраться. Но тут одна из собак взяла твой след. Ночью в болотах она его опять потеряла. Сколько ни искали, не могли найти. Сам понимаешь — грязь, снег... На следующий день уже хотели вызывать подмогу, когда вдруг услышали стрельбу. В последнюю минуту подоспели, насколько я понимаю. К счастью, один из них был говорун, он приказал диким собакам уходить. Иначе пришлось бы их всех перебить, а это никуда не годится.

— Спасибо, что выручили меня,— сказал Язон.— Без вас я бы пропал. А что было дальше? Я помню только, как я простился с жизнью. Определил воспаление легких, верная смерть в моем тогдашнем состоянии без специального ухода. Выходит, вы ошибались, когда говорили, что от ваших лекарств мало проку. Мне-то они явно помогли...

Он замялся, глядя на Реса, который отрицательно качал головой с хмурым и озабоченным видом. Рядом с Ресом стояли еще два корчевщика, в том числе Накса, и у обоих на лице тоже было удрученное выражение.

— В чем дело?— насторожился Язон.— Если мне помогли не ваши лекарства, то что же помогло? Во всяком случае, не моя аптечка. Она была пустая. Помню, я ее не то обронил где-то, не то выбросил.

— Ты умирал,— медленно заговорил Рес.— Мы не могли тебя вылечить. Тут нужен был такой аппарат, какие делают жестянщики. Мы добыли его у водителя транспортера.

— Как добыли?— поразился Язон.— Вы же сами говорили, что горожане не дают вам лекарств. Он ни за что не отдал бы свою аптечку. Только...

Рес кивнул и договорил:

— ...мертвый. Да, он был мертв. Я сам его убил с превеликим удовольствием.

Слова Реса поразили Язона в самое сердце. Откинувшись на подушки, он мысленно перебирал всех тех, кто погиб после того, как он попал на Пирр. Люди умирали, чтобы спасти его, умирали, чтобы он жил, умирали из-за его идей. Он чувствовал себя последним негодяем. Будет ли Краннон последней жертвой или горожане захотят отомстить?

— Вы понимаете, что это значит?— произнес он через силу.— Гибель Краннона окончательно восстановит город против вас. Вы больше ничего от них не получите. Они будут нападать на вас при каждом удобном случае, убивать ваших людей...

— Все это мы знаем!— ответил Рес охрипшим от волнения голосом.— Не подумай, что нам было легко решиться на такое. У нас было что-то вроде торгового соглашения с жестянщиками. Транспортеры с товарами считались неприкосновенными. Ведь это было наше единственное связующее звено с галактикой, последняя надежда на то, что когда-нибудь все-таки удастся наладить контакт с внешним миром.

— Тем не менее вы разрушили это звено, чтобы спасти меня. Во имя чего?

— На этот вопрос только ты можешь ответить. Город подвергся сильнейшей атаке, мы видели бреши в стене, в одном месте им пришлось отодвинуть линию обороны назад. В это время космический корабль находился над океаном и сбрасывал какие-то бомбы. Наши люди видели вспышку. Потом корабль пошел обратно, а ты покинул его на маленькой ракете. Они обстреляли ее, но убить тебя им не удалось. И ракета уцелела, мы как раз собираемся поднять ее из болота. Что все это означает? На этот вопрос никто не мог нам ответить. Мы понимали только, что произошли очень важные события. Тебя нашли живым, но было очевидно, что ты обречен и от тебя мы ничего не узнаем. Может быть, ракету еще можно отремонтировать и использовать. Может быть, ты украл ее для нас с этой целью. Мы не могли дать тебе умереть, хотя бы это грозило нам доподлинной войной с горожанами. Объяснили положение всем тем из наших людей, кого удалось застать на месте, и все были за то, что тебя надо спасти. Я убил жестянщика, взял аптечку, загнал двух доримов и поспел как раз вовремя. А теперь скажи нам, что все это значит? Какой у тебя план? Что он нам даст?

Чувство вины лишило Язона дара речи. В памяти промелькнул эпизод из старинной легенды — про Иону, который загубил космический корабль со всеми людьми, а сам остался жив. Не о нем ли эта притча? Неужели он погубил целый мир? Смеет ли он признаться этим людям, что угнал ракету только за тем, чтобы спасти свою жизнь?

Три пиррянина выжидательно наклонились над ним. Язон закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Как быть? Если он скажет им все как есть, они тут же убьют его и будут правы. Собственная судьба его уже не беспокоила, но ведь если он сейчас умрет, все жертвы окажутся напрасными. А между тем война между планетой и людьми может быть прекращена. Все факты налицо, осталось только пригнать их друг к другу. Он уже знал бы ответ, если бы не эта проклятая усталость. Решение готово, схоронилось где-то в мозгу и ждет, чтобы его извлекли из тайника.

За стеной послышался топот, потом невнятный крик, но пирряне не обратили внимания на эти звуки, они напряженно ждали, что ответит Язон. А он никак не мог подобрать нужные слова. Одно ему было ясно: нельзя говорить правду. Его кончина будет кончиной всех надежд. Надо лгать, чтобы выиграть время и отыскать решение, которое вертится где-то совсем рядом... Но утомленный мозг был не в состоянии придумать что-нибудь правдоподобное.

В напряженной тишине громко отдался стук распахнутой двери. На пороге стоял кряжистый человек, его багровое лицо, обрамленное седой бородой, дышало гневом.

— Вы что тут, оглохли все?— рявкнул он.— Целую ночь скачу, всю глотку сорвал, а вы сидите здесь словно клуши. Выходите! Живо! Землетрясение! Вот-вот начнется сильное землетрясение!

Пирряне вскочили на ноги и обрушили на вошедшего град вопросов. Голос Реса прозвучал громче других:

— Хананас! Сколько у нас времени?

— Сколько времени? Нашел о чем спрашивать! Уходите, пока живы, это все, что я знаю!

Не тратя времени на дальнейшие разговоры, корчевщики живо приступили к сборам, и через минуту Язон уже лежал на носилках, укрепленных на спине дорима.

— В чем дело?— спросил он пиррянина, который привязывал его к носилкам.

— Землетрясение надвигается,— ответил тот, затягивая узел.— Хананас наш лучший предсказатель по этой части. Он всегда заранее знает, когда ждать землетрясения. Кого успеет предупредить, те уходят. Предсказатели всегда наперед знают — чувствуют, что ли.

Он управился с узлами и исчез.

Когда они тронулись в путь, уже смеркалось, и красный закат перекликался с пунцовым заревом на севере. Издалека доносился глухой гул, который воспринимался скорее осязанием, чем слухом; в земле отдавались толчки. Доримы без понукания пустились валкой рысью. Они прошлепали копытами по мелкому болоту, после чего Хананас резко изменил курс. Причину этого Язон понял немного погодя, когда небо на юге словно взорвалось. Яркая вспышка озарила лес, потом сверху посыпался пепел, по деревьям барабанили раскаленные камни. Земля шипела там, где они падали, и быть бы лесному пожару, если бы не недавний дождь.

Рядом с маленьким караваном колыхалось что-то большое и черное. Когда они выехали на поляну, Язон присмотрелся и в отраженном свете разглядел косматое чудовище с огромными кривыми рогами.

— Рес...— позвал он, задыхаясь.

Рес бросил взгляд на зверя и отвернулся.

Чудовище его не то что не испугало — даже не заинтересовало. Посмотрев по сторонам, Язон понял почему.

Бегущие животные не издавали ни звука, поэтому он не заметил их раньше. Между деревьями справа и слева мелькали темные силуэты. Какие-то из них он узнавал, незнакомых видов было намного больше. Несколько минут совсем рядом, мешаясь с одомашненными собаками, бежала стая диких псов. И ничего, как будто всегда так было. Над головой у всадников проносились летающие твари. Перед угрозой катаклизма междоусобицы были забыты. Все живое объединилось в борьбе за жизнь. Путь пересекли жирные животные с изогнутыми клыками, похожие на свиней. Доримы замедлили бег, осторожно ставя ноги, чтоб не топтать их. Иногда мелкие твари цеплялись за спину более крупных и какое-то время ехали на них верхом, прежде чем соскочить опять.

Скрипучие носилки немилосердно трясли Язона, и в конце концов его сморил сон. Ему снились звери, несущиеся вперед в бесшумном стремительном беге. Откроет глаза, закроет глаза — одно и то же, нескончаемая череда животных.

Эта картина таила в себе какой-то глубокий смысл... Но что именно? Язон нахмурился, соображая. Бегущие животные, пиррянские животные...

Вдруг он сел на носилках, сон как рукой сняло. Ну конечно же!

— Что случилось?— спросил Рес, подъезжая вплотную.

— Ничего, едем дальше,— отозвался Язон.— Нам бы только выбраться живьем из этой переделки. Я знаю, как вашему народу получить то, чего он хочет, и прекратить войну. Есть способ, мы его применим.

ГЛАВА XXV

В памяти откладывались только отдельные фрагменты ночного перехода. Кое-что запечатлелось очень четко — например, громадная, с космический корабль величиной глыба раскаленного шлака, которая упала в озеро и обдала всадников брызгами горячей воды. А вообще подробности этого бесконечного перехода мало занимали изнуренного болезнью Язона. На рассвете они вышли из опасной зоны, и доримы с рыси перешли на шаг. Как только угроза миновала, звери исчезли, тихо разошлись в разные стороны, все еще соблюдая перемирие.

Но кончилась опасность — кончился и мир; Язон убедился в этом, когда они устроили привал. Вместе с Ресом он направился к зеленому пятачку возле упавшего дерева, однако на мягкой траве уже лежала дикая собака. При виде людей она вся напряглась, румяный восход высекал красные искры из ее глаз. В трех метрах от зверя Рес остановился и замер. Язон тоже остановился, спрашивая себя, почему корчевщик не берется за оружие и не зовет никого на помощь. Что ж, ему виднее...

Неожиданно собака прыгнула прямо на них. Рес оттолкнул Язона в сторону, так что он упал навзничь, и сам припал к земле, держа в руке длинный нож, который выхватил из укрепленных на бедре ножен. Молниеносный выпад... Собака изогнулась в воздухе, пытаясь схватить нож зубами, но он уже вонзился в ее тело за лопаткой и распорол ее во всю длину. Она еще была жива, когда упала на землю, но Рес уже сидел на ней верхом. Задрав кверху защищенную пластинами голову, он перерезал собаке горло, потом тщательно вытер о ее шкуру нож и сунул его обратно в ножны.

— Обычно они смирные,— спокойно сказал он,— но эта чем-то была взбудоражена. Должно быть, потеряла стаю.

Как это непохоже на поведение горожан! Рес не лез на рожон и не стал нападать первый, он до последнего избегал схватки. Когда же зверь пошел в атаку, последовала быстрая и эффективная расправа. Но Рес не упивался своей победой, напротив, он явно был огорчен гибелью живого существа.

Правильно. Все стало на свои места. Теперь ему ясно, как начался смертельный поединок Пирра с человеком — и ясно, как его прекратить. Нет, жертвы не были напрасными! Каждая из них приближала его к цели. Осталось сделать последний шаг.

Рес смотрел на Язона, явно думая о том же.

— Выкладывай,— сказал он.— Что ты подразумевал, когда говорил, что мы можем перебить жестянщиков и завоевать свободу?

Язон не стал его поправлять: пусть думают, что он всецело на их стороне.

— Собери остальных, я объясню. И надо, чтобы Накса непременно был, и другие говоруны.

Люди Реса не заставили себя ждать. Каждый знал, что для спасения этого инопланетника был убит жестянщик и теперь вся надежда на него. Глядя на обращенные к нему лица, Язон думал, как лучше растолковать им, что нужно сделать. Мысль о том, что многие из них погибнут, выполняя его план, не облегчала ему задачу.

— Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Есть способ сделать это, но он потребует человеческих жертв. Может быть, погибнет кто-то из вас. По-моему, за такое дело не жалко жизнь отдать, ведь победа даст вашему народу все то, о чем вы давно мечтали.

Он обвел взглядом напряженно слушающих людей.

— Мы нападем на город прорвем периметр. Я знаю, как это сделать...

Толпа зашумела. Одни ликовали, предвкушая расправу с исконным врагом. Другие таращились на Язона как на сумасшедшего. Третьи были ошеломлены дерзким замыслом сразиться с вооруженным до зубов врагом в его оплоте. Язон поднял руку, и все смолкли.

— Я знаю, это кажется невозможным,— продолжал он.— Но послушайте, что-то надо делать. И сейчас самое время действовать. Дальше будет только еще хуже. Город Пирр... жестянщики обойдутся без вашего продовольствия, их концентраты — порядочная дрянь, но прожить можно. А вот вам придется несладко, уж они постараются отомстить. Вы перестанете получать металл для инструмента, части для электронной аппаратуры. Они способны даже выслеживать с воздуха и уничтожать ваши фермы. Словом, ждите неприятностей. И это только начало... Горожане проиграют войну против планеты. С каждым годом их остается все меньше, в один прекрасный день последние вымрут. Но сперва — уж я их знаю!— они взорвут свой корабль, а заодно и всю планету, если сумеют.

— А как мы им можем помешать? — крикнул кто-то.

— Помешаем, если нанесем удар теперь,— ответил Язон.— Я хорошо изучил город, знаю, как устроена оборона. Периметр предназначен для защиты от животных, а мы можем прорваться, если очень постараемся.

— Что толку?— возразил Рес.— Мы прорываем периметр, они отходят, потом собирают все силы и наносят ответный удар. Разве мы устоим против их оружия?

— До этого не дойдет. Их космодром примыкает к периметру, я знаю точно, где стоит корабль. Именно там мы и должны прорваться. Около корабля нет постоянной охраны, и вообще на космодроме мало людей. Мы захватываем корабль. Сможем ли мы им управлять, роли не играет. У кого

в руках корабль, у того в руках и весь Пирр. Мы пригрозим уничтожить корабль, если не будут приняты наши условия. Им придется выбирать — либо массовое самоубийство, либо сотрудничество. Надеюсь, у них хватит ума предпочесть второе.

Секунду царила полная тишина, но тут же загудели голоса, все старались перекричать друг друга, пока Рес не вмешался и не навел порядок.

— Тихо!— крикнул он.— Дайте Язону договорить, потом решайте. Мы еще не слышали, как он предлагает осуществить прорыв.

— Успех моего плана зависит от говорунов,— сказал Язон.— Накса тут?

Он выждал, пока одетый в шкуры корчевщик не протиснулся вперед, и продолжал:

— Слушай, Накса, у меня к тебе вопрос относительно говорунов. Вы умеете приказывать доримам и собакам, это я знаю. А как с дикими животными? Можете вы их заставить слушаться вас?

— Диких-то? А что, заставим. Чем больше говорунов, тем больше наша сила. Что захотим, то и будут делать.

— Значит, можно организовать атаку,— возбужденно подытожил Язон.— Вы смогли бы собрать всех говорунов в одном месте, в противоположном конце от космодрома, и натравить животных на город, заставить их атаковать периметр?

— Сможем ли мы?— Идея Язона явно привела Наксу в восторг.— Да мы отовсюду зверей сгоним, такой штурм устроим, они еще такого не видели!

— Значит, решено. Вы, говоруны, организуете штурм периметра в дальнем конце. Только сами не показывайтесь, чтобы охрана не смекнула, в чем дело. Я видел, как они действуют. При сильной атаке вызывают подмогу из города и снимают часть людей с других участков периметра. В разгар битвы, когда все их силы будут связаны в другом месте, я поведу отряд на прорыв и захвачу корабль. Вот такой у меня план, и я уверен, что у нас все получится.

Кончив говорить, Язон в изнеможении опустился на траву. Лежа, он слушал, как идет бурное обсуждение, направляемое Ресом. Говорили о трудностях и о том, как их преодолеть. Участники дискуссии не видели никаких существенных изъянов в его плане. Это не означало, что он совсем без слабых мест, но Язон предпочитал не напирать на них. Эти люди всей душой хотят, чтобы его замысел свершился, и они его осуществят.

Когда обсуждение кончилось и все разошлись, Рес подошел к Язону.

— Ну так, в принципе все решено,— сказал он.— Никто не возражал. Теперь гонцы оповестят говорунов, ведь это наша ударная сила, чем больше мы их соберем, тем лучше. Вызывать их по визифону не стоит — кто поручится, что жестянщики не могут перехватывать наши передачи. Нам нужно пять дней, чтобы все подготовить.

— Да и мне нужно не меньше пяти дней, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить силы,— ответил Язон.— А сейчас неплохо бы поспать.

ГЛАВА XXVI

— Необычное впечатление,— сказал Язон.— Я ведь никогда по-настоящему не видел периметр снаружи. Уродство — другого слова не подберешь.

Он лежал на бугре рядом с Ресом и смотрел из-за кустов вниз на периметр. Несмотря на полуденный зной, оба были закутаны в шкуры, ноги

защищены толстыми крагами, руки — кожаными рукавицами. От жары и двойного тяготения у Язона кружилась голова, но он держался.

Впереди, за выжженной полосой, тянулся периметр. Глухая стена, неодинаковая по высоте, неоднородная по материалу, сооруженная из самого различного сырья. Невозможно сказать, какой она была первоначально. Атаки, атаки, атаки долбили, подрывали, разрушали ее. Горожане наспех ремонтировали стену, лепили заплаты. Грубая каменная кладка рассыпалась, на ее месте появлялись деревянные клети, а к ним примыкали сваренные по шву стальные плиты. Но и металл не мог устоять — свидетельством тому было рваное отверстие, через которое сыпался песок из лопнувших мешков. Поверхность стены опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты. Тут и там над парапетом торчали стволы огнеметов, сжигающих все живое, что только приближалось к основанию стены.

— Эти штуки могут причинить нам хлопот,— сказал Рес.— Видишь, вон та как раз прикрывает участок, где ты задумал прорваться.

— Не беспокойся, все будет в порядке,— заверил его Язон.— Хоть и кажется, что они бьют беспорядочно, но это не так. Промежутки между залпами разные, но эта хитрость рассчитана на зверей, а не на человека. Да ты сам убедись. Залп следует через каждые две, четыре, три и одну минуту.

Они отползли обратно в яму, где их ждали Накса и другие. Всего тридцать человек, а для такого задания как раз и требовался небольшой подвижный отряд. Их главное оружие — внезапность. Без нее арбалеты корчевщиков и десяти секунд не устоят против огневой мощи города.

В толстых шкурах всем было жарко, и кое-кто развязал одежду, чтобы немного остыть.

— Завяжитесь!— скомандовал Язон.— Вы еще не бывали так близко к периметру и не представляете себе, что там творится. Я знаю, Накса не подпустит крупных животных, а с мелкими тварями все вы справляетесь. Тут другая опасность. Каждая колючка отравлена, каждая травинка оканчивается смертоносным шипом. Насекомых тоже берегитесь. И когда пойдем вперед, дышите только через мокрую тряпку.

— Он прав,— пробурчал Накса.— Я так ни разу не был близко. Под стеной смерть, сплошная смерть. Делайте как он велит.

Снова потянулось томительное ожидание. Они острили и без того острые арбалетные стрелы и поглядывали на медленно ползущее по небу солнце. Один Накса не тяготился ожиданием. Он сидел, глаза где-то далеко, и слушал внутренним слухом, что происходит в джунглях.

— Идут,— сказал он наконец.— Никогда еще такой прорвы не слышал. Все звери, со всего края, отсюда до самых гор, мчатся к городу, только вой стоит.

Язон и сам кое-что улавливал. Атмосферу напряжения, страшную волну ненависти в ярости. Он знал, все получится, если только удастся сосредоточить атаку на узком фронте. Говоруны не сомневались в успехе. Еще на рассвете тонкая цепочка косматых людей в шкурах, охватив подковой пиррянских животных, мысленными командами погнала их на город.

— Пошли на штурм!— вдруг сказал Накса.

Все встали, глядя в сторону города. Язон физически ощутил, что Накса прав. А тут еще издалека донеслись выстрелы и мощные взрывы, над деревьями поднимались струйки дыма.

— Займем исходную позицию,— сказал Язон.

Лес кругом был словно пропитан концентратом ненависти. Полуодушевленные растения извивались и корчились, воздух наполнился тучами

крылатой мелюзги. Накса, весь в поту, бормоча что-то, отводил в сторону катящуюся на них волну животных. Отряд потерял четверых, пока добирался до выжженной полосы. Одного ужалило какое-то насекомое, и хотя Язон вовремя подоспел с аптечкой, раненый все равно чувствовал себя так скверно, что вынужден был ползти обратно. А трое погибли, их распухшие, скорченные тела так и остались лежать на земле.

— Голова уже болит держать их,— проворчал Накса.— Когда пойдем на стену?

— Рано еще,— ответил Рес.— Мы ждем сигнала.

Один из корчевщиков нес радиостанцию. Осторожно поставив ее на землю, он забросил антенну на дерево. Рация была экранирована так, что никакие импульсы не выдали их присутствия. Включили приемник, но в динамике только потрескивали разряды.

— Можно было заранее рассчитать время...— заговорил Рес.

— Нет,— возразил Язон.— Тут важна точность. Мы должны пойти на прорыв в самый разгар штурма, будет больше шансов на успех. Даже если они перехватят наш сигнал, все равно сразу не сообразят, в чем дело. А через несколько минут это и вовсе не будет играть никакой роли.

В динамике зашипела несущая частота. Чей-то голос произнес короткую фразу и выключился.

— Принесите три мешка муки.

— Пошли!— Рес рванулся вперед.

— Постой.— Язон поймал его за руку.— Не забывай про огнемет. Он даст залп через... есть!

Фонтан огня пролился на землю и погас.

— Четыре минуты до следующего, мы угадали в самый большой интервал!

Они побежали по мягкой золе, перепрыгивая через обугленные кости и ржавый металл. Двое корчевщиков подхватили Язона под руки и буквально несли его. Это не было предусмотрено, но помогло выиграть несколько драгоценных секунд. У стены они отпустили его, и он вытащил мину, которую сделал из патронов от пистолета убитого Краннона, соединив их с детонирующим устройством. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу.

Язон выбрал для прорыва участок со стальными плитами. Они лучше всего противостояли пиррянским организмам, это позволяло надеяться, что насыпь за ними не такая мощная, как в других местах. Если он просчитался, им всем конец.

Бежавшие впереди уже прилепили к стене комья клейкой смолы. Язон вдавил в нее патроны, расположив их прямоугольником в рост человека. В это же время другие члены отряда размотали детонирующий шнур. Штурмовая группа рассыпалась вдоль стены, Язон доковылял до электродетонатора, упал на него и нажал рычаг.

Оглушительный взрыв сотряс стену и выбросил язык красного пламени. Рес первым подскочил к пробоинам и принялся дергать руками еще дымящийся металл. Подоспели остальные и дружно отогнули зазубренные края. Брешь заволокло дымом, ничего не было видно. Язон нырнул в нее, покатился по валунам и врезался во что-то твердое. Протерев глаза, он осмотрелся по сторонам.

Он был в городе.

Остальные тоже ворвались в брешь. На бегу они подхватили Язона на руки, чтобы не затоптать. Кто-то увидел космический корабль, и все ринулись в ту сторону.

Навстречу им из-за угла выскочил человек. При виде нападающих он с чисто пиррянской быстротой метнулся к подворотне. Но нападающие

гоже были пирряне, и он повалился на спину, пронзенный тремя стрелами. Не останавливаясь, они бежали дальше между низкими складскими зданиями туда, где высился корабль.

И тут они увидели, как наружный люк медленно закрывается. Кто-то опередил их. Град стрел забарабанил по люку, да что толку.

— Вперед!— крикнул Язон.— Живей под корпус, пока он не открыл огонь!

Трое из отряда не успели добежать до укрытия. Все остальные уже стояли под кораблем, когда его пушки заговорили. Большинство снарядов разрывалось поодаль, но все равно в ушах стоял звон от электрических разрядов и летящих осколков.

Троих накрыло шквалом огня и разнесло на молекулы. Прорвавшийся в корабль пиррянин нажал сразу все гашетки, чтобы отразить атаку и предупредить своих. Сейчас он стоит у визифона и вызывает подмогу.

Язон дотянулся до люка и попробовал его открыть, но он был заперт изнутри. Кто-то оттолкнул Язона и дернул рукоятку. Она обломилась, люк не поддался.

Пушки смолкли, и грохот прекратился.

— Вы взяли пистолет у убитого?— спросил Язон.— С пистолетом можно в два счета открыть люк.

— Нет,— отозвался Рес.— Некогда было.

Он еще не договорил, как два корчевщика сорвались с места и побежали к складам. Один из них держался левее, другой правее. Тотчас загрохотали пушки. Очередь поразила одного смельчака, но второй успел добежать до зданий, прежде чем стрелок изменил прицел.

Он мигом обернулся, выскочил из-за дома и швырнул пистолет своим товарищам, но сам уже не сумел укрыться и был сражен снарядами.

Пистолет докатился по бетону почти до самых ног Язона. Он приставил дуло к замку и выстрелил; в эту секунду за домами завыли турбины стремительно приближающихся транспортеров. Люк скрипнул и медленно открылся. Весь отряд был внутри корабля еще до того, как появился первый транспортер. Накса остался с пистолетом у люка; Язон повел остальных к пилотской кабине.

Он объяснил им, как туда добираться, и когда подоспел сам, все уже было кончено, горожанин стал похож на подушечку для булавок. Один из корчевщиков, немного разбирающийся в технике, нашел гашетки и открыл такой яростный огонь, что транспортерам пришлось отступить.

— Свяжитесь по радио с говорунами и скажите им, что можно прекращать атаку.

Отдав это распоряжение, Язон подошел к визифону и включил его. С экрана на него глядел потрясенный Керк.

— Ты!— Керк произнес это словно ругательство.

— Ага, я,— ответил Язон, рассматривая рычаги и кнопки на пульте.— Выслушай меня, Керк... И учти, как я скажу, так и будет. Я, конечно, не знаю, как управлять космическим кораблем, но взорвать его я сумею. Тебе слышно этот звук?

Он щелкнул тумблером, и где-то в недрах корабля загудел насос.

— Это насос основного горючего. Если я оставлю его включенным, он в два счета наполнит топливом камеру сгорания. Накачаю побольше, чтобы потекло через дюзы. А потом нажму пусковую кнопку... Угадай, что тогда будет с вашим единственным космическим кораблем? Я не спрашиваю, что будет со мной, тебе на это наплевать. Но корабль нужен вам, как воздух.

В кабине царило безмолвие. Люди, захватившие корабль, смотрели на Язона. Тишину нарушил скрипучий голос Керка.

— Что тебе надо, Язон? Что ты задумал? Зачем привел этих животных?— От ярости у него перехватило горло.

— Попридержи язык, Керк,— строго сказал Язон.— Люди, о которых ты говоришь, владеют единственным на Пирре космическим кораблем. Если ты хочешь, чтобы они делились с тобой, научись сперва вежливо разговаривать. А теперь немедленно иди сюда. Да захвати с собой Бруччо и Мету.

Язон посмотрел на багровое, отекшее лицо седого пиррянина и вдруг ощутил что-то похожее на жалость.

— Да не горюй ты так, это не конец света. А скорее начало. Да, вот еще: не выключай этот канал. Пусти изображение на все экраны в городе, чтобы каждый видел, что́ тут будет происходить. И пусть запишут, чтобы можно было повторить.

Керк хотел было что-то ответить, но раздумал и исчез с экрана. Однако визифон остался включенным. На всех экранах города был виден главный отсек космического корабля.

ГЛАВА XXVII

Бой был окончен. Он кончился так быстро, что они еще не успели как следует это осознать. Рес пощупал рукой поблескивающий металлом пульт управления, убеждаясь, что ему не чудится. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в перископы, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру.

Язон еле держался на ногах, но не показывал виду. Открыв пилотскую аптечку, он нашел стимулирующее средство. Три золотистые пилюльки прогнали усталость и развеяли туман в голове.

— Внимание!— крикнул он.— Борьба еще не окончена. Они постараются отбить корабль, так что мы должны быть наготове. Пусть кто-нибудь из ваших техников хорошенько изучит все пульты и отыщет кнопки от люков. Все люки до одного должны быть надежно закрыты. Если понадобится, пошлите людей, чтобы проверили. Включите видеодатчики на круговой обзор, чтобы никто не мог подойти к кораблю. Поставьте человека к двигателям, а то они могут отрезать меня от них, если прорвутся туда. И не мешало бы тщательно осмотреть отсек за отсеком — вдруг мы не одни на корабле.

Каждому нашлось дело, и люди сразу оживились. Рес распределил обязанности. Язон остался стоять около пульта, поближе к тумблеру топливного насоса. Да, борьба еще не кончилась...

— Транспортер!— крикнул Рес.— Ползет потихоньку.

— Рвануть его?— спросил член отряда, дежуривший у гашеток.

— Погоди, посмотрим, кто это,— сказал Язон.— Если те, которых я вызвал, пусть проезжают.

Стрелок следил в прицел за приближающимся транспортером. Водитель... три пассажира... Язон подождал, пока развеялись последние сомнения.

— Это они,— сказал он.— Стань около люка, Рес, впускай по одному и сразу отбирай пистолеты. И все остальное снаряжение тоже. Любая штука может оказаться оружием, особенно внимательно осмотрите Бруччо — худой такой, лицо как топор,— чтобы у него ничего не осталось. Он у них специалист по оружию и технике выживания. Водителя тоже за-

хватите, остальным горожанам незачем знать, в каком состоянии наша оборона.

Язон сидел как на иголках. Его рука лежала рядом с тумблером. Он знал, что никогда его не включит, но другие не должны об этом подозревать.

Послышался топот, приглушенная брань, и в отсек втолкнули пленников. При виде их свирепых лиц Язон невольно сжал кулаки.

— Пусть встанут около стенки,— сказал он Ресу,— И не спускайте с них глаз. Арбалетчикам быть наготове.

Он смотрел на людей, которые когда-то были его друзьями, а теперь задыхались от ненависти к нему. Мета, Керк, Бруччо. Водителем оказался Скоп, тот самый, которого Керк приставлял к нему охранником. Теперь роли поменялись, и Скоп был готов лопнуть от злости.

— Слушайте внимательно,— заговорил наконец Язон.— Потому что от этого зависит ваша жизнь. Стойте у стены и не пытайтесь приблизиться ко мне даже на дюйм. Кто не подчинится, будет убит на месте. Будь я один, вы, конечно, не дали бы мне даже нажать на тумблер. Но я не один. У вас рефлексы и мышцы настоящих пиррян, но и у арбалетчиков не хуже. Так что лучше не рискуйте. Все равно ничего не выйдет, кроме самоубийства. Я говорю это вам для вашего же блага. Чтобы можно было разговаривать спокойно, без риска, что кто-нибудь из вас сорвется и будет убит. У вас нет другого выхода. Вам придется выслушать все, что я скажу. Вам отсюда не уйти, и убить меня не удастся. Война окончена.

— Все потеряно... Это ты виноват, ты, предатель!— прохрипела Мета.

— И то и другое неверно,— мягко возразил Язон.— Я не предатель. Я соблюдаю верность всем людям этой планеты, живут ли они внутри периметра или за его пределами. Вы не можете сказать, что я кому-то отдавал предпочтение. И кроме того, вы ничего не потеряли. Если хотите знать, вы выиграли. Война с планетой выиграна вами. Потрудитесь только дослушать меня до конца.

Он повернулся к Ресу, который недовольно нахмурился.

— И ваши люди, Рес, тоже выиграли, поверьте мне. Это конец войны с городом, у вас будут лекарства, будет контакт с внешним миром, все, о чем вы мечтали.

— Может быть, мои слова покажутся тебе циничными,— сказал Рес,— но ты сулишь райскую жизнь обеим сторонам. Трудновато будет осуществить такое обещание, если учесть наши прямо противоположные интересы.

— Спасибо, ты попал в самую точку,— сказал Язон.— Проблема будет решена так, чтобы никто не остался в накладе. Мир между городом и фермами, конец вашей бессмысленной войне. Мир между людьми и пиррянскими организмами — ведь с этого конфликта все пошло.

— Он рехнулся,— сказал Керк.

— Возможно. Выслушайте, потом судите. Начну с истории, потому что корни проблемы и ее разрешение связаны с прошлым. Когда поселенцы триста лет назад высадились на Пирре, они не заметили одной очень важной черты, которая отличает его от всех других планет галактики. И трудно их корить, у них и без того хватало забот. Всё, кроме разве тяготения, было для них непривычно, всё непохоже на искусственный климат индустриальной планеты, с которой они прилетели. Штормы, вулканы, наводнения, землетрясения — от всего этого не мудрено и свихнуться. Наверно, со многими так и случилось. Еще им без конца досаждали звери и насекомые, такие непохожие на безобидную фауну в заповедниках, к которой они привыкли. Бьюсь об заклад, им было невдомек, что пиррянские животные к тому же наделены телепатическими свойствами.

— Опять этот вздор!— рявкнул Бруччо.— Даже если они телепаты, это ровным счетом ничего не значит. Ты почти убедил меня своей теорией о том, что атаки на город направляются телепатически, но твой катастрофический провал показал, чего стоит эта теория.

— Согласен,— ответил Язон.— Я ошибался, когда думал, что атаки на город направляются телепатическими импульсами извне. Тогда мне эта гипотеза казалась вполне логичной и обоснованной. Верно, экспедиция на остров кончилась катастрофическим провалом. Да только вы забываете, что ваше решение было прямо противоположным тому, что я предлагал. Пойди я в пещеру, обошлось бы без жертв. Думаю, мне удалось бы выяснить, что эти шевелящиеся растения — специфические организмы с необычайно высоким телепатическим потенциалом. Просто они особенно сильно отражали импульсы, которые питали атаки на город. А я все перепутал, думал, что они раздувают войну. Теперь они все уничтожены, и точного ответа мы не получим. Но в одном их гибель нам помогла. Она показала, где надо искать подлинных виновников войны, кто на самом деле направляет и вдохновляет атаки против города.

— Кто?— выдохнул Керк.

— Да вы сами, кто же еще,— ответил Язон.— Конечно, не только вы четверо, а все жители города. Я готов допустить, что война вам не по душе. И тем не менее вы ее зачинщики, вашими стараниями она продолжается.

Он с трудом удержался от улыбки, глядя на их ошарашенные лица. Лучше не мешкать, с объяснением, а то, чего доброго, собственные союзники тоже сочтут, что он помешался.

— Сейчас вы поймете. Я уже сказал, что пиррянские организмы наделены телепатическими свойствами. Это относится ко всем — к насекомым, к растениям, к животным. Когда-то, в разгар буйного прошлого Пирра, это качество помогло телепатическим мутациям устоять в борьбе за существование. Другие виды вымирали, а они уцелели. Я уверен, что под конец они даже сотрудничали, сообща вытеснили последних представителей другой породы. Сотрудничество — вот девиз для Пирра. С одной стороны, они соперничали между собой, а с другой стороны, вместе давали отпор всему, что угрожало их племени. Какое-нибудь стихийное бедствие, потоп — они в полном согласии спасаются бегством. Что-то в этом роде можно наблюдать на любой планете, где бывают лесные пожары. Но здесь особенно суровые условия, и взаимопомощь достигла очень высокого уровня. Возможно, некоторые организмы даже наделены даром предчувствовать близкую катастрофу. Вроде того, как некоторые из вас предсказывают землетрясение. Благодаря предупреждению крупные животные уходили от беды. А самым мелким видам помогали уцелеть особые семена, или шипы, или яйца, которые переносились в безопасное место либо с ветром, либо с мехом больших зверей. Да, да, так и было, я уверен, я же сам видел такое бегство, когда мы уходили от землетрясения.

— Ладно, допустим, что все было так, как ты говоришь!— крикнул Бруччо.— Но при чем тут мы? Хорошо, все животные убегают вместе — какое отношение это имеет к войне?

— Они не только вместе убегают,— сказал Язон.— Они сотрудничают, чтобы противостоять стихийным бедствиям. Я не сомневаюсь, мы еще услышим восторги экологов, когда они начнут изучать сложный механизм приспособления, который срабатывает здесь, когда надвигается гроза, или половодье, или пожар, или еще какая-нибудь беда. Но нас сейчас интересует одна реакция. А именно та, которая направлена против горожан. Вы еще не догадались? Пиррянские организмы воспринимают вас как стихийное бедствие! Вряд ли удастся выяснить, как это началось. Хотя вообще-то в дневнике, который я нашел, в записях о первых днях освоения

планеты есть ключ к разгадке. Там говорится, что во время лесного пожара колонисты встретились с какими-то новыми видами. Точнее, животные были те же, что прежде, только они вели себя иначе. Как, по-вашему, могли реагировать на лесной пожар люди, которые прежде жили в условиях, можно сказать тепличной цивилизации? Они, конечно, перепугались насмерть. Если лагерь находился на пути огня, животные, естественно, бежали через него. А люди, так же естественно обстреляли их. И сразу же поставили себя в ряд стихийных бедствий. Мало ли в каком обличье выступает катастрофа. Скажем, в обличье двуногих с пистолетами. Пиррянские животные нападают на людей, люди убивают животных, начинается война. Уцелевшие продолжали атаки и по-своему оповестили все организмы планеты, что происходит. Здешняя радиоактивность способствует всевозможным мутациям. Дальше в борьбе за существование сохранялись те организмы, которые были опасны для человека. Я не удивлюсь, если телепатический потенциал тоже поощряет мутации. Уж очень специализированы некоторые наиболее опасные виды, не могут они быть просто плодом естественной эволюции за такой короткий срок, как триста-четыреста лет. Поселенцы, понятно, давали отпор, оттого их и дальше воспринимали как стихийное бедствие. Они все время совершенствовали свое оружие, но проку от этого, как вам известно, не было никакого. Вы, горожане, унаследовали их ненависть к Пирру. Вы всё воюете, и всё ближе ваш полный разгром. Разве можете вы победить, когда против вас биологические ресурсы целой планеты, которая каждый раз, можно сказать, перерождается для противоборства?

Стало очень тихо. Керк и Мета побледнели, потрясенные словами Язона. Бруччо что-то бормотал себе под нос и загибал палец за пальцем, подыскивая контраргументы. Что до Скопа, то он оставил без внимания всю эту галиматью, которой не мог или не хотел понять. Представься ему малейшая возможность, он бы тут же пришиб Язона.

Первым заговорил Рес. Он быстрее других разобрался и подвел итог.

— Не сходится,— сказал он.— А как же мы? Мы ведь живем среди пиррянской природы без периметров и пистолетов. Почему на нас никто не нападает? Мы такие же люди, у нас с жестянщиками одни предки.

— Вас не трогают, потому что не ставят вас в ряд со стихийными бедствиями,— ответил Язон.— Животные могут жить на склонах дремлющего вулкана, между ними будет идти обычная конкуренция. Но придет время спасаться от извержения, и они вместе обратятся в бегство. Извержение делает вулкан стихийным бедствием. Теперь берем человека. Будет ли местная фауна воспринимать его просто как живое существо или как стихийное бедствие, зависит от его мышления. Есть просто гора, а есть вулкан. Люди города излучают подозрительность и вражду. Убивать, думать об убийстве, подготавливать убийство — для них удовольствие. И тут как бы идет естественный отбор, понимаете? Ведь в городе именно это свойство лучше помогает выживанию. Живущие вне города мыслят по-другому. Когда кому-то из них лично что-то угрожает, он борется за жизнь, как и всякое существо. А перед лицом общей угрозы они во имя выживания сотрудничают с окружающими их животными, подчиняются закону, которым горожане пренебрегают.

— Но как же возникли эти две группы, с чего все началось?— спросил Рес.

— Разве теперь узнаешь... Мне думается, ваши люди с самого начала были фермерами, может быть, обладали телепатическим даром. И во время стихийного бедствия, от которого все пошло, находились в другом месте. По пиррянским меркам они вели себя правильно и благополучно выжили. Дальше пошли разногласия с жителями города, которые считали

убийство единственным решением. Как бы то ни было, очевидно, что еще в древние времена возникли две общины. А потом они и вовсе изолировались, если не считать выгодной для обеих сторон меновой торговли.

— Все равно не могу поверить,— пробурчал Керк.— Хоть и похоже на истину, не могу согласиться. Тут должно быть какое-то другое объяснение.

Язон медленно покачал головой.

— Другого объяснения нет и не может быть. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдется по воздуху, а? Между прочим...

Язон повернулся в Наксе.

— Ты не слышишь, около корабля есть сейчас какие-нибудь животные? Не привычные вам, а мутанты, из той свирепой породы, которая только вокруг города водится?

— Их тут тьма-тьмущая,— ответил Накса.— Так и ищут, кого порешить.

— А ты не можешь поймать одного? Но только чтобы он тебя не убил.

Накса презрительно фыркнул.

— Еще не родился зверь, который стал бы мне вред творить,— сказал он, идя к выходу.

Ожидая Наксу, все погрузились в размышление. Язону нечего было добавить к тому, что он уже сказал. Осталось провести один опыт, может быть, факты их убедят, потом пусть каждый сам решает.

Говорун скоро вернулся с шипокрылом на ременном поводке. Плененный зверь метался в воздухе и издавал пронзительный писк.

— Стань посередине, подальше от всех,— попросил Язон.— Ты можешь заставить его сесть на что-нибудь?

— Да хоть на мою руку.— Накса дернул шипокрыла и подставил ему рукавицу.— Вот так я его поймал.

— Кто-нибудь сомневается, что это настоящий шипокрыл?— сказал Язон.— Все должны быть уверены, что тут нет подвоха, мне это очень важно.

— Настоящий,— подтвердил Бруччо.— Я отсюда слышу запах яда.

Он показал на когти по краям крыльев, потом на пятна на рукавице.

— Если разъест рукавицу, этому человеку крышка.

— Итак, шипокрыл настоящий,— заключил Язон.— Смертельно ядовитый, как и все шипокрылы, и для подтверждения моей гипотезы достаточно, чтобы кто-нибудь из вас, горожан, подошел и прикоснулся к нему, как Накса это делает.

Все четверо невольно отпрянули. Для них шипокрыл олицетворял смерть. Так было, так есть и так будет. Законы природы нерушимы.

— Мы... не можем,— ответила за всех Мета.— Этот человек живет в джунглях, он сам все равно как зверь, вот и научился ладить с ними. Но чтобы мы...

Язон перебил Мету, не дожидаясь, когда до говоруна дойдет оскорбительный смысл ее слов:

— Да, и вы тоже можете. В этом вся суть. Не питайте к этому зверю ненависти и не ждите непременной атаки — и он не нападет. Вообразите, что это какая-нибудь безобидная тварь с другой планеты.

— Не могу!— крикнула Мета.— Это шипокрыл!

Пока они говорили, Бруччо медленно двинулся вперед, пристально глядя на зверя, сидящего на рукавице. Язон сделал знак арбалетчикам, чтобы не стреляли. Бруччо остановился на безопасном расстоянии от шипокрыла, не сводя с него глаз. Шипокрыл расправил свои кожистые крылья и зашипел. На кончике каждого когтя выступили капли яда. В отсеке царила мертвая тишина.

Бруччо осторожно поднял руку. Подержал ладонь над шипокрылом. Потом слегка коснулся его головы и сразу опустил руку. Зверь сидел смирно, только чуть вздрогнул.

Все, кто следил, затаив дыхание, за этой сценой, облегченно вздохнули.

— Как ты это сделал?— глухо спросила Мета.

— А? Что?..— Бруччо явно сам был поражен случившимся.— А, ну да, как я к нему прикоснулся... Очень просто. Я представил себе, что это макет с нашего тренажера, безобидная подделка. И больше ни о чем не думал, вот и получилось.

Он посмотрел на свою руку, потом на шипокрыла.

— Но ведь это не макет,— продолжал он задумчиво.— Это настоящий зверь. Смертельно ядовитый. Инопланетник прав. Прав от начала до конца.

Глядя на Бруччо, Керк тоже решился. Он шел как на казнь, еле переставляя ноги, с каменным лицом, по которому катились струйки пота. Но ему удалось настроиться на нужный лад, не думать о шипокрыле как о враге, и он тоже коснулся зверя без каких-либо последствий для себя.

За ним и Мета сделала попытку, но не сумела одолеть ужас, который охватил ее, когда она приблизилась к шипокрылу.

— Не получается, не могу себя переломить...— произнесла она.— Я уже верю тебе... Нет, все равно не могу.

Скоп, когда все повернулись к нему, закричал, что это сплошной обман, потом бросился на арбалетчиков, и его оглушили ударом приклада.

Но пирряне уже прозрели.

— Что же будет теперь?— спросила Мета.

В ее голосе звучала тревога, которую разделяли не только все собравшиеся в отсеке, но и тысячи пиррян, смотревших в эту минуту на экраны своих визифонов.

— Что будет теперь?

Они глядели на Язона и ждали ответа. Ждали горожане, ждали арбалетчики, опустив свое оружие. Распри на время были забыты. Этот инопланетник внес смятение в привычный им старый мир, все перевернул, и они как бы очутились в новом, неведомом мире, перед лицом необычных проблем.

— Погодите.— Он поднял руку.— Я не врачеватель социальных недугов. Куда мне думать над тем, как исцелить эту планету силачей и снайперов. Я и без того только чудом дотянул до сегодняшнего дня, а по закону вероятности мне уже раз десять полагалось быть убитым.

— Хоть это и верно, Язон,— сказала Мета,— но, кроме тебя, некому нас выручить. Как ты все-таки мыслишь себе наше будущее?

Внезапная усталость заставила Язона сесть в пилотское кресло. Он обвел взглядом обступивших его пиррян. Лица вроде бы искренние. И никто не обратил внимания, что он уже давно убрал руку с тумблера топливного насоса. Междоусобицы забыты, во всяком случае, на время.

— Хорошо, я скажу вам свои соображения,— заговорил он, стараясь поудобнее примостить свои ноющие суставы.— Я много размышлял в эти дни, пытался найти ответ. И первое, до чего додумался, это то, что идеальное решение, которое подсказывает логика, тут не годится. Да, да, боюсь,

что из древней мечты о мирном соседстве льва и ягненка ничего не выйдет. Кроме приятного завтрака для льва. Казалось бы, теперь, когда вы все знаете истинную причину ваших неладов, разумнее всего было бы снести периметр и зажить вместе в мире и согласии. Прелестная картинка, совсем как братство льва и ягненка. И кончится скорее всего в том же духе. Одному вдруг придет на ум, что корчевщики неопрятные, другому — что жестянщики безмозглые, глядишь, и готов свеженький покойник. И пошли крошить друг друга, а кто возьмет верх, тех сожрут животные, которые заполонят незащищенный город. Словом, решение найти не так-то просто.

Слова Язона вернули пиррян к действительности, и они сразу насторожились. Арбалетчики подняли свое оружие, а пленники отступили к стене и насупились.

— Вот, вот, я это самое и подразумевал,— сказал Язон.— Ненадолго вас хватило, верно?

По лицам пиррян было видно, как им неловко, что они поддались безотчетному порыву.

— Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее,— продолжал он,— надо учитывать инерцию. Во-первых, инерцию мышления. Истина в вашем представлении — это еще не истина на деле. В варварских религиях примитивных миров научными фактами и не пахнет, хотя они призваны объяснить все на свете. Лишите дикаря логической основы его убеждений, он все равно от них не откажется, только заменит слово «убеждения» словом «вера», потому что не сомневается в своей правоте. А не сомневается он потому, что верит. Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления, когда рассуждают по принципу «что всегда было, то всегда будет». И упорно не желают бросить старую колею, перестроить мышление на новый лад. Но инерция мышления — не единственный барьер на вашем пути, есть еще один вид инерции. Кто-то из вас согласился с моими рассуждениями и даже готов перестроиться. А как все остальные? Как те, которые не желают размышлять, предпочитают жить по старинке, подчиняться не рассудку, а рефлексам? Которые написали на своем знамени «что всегда было, то всегда будет»? Они будут тормозить любое ваше начинание, любую попытку двигаться вперед на основе того нового, что вы узнали.

— Выходит, все напрасно, наш мир обречен?— спросил Рес.

— Я этого не сказал. Мне только хотелось показать, что ваши проблемы не решить одним поворотом некоего мозгового переключателя. Лично я представляю себе три пути, и очень может быть, что развитие пойдет сразу по всем трем. Первый и наилучший путь — воссоединение городских и сельских пиррян. У тех и других есть проблемы, те и другие могут чем-то поделиться полезным. Возьмем горожан, у вас наука и контакт с галактикой. И кроме того, губительная война. А ваши двоюродные братья в джунглях живут в мире с планетой, но у них нет медицины и прочих благ, которые дает наука, нет контакта с другими культурами. Вам следует объединиться и пожинать плоды сотрудничества. Разумеется, для этого надо похоронить обоюдную ненависть, основанную на предрассудках. Но это можно сделать только вдали от города, где все пропитано войной. Пусть каждый, у кого есть необходимые для этого способности, пойдет добровольно к жителям леса, чтобы поделиться с ними своими знаниями. Пойдете с чистой душой — вам никто не причинит зла. И вы научитесь жить в ладу с Пирром, вместо того чтобы воевать с ним. В конечном счете появятся цивилизованные общины, которые будут состоять не из «корчевщиков» или «жестянщиков», а из пиррян.

— А с городом что будет?— спросил Керк.

— Город останется на месте. И скорее всего не изменится. На первых порах, пока будет идти расселение по планете, вам придется сохранить и периметр, и другие средства защиты, чтобы уцелеть. Да и потом кое-что сохранится, ведь найдутся люди, которых вы не сможете переубедить, которые останутся и будут дальше воевать до самой смерти. Может быть, с воспитанием их детей вам больше повезет. А что в конечном счете станется с городом, честное слово, не знаю.

Они молчали, пытаясь представить себе будущее. Скоп по-прежнему лежал на полу без движения, только постанывал.

— Ты рассказал о двух путях,— наконец заговорила Мета.— А третий какой?

— Третий путь — самый милый моему сердцу,— улыбнулся Язон.— И я надеюсь, что найдется достаточно желающих присоединиться ко мне. Я хочу построить космический корабль, все свои деньги потрачу и оснащу его по последнему слову техники, чтобы и оружие было, и всякая научная аппаратура, какую только можно раздобыть. Потом наберу здесь, на Пирре, добровольцев.

— Для чего?— недоуменно спросила Мета.

— Только не для благотворительности. Все, что я вложу, окупится, притом с лихвой. Понимаешь, после всего, что я тут пережил, мне невозможно возвращаться к старому занятию. Начать с того, что при моих нынешних деньгах это пустая трата времени. А главное, я бы помер с тоски. Уж такое свойство у Пирра — после него, если жив останешься, не потянет в тихое место. Вот я и задумал снарядить корабль и отправиться на нем осваивать новые миры. Ведь есть тысячи планет, где люди рады бы обосноваться, да условия слишком тяжелые для обычных переселенцев, сперва надо, как говорится, плацдарм захватить. А пирряне такую подготовку прошли — им любая планета нипочем! Как, нравится вам такая идея? Собственно, дело даже не в том, нравится или не нравится. Здесь в городе, все содержание вашей жизни составляла непрерывная смертельная схватка. Теперь перед вами стоит выбор — то ли перейти на более мирное существование, то ли остаться в городе и продолжать никому не нужную, нелепую войну. Я предлагаю третий вариант. Вы примените то, что лучше всего умеете, и в то же время будете делать полезное дело. Ну вот, теперь вам известны все варианты. Дальше пусть каждый решает сам.

Прежде чем кто-либо успел ответить, Язон вдруг ощутил дикую боль в горле. Очнувшийся Скоп вскочил с пола, стиснул шею Язона двумя руками и сорвал его с кресла. Арбалетчики не решались стрелять, боясь попасть в Язона.

— Керк! Мета!— рычал Скоп.— Хватайте пистолеты! Открывайте люки! Наши люди поддержат нас, мы перебьем проклятых корчевщиков, уничтожим этих лжецов!

Язон силился разжать душившие его пальцы, но это было все равно что дергать стальные прутья. У него померкло в глазах, в ушах стучало, он не мог вымолвить ни слова. Все кончено, он проиграл... Сейчас здесь начнется побоище, и Пирр так и останется планетой смерти для людей...

Мета бросилась вперед словно отпущенная пружина, и в ту же секунду тренькнули арбалеты. Одна стрела попала ей в ногу другая пронзила навылет руку, но они не смогли ее остановить, и Мета, пролетев через весь отсек, очутилась рядом с теряющим сознание инопланетником, которого душил ее товарищ.

Замахнувшись здоровой рукой, она изо всех сил ударила Скопа ребром ладони по бицепсу. Его рука непроизвольно дернулась, и пальцы выпустили горло Язона.

— Что ты делаешь!— крикнул ошарашенный Скоп раненой девушке, которая навалилась на него.

Он оттолкнул ее, все еще держа Язона другой рукой. Тогда она, не произнося ни слова, тем же жестоким приемом разбила ему кадык. Скоп захрипел, отпустил Язона и упал на пол, корчась от боли.

Язон видел все это точно в тумане.

С трудом поднявшись на ноги, Скоп обратил искаженное болью лицо к Керку и Бруччо.

— Ты не прав,— сказал Керк.— Уймись!

Скоп издал звук, похожий на рычание, и метнулся к оружию, сложенному в другом конце отсека. Но арбалеты пропели похоронную мелодию, и рука, которая дотянулась до пистолетов, была уже рукой покойника.

Никто не тронул Бруччо, когда он поспешил к Мете, чтобы оказать ей помощь. Язон жадно глотал животворный воздух. Через стеклянный глаз визифона весь город следил за происходящим.

— Спасибо, Мета... за помощь... и за то, что ты поняла...— через силу вымолвил Язон.

— Скоп был не прав,— ответила она.— А ты прав...

Голос на секунду прервался — Бруччо, обломив зазубренный наконечник стрелы, выдернул ее за черенок из руки Меты.

Затем она продолжала:

— Я не смогу остаться в городе, останутся только такие, как Скоп. Боюсь, что в леса уйти я тоже не смогу... Сам видел, не получилось у меня с шипокрылом. Если можно, лучше я пойду с тобой. Правда, возьми меня.

Язону еще было больно говорить, и он ограничился улыбкой, но Мета поняла его.

Керк удрученно смотрел на убитого.

— Он был не прав, но я хорошо представляю, что он чувствовал. Я город не брошу, во всяком случае, сейчас. Кто-то должен руководить, пока идет перестройка. А насчет корабля это ты хорошо придумал, Язон, в добровольцах недостатка не будет. Правда, Бруччо ты вряд ли уговоришь лететь с тобой.

— А зачем мне лететь,— пробурчал Бруччо, перевязывая Мету.— Мне и здесь, на Пирре, занятий хватит, одни животные чего стоят. Не сегодня-завтра сюда экологи со всей галактики нагрянут, да только я буду первым.

Керк медленно подошел к экрану, на котором был виден город, и остановился, глядя на здания, на столбы дыма над периметром, на зеленый океан джунглей вдали.

— Ты все перевернул, Язон,— сказал он наконец.— Сейчас это еще не видно, но Пирр уже никогда не будет таким, каким был до того, как ты сюда явился. Не знаю, к лучшему он изменился или к худшему...

— К лучшему, к лучшему,— просипел Язон, расстирая шею.— Ну а теперь пожмите-ка друг другу руку, чтобы люди на самом деле увидели, что распрям конец.

Рес повернулся, секунду помешкал, потом протянул руку Керку. Седому пиррянину тоже трудно было превозмочь укоренившуюся с детских лет неприязнь к корчевщикам.

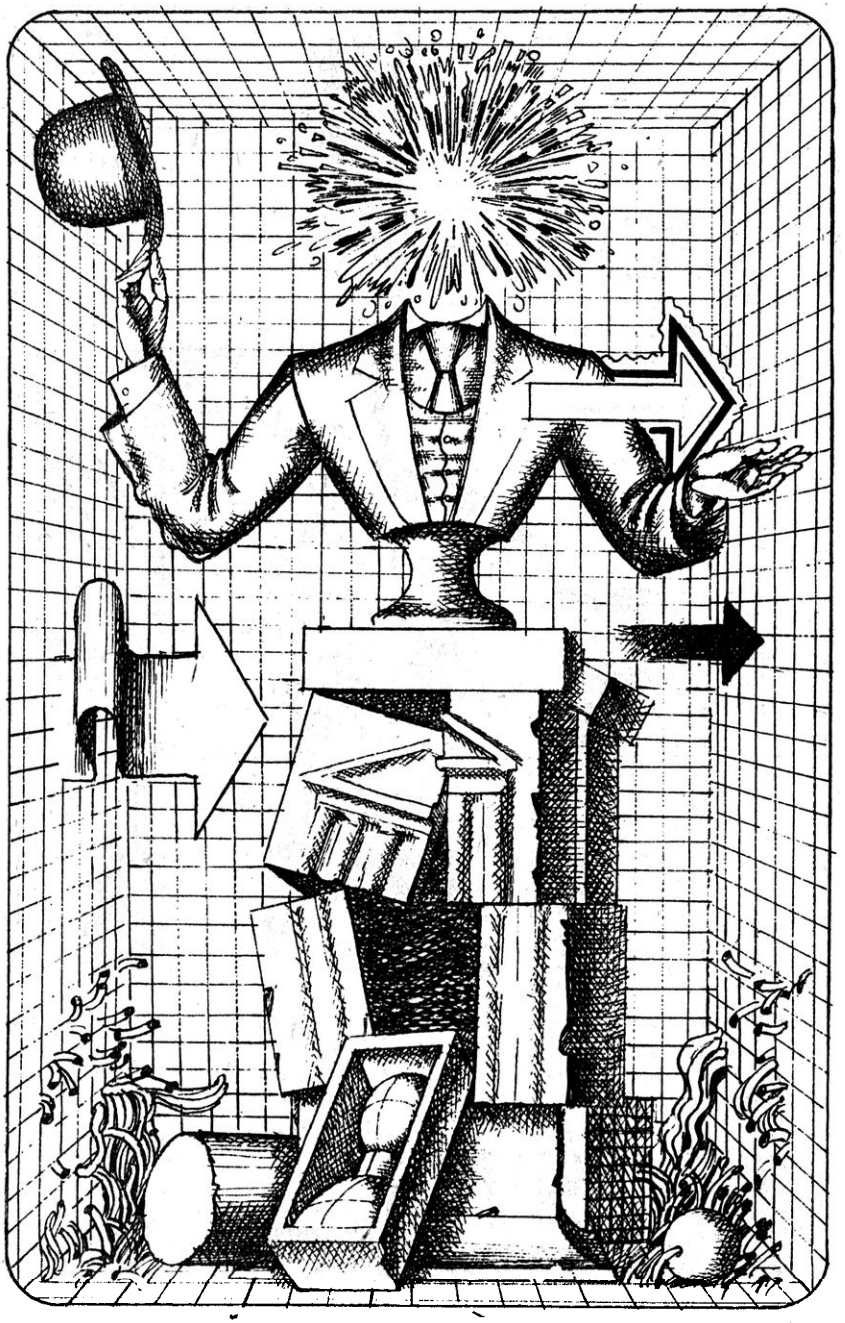
Но они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ
109-335

ПРИЗРАК-5
337-387

ОБМЕН РАЗУМОВ
389-667

Р. ШЕКЛИ
107-667



БИЛЕТ
НА ПЛАНЕТУ
ТРАНАЙ
1

ПРЕМИЯ ЗА РИСК[1]

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шумам за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в ту квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

---

[1] Печатается по изд.: Карточный домик. Сборник научно-фантастических рассказов. М.: Мир. 1969.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

...ужасная дыра,— сетовал Терри.— Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...»

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

«Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел...— Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?»

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной и душной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

«Минуточку!— вскричал вдруг Майк Терри.— Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?»

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте!— поторапливал Майк Терри.— Как ваше имя?

— Ээ... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо, так вот, мистер Рэдер,— начал дрожащий старческий голос.— Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку,— сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

В этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

«А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!»

Уже спокойнее Терри продолжал:

«Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли вы нашим слушателям, как...»

Больше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтоб казаться ниже ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда,— сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям,— сказал ему Майк Терри.— Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас же вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальной и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

«Он здесь, друзья,— говорил Терри.— Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!»

— Вы лучше поторопитесь,— сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня в квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись!— бросила миссис О'Делл.

«Да, Джим,— причитал Майк Терри,— поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!»

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую,— сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино,— сказала она.

«Он переоделся, друзья!— восторженно кричал Майк Терри.— О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!»

— А теперь убирайтесь,— сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм,— сказал Рэдер.— Спасибо.

— По-моему, вы дурак,— сказал она.— Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел на другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно,— сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько на-

счет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтоб тебе законным образом вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно,— повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете,— выпалил он.— Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово!— сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии»— это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр,— сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и евро-

пейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «ягуар» врезался в «альфу-ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а мотор, как ни странно, не взорвался.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом принять участие в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать,— это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матодор, грустный человек из Альгесираса, чуть не поломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицельсь шпагой и коли позади рогов»,— говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а поломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красотки». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязания постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал изо рта у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красотки».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск». Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем?— переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь,— сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вон он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

«Это случилось снова!— заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения.— Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен был делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!»

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну, быстро на грузовик! Теперь он попался.

«Ты попался, Джим Рэдер!— воскликнул Майк Терри.— Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...»

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей!— крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоявшего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

«Это случилось опять!— кричал Майк Терри в экстазе.— Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Джэнис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь,— может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности — прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться!»

— О'кей,— сказала девушка,— теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А?— спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс,— сказал он.— Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту,— сказала Джэнис Морроу.— Я вовсе не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность!— сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны,— сказала девушка с раздражением,— вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно, что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так!— сказала она.— Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю,— сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать,— заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да,— сказал Рэдер.— Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него.

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Где мне найти вас?— снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена,— она остановила машину.— О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите,— она наклонилась и поцеловала его.— Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие законы граждане не хотят, чтобы я спасся,— с грустью подумал Рэдер.— Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него камеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер,— сказал Терри серьезно,— вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю,— сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть,— сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены,— сказал он.— У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки.— Он обернулся к Рэдеру.— Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично!— закричал Майк Терри.— Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья,— произнес Майк Терри с нескрываемым презрением.— Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон?— спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю,— сказал он хрипло.— Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или в профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем,— сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны,— сказал Терри.— Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа. Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем,— сказал Томпсон.

— И еще,— продолжал Терри спокойно и проникновенно.— Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только он сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага!— послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй!— заорал толстяк, указывая на него тростью.— Вот он!

«Сумасшедший,— подумал Рэдер.— Проклятый дурак, наверно, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда!— визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он!— завизжали дети.— Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

«Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!»

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше, к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных намогильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

«Стоп, Томпсон» — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

«Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла!

Джим Рэдер победил!»

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

«Он победил, друзья, он победил!— надрывался Майк Терри.— Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Джэнис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..»

Последовала короткая пауза.

«Странно,— сказал Майк Терри.— Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...»

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

«Это переутомление,друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Но это пройдет! На службе Джи-би-си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет.— Майк Терри бросил взгляд на студийные часы.— А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас».

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

«Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!»

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ[1]

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр,— сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь.— Я Эсмонд из Службы ликвидации.— И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно,— отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл.— Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать.— Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете,— сказал Фергюсон.

— Вовсе нет,— ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать,— проговорил, смеясь, Фергюсон,— что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно,шутка. Всякому понятно.

Это не может быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете?— спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота,— сказал мистер Эсмонд.— Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал,— ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон,— заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему,— заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку.— Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину.— Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно,— ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично,— поспешно сказал Фергюсон.— Я просто интересуюсь.— Он помедлил.— Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся,— сказал он.— Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы,— говорил Фергюсон.— А я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас,— проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать,— продолжал Фергюсон.— Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет,— сказал мистер Эсмонд.

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было,— веско произнес Фергюсон,— я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того,— сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно,— повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться?— неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не

позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно,— поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся.— А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером,— каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон?— осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока,— ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было немыслимо. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл,— сказал он, накидывая пальто на плечи,— меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечерок-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон,— согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям?— спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано,— сказала она.

— А что, это запрещается?— спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти?— огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания,— отчеканил Фергюсон.— Не пили меня.

— Я тебя не пилила!— закричала жена.

— Пойду прилягу,— сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что было уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили сэр?

— Я решил...— Фергюсон крепко сжал трубку. У меня есть полное право так поступить,сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба!— воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку,— блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это наверное, из прачечной,— сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп.— Тебе не трудно?..

— Нисколько.— Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. на пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная?— спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации,— ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права!— пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке?— услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада,— донеслись до него слова.— Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно охватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ[1]

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и, не отрываясь, смотрел на расползшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина. Там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну, вот! Это уже все!»

А может быть, это ему послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу,

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1 256 432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась?— спросил Коллинз. Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые падают с неба. Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь,— сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять один угол машины над полом. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят,— сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет похлеще, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие?— прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись?— спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл»,— сказал один.— Пришли, потому что ты требовал такелажников, ясно почему. Ну куда тебе ее?

— Уходите,— сказал Коллинз.— Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше: Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джины, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою Последнюю Волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но, когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами,— боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, несомненно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать

к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру

— Эй! Я у тебя ничего не просил!— крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Появился маленький лысый человечек в яркой пижаме, зевая, явно спросонок.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик»,— сказал он, протирая глаза.— Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда!— взвизгнул Коллинз. Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его?— спросил Коллинз.

— Разумеется, нет,— ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла.— Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать других путей?— спросил Коллинз.

— Не исключено,— сказал Лиик.— Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление.— Он пристально, испытующе поглядел на Коллинза.— А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно,— сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же?— сказал Коллинз.— Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь,— сонно произнес Лиик.— Это я по-дружески.— Он медленно покачал головой.— И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись,— верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше,— сказал Лиик, зевая во весь рот.— День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь? Достаточно произнести

вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, владелец будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь,— сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, с маленьким аэродромом.

— Я хочу дом,— твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр,— сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья,— но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле, вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали?— переспросил Коллинз.— Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк,— не задумываясь ответил агент.— Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке,— сказал он.

— Конечно́, сэр,— сказал тот.— Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме

имелся Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он сидел в просторной, прохладной гостиной, перебирая в уме только что происшедшие события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Коллинз закурил дорогую сигару и вдохнул ее аромат. Прежде всего он решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие человеческие существа. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и познакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется.— это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно уменьшился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец! Или, может быть, эти — из класса А! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний уменьшится до ничтожных размеров и станет невидим.

— Охранная служба «Лиик»!— выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели необходимо каждый раз беспокоить меня, как только я...

— Сделай что-нибудь!— воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который был уже не больше одного кубического фута в объеме и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать,— сказал Лиик.— У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль.— Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль!— заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же одернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь сверкал. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить?— невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне!— завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает,— сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш.— Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— Кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни!— Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и был, казалось, нисколько не поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем по старинке, но зато на совесть,— сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня,— пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего шрама.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяку и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу, в конце концов. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской.

Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционированным воздухом, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетными труппами — словом, всем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке.

Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор несся через зал, Коллинз бежал за ним по пятам. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно пригнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления!— торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От Одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать чего-нибудь грандиозного.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных источника, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять штук танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. И в следующее мгновение он тоже исчез.

Коллинз открыл глаза и увидел, что стоит перед столом. За столом сидел грузный краснолицый мужчина, который раньше пытался пробиться к нему в комнату сквозь стену. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну,— сказал наконец Коллинз,— вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину?— повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза.— Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз,— сказал он твердо,— меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она себе ставит,— защищать лиц, подобных вам, от возможных заблуждений на жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр,— спокойно и с достоинством произнес Флайн.— Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего?— оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита.— Флайн поглядел на часы.— Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве.

Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Почему никто не остановил меня?— растерянно спросил он.— Они же должны были знать, что я не кредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею сэр.— Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал.— Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием . . . . . 450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы «Поуха минайл»,
а также фирмы «Максимо олф» . . . . . 111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы . . . . . 122 000 000 »
Безукоризненное здоровье . . . . . 888 234 031 »

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать биллионов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство,— сказал Флайн.— Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло,— сказал Флайн.— Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал его по лицу, небо было серо-стального цвета.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи,— сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка,— терпеливо разъяснил человек.— А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец,— с кривой усмешкой отвечал человек.— Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него.

— А как долго?

— Подсчитай сам,— сказал Янг.— Расценки здесь — пять-десять

кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать!

— Все это сплошная ошибка!— сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка,— сказал Янг.— У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь!— заверил его Янг.— Ты же получил бессмертие — разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие?— спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить.— Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.— Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ [1]

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай,— сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет,— ответил молодой человек.— Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал.— Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так,— сказал агент уверенным голосом.— Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд?— спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай,— угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться,— терпеливо начал объяснять агент.— Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений?— перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна.— Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай,— сказал Гудмэн.

— Гм,— клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента.— Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III —«Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай,— повторил Гудмэн.— До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично,— сказал Гудмэн.— Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн,— спросил он в отчаянии,— все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.
— Утопия,— сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикирской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм,— бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж,— ответил бармен.

— «Транайский»?— невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский»,— сказал капитан.— Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр,— признался Гудмэн.

— Так вот, сынок,— сказал капитан Сэвидж.— Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар»,— назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации,— вздохнул старик.— Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго

и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнебойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай,— сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр...— официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо,— сказал Гудмэн, слегка ошарашенный.— Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал,— сказал министр.— Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да, да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал...— Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо.— В общем я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно,— великодушно сказал Мелит.— Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет,— поправил его Мелит.— Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся,— объяснил Мелит,— потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал,— сказал Гудмэн,— что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал,— сказал весело Мелит.— Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо.— Гудмэн в возбуждении наклонился вперед.— Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно,— сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции; забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании?— настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой,— сказал Мелит.— Видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав!— воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться.— Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится,— сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет?— Мелит вытащил анкету.— У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много.— Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз,— сказал он.— Я сейчас не в настроении этим заниматься.— Он откинулся на спинку кресла.— Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко

подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать,— с чувством сказал Гудмэн.— Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас,— весело улыбнулся Мелит.— Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой,— сказала она Мелиту.

— Скоро вечер,— сказал Мелит.— Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам,— ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой,— сказала г-жа Мелит мужу.— Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена,— сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят,— извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично!— Мелит подмигнул Гудмэну.— Очаровательная молодая женщина.— Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну.— Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед,— сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием,— ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать,— заметил Мелит, взглянув на часы.— Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит, Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия,— сказал он себе.— Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия. .

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите,— сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь,— сказал маленький человек с довольной улыбкой.— Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично,— сказал человек.— Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу,— весело говорил незнакомец.— Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать,— изумленно спросил он,— что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»?— обиделся незнакомец.— Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение,— сказал Гудмэн.— Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я?— воскликнул маленький человечек.— Я и есть Верховный Президент Борг.— Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг,— сказал портье.— Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина,— сказал Аббаг.— Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема?— спросил Гудмэн.

— Я вам покажу.— Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте,— предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции

были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно,— осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы,— сказал Аббаг.— Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли?— задумчиво сказал Аббаг.— Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите,— сердито спросил Аббаг,— разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все,— продолжал жаловаться Аббаг.— Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок,— сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите,— запротестовал Гудмэн.— Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок,— сказал Аббаг.— А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться,— сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису,— педантично продолжал Аббаг.— Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте!— взмолился Гудмэн.— Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий,— беспощадно докончил Аббаг.— Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять,— признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне

Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая,— сказал рыжий.— Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть,— сказала г-жа Влэй.— Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля,— сказал мистер Влэй.— Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так,— согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна,— сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь,— сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно,— сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду,— задумчиво сказала она.

— Не очень,— сказал Гудмэн.— Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети...— Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно!— воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра,— улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень,— сказал незнакомец,— давай сюда все деньги.

— Что?— не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права,— сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить.— На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть?— спокойно спросил незнакомец.— Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей,— сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь.— Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили!— закричал Гудмэн.

— Ну и что?— сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок,— сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да, да,— сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев.— Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов,— пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог, с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал,— сказал Гудмэн,— что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно,— подтвердил бармен.— Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще?— попросил он.— Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно,— приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы.— Бармен закивал головой.— Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так,— согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку.— Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно,— подтвердил бармен.— Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно,— пообещал Гудмэн.— И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-три, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен,— сказал Гудмэн,— давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно,— задумчиво протянул транаец.— Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги,— отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель.— Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна.— Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать.— Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх,— приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой,— бросил через плечо транаец, даже не обернувшись.— Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень,— окликнул он,— руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер,— взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэн захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться,— предупредил он.— Предохранители сняты.

— Вижу,— выдавил из себя толстячок.— Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег,— заскулил транаец.— Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты,— поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный?— спросил Гудмэн.— Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит,— сказал Гудмэн.— Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть,— продолжал всхлипывать транаец,— но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе,—сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет,— признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся,— сказал бармен.— Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом зданий на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и следовал немедленно желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей,

что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер,— прервал его раздумье чей-то голос.— Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое?— переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло,— жалобным тоном пропел старик.— Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар,— заскулил старик.— Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы?— строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр,— сказал нищий.— Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них,— сказал старик.— Смотрите.— Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR — 43 241—3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься,— подчеркнул старик.— Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества,— сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечет беззабот-

ная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда,— обиделся государственный нищий.— Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется, сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно,— сказал он.— Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить?— спросил Гудмэн.— Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная,— сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите.— Мелит подмигнул.— Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня?— воскликнул Гудмэн.— Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится,— заверил его Мелит.— А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подхо-

дит.— Он задумался на мгновение.— Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слышком щедры...— запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену,— ответил Мелит.— Я думал, это вам известно.

— Да,— сказал Гудмэн.— Но почему?

— Почему?— Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову.— Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам,— заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам,— сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет,— саркастически заметил Гудмэн.— Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно,— сказал Мелит, не заметив сарказма.— Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас,— сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю,— сказал Гудмэн.— По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход,— одобрительно сказал Борг.— У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь,— ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет,— сказал Борг.— Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин!— окликнула его Жанна.— Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузии.

— Всего наилучшего!— закричали родители.

— Всего наилучшего!— крикнул Борг.

— Всего наилучшего!— добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы, предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по мень-

шей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО БРАКОСОЧЕТАНИЯМ

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина, Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было?— спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы,— ответил Гудмэн.— Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать,— заявил Гудмэн.— Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой,— послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво

текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннистых кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая,— сказал он,— до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи,— сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай,— настаивал Гудмэн.— В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения,— подумал Гудмэн,— она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше ча-

ca, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить,— глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих.— Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили,— заявил Гудмэн.— Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй,— сказал Мелит.— Но, на мой взгляд...— он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку.— Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали?— выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца,— ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых,— заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо!Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать?— спросил несколько раздосадованный Мелит.— У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо!— закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо?— заорал, в свою очередь, Мелит.— Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое!— усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться.— Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова,— сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой.— Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью,— упрямо отстаивал свои доводы Мелит.— И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да,— бросил Мелит.— Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу,— проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей,— ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота.— Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен,— сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость,— заговорил Мелит.— Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие,— объяснил Мелит,— носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тессиума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства.— Мелит вздохнул.— Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников?— простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен,— возразил Мелит.— Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали,— сказал Мелит с еле заметкой улыбкой.— Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом?— спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян,— грустно заметил Мелит.— Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности..

— Может быть, вы и правы,— сказал Гудмэн.— Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну,— от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну!— сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват,— пробормотал незнакомец.— Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал?— внезапно завопила Жанна.— Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна,— тихо сказал Гудмэн.

— Неправда!— взвизгнула она, откинув назад голову.— Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна,— заговорил он нежно,— такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно,— возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино.— Она снова зарыдала.— Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину.

Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец, Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми,— тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется,— сказал мужчина.— В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно!— воскликнул Гудмэн.— Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин,— сказала Жанна.

— А как насчет тебя?— спросил Гудмэн.— Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял,— заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны,— когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать,— вымолвил Гудмэн.— Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать,— жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь,— ответила Жанна,— раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт.— Она грустно улыбнулась.— Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его?— мрачно спросил Гудмэн.

— Да,— сказала Жанна.— Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела,— сухо сказал Гудмэн,— я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов,— сказал Рондо.

— Нет?— Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно!— выпалил Гудмэн, пятясь назад.— Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин,— сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте!— закричал Рондо.— Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

ТЕРАПИЯ [1]

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шагал по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид трэнзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день, и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы — спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

---

[1] Печатается по изд.: «Иностранная литература». 1967. № 1.

— Разумеется, сэр,— обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака.— Мы для этого и существуем.— Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату.— Вот это,— сказал продавец,— новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ» рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно...— начал Кэсвел.

— Терапию,— закончил за него продавец.— Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: «много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик,— с достоинством сказал Кэсвел.— Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю,— сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела.— Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бендикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец поджал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

— Не знаю,— признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения,— сказал продавец.— Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?

— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер, внутри отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства?— спросил Кэсвел.— Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня,— сказал Кэсвел с простительной гордостью.

— Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его,— сказал Кэсвел.— Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично! Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот,— сказал Кэсвел, вынимая бумажник.— Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный представительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс,— сказал управляющий,— по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите, сэр,— извинился Хэскинс, гася сигарету.— Я немедленно воспользуюсь Деникотинизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как?— Новость произвела на управляющего впечатление.— Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был *марсианской* моделью. Для механотерапии *марсиан*.

— Ага,— сказал Хэскинс. Он подумал мгновение.— Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в зловещем молчании.

— Но какое это имеет значение?— быстро спросил Хэскинс.— Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. *Но от чего он будет лечить?*

— Понимаю,— сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

— Стойте!— крикнул управляющий, натягивая плащ.— Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав,— сказал он наконец.— Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии.

Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГЕНЕРАТОРОМ МОДЕЛИ РЕКС:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине «Дженерал моторс»).

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову.

Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется,— довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И, конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы «Дженерал моторс» и СТАНОВИТЕСЬ НОРМАЛЬНЫМ!»

— Ничего сложного,— сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо!— хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй.— Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»

— Добрый день,— прозвучал в его голове голос.— Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю,— успокаивающе сказала машина.— Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

Один момент.— Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал:— Весьма необычный случай.

— Правда?— спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен...— механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница,— ответила машина.— Однако,— продолжала она окрепшим голосом,— необычная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснить на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно?— спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте,— сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл?— повторил Регенератор.

— Марфуш,— сымпровизировал Кэсвел.

— Громкий?

— Сладкий.

— Зеленый?

— Мама.

— Тханагойес?

— Патаматонга.

— Арридес?

— Нексотесмодрастика.

— Чтиспохельгноптецес?

— Рагамару латасентрикпропатрия!— выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.

— Гм,— сказал Регенератор.— Закономерности совпадают. Так и должно быть.

— Какие закономерности?

— У вас,— сообщила ему машина,— классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

— Этот термин не имеет смысла,— строго сказала машина.— Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

— Я не совсем понимаю то, что вы говорите,— признался Кэсвел.

— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я — механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

— Ладно,— сказал Кэсвел.— Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Одно ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после срочного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе с встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищеный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно?— спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А... виноват, сэр,— сказал лейтенант Смит, отдавая честь.— Я не думал, что вы так быстро прибудете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр,— сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс», «Дженерал электрик»

или «ИБМ» прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку,— сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать; как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины,— продолжал Рэт,— вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось,— поспешно сказал Фолансби.— Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это,— безжалостно перебил его Рэт,— может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции,— сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен,— ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого?— переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже, чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?

— Дайте мне подумать!— сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства, как таковую?

— Конечно нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенератор с жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фим-мании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли,— сказал Рэт.— Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате,— заключил Рэт,— больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс,— сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично,— сказал Рэт.— Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид трэнзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным.

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горику?— спрашивал Регенератор.

— Нет,— устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка,— пробормотала машина.— Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

— Только не я,— сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отб-

росить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте,— запротестовал Кэсвел,— я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом?— разозлился Кэсвел.— Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему горика?

— Это лесной пожар,— сказал Кэсвел.— Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла,— заверил его Регенератор.— Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика?— рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно,— сказал Регенератор,— хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту,— сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить,— сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик!— крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг»,— подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия.

Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы.

Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в его памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно.

Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

— Да?— спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно,— сказал Кэсвел.— Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горику!

Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

— Алкоголизм?— переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон.— Среди наших служащих?— Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта.— Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов,— сказал Рэт.

— Разумеется.— Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе.— Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»?— продолжал Бемис с вежливым ехидством.— Я полагаю, это намек на то, что нашими ракетобусами и гелисами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик,— с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул:— Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

— Простите, сэр,— сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Рэпид трэнзит» отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр,— снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет,— сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность.— Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей.

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр,— признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае,— сказал Рэт,— я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит?— вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен?— рявкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти?— спросил Рэт.— Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен,— обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен.— Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький, рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да,— медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес,— попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда,— сказал Рэт.— Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта. Вмешался лейтенант Смит:

— Давай, выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы,— сказал Смит, двинувшись вперед.— Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите!— приказал Рэт.— Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал.

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложил всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После его рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее:

— Вы хотите сказать что он собирается убить *меня?*

— Вот имéнно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

— Да, да,— нетерпеливо сказал Рэт.— Во вменяемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя,— насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот!— закричал Рэт.— Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также жизнь и разум вашего друга!

— Но откуда я знаю?— взмолился Мэгнесен.— Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить,— сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел?— спросил Рэт.— Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да,— сказал Кэсвел.— Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались?— с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами,— марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю,— сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной,— сказал Рэт,— особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями.— Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчи-

ва, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил,— сказал он.— Конечно, он не мог излечить то, чего не было.— Он усмехнулся.— Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется,— сказал Кэсвел.

— ...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет.— В голосе Кэсвела звучала твердость.— Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

— Вы не испытываете сейчас такой потребности?

— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фолансби и Хэскинсу:

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох:

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

— В данном случае опасности нет,— мягко, но твердо сказал Кэсвел.— Благодарю вас за заботу сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите!— крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите,— сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед.— Мне это больше не понадобится.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи,— сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной

фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ [1]

Эверетт Бартолд застраховал свою жизнь. Но сперва он поднатаскался в страховом деле, уделив особое внимание разделам: «Нарушение договорных обязательств», «Умышленное искажение фактов», «Мошенничество во времени» и «Выплата страховых премий».

Прежде чем оформлять полис, Бартолд посоветовался с женой. У Мэвис Бартолд — худощавой, красивой, нервной женщины — повадки были вкрадчивые, кошачьи.

— Ничего не выйдет,— тотчас же заявила она.

— Дело верное,— возразил Бартолд.

— Тебя упрячут под замок, а ключ забросят подальше.

— Никогда в жизни. Все будет разыграно как по нотам, лишь бы ты не подвела.

— Меня привлекут как соучастницу,— сообразила жена.— Нет уж, уволь.

— Дорогая, насколько мне помнится, тебе давно нужно манто из натурального мексиканского эскарта.

Глаза Мэвис блеснули, супруг нащупал уязвимое место.

— И мне пришло в голову,— без нажима продолжал Бартолд,— что ты бы получила удовольствие от гардероба «Летти Дет», ожерелья из руумов, виллы на Венерианской Ривьере и...

— Хватит, дорогой!

Миссис Бартолд давно подозревала, что в этом тщедушном теле бьется отважное сердце. Бартолд был приземист, начинал лысеть, отнюдь не поражал красотой, глаза его кротко смотрели из-под роговых очков. Однако душе его впору было обитать в мускулистом теле какого-нибудь пирата.

Бартолд занялся последними приготовлениями. Он пошел в лавочку, где рекламировались одни товары, а продавались другие. Он оставил там несколько тысяч долларов и ушел, крепко сжимая в руке коричневый чемоданчик.

Бартолд сдал чемоданчик в камеру хранения, собрался с духом и предстал перед служащими корпорации «Межвременная Страховка».

Целый день его выстукивали и выслушивали врачи. Он заполнил кучу бланков, и, наконец, его провели в кабинет окружного директора мистера Гринза.

Гринз оказался рослым приветливым человеком. Он быстро прочел заявление Бартолда и кивнул.

---

[1] Печатается по изд.: «Знание — сила». 1969. № 10.

— Отлично, отлично,— сказал он.— Все как будто в порядке.

— Кажется, да,— ответил Бартолд, несколько месяцев подряд изучавший стандартный бланк фирмы.

— Выписываем полис на страхование жизни,— пояснил мистер Гринз.— Длительность жизни измеряется исключительно в единицах субъективного физиологического времени. Полис служит гарантией на протяжении 1000 лет по обе стороны Настоящего. Но не дальше.

— Мне и в голову не пришло бы забраться дальше,— вставил Бартолд.

— И в полисе имеется известная статья о раздвоении личности. Понятны ли вам ее условия и смысл?

— Пожалуй,— ответил Бартолд, затвердивший эту статью слово в слово.

— Значит, все в порядке. Распишитесь вот здесь. И здесь. Спасибо, сэр.

Бартолд вернулся на службу — он заведовал сбытом в компании «Алпро Мэньюфэкчеринг» (игрушки для детей любого возраста) — и тут же во всеуслышание заявил, что намерен незамедлительно заняться сбытом в Прошлом.

— Слабовато у нас с реализацией во времени,— сказал он. Поеду-ка я сам в Прошлое, лично налажу там сбыт.

— Чудесно!— вскричал директор компании «Алпро», мистер Карлайл.— Я уже давненько об этом подумываю, Эверетт.

— Знаю, что подумываете, мистер Карлайл. Ну а я, сэр, принял решение совсем недавно. «Поезжай-ка сам,— сказал я себе,— да погляди, что там происходит». Я все приготовил и готов ехать хоть сейчас.

Мистер Карлойл похлопал его по плечу.

— Вы лучший заведующий сбытом из всех, кто служил когда-либо в «Алпро», Эверетт. Очень рад, что вы приняли такое решение. Да, между прочим,— мистер Карлайл лукаво усмехнулся.— Есть у меня адресок в Канзас-сити 1895 года, может быть, он вас заинтересует. Нынче таких уже не повстречаешь. А в Сан-Франциско 1850 года я знаю одну...

— Нет, спасибо, сэр.

— Чисто по-деловому, а, Эверетт?

— Да, сэр,— ответил Бартолд с добродетельной улыбкой.— Чисто по-деловому.

Вертолетом Бартолд добрался до центрального выставочного зала фирмы «Темпорал Моторс» и приобрел флипер класса «А».

— Вы не пожалеете, сэр.— говорил продавец, снимая ярлык с поблескивающей машины.— Мощная штучка! Двойной импеллер. Регулируемая прицельная высадка в любом году. Никакой опасности стазиса.

— Прекрасно,— сказал Бартолд.— Значит, можно садиться.

— Конечно, сэр. Темпорометр стоит на нуле, он будет регистрировать ваши маршруты во времени. Вот список запретных временных зон. Проникновение в запретную зону карается по всей строгости федерального закона. На темпорометре будет зафиксировано даже самое кратковременное пребывание в запретной зоне.

Бартолд забеспокоился. Продавец, конечно, ничего не подозревает. Но с какой стати он все разлагольствует о запретах и нарушениях?

— По инструкции, я должен разъяснить вам закон,— жизнерадостно продолжал продавец.— А еще сэр, предельная дальность путешествия во

времени — тысяча лет. Путешествия на большее расстояние дозволяются лишь с письменного разрешения Государственного Департамента.

Бартолд принужденно улыбнулся, пожал продавцу руку, сел в машину и нажал кнопку «старт».

Его окутало серое небытие. Бартолд думал о мелькающих мимо годах — бесформенных и бесконечных, о серых мирах, о серой Вселенной...

Однако философствовать было некогда. Бартолд открыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда стопку бумажных листов с машинописным текстом. Бумаги, составленные неким агентством частного сыска времени, содержали всеобщую историю рода Бартолдов вплоть до родоначальника.

Бартолду нужен был Бартолд. Но не всякий. Нужен был мужчина лет 38, холостой, не поддерживающий связи с родней, не имеющий ни близких друзей, ни ответственной работы. А самое лучшее — вовсе никакой работы.

Нужен был такой Бартолд, которого никто бы не хватился и не стал бы разыскивать, если бы он вдруг исчез.

В роду Бартолдов почти все мужчины в возрасте 38 лет были женаты. Некоторые не дожили до этих лет. У тех немногих, что остались живыми и холостыми, были добрые друзья и любящие родственники.

Оставшиеся после отбора кандидатуры можно было пересчитать по пальцам. Бартолд ехал проверить эти кандидатуры в надежде отыскать подходящую...

Серая мгла расступилась. Бартолд увидел булыжную мостовую. Мимо прогромыхал чудной автомобиль на неимоверно высоких колесах; за рулем сидел человек в соломенной шляпе.

Бартолд высадился в Нью-Йорке 1912 года.

Первым в списке значился Джек Бартолд, прозванный друзьями «Джеки-Бык» — бродячий печатник с рыскающими глазами и зудом в ногах. В 1902 году Джек бросил жену с тремя детьми и вернуться к семье не собирался. Бартолд смело мог считать его холостым. Он кочевал из типографии в типографию, нигде не задерживаясь подолгу. Теперь, в 38 лет, он работал где-то в Нью-Йорке.

Бартолд начал с района Бэттери. В одиннадцатой по счету типографии на Уотер-стрит он разыскал нужного человека.

— Вам Джека Бартолда?— переспросил старенький метранпаж.— Конечно, он в цехе. Эй, Джек! К тебе приятель!

У Бартолда зачастил пульс. Из темных закоулков типографии к нему направился человек. Он хмуро подошел вплотную.

— Я Джек Бартолд,— сказал он.— Тебе чего?

Бартолд поглядел на родича и грустно покачал головой. Этот Бартолд явно непригоден.

— Ничего,— ответил он.— Ровным счетом ничего.

Он круто повернулся и ушел из типографии.

Джеки-Бык, который при росте пять футов восемь дюймов весил двести девяносто фунтов, почесал в затылке.

— Какого дьявола, что это значит?— спросил он.

Эверетт Бартолд вернулся в машину и задал ей новый маршрут. «Очень жаль,— подытожил он мысленно — но разжиревший Бартолд не вписывается в мои планы».

Следующая остановка была сделана в Мемфисе 1869 года. Одетый в подобающий костюм, Бартолд отправился в отель «Дикси Белл» и спросил у дежурного, как повидать Бена Бартолдера.

— Да как вам сказать, сэр,— ответил старик-дежурный,— ключ у меня, значит, его, стало быть, нет. Может, найдете его в салуне, тут на углу, в компании таких же никудышных людишек!

Бартолд проглотил оскорбление и двинулся в салун.

Вечер только начинался, но газовый свет уже пылал вовсю. Кто-то бренчал на банджо, у бара за стойкой красного дерева не было ни одного свободного места.

Бартолд сразу узнал того, кого искал. Бена Бартолдера он ни с кем не мог бы спутать.

Тот был точной копией Эверетта Бартолда.

А за этой-то жизненно важной особенностью и охотился Бартолд.

— Мистер Бартолдер,— сказал он,— нельзя ли нам перекинуться словечком с глазу на глаз?

— Почему бы нет?— ответил Бен Бартолдер.

Бартолд отвел его к свободному столику. Родственник уселся напротив и устремил на Бартолда внимательный взгляд.

— Сэр,— сказал Бен,— между нами имеется поразительное сходство.

— Воистину,— согласился Бартолд.— Это одна из причин моего появления.

— Есть и другие?

— Сейчас к ним перейдем. Не хотите ли выпить?

Бартолд заказал спиртного и подметил, что Бен держит правую руку под столом, на коленях. Бартолд заподозрил, что рука сжимает пистолет. Время такое, что северянам приходится быть начеку.

Когда подали выпивку, Бартолд сказал:

— Будем говорить без обиняков. Вас не привлекает крупное состояние?

— Кого оно не привлекает?

— Даже если ради него надо совершить долгий и трудный путь?

— Я приехал сюда из Чикаго,— сказал Бен,— и могу прокатиться еще дальше.

— А если дойдет до того, чтобы нарушить кое-какие законы?

— Вы убедитесь, сэр, что Бен Бартолдер готов на все, была бы ему выгода.

— Есть где-нибудь место, где нам наверняка не помешают?

— Мой номер в отеле.

— Так пойдемте.

Собеседники встали. Бартолд посмотрел на правую руку Бена и ахнул.

У Бенджамина Бартолдера не было кисти правой руки.

— Потерял под Виксбургом,— объяснил Бен, перехватив потрясенный взгляд Бартолда.— Но ничего. С любым готов драться, один на один одолею его левой рукой и обрубком правой.

— Ничуть не сомневаюсь,— растерянно откликнулся Бартолд.— Восхищен вашим мужеством, сэр. Подождите меня здесь. Я... я сейчас вернусь.

Бартолд стремительно проскочил сквозь входной турникет салуна и сразу бросился к флиперу.

Калека не вписывался в его планы.

Бартолд перенесся в Пруссию 1676 года. Располагая привитым под гипнозом знанием немецкого языка и одеждой соответствующего фасона, он бродил по пустынным улицам Кенигсберга в поисках Ганса Берталера.

Стоял полдень, но улицы были диковинно, до жути безлюдны. Бартолд все шел да шел, и в конце концов повстречался с монахом.

— Берталер?— призадумался монах.— А-а, вы о старике Отто-портном! Он теперь живет в Равенсбрюке, добрый господин.

— Это, наверное, отец,— возразил Бартолд.— А я ищу сына, Ганса Берталера.

— Ганса... Конечно!— Монах энергично закивал, потом метнул на Бартолда ехидный взгляд.— А вы уверены, что вам нужен именно он?

— Совершенно уверен,— сказал Бартолд.

— Вы найдете его у собора,— ответил монах.— Пойдемте, я и сам туда направляюсь.

Бартолд последовал за монахом. Берталер был наемным солдатом, воевал по всей Европе. Таких у собора не найдешь... Разве что, подумал Бартолд, сгоряча ударился в религию...

— Вот и пришли, господин,— сказал монах, останавливаясь перед благородным, устремленным ввысь зданием.— А вот и Ганс Берталер.

Бартолд увидел на ступенях собора человека в лохмотьях. Рядом лежала бесформенная шляпа, а в шляпе — два медяка и хлебная корка.

— Нищий,— брезгливо пробормотал Бартолд. Но все же, не исключено...

Он пригляделся внимательнее и заметил пустые, бессмысленные глаза, отвисшую челюсть, поддергивающиеся губы.

— Душераздирающее зрелище,— сказал монах.— В битве со шведами Ганса Берталера ранило в голову, и с тех пор он так и не пришел в себя.

Бартолд кивнул, оглянулся на пустынную соборную площадь, на безлюдные улицы.

— А где все?— спросил он.

— Да неужто вы не знаете, господин? Все бежали из Кенигсберга, кроме него да меня. Ведь здесь Великая Чума!

Бартолд в ужасе отшатнулся и побежал по пустынным улицам назад, к флиперу, антибиотикам и любому другому году.

Предчувствуя неотвратимый крах, промчался Бартолд сквозь годы в Лондон конца XVI века. И в таверне «Медвежонок», что близ Грейт-Хертфорд Кросса, осведомился о некоем Томасе Бартале.

— Это зачем же вам понадобился Бартал?— спросил трактирщик на таком варварском наречии, что Бартолд с трудом понял смысл вопроса.

— У меня к нему дело,— ответил Бартолд на гипноусвоенном старо-английском языке.

— Быть того не может!— трактирщик смерил взглядом Бартолда, оценил кружевную пену брыжжей.— Да неужели вы не шутите?

Посетители обступили Бартолда, не выпуская из рук оловянных кружек, и на фоне лохмотьев он разглядел блеск смертоносного металла.

— Фискал, а?

— Какого шута здесь делать фискалу?

— Может, слабоумный?

— Безусловно, иначе не пришел бы сюда один.

— И просит, чтобы мы выдали ему беднягу Тома!

Трактирщик с ухмылкой наблюдал за тем, как толпа оборванцев надвигается на Бартолда, как оловянные кружки вот-вот будут пущены в ход вместо палиц. Бартолда прижали к стене.

— Я не фискал!— воскликнул он.

— Бабушке своей расскажи!

Тяжелая кружка грохнулась о дубовую панель у него над головой.

Бартолда осенило: он сдернул с головы шляпу, разукрашенную перьями.

— Посмотрите на меня!

Оборванцы уставились на него во все глаза.

— Ну, вылитый Том Бартал!— охнул кто-то.

— Но Том ведь даже не заикался, что у него есть брат!— заметил другой.

— Мы близнецы,— поспешно разъяснил Бартолд.— Нас разлучили, едва мы появились на свет. Лишь месяц назад я узнал, что у меня есть брат-близнец. И вот я здесь, чтобы познакомиться с ним.

Для Англии XVI века история была вполне правдоподобная, да и сходства не приходилось отрицать. Бартолда усадили за стол и поставили перед ним кружку с элем.

— Ты опоздал, парень,— сказал ему дряхлый одноглазый нищий.— Отменно он работал, лихой был гарцовщик...

Бартолд вспомнил, что так в старину называли конокрадов.

— ...но его схватили в Эйлсбери, и пытали его, и судили вместе с пиратами, и, что еще хуже, признали виновным.

— Какой же у него приговор?— спросил Бартолд.

— Суровый,— сказал коренастый вор.— Сегодня его повесят на Рынке Строптивых.

На мгновение Бартолд замер. Потом спросил:

— А брат действительно похож на меня?

— Как две капли воды!— вскричал трактирщик.— Удивления достойно, прямо глазам не верится. Тот же лик, тот же рост, тот же вес — все одинаковое!

Остальные закивали в знак согласия. И Бартолд, столь близкий к цели, решил идти ва-банк. Во что бы то ни стало ему нужен Том Бартал!

— Слушайте меня внимательно, друзья,— сказал он.— Вы ведь не очень-то любите фискалов и законы Лондона, правда? А я во Франции слыву богачом, большим богачом. Хотите отправиться туда вместе со мной и жить, как бароны? Тише, тише,— я и не сомневаюсь, что хотите. Что ж, это можно, друзья. Но надо взять и моего брата.

— Это как же?— удивился плечистый лудильщик.— Его же сегодня повесят!

— Разве вы не мужчины?— сказал Бартолд.— Разве вы не вооружены? Разве не пойдете на риск ради богатства и привольной жизни?

...На Рынке Строптивых собралась сравнительно небольшая кучка зевак, ибо казнь была мелкая и незначительная. Но все же хоть какое-то развлечение, и люди азартно улюлюкали, когда повозка с приговоренным прогромыхала по булыжной мостовой и остановилась у подножья виселицы.

Палач уже взошел на помост, уже окинул толпу взглядом сквозь прорези в черной маске, и теперь проверял прочность веревки. Два констебля провели Тома Бартала вверх по ступенькам, подвели к палачу, протянули руки к веревке...

Бартолд, разинув рот, смотрел на осужденного. Бартал был похож на Бартолда точь-в-точь, если не считать одной мелочи.

Щеки и лоб у Бартала были изрыты оспинами.

— Самое время нападать,— сказал трактирщик.— Вы готовы, сэр? Сэр! Эй!

Он обернулся через плечо и увидел, что шляпа с перьями скрывается из виду в переулке.

В глубокой меланхолии возвращался Эверетт Бартолд к флиперу. Рябой никак не вписался бы в его планы.

Все понапрасну — ни одного пригодного Бартолда. Теперь он приближается к тысячелетнему барьеру.

Дальше забираться нельзя... Во всяком случае, по закону.

Но не может он вернуться с пустыми руками, да и не желает.

Есть же где-то во времени какой-нибудь Бартолд, пригодный для дела!

Он раскрыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда маленький тяжелый аппарат. Там, в Настоящем Времени, Бартолд выложил за него несколько тысяч долларов.

Он старательно наладил аппарат и подключил к темпорометру.

Теперь Бартолд волен странствовать во времени, где заблагорассудится — хоть среди неандертальцев. Темпорометр этого не отметит.

На какой-то миг Бартолду захотелось отказаться от своей затеи, вернуться к безопасности, к жене, к работе. Уж очень это страшно — ринуться через грань тысячелетия...

Он прибыл в Англию 662 года, к окрестностям древней крепости Мейден-Касл. Флипер он спрятал в лесной чаще, а сам в простом одеянии из грубого холста направился к крепости.

Он обогнал двоих голых по пояс путников, что-то распевающих полатыни. Тот, что шел сзади, хлестал переднего кожаной плетью. А потом они поменялись местами, даже не сбившись с ритма ударов.

— Прошу прощения, сэры...

Но путники даже не удостоили его взглядом.

Бартолд зашагал дальше, утерев пот со лба. Немного погодя он поравнялся с человеком в накидке, с арфой на одном боку и мечом на другом.

— Сэр,— обратился к нему Бартолд,— не знаете ли, где мне разыскать родича, на днях прибывшего сюда? Звать его Коннор Лох мак Байртр.

— Знаю,— ответил незнакомец.

— Где?— спросил Бартолд.

— Перед тобой,— ответил незнакомец. Он мгновенно отступил на шаг, сбросил арфу на траву и выхватил меч из ножен.

Бартолд смотрел на Байртра как зачарованный. Под длинными волосами он увидел точную и несомненную копию собственной физиономии.

Наконец-то кандидатура найдена!

Однако кандидатура явно не намеревалась вступать в сотрудничество. Медленно наступая с мечом наголо, Байртр приказал:

— Сгинь, демон, иначе разрублю на куски!

— Я не демон!— обиделся Бартолд.— Я твой родич!

— Лжешь,— непреклонно заявил Байртр.— Я долго странствовал по свету, это верно, и давненько не был дома. Однако я наперечет помню всех членов семьи. Ты не из них. Значит, ты демон, а обличье мое принял в колдовских целях.

— Погоди!— взмолился Бартолд.— Ты никогда не задумывался о будущем?

— О будущем?

— Да, о будущем!

— Слыхал я о том чудном времени, хоть сам и живу только сегодняшним днем,— проговорил Байртр и медленно опустил меч.— Знавал я одного чужеземца, трезвый он называл себя корнуэльцем, а пьяный — фоторепортером из «Лайфа», Ходит, бывало,повсюду, щелкает какой-то игрушкой да что-то себе под нос бормочет. Накачаешь его медом — он и расскажет тебе про облик грядущего.

— Вот и я оттуда.— сказал Бартолд.— Я твой дальний родич из будущего. А прибыл я для то́го, чтобы предложить тебе несметное богатство̀!

Байртр проворно сунул меч в ножны.

— Это весьма любезно с твоей стороны, родич,— сказал он вежливо.

— Иди со мной,— распорядился Бартолд и повел его к флиперу.

В коричневом чемоданчике лежало все необходимое. Бартолд лишил Байртра сознания с помощью микрошприца. Затем, приставив ко лбу Байртра электроды, гипнотически привил ему краткий курс всемирной истории, достаточное знание английского языка и некоторые представления об американских обычаях.

Гипнообучение длилось почти двое суток. Тем временем Бартолд специальным аппаратом пересадил кожу со своих пальцев на пальцы Байртра. Теперь отпечатки у обоих стали идентичны.

Затем, то и дело сверяясь со списком, Бартолд наделил Байртра кое-какими недостающими особыми приметами и избавил его от кое-каких излишних. Процесс электролиза скомпенсировал то обстоятельство, что Бартолд начинал лысеть, а его родич — нет.

Когда все было закончено, Байртр застонал, схватился за свою гипнофаршированную голову и сказал на современном английском языке.

— Ну и ну! Чем это ты меня оглушил?

— Не тревожься,— ответил Бартолд.— Займемся-ка делом.

Он вкратце изложил свой план обогащения за счет корпорации «Межвременная Страховка».

— А там и вправду заплатят?— спросил Байртр.

— Заплатят, если не смогут оспорить претензию.

— И такие огромные деньги?

— Да. Я проверял заранее. Страховая премия за раздвоение личности фантастически высока.

— Этого я по-прежнему не понимаю,— сказал Байртр.— Что такое раздвоение личности?

— Так бывает,— объяснил Бартолд,— если путешественник в Прошлое пересек зеркальную трещину в фактуре времени. Это случается чрезвычайно редко. Но уж когда случается... В Прошлое, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулись два абсолютно одинаковых человека. Каждый считает, что он-то и есть подлинный, первоначальный, что только ему принадлежит право на собственность, службу, жену и так далее. Кто-то один должен отречься от всех прав и отправиться жить в Прошлое. Другой остается в родном времени, но живет в вечном страхе, с вечной тревогой и чувством вины.

— Гм,— Байртр задумался.— И часто оно случалось, это самое раздвоение?

— За всю историю путешествий во времени — раз десять, не больше. Есть меры предосторожности: принято держаться подальше от Узлов Парадокса и соблюдать тысячелетнее ограничение.

— Ты заехал дальше, чем на тысячу лет,— вставил Байртр.

— Я пошел на риск и выиграл.

— С такими деньгами я мог бы стать бароном,— мечтательно проговорил Байртр.— А в Ирландии, пожалуй, даже королем! Я к тебе присоединяюсь.

— Прекрасно. Распишись вот здесь.

— А что это?— спросил Байртр, хмуро поглядев на казенного вида бумагу, подсунутую Бартолдом.

— Всего-навсего обязательство: получив с «Межвременной Страховки» должную компенсацию, ты тотчас же вернешься в Прошлое, в любую эпоху по собственному усмотрению, и откажешься от всех и всяческих прав на Настоящее. Подпишись «Эверетт Бартолд». Дату я проставлю попозже.

— Ты все предусмотрел, а?— вздохнул Байртр.

— Старался уберечь себя от досадных неожиданностей. Мы отправляемся на мою родину, в мою эпоху, и я намерен там и остаться. Пошли. Тебе надо постричься и вообще привести себя в порядок.

Рука об руку двойники зашагали к флиперу.

Открыв дверь, Мэвис пронзительно вскрикнула, всплеснула руками и упала в обморок.

Позднее, когда мужья привели ее в чувство, она в какой-то степени овладела собой.

— Получилось, Эверетт!— сказала она.— Эверетт!

— Это я,— отозвался Эверетт.— Познакомься с моим родичем Коннором Лох мак Байртром.

— Невероятно!— вскричала миссис Бартолд.

— Значит, мы похожи?— спросил ее супруг.

— Неразличимо! Просто неразличимо!

— Отныне и присно,— повелел Бартолд,— считай нас обоих Эвереттом Бартолдом. За тобой будут следить сыщики и следователи страховой фирмы. Помни: твоим супругом может быть любой из нас или оба вместе. Обращайся с нами совершенно одинаково.

— Как хочешь, дорогой,— с напускной застенчивостью проворковала Мэвис.

— Разумеется, кроме того... то есть кроме как в сфере... сфере... черт возьми, Мэвис, неужели ты сама не разбираешься, кто из нас — я?

— Конечно, разбираюсь, милый,— проворковала Мэвис.— Жена везде узнает своего мужа.

С приходом двух Эвереттов Бартолдов в помещении «Межвременной Страховки» воцарились ужас, смятение, страх и бестолковая лихорадка телефонных звонков.

— Первый случай подобного рода за пятнадцать лет,— сообщил мистер Гринз.— О господи! Вы, конечно, согласны на детальный осмотр?

Их ощупывали и мяли врачи. Врачи обнаружили расхождения, каковые скрупулезно перечислили, обозначив их длинными латинскими терминами. Однако все эти расхождения не выходили из нормального диапазона отклонений, какие бывают у темпоральных двойников.

Инженерно-технические работники «Межвременной Страховки» выверили темпорометр, установленный на флипере. Они осмотрели приборы управления — на них были заданы эпохи: Настоящее, 1912, 1869, 1676 и 1595. На перфоленте был пробит и 662 год — год запретный,— но, как показывал темпорометр, эта команда не была исполнена. Бартолд объяснил, что случайно задел не те кнопки, а потом счел за благо оставить все как есть.

Подозрительно, но не дает оснований отказать в выплате премии.

Мистер Гринз предложил компромиссное решение, которое оба Бартолда отвергли. Он предложил два других, которые постигла та же участь.

Последняя беседа состоялась в кабинете Гринза. Два Бартолда расселись по обе стороны письменного стола, и вид у них был такой, будто вся эта история им наскучила.

— Хоть убейте, не понимаю,— сказал Гринз.— Для эпох, по которым перемещались вы, сэр, и вы, сэр, вероятность попадания в зеркальную трещину составляет примерно одну миллионную!

— Видимо, эта одна миллионная себя и оказала,— заметил Бартолд, а Байртр кивнул.

— Но как-то все кажется не... ну да ладно, чему быть, того не миновать. Вы уладили вопрос о своем дальнейшем сосуществовании?

Бартолд протянул Гринзу документ, подписанный Байртром еще в 662 году.

— Отбудет он, незамедлительно после получения компенсации.

— Вас это устраивает, сэр?— обратился Гринз к Байртру.

— Еще бы,— ответил Байртр.— Все равно, мне здесь не по нутру.

— То есть как это, сэр?!

— Я хочу сказать,— заторопился Байртр,— мне всегда хотелось оторваться от общества, знаете, такая у меня затаенная мечта — жить в укромном месте, на природе, среди простых людей и так далее...

— Понятно,— с сомнением в голосе произнес мистер Гринз.— А вы разделяете эти чувства, сэр?— обратился он к Бартолду.

— Безусловно,— категорически заявил Бартолд.— У меня точно те же затаенные мечты. Но кто-то из нас вынужден остаться — из чувства долга, знаете ли,— так вот, остаться согласился я.

— Понятно,— повторил Гринз, хоть тоном он ясно показывал, что ему решительно ничего не понятно.— Гм. Хорошо. Вам сейчас выписывают чеки — вам, сэр, и вам, сэр. Можете получить завтра же с утра... Конечно, если до тех пор нам не представят доказательств вашей недобросовестности.

Бартолд схватил Байртра за руку и потащил к вертолету-автомату, причем сознательно не сел в первый же свободный.

Он нажал клавишу управления, потом посмотрел назад — нет ли погони. Потом обшарил кабину вертолета, проверяя, нет ли скрытой кинокамеры или звукозаписывающей аппаратуры. И лишь после этого заговорил с Байртром.

— Ты безнадежный кретин! Эта шуточка может обойтись нам в целое состояние! Гринз, несомненно, держит нас теперь под наблюдением. Если заметят хоть что-нибудь — что-нибудь, опровергающее наши права на премию,— это будет значить Каторжный Планетоид.

— Надо нам держаться начеку,— здраво рассудил Байртр.

— Рад, что ты это понимаешь,— отозвался Бартолд.— Вечером поиграем в картишки, поболтаем, попьем кофе и вообще все проделаем так, будто мы оба — Бартолды. Утром я поеду за чеками.

— Годится,— согласился Байртр.— С удовольствием вернусь. Не понимаю, как ты тут терпишь вокруг себя сталь и камень. Нет уж, я — в Ирландию. Стану ирландским королем!

— Не загадывай, рано еще.

Бартолд отпер дверь, и они вошли в дом.

— Здравствуй, милый,— произнесла Мэвис, глядя в пространство между ними.

— Ты уверяла, что всегда узнаешь меня,— сухо прокомментировал Бартолд.

— Конечно, узнаю, дорогой!— Мэвис одарила его нежной улыбкой.— Просто мне не хотелось обижать бедного мистера Байртра. Тебе кто-то звонил, милый. И еще позвонят. Котик, я тут проглядывала рекламные объявления о мехе эскартов. Полярный марсианский эскарт чуть дороже простого канального, но...

— Кто-то звонил?— перебил ее Бартолд.— Кто же?

— Не назвался. Зато он гораздо прочнее, и мех отличается радужным блеском, исключительно...

— Мэвис! Что ему было нужно?

— Что-то такое в связи с раздвоением личности,— ответила жена.— Но там ведь все улажено, не правда ли?

— Ничего не улажено, пока у меня в руках нет чека,— обозлился Бартолд.— А теперь повтори слово в слово, что он тебе сказал.

— Да сказал, что звонит насчет твоей так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка»...

— Так называемой? Прямо сказал «так называемой»?

— Слово в слово. Так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка». Сказал, что непременно должен переговорить с тобой, и срочно, до наступления утра.

Бартолд почернел.

— И он сказал, что перезвонит попозже?

— Он сказал, что явится лично.

— Что такое?— всполошился Байртр.— Что это значит? Не иначе как страховой сыщик!

— Вот именно,— подхватил Бартолд.— По-видимому, он напал на какой-то след.

В дверь позвонили.

— Открывай, Бартолд!— прогремел чей-то голос.— Не пытайся увильнуть!

— Нельзя ли его умертвить?— осведомился Байртр.

— Слишком сложно! Идем! Через черный ход!

— Но зачем?

— Там стоит флипер. Бежим в Прошлое! Неужто не понимаешь? Будь у него в руках полновесные доказательства, он бы давно передал их корпорации. Значит, он только подозревает. Может быть, надеется расколоть нас своими вопросами. Если не попадаться ему на глаза до утра, то мы в безопасности!

— А как же я?— всхлипнула Мэвис.

— Заморочь ему голову,— отмахнулся от нее Бартолд и поволок Байртра через черный ход к флиперу.

Черт возьми! Инженеры и техники страховой компании изъяли из машины темпорометр.

Все пропало! Без темпорометра флипер недвижим. На какой-то миг Бартолд обезумел от страха, но тут же взял себя в руки и решил, что надо как-то выпутываться.

На приборах оставался фиксированным маршрут. Настоящее Время и годы 1912, 1869, 1676, 1595 и 662. Поэтому даже без темпорометра во все эти эпохи можно попасть, управляя флипером вручную.

Бартолд быстро нажал кнопку «1912» и взялся за рычаги управления. До него донесся вопль жены. И крик незнакомца:

— Стой! Стой, тебе говорят!— кричал незнакомец.

И флипер ринулся в путь сквозь годы.

Бартолд с Байртром пошли в салун, заказали по кружке пива (десять центов за кружку) и налегли на бесплатную закуску.

— Чертов сыщик, и надо же ему было нос совать куда не просят,— пробормотал Бартолд.— Ну, теперь-то мы от него оторвались. Придется уплатить солидный штраф за вождение флипера без темпорометра. Но теперь это мне по карману.

— Для меня все это чересчур стремительно,— пожаловался Байртр. Он покачал головой и пожал плечами.— Я только хотел спросить, каким образом бегство в Прошлое поможет нам получить завтра утром чеки в твоем Настоящем. Но теперь я и сам догадался.

— Конечно. Считается-то объективное время. Если скроемся в Прошлом часов на двенадцать, то прибудем в мою эпоху через двенадцать часов после отправления. Так исключается возможность накладки — прибытия в самый миг отправления или даже раньше. Обычные правила движения.

— А где мы сейчас?

— В Нью-Йорке 1912 года. Довольно занятная эпоха.

— Я хочу домой. А что это за люди в синем?

— Полисмены,— ответил Бартолд.— Они, по-видимому, кого-то разыскивают.

В салун вошли два усатых полисмена, а за ними следом — необычайно толстый человек в одежде, заляпанной типографской краской.

— Вот они!— взревел Джеки-Бык Бартолд.— Хватайте этих близнецов, начальники!

— В чем дело?— осведомился Эверетт Бартолд.

— Это ваш экипаж стоит на улице?

— Да, сэр, но...

— Все ясно. У меня ордер на арест вас обоих. Так и сказано «в сверкающем новом экипаже». И вознаграждение обещано, кругленькая сумма.

— Этот малый заявился прямехонько ко мне,— сказал Джеки-Бык.— Я ему говорю, дескать, рад буду помочь... а надо бы дать ему раза, интригану вшивому, сукину...

— Начальники,— всполошился Бартолд,— мы ни в чем не виноваты!

— В таком случае, вам нечего опасаться. А теперь следуйте за мной.

Бартолд увернулся от полисмена, огрел Джеки-Быка по физиономии и выскочил на улицу. Байртр отдавил каблуком ногу одному полисмену, другого стукнул под ложечку, отпихнул в сторону Джеки-Быка и устремился вслед за Бартолдом.

Они прыгнули во флипер, и Бартолд нажал кнопку «1869».

Флипер спрятали на извозчичьем дворе и пошли в близлежащий парк. Расстегнули рубашки и разлеглись на травке.

— Откуда сыщику известен наш маршрут?— спросил Байртр.

— Сыщик знает, что у нас нет темпорометра, поэтому нам доступны только эти годы.

— Значит, и здесь опасно,— заключил Байртр.— Возможно, он нас ищет.

— Возможно,— устало согласился Бартолд.— Но ведь он нас пока не нашел! Еще несколько часов — и мы в безопасности.

— Вы убеждены в этом, джентльмены?— раздался вкрадчивый голос.

Бартолд поднял голову и увидел Бена Бартолдера, а в левой, здоровой руке у него — маленький пистолет.

— Значит, и вам он предлагал вознаграждение!— воскликнул Бартолд.

— Еще как предлагал! И это, смею вас уверить, было весьма заманчивое предложение. Но меня оно не волнует.

— Не волнует?— переспросил Байртр.

— Ничуть. Меня волнует только один вопрос. Я бы хотел знать, кто из вас оставил меня с носом вчера вечером, в салуне?

Бартолд и Байртр посмотрели друг на друга, потом на Бена Бартолдера.

— Никто не смеет безнаказанно оскорблять Бена Бартолдера. Пусть у меня всего одна рука, я потягаюсь с любым двуруким! Так вот, мне нужен тот, вчерашний. А другой пусть уйдет с миром.

Бартолд и Байртр встали. Бартолдер отошел назад, так, чтобы оба оставались под прицелом.

— Который из вас, джентльмены? Я не из терпеливых.

Он стоял перед ними, вызывающе покачиваясь на носках, злобный и ядовитый, как гремучая змея.

Бартолд в отчаянии только удивлялся, отчего Бен Бартолдер еще не выстрелил, отчего просто-напросто не уложил их обоих.

Но потом решил эту загадку и тотчас же разработал единственно возможный план действий.

— Эверетт,— окликнул он Байртра.

— Что, Эверетт?— отозвался тот.

— Сейчас мы повернемся к нему спиной и направимся к флиперу.

— А пистолет?..

— Он не станет стрелять. Ты идешь?

— Иду,— процедил Байртр сквозь стиснутые зубы.

— Стой!— заорал Бен Бартолдер.— Стой, стрелять буду!

— А вот не будешь!— огрызнулся Бартолд на ходу. Они успели выйти в переулок и приближались к цели.

— Не буду? Думаешь, побоюсь?

— Не в этом дело,— разъяснил Бартолд, подходя к флиперу.— Просто у тебя не такой характер, чтобы застрелить совершенно невинного человека. А ведь один из нас невиновен!

— Плевать!— взвыл Бартолдер.— Который из вас? Признайся, трус несчастный! Который? Вызываю на честный бой. Признайтесь, иначе обоих пристрелю на месте!

— А что скажут ребята?— парировал Бартолдер.— Скажут, что у однорукого сдали нервишки, и он убил двух безоружных чужаков!

Они забрались в машину и захлопнули дверцу. Бартолдер, спрятал пистолет в карман.

— Ладно же, мистер,— сказал Бен Бартолдер.— Ты был здесь дважды и, сдается мне, не миновать тебе третьего раза. Я подожду. В следующий раз ты от меня никуда не денешься.

Он повернулся и зашагал прочь.

Надо было уносить ноги из Мемфиса. Но куда податься? Бартолд и думать не желал о Кенигсберге 1676 года и Черной Смерти. Лондон 1595 года кишел преступниками — дружками Тома Бартала, и каждый из них с восторгом перережет глотку Бартолду как предателю.

— Пропадать, так с музыкой,— решил Бартолд.— Поехали в Мэйден-Касл.

— А если он и туда заберется?

— Не заберется. Закон запрещает путешествия на расстояния свыше

тысячи лет. А страховому сыщику и в голову не придет нарушить закон.

И вот, наконец, над зеленеющими полями взошло солнце, теплое и желтое.

— Он не появлялся,— сообщил Байртр.

Бартолд вздрогнул и проснулся.

— Чего?

— Протри глаза! Мы спасены. Ведь в твоем Настоящем уже утро? Значит, мы выиграли, и я буду королем Ирландии!

— Да, мы выиграли,— согласился Бартолд.— Черт!

— Что случилось?

Сыщик! Гляди, вон он!

— Ничего я не вижу. Тебе не показалось?..

Бартолд ударил Байртра камнем по затылку.

Потом нащупал его пульс. Ирландец остался жив, но несколько часов проваляется без сознания. Когда он придет в себя, у него не будет ни спутника, ни королевства.

«Очень жаль»,— подумал Бартолд. Но при сложившихся обстоятельствах возвращаться вместе с Байртром рискованно. Проще одному зайти в «Межвременную» и взять чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда! А через полчасика зайти еще раз и взять другой чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда.

И выгоднее!

Флипер остановился во дворе дома Бартолдов. Эверетт Бартолд быстро поднялся по ступенькам и забарабанил кулаками в дверь.

— Кто там?— отозвалась Мэвис.

— Это я!— закричал Бартолд.— Все в порядке, Мэвис — все удалось как нельзя лучше!

— Кто?— Мэвис открыла дверь, посмотрела на него и взвизгнула.

— Успокойся,— сказал Бартолд.— Я знаю, ты страшно переволновалась, но теперь все кончено. Схожу за чеком, а потом мы с тобой...

Он осекся. Рядом с Мэвис на пороге появился мужчина — низкорослый, лысеющий, с невзрачным лицом, с глазами, кротко поблескивающими из-под очков в роговой оправе.

Бартолд уставился на Бартолда, возникшего рядом с Мэвис.

— За мной гнался...— начал было он.

— За тобой гнался я,— перебил его двойник.— Разумеется, переодетый, ведь ты нажил во времени кучу врагов. Кретин, почему ты удрал?

— Принял тебя за сыщика. А почему ты за мной гнался?

— По одной-единственной причине.

— По какой же?

— Мы могли бы сказочно разбогатеть,— сказал двойник.— Нас было трое — ты, Байртр и я; мы могли втроем прийти в «Межвременную» и потребовать премии за растроение личности!

— Растроение личности!— ахнул Бартолд.— Такое мне и не снилось!

— Нам бы выплатили чудовищную сумму. Неизмеримо больше, чем за простое раздвоение. Мне на тебя глядеть тошно.

— Что же,— сказал Бартолд,— сделанного не исправишь. По крайней мере, получим премию за простое раздвоение, а там уже решим...

— Я получил оба чека и расписался за тебя. Ты, к сожалению, отсутствовал.

— В таком случае, отдай мою долю.

— Не говори глупости,— поморщился двойник.

— Она моя! Я пойду в «Межвременную» и расскажу...

— Там тебя и слушать не станут. Я подписал твой отказ от всех прав.

Тебе нельзя даже находиться в Настоящем, Эверетт.

— Не поступай со мной так!— взмолился Бартолд.

— Это почему же? А как ты поступил с Байртром?

— Да не тебе, черт побери, меня судить!— вскричал Бартолд.— Ведь ты — это я!

— Кому же и судить тебя, как не тебе самому?

Бартолду нечем было крыть. Он обратился к Мэвис.

— Дорогая,— сказал он,— ты твердила, что всегда узнаешь своего мужа. Разве сейчас ты меня не узнаешь?

Мэвис попятилась от двери. Бартолд заметил, что на шее у нее сверкает ожерелье из руумов, и больше ничего не стал спрашивать.

Во дворе приземлился полицейский вертолет. Из него выскочили трое полисменов.

— Этого-то я и опасался,— сказал им двойник.— Мой двойник, как известно, сегодня утром получил свой чек. Он отказался от всех прав и отбыл в Прошлое. Я подозревал, что он вернется и потребует чего-нибудь еще.

— Больше он вас не потревожит, сэр,— пообещал один из полисменов. Он повернулся к Бартолду:

— Эй, ты! Полезай в свой флипер и убирайся прочь из Настоящего. Еще раз увижу — буду стрелять без предупреждения!

Бартолд умел проигрывать.

— Да я бы с радостью отбыл. Но мой флипер нуждается в ремонте. На нем нет темпорометра.

— Об этом надо было думать до того, как ты подписал отказ,— заявил полисмен.— Пошевеливайся!

— Умоляю!— сказал Бартолд.

— Нет,— ответил Бартолд.

И Бартолд знал, что на месте своего двойника он ответил бы точно так же.

Он сел во флипер, захлопнул дверцу. И в оцепенении стал мысленно перебирать возможные варианты (если их позволительно назвать «возможными»).

Нью-Йорк 1912 года? Но там полиция и Джеки-Бык. Мемфис 1869 года? Бартолдер ждет не дождется его третьего визита. Или Кенигсберг 1676 года? Чума! Или Лондон 1595 года? Там головорезы — дружки Тома Бартала. Мэйден-Касл 662 года? А как быть с разъяренным Коннором Лох мак Байртром?

«На сей раз,— подумал Бартолд,— пусть место само меня выбирает».

И, зажмурившись, ткнул кнопку наугад.

ТРИ СМЕРТИ БЕНА БАКСТЕРА [1]

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист Земли, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом. Большая контрольная доска, ви-

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

тавшая над его головой на высоте нескольких сот футов, и вовсе пригнетала его к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и, хоть Джеймс знал, как оно обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и растер лицо. Из прорези в панели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ее и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал Всемирного планирующего совета. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, пять представителей федеративных округов Земли, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти от обеих Америк. Высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редеющей на макушке, видно, еще чувствовал себя здесь не по себе. Он с серьезным и сосредоточенным видом уткнулся в «Руководство по процедуре» и быстрыми короткими движениями нет-нет, да и прикладывался к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил от Пан-Азии, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу от Европы. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, сражалась в шахматы с Аауи от Океании.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся с благодарностью отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал Джеймс,— я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левинского. В Главной исторической линии Левинский умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левинский избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий?— спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (условное, рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены?— поинтересовался Лан Ил.

— Да. Уже приступили к колонизации Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение,— сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту.— Критический момент

приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в истории. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения Исторической магистрали на другие Возможные исторические линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманнский проиграл битву при Гастингсе. Историческое развитие после этого события пошло бы по совершенно иному пути, для нас неприемлемому. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал полную стерилизацию земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот был неизбежен и необратим. Его можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса — Хольта — Мартенса. Всемирный планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Василия Ушенко (а также полный отказ от его ошибочных теорий о вредности радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Ушенко, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение стало такой же необходимостью, как профилактика в медицине.

Но и у переключения были свои границы. Должно было наступить время, когда ни одна доступная линия уже не удовлетворяла требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает,— продолжал Эдвин Джеймс.— И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист,— отозвался Лан Ил,— что Земля плохо кончит?

— К сожалению, это так.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на события в мире. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его как парк, с той разницей, что заведет там правильное лесное хозяйство. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные владения в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы по всему земному шару. Их стараниями — вплоть до нашего времени — сохранятся на земле большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять еще сохранившиеся в мире скудные лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением деревьев естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород нарушен, когда все окислительные процессы прекратились и нам остаются только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса,— вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может быть еще больше нарушено. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж,— заметил доктор Свег,— магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много,— ответил Джеймс.— Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.*

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места. До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства!

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу,— предложил Аауи.— Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы Земли, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно,— отвечал программист.— Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом?— спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три

мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее?— спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире другой,— предложила мисс Чандрагор.— Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и книги в руки,— ответил Эдвин Джеймс.— Мы знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования, доступное только политику. Каждая бригада будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае,— подытожил доктор Свег,— пусть каждая бригада исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет,— невесело улыбнулся Джеймс.— Давайте же делиться на бригады и договариваться о методах работы.

I

Утром 12 апреля 1959 года Недд Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях.

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила почти фанатическая гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, постоянно наблюдающего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для такого высокого поста. Однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревниво относится к правам и обязанностям своего положения.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но среди прочих также и два шталмейстера, Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, *камергер*,— приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простолюдином. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и характерным лицом полинезийца, что подтверждали и наискось поставленные глаза. Бринн еще подивился, что могло привести чужестранца в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но, конечно, не узнавал ввиду их скромного положения.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о полинезийце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности

в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете?— спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сваришь!— сказал Роджер Битти. Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура была хорошо заметна даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте?— спросил Битти.

— Заметил,— ухмыльнулся Аауи.— Думаете, чует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере,узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги?— пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно,— сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собралось простонародье. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам!— надсаживался толстяк крестоносец.— Шатается по улицам как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр!— ответствовал Бринн, храня судорожное спокойствие.— Если вам угодно меня проучить, я с удовольствием встречусь с вами в любом месте, с любым оружием в руках, какое вы соблаговолите выбрать...

— Мне? Встретиться с вами?— Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг дозволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус!— бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки?— удивился Битти.

— А как же!— кивнул Аауи.— Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело!— напомнил Битти.— Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Вакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Справившись с часами, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр?— спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал!— напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!», поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что?— недовольно буркнул Бринн.— Кто со мной говорит?

— *Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходим отдых и перемена обстановки.*

Бринн побледнел под загаром и внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу, да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— *Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Выключись, пока есть возможность.*

— У меня важное деловое свидание,— отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?*— иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр!— подлетел к нему официант.

— Что?— заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколаду пролилась на блюдце.

— Сэр?— спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться,* — настаивал голос. — *Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь,— последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное остережение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда!— воскликнул Бринн.— Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения,— раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чушь какая!— огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!*— взвизгнул у него в голове голос.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль, должно быть, ничего не слышал. Он все также строго взирал на Бринна.

— Враки!— сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал!— возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело,— начал Бринн, осторожно подыскивая слова.— Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!*— завопил голос.— *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие,— отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы!— подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз в полную силу.— Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы!— согласился Бринн.— Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной Сторожки?

— Как же! Мой третий кузен по материнской линии.— Теперь лейтенант-нобиль увидел восходящее солнце на груди у Бринна.— Кстати, мой сын стажирует в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэллехен.

— Я запомню это имя,— обещал Бринн.

— Яйца были горячие!— не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить!— оборвал его офицер.— Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр!— Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха!— с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон.— А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного сомневался в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте!— предупредил он.— Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу! Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта махина держит путь? Возможно, что в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его

само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он узнал по золотисто-смуглой коже и характерным чертам полинезийца.

— Мистер Бринн?— обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно?— спросил Бринн.

Но тут полинезиец без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором поблескивало что-то металлическое. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром во время Второго мирового крестового похода он служил в неистовых рыцарях. Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул полинезийцу локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил полинезийца тыльной стороной руки и попал в гортанный нерв. Полинезиец задохнулся и упал как подкошенный. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой наподдать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую и треснулся затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Полинезиец лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого! Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявят в полицию.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы?— раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но слегка до нее дотронувшись, успокоился: покамест — цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой — ответил Ааuи.— К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился на заре событий.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили,— сказал Ааuи.— У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, что да,— отвечал Битти, поднимаясь с земли.— А ведь, наверно, уже поздно?

— Да, без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось, удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша уставилась на них с открытым ртом. Сидя в такси, они немного пообчистились, но все еще выглядели весьма неавантажно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; лицо полинезийца приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно?— спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном,— начал Ааuи самым своим официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор,— настаивал Ааuи.

— Приказано не мешать.— Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Ааuи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь,— сказал он секретарше,— мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой палаты лордов Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свое предложение; он усеял бумагами письменный стол Бакстера, он сыпал цифровыми данными, ссылался на господствующие тенденции, намечал перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м,— промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмой. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью,— сказал Бакстер.

— Сэр?..

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет,— ответил мистер Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И, когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить,— возразил Бринн,— о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы,— вздохнул Бакстер.— Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивает цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр!— пролепетал он помертвевшими губами.— Это звучит оскорбительно.

— Что?— отозвался Бакстер, и в его холодных глазах почудилась Бринну усмешка.— Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения,— возразил Бакстер.— Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. *Это мне надо просить извинения.* Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться,— сказал Бакстер.— А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите, я постараюсь говорить разумно — постарайтесь и вы отвечать разумно. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу!— сказал Бринн, всей душой жалея, что не может.— Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый, Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника...Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела. Удар пришелся по шее и притиснул Бакстера к столу. Глаза у него потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения!— крикнул Бринн.— Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он говорил себе, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер!— окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох...— только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервой видел сломанную шею.

II

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего сана.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но также два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой!— приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере.

И все же краешком глаза приметил в клетке лифта прелестную, холеную девушку с волосами черными как вороново крыло, с пикантным смуглозолотистым личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом!— воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша.— Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сьодил с вас в лифте,— заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям?— молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги,— ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель,— смиренно, но настойчиво возразил Бринн.— Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтите старость,— возразил священник,— внемлите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И, пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, бестревожное единство разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях наряду с религиозными.

Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно?— спросил официант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно,— отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня вишья, и это не положено,— ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!», поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и связи Бакстера, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглянку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка безуспешно пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость,— сказал он,— я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет!— зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе,— сказал он.— Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа, и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так,— подтвердил старичок.— Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях,— возразил Бринн,— всяк помогает всякому — и дело сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук,— процитировал старичок.— Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере!— воскликнул Бринн.— Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна.— Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены,— продолжал старик со спокойствием отрешенности.— Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут,— заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает пароход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она могла бы благополучно доехать. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю,— начал он.— А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором в годы Второго мирового йехада. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше,— сказал старик.— Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность,— продолжал старик.— Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности скорее всего искусная подделка, а деньги конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить трагический рот улыбаться. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик.— Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая,— волновался старик.— Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания...погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор,— продолжал Бринн.— Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны?— воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр,— сказал старик.— Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день,— вразумлял его Бринн.— Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь, не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни!— с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится,— уверял Бринн.— Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А» соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сушеная рыба, сэр!— подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу!— взревел Бринн. Но тут же спохватился.— Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду,— заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил,— пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие,— возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы,— энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту.— Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась,— заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали! Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка?— заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Лично мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, поживем увидим.

— Единственное, что нам остается,— сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же долг, как же труд его преданных служащих — ведь именно сегодня ему предстояло завершить и увенчать его на письменном столе у Бакстера. Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире — он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой.

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн...— Помощник поискал в списке.— Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо,— сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

— Кстати,— спросил он помощника,— в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов! А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя поспеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблемой смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

— Гм-м-м,— промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще поспеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают,— сказал Бакстер.

— Сэр!— только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что — туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае, не для таких новостей,— заверил его Бринн с ухмылкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм,— продолжал Бакстер, улыбаясь.— Я — прямой человек, Бринн, и я говорю вам безо всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь! Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично!— Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится, доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

— У вас редкостный посох,— сказал Бакстер.

— А, что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно изукрашенную палку и надавил ручку. На другом ее конце выскочил клинок и слегка оцарапал ему ногу.

— Вот уж верно, что легко,— сказал Бакстер.— Я легче не видывал.

— Вы, кажется, порезались!

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то — дамасского литья!

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер оборвал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн обернулся, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр!— крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача!— крикнул он испуганной девушке. А потом вернулся к Бакстеру

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллион трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую жертву.

С ужасом глядел он на терпкий ярко-зеленый оттенок, разлившийся по лицу и рукам Бакстера.

III

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудня ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовался настоящий интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, доступном доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Никогда он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались в том, что он не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего звания. Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка обитателей дома, в большинстве лавочники, но Бринн узнал среди них и двух дельцов.

— Славный денек, мистер Бринн,— приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь!— сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в клетке лифта белокурого гиганта — настоящего викинга, разговаривающего с плешивым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквар-

тирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о викинге. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать у Чайльда.

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете?— спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Я меньше всего сторонник насилия,— сказал доктор Свег.— Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится,— сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите,— сказал Бринн.

— Простите,— отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе Чайльда и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр?— спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр,— раздался голос.— Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения,— сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн,— начал он.— Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте,— сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю!— виновато пожал плечами доктор Свег.— Но наши доказательства...

— ...производят впечатления. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему просимое. Бринн почтительно уставился на небольшой блестящий предмет.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее не один биллион.

— Это продукт нашей техники,— сказал Главный программист,— как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и усовершенствования сегодняшней технической мысли и практики.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ добывания пресной воды из морской!— Он уставился на обоих собеседников.— Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать...— Бринн крепко задумался.— Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства!— Бринн все больше сердился.— Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс моей жизни. Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное,— поправил его Джеймс.— Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн,— сказал Свег,— вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно,— хмуро отозвался Бринн.— Но вы говорили, что у вас там еще и другие бригады. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире.

— Не остановили, нет!

— Почем вы знаете?

— Я не хотел говорить тем бригадам,— сказал Главный программист,— но их надежды на успех так же призрачны, как и *мои*,— они близки к нулю!

— Черт!— выругался Бринн.— Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете право?

— А что, если отложить свидание до завтра?— предложил доктор Свег.— Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете,— может быть, и всю жизнь,— чтоб он вам назначил другое.— Бринн поднялся.— Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас — и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право!— сказал Главный программист Джеймс.— До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение.— Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как?— спросил Свег.— Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии мало вероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо,— отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно и прочно покоящихся на своих стапелях, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ.

...которому он верил.

Ну а как же его долг и все эти пропащие годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А заключенные в сделке возможности, которые он хотел закрепить и увенчать сегодня за столом у Бакстера?!.

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

«К черту Бакстера!»— говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами.

Пусть будущее само о себе позаботится!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер вас ждет. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн с места не сдвинулся, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр!— напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал,— сказал он каким-то словно чужим голосом.— Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале Всемирного планирующего совета пять представителей федеративных округов Земли сидели вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом.

— Ваши доклады!— сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше,— добавил он в заключение.

— Это еще как сказать,— отозвался Битти, пострадавший больше, чем Аауи.

Лан Ил доложил о частичном успехе и полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое.

В заключение Лан Ил философически посетовал на возмутительно ненадежные расписания пароходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места.

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Земли. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего нам не рассказали,— попеняла ему с места мисс Чандрагор.— Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами воздействия. Поразмыслив как следует, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

— Повернулся и побежал вниз.

— Побежал?

— Да, мистер Бакстер. Он не стал ждать лифта.

— Понимаю.

— Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

— Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясниться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, как все бы узналось, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу...

Что ж, у него уже много лет как созрело решение — на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевый крах 1959 года.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ [1]

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти?— спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают?— повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

— Пулю ему в голову,— решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель,— умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними,— не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие!— От этой мысли глаза маленького человечка загорелись.— Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том. 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

— Извините меня,— сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то,— это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов,— рассуждал про себя Эдсель,— убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу,— сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попалось под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй!— испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился.— Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо,— заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель,— умоляюще сказал Факсон,— нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись,— бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше,— продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу,— продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка!— Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться,— сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда?— медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещавшейся в ладони.

— Назад, в космопорт,— ответил Факсон,— домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал,— задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудами оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень,— злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза,— в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать...— Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот.— Ты что задумал?— пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать,— заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих.

— Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ним мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

— Ну, хорошо,— упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета.— Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста,— ответил Эдсель.

— Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать,— быстро проговорил Факсон,— Я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно,— сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости,— сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться.— Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи,— Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звука не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справо и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно,— спокойно заметил Парк,— полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это,— сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера,— сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне,— тихо произнес Парк,— что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что?— сказал вдруг Эдсель.— Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо,— ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить, когда я стрелял в Факсона.— Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару?— спросил Эдсель, расплывшись в улыбке.— Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за,— ответил Парк,— считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно,— продолжал Парк,— варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано?— спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия,— ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка,— предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница?— прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать?— спросил он Парка.— Ты думаешь...

Оба вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет?— спросил Парк.— Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан,— ответил воин.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

— Мы Синтеты, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин,— Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться,— сказал Эдсель, придя, наконец, в себя.— Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате?— спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтетов,— сказал Парк.— Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай продумаем план действий,— сказал Парк.

Эдсель все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это,— сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами...— он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да, уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал!— крикнул Эдсель и надел шлем на голову.

— Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!

— Кто это говорит? Ты, Парк? А?— Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

Что за идиот!— подумал про себя Парк, надевая шлем. Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве. Он обернулся и посмотрел на пещеру.

С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир. Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

Что бы это могло означать?— подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну,— сказал он самому себе,— давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане,— и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо!— сказал рот.— Протоплазма!— Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма,— сказало чудовище, пожирая тело Эдселя,— мне нравится спокойная протоплазма,— чудовище заглотало тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал!— сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни!— завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма,— сказало Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком,— но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

ТРАВМИРОВАННЫЙ [1]

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Аттала».

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13 371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением *Карieномен*

Приложение: Расчеты конструкций - 1,
Карта метагалактики «Аттала». 1

---

[1] Печатается по изд.: Экспедиция на Землю. Сборник англо-американской фантастики. М.: Мир. 1965.

* * *

Адрес: Штаб строительства
334 132,доб. 12
Адресат: Подрядчик Карieномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой Карieномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не зыбыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра Метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в Метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской; и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавший в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Карieномен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз

Приложение: заверенная копия протокола жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так,— сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана.— Прощайся со своим владением.— Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение,— пробормотала Кей.— Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много.— Масрин направился к двери.— А со Счастливчиком попрощаемся?— Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату.[1] Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

— Не надо,— возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм.— Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

— Ты совершенно права,— поддержал ее Масрин.— Не стоит начинать новую жизнь с благословений Счастливчика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось?— поинтересовалась Кей.

— Мы ничего не забыли?— нахмурившись, в свою очередь спросил Масрин.

— Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать?— спросила Кей.— Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

— Видишь?— шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа.— Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

---

[1] Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются.— *Прим. перев.*

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом взбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые мрачные стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось?— помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела?— спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне не поверишь,— произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе,— отозвалась Кей.— Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан!— внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да бог с ним, с чемоданом,— отмахнулась Кей.

— Надо вернуться,— настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне

торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему?— спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс.— Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди,— продолжал он,— мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада»— монография Эттисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю,— откликнулась Кей.— Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно,— сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так,— снова заговорил Масрин.— Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно?— спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово,— отчеканил он.— В логически построенной Вселенной парадокс не допускается. Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

— Я представляю себе,— продолжал Масрин,— что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что...— Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему.

— Как бы там ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей?— изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно,— ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит.— Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки,— бодро произнес Масрин.— К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступени он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали», с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею.— Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделывало бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только...

Но с другой стороны, логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно взирал на все происшедшее и понимал, что, несмотря на любые разумные аргументы, того, что было,

не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом.

Тут Масрин вскрикнул и потерял сознание.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будет преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле — подавлении первозданного хаоса — я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, связанных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограниченна его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это в свою очередь повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покоробился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением *Карieномен*

Приложение 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе

2.Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах

Адрес: Штаб строительства
334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Карieномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Карieномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерять шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошлое внизу,— сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе.— Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит?— спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово,— ответил Масрин.— Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции.

— А подниматься можно?— спросила совершенно сбитая с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу,— заныла Кей.— Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь?— прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время,— сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного,— возразил Гарф.— Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы?— спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться?— спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если

Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо,— произнесла Кей сдавленным голосом,— я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову скорую помощь,— сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бацилл бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго,— предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились,— констатировал Гарф.— Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил,— подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома?— спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Постойте,— заметил Масрин.— Мы заплатили вам по сегодняшний день. До полуночи эта комната — наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше,— предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый,— сказала она,— может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделают трещину,— ответил Масрин.— Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему?— спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит — правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедится, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Зохотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уже где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю,— твердо сказал Масрин.— Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал,— исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устранением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла.— Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстилался Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж,— попросил Масрин.— Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней?— спросила Кей.— Как ты в конце концов отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна,— авторитетно ответил Масрин.— Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю,— сказал Масрин.— Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариономен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Аттала» исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлеется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику «Аттала».

С уважением *Кариеномен*

Приложение:

1. Заявка на строительство метагалактики «Морстт»
2. Рецензии на метагалактику «Аттала», 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой,— нервно сказала Кей.— Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут,— ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят.Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь?— спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя,— пояснил Масрин.— С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятил».

— Дело вовсе не в лестнице,— еще раз объяснил Масрин.— Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке,— заявил он, чуть покачиваясь.— Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало — так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И, конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город.

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поискал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, ско-

рее всего, уверен, что Масрин возглавляет Мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка,— обратился он к Кей.— У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи,— сказал он.

— Черта лысого, а не удачи,— откликнулся с площадки мистер Гарф.— Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не больше получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он спрыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму, и взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф,— предложил он,— не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстт» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней работой в «Аттале», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить,— это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики «Морстт».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением *Карieномен*

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф,— закончил Масрин час спустя.— Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел,— признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да,— процедил Гарф,— пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать,— попросил Гарф. Он энергично высморкался.— Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодилась бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что?— переспросил Масрин, выходя из ванной.— Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому барахлу. Это повлечет...

— Конечно,— задумчиво произнес Гарф,— я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете!— вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь,— сказал Гарф.— Все, что мне от вас нужно,— это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто стребовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем,— возразил Масрин.— Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки,— заявил Гарф.— Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил,— устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся.— Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да?— тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф — стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу,— заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого,— попросила она.

— Больше ничего не остается.— У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить. Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был неспособен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки, те, что его задели; должно быть, теперь они превратились в табу,-решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага!— одобрил его Гарф.— Давай сюда!— Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица,— сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки.— Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

— Что случилось?— спросила она.

— Не знаю,— ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим.— Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть в выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морстт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением *Карieномен*

Приложение: брошюра, 9978 листов.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»[1]

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода,

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

— Только не спать,— сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры; двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

— Но в одиночку лучше,— напомнил себе Моррисон.— Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над россказнями старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы: девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его, до того как истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно вглядеться в опаленную жаром

желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого, синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает: не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил вывернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть,— сказал себе Моррисон.— Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

«Могло быть и хуже»,— сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже»,— добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню,— ответил Эл.— Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй,— перебил его Эдди,— что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой; она оказалась в крови.

— Ничего особенного,— сказал он.— Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить,— сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно,— ответил Эдди,— только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент,— сказал Моррисон,— у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— *Если* вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать?— спросил Моррисон.— Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры,— упрямо сказал Эдди.— Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин,— сказал Моррисон.— Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит?— возразил Эдди.— Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться,— ответил Моррисон.— Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели,— сказал Эдди.— Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение,— настаивал Моррисон.— Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу,— ответил Эдди.— Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку,— мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги,— ответил Моррисон.— Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину,— где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи,— решил Моррисон.— По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков — маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел, что рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти слева от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

— Кто бы это мог мне что-то телепортировать?— подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты,— сказал Моррисон.

— Да, сэр,— сказал робот, окончательно высвободившись из вихря.— Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон,— сказал Уильямс-4.— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да,— ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно,— сказал Уильямс-4.— Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо,— сказал старый робот.— Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все,— продолжал Уильямс-4.— Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделаются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным, на Землю.

— Знаю,— ответил Моррисон.— Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно,— согласился робот.— Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я,— ответил Моррисон.— Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей,— и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-то стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения?— спросил себя Моррисон.— Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные и изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги»,— сказала она.— Чем мы можем вам помочь?

— Привет,— весело отозвался Моррисон.— Как погода в Венусборге?

— Жарко,— ответила женщина.— А у вас?

— Я даже не заметил,— улыбнулся Моррисон.— Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу?— спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно,— ответил Моррисон.— Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их,— беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке?— спросила женщина.

— Конечно,— ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице.— Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во

флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело?— спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился. Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон,— сказал Рид,— ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду,— сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом,— ответил Моррисон.— Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку! Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере,— сказал мистер Рид.— Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги»,— продолжал мистер Рид,— не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю,— сказал Моррисон.— Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно,— устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет,— ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно разыскивать работу в перенасе-

ленном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше,— сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас,— повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их в свою очередь прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми,— сказал он,— на кого ты похож?

— Все в порядке,— ответил Моррисон.— Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен?— спросил Макс.

— Смотри сам,— сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны.— Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота,— неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь!— сказал Моррисон.— Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу,— грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон,— сказал Крэндолл.— Я должен за него за два месяца.

— Я тоже,— вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку,— сказал Крэндолл.— Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог,— сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог,— ответил Крэндолл.— Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере,— ответил Крэндолл.— Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей,— сказал Моррисон.— Она должна быть где-то здесь, Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И, конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружились молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив!— заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножья утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье,— отвечал Моррисон.— Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон: на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере, так говорили.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну, конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла

Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми,— произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь,— сказал себе Моррисон.— Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно!— сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага.— Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс!— заорал он.— Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс,— сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд,— сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд,— сказал Моррисон,— я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили,— сказал мистер Бойярд.— Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить,— ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно,— ответил мистер Бойярд.— Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите!— закричал Моррисон.— Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае,— решительно ответил мистер Бойярд.— После того, как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь!— сказал Моррисон.— Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь,— ответил Моррисон.— Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир,— ответил мистер Бойярд.— Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми,— сказал Моррисон,— я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене. Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя,— сказал Моррисон.

— Вовремя для чего?— спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек,— произнес Уильямс-4,— ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав,— сказал Моррисон.— Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения,— ответил Уильямс-4.— У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что,— сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке.— Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно,— сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо.— Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать,— это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди!— крикнул Моррисон.— Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю,— ответил Уильямс-4.— Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон?— спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу,— ответил робот.— Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Морисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка?— сказал робот.

— Нет,— ответил Моррисон.— Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно,— ответил робот.— Мы только что выпустили новую серию Венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот!— сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов. Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит побольше, чем тысяча марок!— сказал Моррисон.— Это же золотоносная порода!

— Очень может быть,— ответил Уильямс-4,— но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен,— грустно сказал Уильямс-4.— Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей,— по сути дела, такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты,— сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить,— прорычал Моррисон.— Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно,— ответил Уильямс-4.— Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно,— ответил Моррисон.— Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично,— ответил робот.— У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь,— сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того,— поспешно добавил робот,— вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь,— пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте!— сказал Уильямс-4.— Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давай телефон,— сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно,— сказал Крэндолл.— Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой!— сказал Моррисон.— Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри,— Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду,— заметил Кренондолл.— Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть?— спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить,— сказал Крэндолл. Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы,— произнес Уильямс-4,— впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю,— сказал Моррисон.— Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как?— переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг,— сказал робот, подходя к вихрю.— Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет,— ответил Моррисон.— Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломавшийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр,— сказал Маркшейдер.— Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да,— ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо,— сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал

и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь?— спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка,— ответил робот.— Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться,— сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все,— сказал он наконец.— Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он,— сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая ее Маркшейдеру.— Все?

— Абсолютно все,— ответил робот.— Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слыхал,— сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе,— объяснил съемщик.— У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку,— сказал робот.— Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно!— заорал Моррисон.— Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все,— ответил Маркшейдер.— Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков,— сказал Моррисон.— И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря пока-

залось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу»,— говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан»,— подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Я И МОИ ШПИКИ [1]

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли «Старлинг». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и к другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер — меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство Внутренней Безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не хотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том. 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство нисколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло уже одно его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним,— причем я чувствовал его дыхание на своем затылке,— мои друзья хохотали до слез.

— Билл,— шумели они,— это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую Комиссию по Расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал подумывать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил себе «Каталог светил вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома уложил вещи и распрощался со звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось лишь получить общую визу, и я поспешил в Бюро Общих Виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным гор-

ным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

— Куда же вы желаете отправиться?

— В космос!— ответил я.

— Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю,— сказал я.— Просто в космос. В Глубокий Космос! В Свободный Космос!

Клерк устало вздохнул.

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском Космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский Космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением,— ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни,— сказал он с улыбкой превосходства.— Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

— А где же Свободный Космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность!— гордо ответил он.

На минуту я буквально остолбенел. Я как-то никогда не представлял себе, что вся бесконечная вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов кто-то же должен был владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский Космос,— заявил я, не придав в то время этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже заправлен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других мешков. Развязав этот мешок, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну что ж,— заговорила она,— может, вы поможете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти из мешка. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоя-

тельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить?— спросила она.— От самой Земли у меня и крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня,— отвечала она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму,— сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского Космоса.

— Я стремилась к свободе,— сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустилась на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой,— голос ее звучал спокойно,— но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волненье при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Простоять пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать, меня,— продолжала она.— Я больше не могла все это выносить — казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну», все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы,— ответила она.— Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться,— сказал я.

— Благодарю вас,— кротко ответила она,— вы действительно поняли меня.

— Конечно,— сказал я,— но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я не медля ни минуты обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского Космоса. Работая по пятнадцати часов ежедневно, мне удалось добиться того, что этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а швы на корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй — так звали моего шпика — готовила пищу, вела домашнее хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

При всем при том, однако, мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие.

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул назад и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру № 3.

— Извините, пожалуйста,— сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке,— отвечала она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал дразнящий аромат духов «Венера-5».

— Т е п е р ь можете отпустить,— сказала она.

— Да, конечно,— отвечал я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны.

— Мэйвис,— звучал мой голос,— мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл?— спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями Шпика и Подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака...— начал он.

— Все в порядке, сынок,— ответил я.

— Мне очень неловко,— продолжал он,— что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом,— сказал я.— Что ты там делал на скале?

— Сэр,— начал он тонким голосом,— мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом-испытателем космических кораблей. Он геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставляя ему в наследство участки земли на какой-то планете в Британском Космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчл, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрк, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в мой космический скафандр, дал

мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандрик и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи».— «Но, сэр,— пытался было я протестовать,— отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберемся»,— сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил Фликеру миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный!— услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать,— отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться,— не отставала Мэйвис.— И зачем это Комиссия по Расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем?— воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании,— ответил мальчишка.— Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И вот они прислали тебя,— Мэйвис всхлипывала,— двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло,— посочувствовал он.— Лично я хочу стать пилотом — испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно — я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось наскрести в кадрах службы безопасности.

Мое правительство еще продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла сидение второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и возилась по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпиков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как была невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой был в восторге от прозрачных озер и кое-где по-

днимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую Комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было бы ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она нисколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

— Билл,— позвала она.

— Что?— спросил я.

— Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

— Билл!

— Что?

— Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что бы я ответил ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба опустился космический корабль.

Эд Уоллейс — пилот корабля — оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше, чем через месяц.

— Как нехорошо получилось,— пробормотал он.— Теперь придется сидеть здесь.

— Я тоже так думаю,— ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

— Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой,— сказал я и пошел к себе. Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллейс сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что учреждение, в котором служил

мистер Уоллейс, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное Разведывательное Управление.

Из мистера Уоллейса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не оставалось времени для прогулок по желто-зеленым полям и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллейса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной Разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-Информационного Бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского Совета по Космическим Нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов совсем не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеяны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе Подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию вдруг охватила необычная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпиков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как председатель всей группы.

— Случилось нечто ужасное,— сказала она,— но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы совсем не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть!— воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл,— продолжала она.— Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть!— повторял я.— Даже вы, Мэйвис?

— Даже я.— Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено,— выпалил вдруг Рой.

Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллейс, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит?— спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела,— вмешалась Мэйвис.— Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим,— продолжала Мэйвис,— наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не сможете взлететь!— закричал я.— Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны,— мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпиков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать меня по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жалко их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпиков, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого Подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл,— сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллейса, и вдруг до меня дошло, что и она уже больше не мой шпик!

— Мэйвис!— закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улететь, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллейса как раз начали созре-

вать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь и по сей день,— правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпики теперь массами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпиков, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в оставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духа. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — это бывшие правительственные тайные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в этом вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

ПРОБЛЕМА ТУЗЕМЦЕВ [1]

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится, сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чув-

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

ствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые лёгкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов, к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята!— орал капитан.— Захватим-ка вагон для Рокэвея!

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс Парк и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард?— любопытствовала очередная подружка.— Разве тебе не весело?

— Весело, конечно,— задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет!— в изумлении вскрикивала девушка.— Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю,— отвечал Эдвард Дантон.— Мне, право, очень весело. Я... о господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэйн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психо-соматических недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков разных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более сов-

ременные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард,— говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку,— ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятишек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это,— ответил Дантон.— Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще,— добавил он, вдруг пораженный новой мыслью,— я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но это ведь ужасно,— сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация.

—Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное,— подтвердил Эл.— Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало ему бесплатный проезд в любую часть вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок два жителя которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

---

[1] Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещаться женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял, что необходимо принимать решительные меры.Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных Морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Миккельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: *«Народ Хаттера»*

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как *«Народ Хаттера»* тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним.

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад!— гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона, как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось?— удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит,— сообщил тощий.— Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я всегда говорю по-английски,— ответил Дантон.— Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я.— Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе.— Посмотрите-ка, это все вам,— Дантон указал на фрукты.— Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет!— ответил Симеон.— Здесь небезопасно. Полезай назад. Анита.

— Я буду наблюдать отсюда,— ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же?— резонно полюбопытствовал Дантон.

— А оттого,— ответил ему Джедекия,— что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете?— обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал,— ответствовал военачальник.— Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро,— с ухмылкой согласился Джедекия.— Да убоятся цивилизации,— и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй!— вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа,— заговорила Анита,— но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные,— вставил Джедекия,— поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права!— возмущенно воскликнула Анита.— Совет Старейшин...

— не распоряжается сейчас...— перебил ее отец.— Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы,— заговорил Дантон.— Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся, наконец, в подлеске.

— Вот так-то!— прогремел ему вслед голос Симеона.— Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае,— продолжал размышлять Дантон,— как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры, наконец, вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои,— провозгласил военачальник.— Вот, наконец, и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш,— откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупней бурундука,— прошептал Дантон.— Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан,— продолжал Симеон.— Однако известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали взад и вперед, держа винтовки наизготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобней будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой!— разом рявкнули все часовые.

— Дикарь вернулся!— крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка,— заплакал какой-то малыш.— Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый,— успокаивала его мать.— У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона.

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей.— Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку.— Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так розговариваете?— спросил Дантон.— Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побледнело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

— Да я же землянин,— завопил Дантон.— Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках и роговой оправе.

— Симеон,— сказал седой человечек,— мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер,— обратился к нему Симеон,— этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин?— спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я,— ответил Дантон.— Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

— Чем он был оборудован?— перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился, наконец, на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор?— спросил Симеон.

— Поразительно,— пробормотал профессор Бейкер.— Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг,— ласково возразил профессор.— Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты *встречал* землянина. Скорей всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля,— сказал Джедекия.

— О, вот видите,— просиял профессор Бейкер.— Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль,— объяснял Дантон.— Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить,— лекторским тоном продолжал профессор Бейкер,— те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия,— заметил Дантон.— Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеритов покинул Землю сто двадцать лет тому назад,— снисходительно ответил Бейкер.— Здесь присутствует преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также,— обратился Бейкер к Семеону и Джедекии,— как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во вселенной.

— Да есть они!— негодующе крикнул Дантон.

— Где?— с вызовом обратился к нему Джедекия.— Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой,— сказал Джедекия.— Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет этих планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже,— отрезал Симеон.— Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы там замышляете?

— Какая нелепость,— возмутился Дантон.— Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

— Будет!— оборвал его Симеон.— Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня,— не сдавался Дантон.

— А, так ты запираться!— процедил Джедекия.— Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется,— остановил его Симеон.— Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попрошайничать. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо,— ответил Дантон,— я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей!— гаркнул Джедекия.— И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороченный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца?— спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем еще вы можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменилось. Но скажите, неужели *«Народ Хаттера»* провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы,— грустно ответила Анита.— Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно, и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм,— промычал Дантон.— Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин,— ответила Анита.— В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа,— устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания,— закончила она.

Они замолчали, любуясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец, все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми?— раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия,— сказала Анита.— Не разыгрывай сцен.

— Встань,— зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону.— Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу,— сказал Джедекия Аните,— и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе,— повернулся он к Данто-

ну,— я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волочиться за нашими женщинами!* И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле плашмя.

— На помощь!— завопил он.— Туземцы взбунтовались!

На звездолете загремел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один,— крикнул Дантон.— Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита!— крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца,— твердо ответила девушка.— А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом.[1]

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услыхал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковать о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных

[1] **Кордит** — бездымный нитроглицериновый порох.

мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся,— успокоила его Анита.— Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как?— принужденно рассмеялся Дантон.— От кого же?

— Они ведь не знают тебя так хорошо, как я,— пояснила Анита.— Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

— Ну, конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина!— пылко воскликнул Дантон.— И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал.

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт,— торжествуя, спросил Дантон,— что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась.

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный,— продолжала Анита.— Межпланетный закон запрещает

продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно,— сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват,— успокоила его Анита.— Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны,— заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели!— попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор,— продолжала Анита,— наши старейшины просят тебя принять вот это.— И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает окончание хаттеронью-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже врывают в землю межевые столбы, расписанные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе,— начал Дантон,— что может быть, ...э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала,— покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да,— не глядя на него, проговорила девушка.— Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу,— подхватил Дантон,— показал бы им, как распознавать съедобные коренья, и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски,— вздохнула Анита.— Как все было бы чудесно. Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой,— ответила Анита.— Я бы убежала с тобой, Данта, но нас ведь поймают, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут,— уверил ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь,— нежно произнесла Анита.— Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекли их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильней любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

— К черту!— крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не прогрызли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

Попробовать стоит,— подумал Дантон.— А убьют, так и ладно.

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию!— крикнул ему часовой.— Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона,— настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ,— и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка.— Из космического корабля вылез хмурый, как туча, Симеон.— Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец,— пояснил часовой.— Прихлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно?— спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам,— громовым голосом начал Дантон,— *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — группа седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор,— заметил Симеон.

— Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове,— выступая вперед, заявил Дантон,— обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Таити — наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта!— воскликнула, выходя из корабля, Анита.— Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня,— ответил Дантон.— Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелль-смбройхи, вителли. Я уж не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу?— спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но, конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из нас убьют,— бесстрастно продолжал Дантон.— Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну, а теперь-то можно прихлопнуть его?— взмолился часовой.

— Опусти винтовку, дурень!— рявкнул Симеон.— Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен,— степенно ответил Дантон.

— Чего вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего,— ответил Дантон.— Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и ньютаитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня,— сказал он,— предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

— Э, нет,— ответил Дантон.— У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

— Но, черт возьми, любезный...

— Таково мое последнее слово.

— Мы никогда не согласимся! Никогда!

— Значит, будем воевать,— объявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла,— сердито буркнул Симеон.— Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем,— Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил:— Согласиться на ассимиляцию. По крайней мере так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение,— заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно,— согласился Симеон.— Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по всей планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записали все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пре-нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ?— говорил Данта любопытным.— О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

ОРДЕР НА УБИЙСТВО[1]

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленной на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная!— донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш!— кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и прищурившись глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту!— сердился Билли Маляр.— Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь,— сказал Ткач.— Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай!— крикнул он Билли.— Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания,— продолжал упорствовать Билли, уже наголовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим,— сказал мэр.— И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники?— спросил мэр.— Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво,— сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть!— прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их,— сказал мэр.— Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой.— Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю.— А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху?— спросил Билли.— Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам,— сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи.— Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, ведь я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых?— сказал мэр.— Только не сейчас. Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том,— без проволочки приступил к делу мэр,— как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю,— сказал Том.— А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь, ли, вот что...— и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное ра-

дио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

На Земле, по-видимому, шла война. Новый Дилавер с его единственной деревушкой был слишком мал и слишком далек, чтобы принимать участие в войне. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения.

Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим,— сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же!— горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени из-за неустойчивости внутреннего положения мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но теперь с этим покончено, осталось навести кое-где порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Империи Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

Мэр смутился. Во всех книгах Земля упоминалась как Содружество демократий. Но, в конце концов, за два столетия название могло перемениться.

— Мы по-прежнему верны Земле,— с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. Это освобождает нас от необходимости посылать экспедиционный корпус. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь обычаев, установлений и традиций, принятых на Земле.

— Как вы сказали?— обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что во Вселенной есть место только для одного разумного существа — для Человека! Все остальное должно быть уничтожено раз и навсегда! Мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, Генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — Генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места чуждым элементам. Это исключено! Совершенно так же в ней не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Невозможно управлять Империей, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится. Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, Генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма, наподобие свободы воли, свободы любви, свободных выборов или еще чего-либо, внесенного в проскрипционные списки. Все это нам чуждо, а ко всему чуждому мы будем беспощадны. Наведите у себя в колонии порядок, Генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне был срочно созван митинг: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник,— сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества,— объяснил мэр.— На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать,— сказал Том.

— Встань же ты на мое место!— взмолился мэр.— Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений?— говорит он.— Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно,— отвечаю я.— Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму?— спросил он меня.— Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм,— хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так,— быстро продолжал мэр,— я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем?— спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню со временем. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя,— сказал мэр.— Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь, так или нет?

— Хочу, конечно,— неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам,— сказал мэр.— Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно.— Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите!— крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том?— спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя.— Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли?— спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что?— раздраженно сказал Джед Фермер.— Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле,— все так же ворчливо сказал Фермер.— Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю,— сказал Джед.— Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно,— ухмыльнулся Марв Плотник.— А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удач, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере практически еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете,— маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы,— питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, как он на него глядел, у него противно холодело в животе. Он подумал, что слишком поспешно взялся за это поручение.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд — оторвался от чтения только раз, чтобы слегка перекусить. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно и вполне доступно, иной раз даже с диаграммами. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том?— раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр,— отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том?— спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь,— сказал он.— Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время,— сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома,— сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть?— вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том,— сказал мэр.— Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а у нас до сих пор нет ни одного преступления. Нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо,— сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывавший ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здоро́во, Том,— сказал Эд.— Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили,— сказал Том.— Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю,— сказал Том.— В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны?— грустно спросил Эд Пиво.— Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне,— пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие,— пробормотал он.— Они уж тебя так отблагодарят!— Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять. Его удивляло, что это дается ему с таким трудом. Чем больше он старался, тем меньше было толку. Но он с мрачным упорством продолжал свое.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока,— отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела?— осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато,— сказал Том.— Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься,— как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик.— Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том,— успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну,— сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит,— этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а, Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже. Для них это был экзотический обычай далекой планеты Земли, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто,— небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада,— сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду,— сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие,— сказала миссис Мельник.— Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть?— отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним!— так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид,— сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору,— поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм,— промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка!— Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том?— спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как?— Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец.— А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг, как начальника полиции,— продолжал Билли,— охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах,— сказал мэр.— Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника,— сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват?— сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг.— Он отвернулся, шагнул в сторону, затем внезапно устремился к Тому.— А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра.— Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться,— объяснил мэр.— Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том?— с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать,— сказал Том.— Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас,— настаивал мэр.— Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем,— сказал Макс Ткач.— Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит,— сказал он мэру.

— На сегодня достаточно,— согласился мэр.— Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если б люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о!— разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо?— спросил Том.

— К сожалению,— сказал мэр.— Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Похоже, что и нам тоже надо бы иметь хоть одно убийство,— согласился Том.— Ладно, я постараюсь.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился

и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Воровство и убийство — такие же необходимые занятия, как всякие другие. А если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно,— это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно,— сказал себе Том. Он и в самом деле начинал осваивать свое новое ремесло. Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь?— зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза. Все маляры отличаются слабым зрением. Вот почему они такие раздражительные.

— Это ты, Том?— самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена

у него над головой. Он замер.— Я еще до тебя доберусь!— рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром!— крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни.— Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол рядом с остальными трофеями. Он с гордостью поглядел на свой улов. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как подвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка?— весело окликнул их Том.

— Отлично,— сказал Марв Плотник.— И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила?— недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время — Часика на два?

— Я что-то не знаю,— сказал Том, нахмурившись.— Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно. Вернуть ее.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну,— возмущенно сказал Марв.— Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том?— спросил он.

— Конечно, стащил,— вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался.— Мэр показал на небо:— Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо,— несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается,— признался Том.— Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает,— мрачно сказал мэр.— Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот.— Он показал на межпланетное радио.— Оно опять говорило. Что-то насчет восстания на Денге IV и о том, что все не отпавшие от Земли колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Я отродясь не слыхал про какой-то там Денг IV, а вот, пожалуйста, должен беспокоиться о нем, как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы это точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя,— сказал мэр.— Если мы хотим быть настоящими землянами, надо идти до конца. А убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость. Все прочее у нас как по расписанию.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо,— сказал начальник полиции.— Прочти любую книгу. Какой же ты преступник, если не совершил ни одного убийства?

— Кого ты думаешь, убить, Том?— спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля,— выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему?— спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство,— возразил Том.— Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится,— пояснил начальник полиции.— Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем,— сказал Том.— А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы?— немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам?— сердито спросил Билли.— Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать,— сказал Том вставая.

— Только думай не слишком долго,— сказал мэр.— Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том!— крикнул Билли.— Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно,— сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка выросла до огромных размеров. Она уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине довольно мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том,— сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы получше привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Том нетерпеливо покачал головой. Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой. А сам уже, конечно, изнывает от жажды, а в левом плече у него свербит, так как мазь Яна Аптекаря никак ему не помогла.

Вот, это Марв Плотник.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, руки и ноги окоченели, рот скривился набок, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках. Никогда не пожалуется на ломоту в плече, которую Ян Аптекарь не сумел...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она,— сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон,— сказал мэр.— Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже свыше...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер,— сказал мэр.

— Благодарю вас, Генерал,— сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра.— Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню,— сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал,— сказал он инспектору.— Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен,— сказал инспектор. Он повернулся к мэру:— Но для чего вы все это построили, Генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами,— отвечал мэр.— Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите,— обратился инспектор к мэру,— сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?..— растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет,— пояснил мистер Грент.

— Видите ли, Генерал, Империя Матери-Земли находится в состоянии войны. Колонисты на Денге IV и в некоторых других колониях восстали против ее законного первородства. Они подняли мятеж против непререкаемого главенства Матери-Земли.

— Очень прискорбно слышать,— сочувственно произнес мэр.

— Нам нужны люди для космической пехоты,— сказал инспектор.— Крепкие, здоровые и боеспособные мужчины. Наши ресурсы исчерпаны...

— Мы хотим,— деликатно вставил мистер Грент,— предоставить всем колонистам, сохранившим верность Земле, возможность принять участие в решающей битве за Империю Матери-Земли. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет,— сказал мэр.— Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите?— сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту.— Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождало четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед,— сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо,— сказал Том, опешив от удивления.— Ты совсем не обязана была это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том?— Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить,— сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница!— Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно,— задумчиво согласился Том.— Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том,— сказала миссис Пиво.— Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком проулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Том начал припоминать методы, какими пользуются убийцы, но ничего не мог припомнить. Он знал только, что должен совершить убийство, и как можно быстрее, а уж как получится, так и получится. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А это ты, Том!— сказал мэр. Он поглядел на нож.— Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня,— сказал мэр, пятясь назад.— Меня нельзя.

— Почему нельзя?— спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр,— сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло.— Лично я, конечно, ничего против вас не имею,— добавил он.

— Постой!— закричал мэр.— Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом ряду. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, поскольку я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской

обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю,— с неподдельной сердечностью сказал он,— но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты же убиваешь не мэра! Ты же убиваешь Генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство?— спросил Том.— А что же это тогда?

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О!— Том опустил нож. Потом выпустил ворот рубахи.— Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке,— сказал мэр.— Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах а ты — нет. Тебе это ни к чему.— Он глубоко, с облегчением вздохнул.— Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен!— ответил мэр, поспешно удаляясь.— Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. А вместе с тем кто-то должен быть убит. Кто же? Убить самого себя он не мог. Это уже самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получалось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Том не хотел, чтобы Билли Маляр сказал ему потом, что это не мотив. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан. И в то же время он не в состоянии убить никого из этих людей, которых знает с колыбели.

«Постой-ка!— внезапно в сильном волнении подумал он.— Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и Генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела. Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ,— говорил мистер Грент.— Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество,— заметил инспектор.— Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат.— Мистер Грент оглушительно зевнул.— Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал солдату пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Он прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое?— спросил инспектор.

— Стойте смирно,— сказал ему Том.— Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый?— спросил он.

— Я городской преступник,— горделиво отвечал Том.— Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

Грент уставился на него.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства,— пояснил Том,— но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с искривленным ртом, окоченевшего, бездыханного, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление,— рука знала лучше.

— Я не могу!— выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему?— спросил мистер Грент.

— Видите ли,— сказал мэр,— я подумал, что если уж кто-нибудь у нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том,— с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно!— зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать в рядах нашей армии!..

— Моральное состояние наших солдат...— весь дрожа, пробормотал мистер Грент,— опасная зараза... Один человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь воздушный корабль... быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том!— крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за всем происходящим.

— Напортачил я с этим поручением,— жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся,— утешил его Билли Маляр.— Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав,— сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню.— Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— А на что нам теперь эти постройки?— спросил Билли Маляр, указывая на тюрьму, на почту, на церковь и на маленькое красное школьное здание.

С минуту мэр сосредоточенно размышлял.

— Я знаю,— сказал он.— Мы устроим детскую площадку для игр. Качели, горки, ящики с песком и всякие прочие штуки.

— Еще одну площадку для игр?— спросил Том.

— Ну да. А почему бы нет?

Ответить на это было нечего: конечно, почему бы нет?

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится,— сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй,— сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие кусочки.— Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность,— смущенно пробормотал Том,— а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние,— сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой, и вокруг каждого облака был черный нимб. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова начать рыбачить.

Почему не пришло ему в голову представить себе инспектора в виде рыбы? Но он чувствовал, что слишком устал, чтобы рассудить сейчас, могло ли бы это послужить достаточным мотивом для убийства. Во всяком случае, теперь думать об этом было уже поздно. Земля отказалась от них, цивилизация отлетела, и на какое количество столетий отодвинулась она от их планеты, никому было неведомо.

Он плохо спал в эту ночь.

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ [1]

— Совершенно невозможно,— категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами!— уверял Фред, его помощник и телохранитель.— Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову,— и они...

— Погоди,— прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождь-деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лореян мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак,— заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий,— явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

— Сам видел, никуда не денешься,— настаивал Фред.— Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, с прической «бобрик», которая невыгодно подчеркивала его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике, как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байонну (штат Нью-Джерси), богатым и знаменитым или хотя бы богатым и безвестным.

— Здесь можно разбогатеть,— произнес Фред тоном обвинителя.— А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье — «Дальтонизм среди народов Танга». Этот тезис он позднее развернул в книге «Недостаточность координации движений у рас Дранга». Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании «Дефекты разума в Галактике», где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Теперь тезис расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас».

— Если ты прав...— начал Карвер.

— Смотрите!— воскликнул Фред.— Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то, что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся,— медленно проговорил Карвер,— это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте!— сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, а Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

— Похож на покойника, а?— прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако раненый недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить,— изрек Карвер.— Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите,— пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине. Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижиной и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-исцелители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док?— спросил Фред.

— Будем надеяться,— благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину. Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится,— сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора.— Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно,— ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора!— вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На газах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, лучше чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посовещаться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как?— спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть,— ошеломленно пробормотал Карвер.— Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми,— подтвердил Фред.— Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества,— размышлял вслух профессор Карвер.— Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену,— сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой,— строго одернул его профессор Карвер.— Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали

сатгохани — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганьи, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистическое толкование туземным обычаям. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам!— произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже,— ответил Фред.— Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся:

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги?— переспросил Карвер.— А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

— Сыворотки?— Ах, сок серси!— Выговаривая эти слова, Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения.— Да, сок серси — это мать всех лореян.

— Нам бы хотелось купить его,— без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер.— Сколько ты возьмешь за галлон?

— Приношу вам свои извинения,— ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать,— решительно отказался лекарь.— Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы,— процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец,— ты ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем,— вкрадчиво сказал Карвер.— Нам известно, что такое священные предметы. Что священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума,— шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек,— с достоинством ответил Дег.— Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слыву самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек,— сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой,— многозначительно вставил Фред.— Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред,— попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю:

— Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь выведали всю подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не выносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг серси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить,— указал Дег,— что кусты серси встречаются редко и на больших расстояниях друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально,— посочувствовал Карвер.— Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю,— серьезно сказал Карвер,— какое огромное значение придаете вы соку серси. Но, если бы вы уделили нам малую толику — пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает,— лекарь вздохнул.— Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все?— спросил Фред.

— Да, и даже больше. У того, кто отведал серси прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил: «А что, если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серси?»

— Не известно,— ответил Дег.— Ни один лореянин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег,— сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превыше расы, превыше веры, превыше религии. Развитие науки превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы,— отозвался Дег,— но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас». Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред,— сообщил он помощнику.— Работы осталось на недельку — ну, самое большее, на две!

— Угу,— промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан,— провозгласил Карвер.— Книга раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела,— сказал Карвер.— Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно,— рассеянно подтвердил Фред.— Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что́ я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов!— Он позволил себе чуть заметно улыбнуться.— Мне, видишь ли, повезло в выборе темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом, что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч?— неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть, единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав,— согласился Карвер.— И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем.— Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно,— проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели.— Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они *безусловно* неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасать жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь,— заметил Фред.— Кому охота загнуться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни,— сказал он Фреду,— мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор,— ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял,— удивился лекарь.— Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало,— поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шутки шучу?— нахмурился Фред.— Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять,— исступленно заорал Фред.— Клянусь, буду стрелять.

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серокожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси,— сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полно Фред,— обеспокоился Карвер,— тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил Мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над Мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался,— сказал лекарь.

— Это только цветочки,— пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет!— вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок,— пояснил Дег.— Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладони.

— Порядочек, профессор,— сказал Фред.— Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня,— сказал Фред.— Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копье.

— Их слишком много,— рассудительно заметил Карвер.— Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались,— сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку.— Ты не потерял сыворотку?

— Вот она,— ответил Фред, потирая руку.— Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела,— повторил Фред.— Уж не отравлены ли у них копья?

— Вполне возможно,— допустил профессор Карвер.

— Отравлены!— завопил Фред.— Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин,— порекомендовал Карвер.— И пенициллин. Не о чем беспокоиться Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред,— возразил Карвер,— наши запасы сока крайне ограниченны. Кроме того...

— К чертовой матери!— разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— Погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали,— насмешливо ответил Фред.— Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а?— шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки.— Действует, профессор,

действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки. Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело?— с усмешкой спросил Фред.— Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

Что со мной стряслось?

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь следил он, как черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступали причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать,— вздохнул Карвер.

Что происходит?— испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли,— ответил Карвер,— должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лореян.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лореян. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лореян, а может быть и всех лореян. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось, ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать,— продолжал он,— что соку серси принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории,— буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян.— Профессор, сделайте, что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред,— тихо сказал Карвер.

— *Что?*

— Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили!

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но...

— Не перебивай. Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смышленный лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили,— пролепетал Фред.— Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера.

Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю,— заверил его Карвер.— Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне право жаль, Фред,— сказал Карвер.

— Не пойду!— взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему бросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас» провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт, по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — Мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал спорить, что так оно и есть.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и даже, по существу, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ [1]

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой планетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неплохо, девушки там были миловидные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что обходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V. И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага,— сказал торговец, подняв брови.— Хотите послушать о планете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой планеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого?— спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов,— с усмешкой разъяснил торговец.— Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам — таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Люди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь?— спросила какая-то женщина.

— Девушка,— мягко сказал торговец.— Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализировалась по излишествам, и они окупаются сторицей.

— Сторицей?— переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра исчерпаны, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получить полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты-то был влюблен на Земле?— спросил Саймон.

— Уж чего-чего,— угрюмо ответил торговец.— Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной луной, о бледных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном береге моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибоя.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжко трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множились фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались слишком суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там спланирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и поднялся на борт ракеты «Казанга-Метрополия».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в астропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже стращали карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления.

Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!

Документальный отчет о сексуальной жизни обитателей зеленого ада! Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!

Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

Тарзан, смутно припомнил он читанное в книгах,— это герой древних народных сказаний Земли.

Все это было удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пиццой, расстегаями, спагетти и кнышами. Были магазины, где шла распродажа уцененной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин — смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону:

— Хочешь попытать счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи, на изрешеченных пулями стульях, сидят четыре едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них были нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями?— спросил Саймон.

— Разумеется!— ответил хозяин.— На Земле есть закон, воспрещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он и по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах!— подхватила третья.— Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов, ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тиры, где стреляют в мужчин?

— Конечно,— ответил хозяин.— Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму.— Толстяк закрыл глаза и затянул нараспев:

— Подходи! Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Лучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов,— ответила девушка.

— Но ведь шок...

Она пожала плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел было спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату,— сказал хозяин,— я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно осел лягается. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь,— непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая,— сказал хозяин.— Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует,— сказал хозяин,— можешь уложить

и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда!— ответил Саймон, уходя прочь.

— Ждем тебя, милый!— крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску. Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту плаще.

— Не здешний?— спросил человечек.

— Да,— ответил Саймон.— А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная,— осторожно ответил Саймон.— Я хочу сказать, что не ожидал... ну как его...

— Конечно,— сказал человечек.— Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая сделала бы мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент,— внушительно продолжал человечек,— угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалистов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь,— сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммунистам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к ка-

кой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему,— ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит,— быстро-быстро закивал человечек.— Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь?— удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь,— сказал он.— На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь?— спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру,— деловито ответил человечек.— Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и...

— Что ты знаешь о любви?— осведомился Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы на ней собаку съели.

— Я знаю то, что сказано в книгах,— возразил Саймон.— Страсть под безумной луной...

— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоенные любовью и оглушенные рокотом прибоя.

— Ты тоже читал эту книгу?

— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошюра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.

И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу.

Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею. От тяжкого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он решил не делать поспешных выводов.

Дойдя до 44-й стрит, он увидел огромные, ярко светящиеся неоновые буквы:

«ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Неоновые буквы поменьше гласили: *«Открыто круглосуточно!»*

И под ними: *«Подняться на второй этаж»*.

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда его направили по длинному коридору в комнату номер такой-то.

В комнате находился красивый седоволосый человек, который поднялся из-за внушительного письменного стола навстречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадались, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть нелимитед». К тому же у нас гораздо более сходная цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо,— перебил Саймон.

— Активный агент,— сказал мистер Тэйт с игривым видом. Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-что, а любовь вы получите.— Он потянулся к кнопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да?— отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно,— выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота.— Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все, что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы!— возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления.— В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря?— спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от *первой встречной*, мистер Саймон. Такое настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть,— согласился мистер Тэйт.— Эту проблему разрабатывают наши исследовательские лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это,— сказал Саймон, поднимаясь с места.— Пойду-ка я лучше в кино.

— Постойте!— вскричал мистер Тэйт.— Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас познакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда,— согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному износу. Да, кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабарщиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка,— не унимался Тэйт.— С виду вы кажетесь смышленным молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшивки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю,— сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызвало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт,— сказал Тэйт,— познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный везделет примчал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга. А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении закатного пламени. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно сызнова окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет; робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокочущий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни порывисто сжала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь?— спросил мистер Тэйт.

— Да!

— И вы удовлетворены?

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение,— разъяснил мистер Тэйт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости,— сказал он.— Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас?

Что вы с нею сделали?

— Прошу вас,— сказал мистер Тэйт примирительным тоном,— постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой!— закричал Саймон.— Мне нужна Пенни!

— Это невозможно,— сказал мистер Тэйт с легким налетом изморози в голосе.— Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег?— загремел Саймон.— Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей?— Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем.— Положите-ка обратно в карман,— сказал он.— У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, сунул бумажник в карман и уселся. Он глубоко вздохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше,— смягчился мистер Тэйт.— Я не допущу, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело?— Саймон опять едва не закричал. Он овладел собой и сказал:— Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь?— спросил мистер Тэйт.— Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется,— сказал Саймон.— Эта любовь особая, необыкновенная..

— Они все такие,— утешил его мистер Тэйт.— Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет,— сказал Саймон.— Я думал любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство? А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно,— медленно проговорил Саймон.

— Можно было *убедить* ее влюбиться в кого угодно,— поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается,— сказал Тэйт.— За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока

мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутой! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь!— воскликнул Саймон.

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. И во всех случаях наша любовь показала большую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное неважно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно,— ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнопрограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни глядит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служителя, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите!— бросил Тэйт ему вслед.— Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Землю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему и к другому, и к третьему, и к десятому.

И, конечно, он подошел к тиру.

— Хочешь попытать счастья?— спросил хозяин.

— Заряжай,— ответил Элфред Саймон.

СТРАЖ — ПТИЦА [1]

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли!— окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не пришел,— сказал Гелсену один из собравшихся.— Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу,— сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

— Джентльмены,— повторил он,— президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется,— продолжал представитель,— что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю,— заявил председатель Южной объединенной компании.— У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно,— заметил представитель.— Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр,— сказал Гелсен.— Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно,— согласился Гелсон, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил:— А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен,— сказал один из предпринимателей.— Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы,— вставил представитель президента.— Но я могу понять мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа оста-

новить убийцу *прежде, чем он совершит убийство.* Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен,— уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся, Вот забавно! Уйма полицейских останется без работы!

— Ну, что вы скажете?— в сердцах молвил сержант Селтрикс.— Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной.— Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана.— Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй,— сказал капитан.— Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я,— жалобно сказал Селтрикс.— Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так,— поправил капитан.— Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление?— возразил один из полицейских.— Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль,— сказал капитан.— Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует?— спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться,— признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму,— сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана.— Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот,— заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях,— эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные,— с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц,— недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете?— спросил Селтрикс.

— Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех,— сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю,— повторил капитан.— Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн,— пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье.— Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить?— из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно,— сказал Селтрикс.— А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок!— рослый бакалейщик шагнул ближе.— Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же!— выкрикнул насмерть перепуганный Динелли.— Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт?— изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев.— Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф,— доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом,— заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно,— согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить...— Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил:— Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то?— Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение.— Да что, замечательная штука.

— Я не о том,— сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял.— Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну, почему же?— Макинтайр снова усмехнулся.— А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого,— признался Гелсен.

— Ничего такого не случится,— заверил Макинтайр.— Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют *учиться*.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит,— сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим,— сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя,— сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку.— Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы,— сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю,— сказал он Макинтайру.— А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю,— раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа.— Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти.— А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф,— заметил Макинтайр.— Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает,

увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю,— сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно...— Гелсен замялся.— Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты,— сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислоняясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — *чего бы это ни стоило убийце.*

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак?— спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо,— сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о,— простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку!— крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати!— заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова!— рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная!— заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо,— сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять?— спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак,— сказал Гелсен.— Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет,— мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы

считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам?— спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона,— ответил секретарь.— Я думал...

— Ладно, извините.— Гелсен снял трубку.— Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно,— сказал он Макинтайру.— Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто,— возразил Макинтайр.— Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры,— сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив,— с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

•

— Почему их не выключают?!— в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он ещё не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну,— пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю,— отозвалась сестра голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику!— распорядился хирург.— Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть,— подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась?— спросил он сердито.— Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная,— сказал он повисшей над ним механической птице.— Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии,— сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет?— осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год...— повторил Гелсен.— Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю,— сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля.— Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день.— По крайней мере,я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы — машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность,— сказал Гелсен.— Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут,— повторил Макинтайр.— В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте,— сказал Гелсен.— Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть,— сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил?— воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана.— Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил,— заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю.— Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру.— Все наши парни вернулись, капитан?

— Все?— Капитан невесело засмеялся.— Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно,— сказал Селтрикс.— Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ *А* не действует, испробуй способ *В*. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали, не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы — живое существо, ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента —

— с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента.— Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать,— заявил председатель компании Монро.— Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

Прошу вас об этом не беспокоиться,— заговорил представитель президента.— Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в крити-

ческий час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту!— сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились?— спросил он.— Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен,— прервал председатель компании Монро.— Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете?— спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком,— уговаривал Гелсен.— Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно,— сухо сказал представитель.— Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки.— Он откашлялся.— Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план.— Он пронзил взглядом Гелсена.— Отказ равносилен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук,— сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно,— отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно.— Инженер опустился на стул.— Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю,— сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают,— пообещал Макинтайр.— Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны,— прибавил Макинтайр.— Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше,— весело продолжал Макинтайр.— В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте,— спросил он, все еще глядя в небо,— а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как?— растерялся Макинтайр.— Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем,— неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню,— сказал Гелсен.— Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

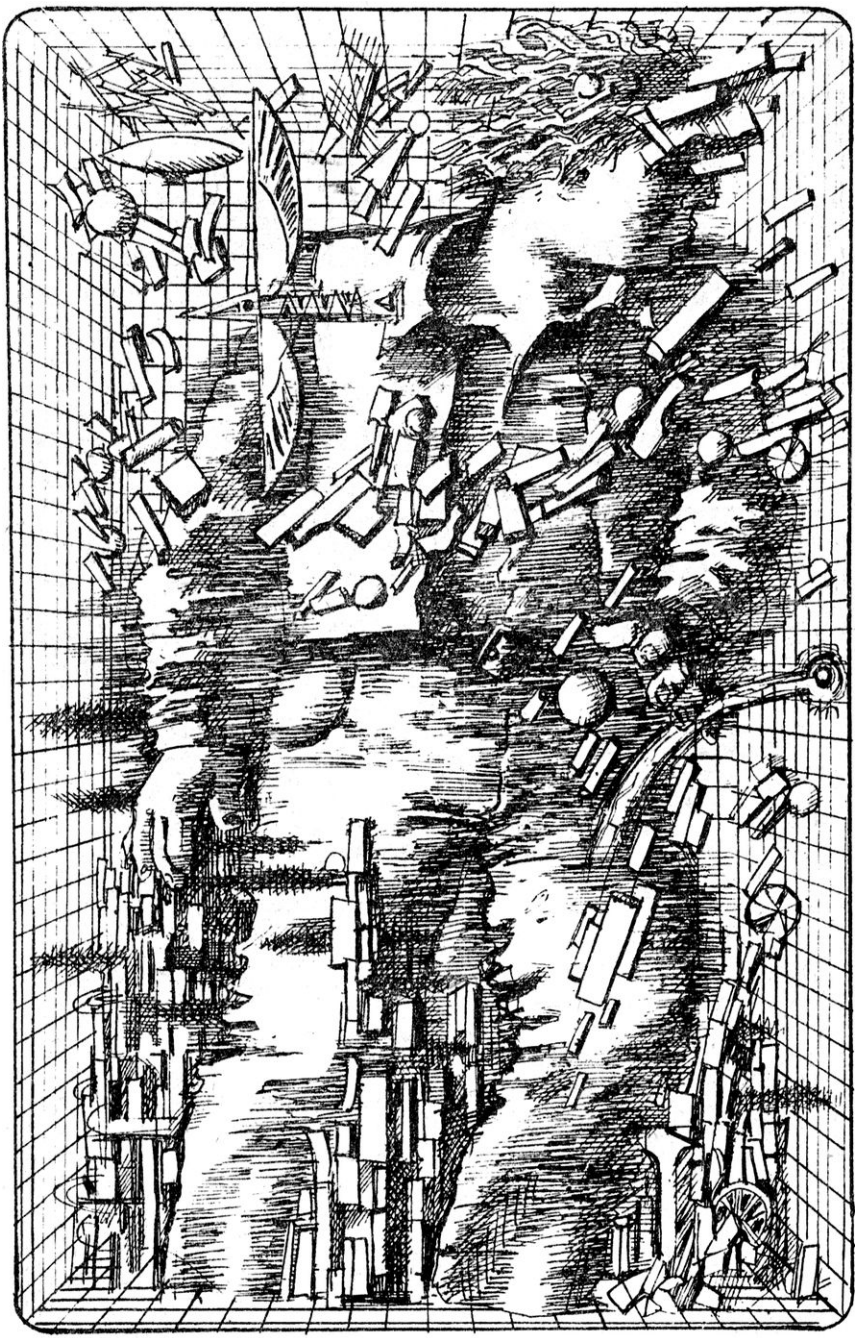
За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

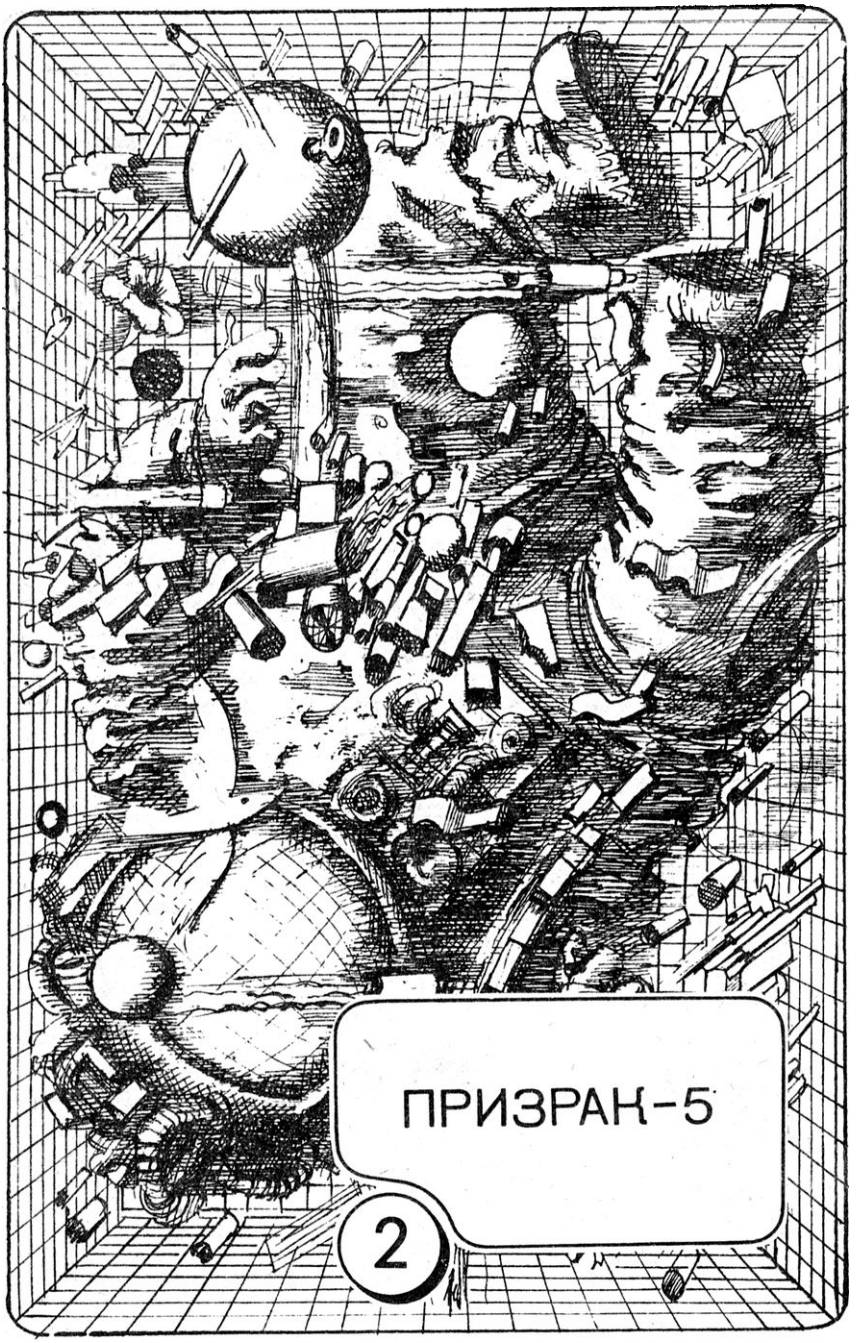
— Вот что получается,— сказал Гелсен.— А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.




ПРИЗРАК-5
2

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ [1]

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды, тупо уставившись на список, включавший ни много ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2 305 предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «ААА-ПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал?— робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде,— гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой,— вздохнул Грегор.— Что ты еще натворил?

---

[1] Печатается по изд.: Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов. М.: Мир. 1984.

— Нет, ты только подумай,— торжественно произнес Арнольд.— Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна их них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь!

Грегор поднялся. Он был намного выше своего компаньона. Ему представилась сцена с нанесением тяжелых телесных повреждений, но он сдержал себя.

— Арнольд,— сказал он,— я не знаю, что ты там нашел, но лучше бы ты погрузил эти 2305 предметов на борт корабля. И как можно быстрее!

— Я не могу этого сделать,— ответил Арнольд, нервно хихикнув.— Деньги кончились. Но эта штука себя окупит.

— Какая штука?

— Единственная, действительно необходимая вещь. Поехали на корабль, я тебе ее покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот!— воскликнул он.— Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица?— Арнольд нежно похлопал машину.— Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дела со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос,— твердо заявил Грегор.— Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— Погоди,— взмолился Арнольд.— Дай я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств,— сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку!— торжествующе вскричал Арнольд.— Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал на кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Готово! — воскликнул Арнольд.

— Хм,— произнес Грегор без особого энтузиазма.— Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд.

— Ну да ладно.

Он нажал на кнопку:

— Графитовый стержень. Длина четыре фута, диаметр два дюйма.

На этот раз панель открылась больше — и появился стержень.

— Что еще она может делать?— спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Это Конфигуратор! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо,— сказал он.— Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

Он задумался, затем снова нажал на кнопку:

— Транзистор серии Е1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо,— признал Грегор.— Что ты там делаешь?

— Чищу креветки,— ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне владели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они опускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта,— заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности?— размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля.

Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло,— заключил Арнольд.

— Да,— сказал Грегор, вглядываясь в туман.— Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять. толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук,— сказал Грегор.

— Знаю,— ответил Арнольд и снова нажал на кнопку:— Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью,— решил Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно,— сказал Арнольд.

— Куда уж,— произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну,— сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу,— приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно,— произнес Арнольд.— Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно,— подытожил Грегор,— но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре абсолютно идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем,— беззаботно ответил Арнольд.

— Надеюсь.

За бортом корабля начался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение,— говорил Арнольд несколько часов спустя.— Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что?— встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом,— продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, он переводит его на язык исполнительных команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит,— согласился Грегор,— но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес и хочет произвести что-нибудь еще.

Такое объяснение снова повергло Грегора в апатичную дремоту.

— Реализовать весь заложенный в нее потенциал,— продолжал Арнольд,— вот чего хочет машина. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал,— сказал Грегор.— Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю,— ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Заменители...— задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор».— Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

Конечно, пластины из благородных металлов могли расплавиться, однако при хорошем охлаждении была надежда, что они продержатся до Земли.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо!— восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли,— судя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона.— Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

Машина без колебаний изготовила одну деталь, но тем дело и кончилось. К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи?— спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело?— спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся,— ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется открывать консервы,— со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли,— сказал он,— когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих,— сказал Арнольд.— Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью,— добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика!— воскликнул Арнольд.

— Черт!— выругался Грегор.— Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс.

После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать,— сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее

испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать,— с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура!— закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас-то в чем дело?— спросил Грегор.

— Все ясно,— грустно ответил Арнольд.— Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения!— тяжело вздохнул Грегор.— Это так не по-человечески...

— Как раз наоборот,— с тоской произнес Арнольд.— Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса,— видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все еще слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь?— живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана?— спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер!— закричал Арнольд.— Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он снова ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II.

— Конечно, они уже использовали его для этих целей,— грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреоборимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду,— хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал?— спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура!— закричал Арнольд.— Это спасение!

— Я сделал гораздо больше,— устало ответил Грегор.— Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал!

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэл-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке,— сказал он Грегору.— Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что?— Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного?— спросил Арнольд.— Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали побриллианту.

— Ты все еще ничего не понял!— грустно воскликнул Грегор.— Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения,— устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

ИНДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ КЛЮЧ [1]

Сидя за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА — Абсолютная адекватная апробированная очистка планет», Ричард Грегор коротал время, раскладывая пасьянс необыкновенной сложности. Хотя было уже за полдень, но Арнольд, его компаньон, пока не появлялся.

[1] Печатается по изд.: Солнце на продажу. Сборник научно-фантастических произведений. М.: Мир. 1983.

В прихожей раздался громкий треск. Дверь конторы приоткрылась, и в щель просунулась голова Арнольда.

— Гуляем?— спросил Грегор.

— Полчаса назад я сделал нас с тобой миллионерами,— ответил Арнольд и театральным жестом распахнул дверь.— Вноси, ребята.

Четверо взмыленных грузчиков втащили в контору большой черный ящик размером со слоненка.

— Вот он!— гордо объявил Арнольд. Он расплатился с грузчиками и, заложив руки за спину, принялся рассматривать аппарат сквозь полуприщуренные веки.

Медленными движениями человека, которого уже ничем не удивишь, Грегор смешал карты, поднялся из-за стола и обошел ящик кругом.

— Ладно, сдаюсь. Что это?

— Считай, миллион долларов у нас в кармане.

— В этом я и не сомневался. Но как его зовут, этот миллион?

— Это — Даровой изготовитель,— торжествующе улыбнулся Арнольд.— Иду я сегодня утром мимо лавки межпланетного старьевщика Джо и вдруг вижу: эта штука красуется прямо на витрине. Отхватил ее просто за гроши. Джо и понятия не имеет, что он продал за бесценок.

— Я тоже не имею,— ответил Грегор.— А ты?

Арнольд ползал перед машиной на четвереньках, пытаясь прочитать инструкцию, выгравированную на передней панели. Не поднимая головы, он спросил:

— Тебе доводилось слышать про планету Мелдж?

Грегор кивнул. Так называлась третьеразрядная планетка на северной оконечности Галактики, вдали от торговых путей. В давние времена ее цивилизация достигла небывалого расцвета благодаря так называемому Древнему Знанию. Само Древнее Знание давно утрачено, но созданные в ту пору машины время от времени обнаруживают в разных забытых уголках Галактики.

— Так это плод Древнего Знания?

— Вот именно. Это Мелдженский даровой изготовитель. Вряд ли их осталось больше четырех-пяти штук. Воспроизвести их невозможно.

— А что именно он изготавливает?

— Почем я знаю?— ответил Арнольд.— Будь добр, передай мне мелджо-английский словарь.

Грегор с плохо скрытым возмущением повернулся к полкам.

— Ты его купил, даже не поинтересовавшись, что он изготавливает?

— Я просил словарь. Благодарю. Какое это имеет значение? Что бы эта штука ни изготавливала, самое главное, что она делает это бесплатно. Даром! Она берет энергию из воздуха, от Солнца, из космоса, откуда придется. Ее не надо ни включать в сеть, ни смазывать, ни обслуживать. Она будет работать вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся переводить инструкцию.

— Даровой энергии не бывает...

— Древние ученые тоже были не дураками,— прервал его Арнольд, записывая одновременно перевод надписи в свой блокнот.— Изготовитель черпает энергию из окружающей среды. Поэтому совершенно несущественно, что именно он изготавливает. Сколько бы ни дали за конечный продукт, в накладе мы не останемся.

Грегор с сожалением посмотрел на щуплого энергичного компаньона, и его грустное вытянутое лицо сделалось еще печальнее.

— Арнольд, позволь мне напомнить тебе кое о чем. Прежде всего ты — химик, я — эколог. Мы оба ровным счетом ничего не смыслим в технике, а в сложной технике чужих цивилизаций — тем более.

Арнольд рассеянно кивнул и повернул диск на панели. Изготовитель сухо кашлянул.

— Больше того,— продолжал Грегор, отступив на несколько шагов назад,— наше дело — очистка планет. Ты не забыл об этом? За каким чертом нам надо ввязываться...

У изготовителя начался припадок кашля.

— Готово,— сказал Арнольд.— Здесь написано: «Мелдженский даровой изготовитель — последний триумф Глоттенской лаборатории. Фирма гарантирует его неразрушаемость, неуничтожаемость и бездефектность. Изготовитель не требует источника энергии. Включается нажатием кнопки, выключается индетерминированным ключом. При обнаружении любых неисправностей просим немедленно сообщить в Глоттенскую лабораторию».

— Должно быть, ты не понял меня,— снова начал Грегор,— мы с тобой занимаемся...

— Не будь занудой,— перебил Арнольд.— Как только мы включим с тобой эту штуку, нам уже незачем будет работать. А вот и кнопка.

Машина угрожающе заскрежетала, затем скрежет сменился ровным гудением. Прошла минута, другая, третья — видимых результатов не было.

— Ей надо прогреться,— неуверенно пробормотал Арнольд.

Из отверстия в панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, отходы производства,— сказал Грегор.

Прошло четверть часа, а порошок продолжал сыпаться.

— Удача!— завопил Арнольд.

— Да, но что это?— поинтересовался Грегор.

— Не имею представления. Надо будет проделать анализ.

С видом победителя Арнольд отобрал в пробирку немного порошка и направился к лабораторному столу.

Грегор стоял перед изготовителем и молча смотрел, как из машины сыплется серый порошок.

— Не выключить ли его пока?— проговорил он наконец.

— Ни за что!— возразил Арнольд.— Чем бы этот порошок ни оказался, он стоит денег.

Арнольд зажег бунзеновскую горелку, налил в пробирку немного дистиллированной воды и принялся за работу.

Грегор пожал плечами. Он уже привык к сумасбродным затеям Арнольда. С того самого дня, как они основали собственную фирму, Арнольд, не переставая, искал легких путей к богатству. Как правило, усилий эти легкие пути требовали больше, а денег приносили меньше, чем простая добросовестная работа. Но Арнольд быстро забывал о прошлых неудачах. «Что ж,— подумал Грегор,— все лучше, чем сидеть сложа руки. По крайней мере хоть не так тоскливо». Он принялся раскладывать самый сложный из своих пасьянсов.

Несколько часов в конторе было тихо. Арнольд кропотливо трудился, добавляя реактивы, отбирая осадок и поминутно заглядывая в толстые справочники. Грегор сходил за кофе и бутербродами. Поев, он принялся расхаживать по комнате, наблюдая, как из машины сыплется серый порошок.

Постепенно гудение машины сделалось более громким, а тоненькая струйка заметно потолстела.

Час спустя Арнольд встал.

— Дело в шляпе,— торжествующе провозгласил он.

— Что же это такое?— осведомился Грегор, втайне надеясь, что Арнольд хоть раз в жизни попал в точку.

— Это не что иное, как тангриз,— ответил Арнольд и выжидающе посмотрел на партнера.

— Тангриз, говоришь? Не может быть! Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда будь так добр и объясни, что такое тангриз!— заорал Грегор.

— Я был уверен, что ты знаешь. Тангриз — это основная пища мелдженцев. Взрослый мелдженец съедает за год несколько тонн этого порошка.

— Пища, говоришь?— Грегор с уважением посмотрел на толстую струю. На машине, которая безостановочно, двадцать четыре часа в сутки производит пищу, можно неплохо заработать. Особенно, если эта машина не нуждается ни в энергии, ни в обслуживании и себестоимость продукта равна нулю.

Арнольд уже раскрыл телефонный справочник и набирал номер.

— Алло, это Галактическая корпорация пищевых продуктов? Соедините меня с президентом. Что? Вышел?.. Тогда с вице-президентом... По очень важному делу... Что? Изложить в письменном виде?.. Послушайте, я могу снабдить вас практически неограниченным количеством тангриза — главной пищи мелдженцев... Вот именно!.. Я так и знал, что вас это заинтересует. Подождать у телефона?.. Так и быть, подожду.

Арнольд посмотрел на Грегора.

— Эти крупные корпорации воображают, будто... Да, сэр! Совершенно верно, сэр!.. Ваша фирма торгует тангризом?.. Превосходно...

Грегор подошел поближе, пытаясь расслышать, что говорят на другом конце провода. Арнольд отпихнул его.

— По какой цене? А какая сейчас средняя рыночная цена? Ах, так... что ж, пять долларов за тонну, конечно, не бог весть что, но я могу... Как вы сказали?.. Пять центов за тонну? Оставьте шуточки! Давайте говорить серьезно!

Грегор отошел от стола и уныло опустился в кресло. С безучастным видом он слушал, как Арнольд говорит:

— Да... да... понимаю... Нет, этого я не знал... да... понимаю... что ж, извините за беспокойство.

Арнольд повесил трубку.

— Похоже, что в данный момент тангриз не пользуется особым спросом. На Земле сейчас всего 50 мелдженцев, а транспортные расходы на перевозку в южное полушарие очень высоки.

Грегор поднял брови и посмотрел на машину. Надо полагать, она вышла на полную мощность, потому что порошок хлестал из отверстия, словно вода из пожарного шланга. В комнате все предметы покрылись толстым слоем серой пыли. Куча порошка перед машиной была уже по щиколотку.

— Не унывай, найдем другое применение,— проговорил Арнольд, раскрыв еще более толстый фолиант.

Не лучше ли до поры до времени ее выключить?— спросил Грегор.

— Ни в коем случае,— ответил Арнольд.— Как ты не понимаешь? Порошок достается даром. Считай, машина печатает денежные купюры.

Арнольд углубился в справочники. Грегор принялся расхаживать по комнате, но ноги вязли в толстом слое порошка. Он плюхнулся в кресло,

сожалея, что в свое время вместо экологии не занялся разведением цветов.

К вечеру куча порошка достигла нескольких футов. Где-то под ним оказались погребены авторучка, карандаши, папка с бумагами, картотека. Грегор начал тревожиться, выдержит ли пол. Сделав из корзинки для бумаг импровизированную лопату, он расчистил путь к выходу.

Наконец Арнольд захлопнул справочники. Вид у него был усталый, но довольный.

— Есть еще одно применение.

— Какое?

— Тангриз можно использовать в качестве строительного материала. Знаешь, оказывается, пролежав два-три дня на воздухе, он застывает в твердую, как гранит, массу.

— Нет, не знаю,— ответил Грегор.

— Позвони в какую-нибудь строительную компанию. Мы уладим дело немедленно.

Грегор позвонил в строительную фирму «Филадельфия-Марс» и сообщил мистеру О'Тулу, что они готовы снабжать его тангризом в неограниченном количестве.

— Тангриз, говорите?— отозвался О'Тул.— Этот материал сейчас вышел из моды. Знаете, он совсем не берет краску.

— Не знаю,— ответил Грегор.

— Это факт. Послушайте, этот тангриз жрет какая-то полоумная раса. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз как строительный материал,— прервал его Грегор.

— Что ж, пожалуй, я куплю. Дешевый стройматериал всегда пригодится. Предлагаю пятнадцать за тонну.

— Долларов?

— Центов.

— Мы подумаем,— ответил Грегор.

Услышав о предложении О'Тула, Арнольд глубокомысленно кивнул.

— Все в порядке. Скажем, машина дает десять тонн порошка в сутки, и так день за днем. В год это выходит,— он быстро подсчитал на логарифмической линейке,— ...пятьсот пятьдесят долларов. Не густо, конечно, а все же будет полегче платить за контору.

— Но мы не можем держать машину здесь,— возразил Грегор, с тревогой глядя на растущий слой порошка.

— Разумеется, нет. Отыщем тихое местечко где-нибудь за городом и поставим ее там. А они смогут вывозить это добро в любое удобное для них время.

Грегор снова позвонил О'Тулу и сообщил ему, что они будут счастливы снабжать его тангризом.

— Прекрасно,— ответил тот.— Вы знаете, где моя фабрика. Завозите свой товар в любое удобное для вас время.

— Нам завозить? Я думал, вы сами...

— Это по пятнадцать-то центов за тонну? Я и так делаю вам одолжение, что беру его. Нет уж, доставка ваша.

— Скверно,— подал голос Арнольд, когда Грегор повесил трубку,— перевозка обойдется нам...

— ...куда дороже пятнадцати центов за тонну. Выключай-ка свою игрушку, пока мы не решим, что с ней делать.

Увязая в порошке, Арнольд подобрался к изготовителю.

— Сейчас поглядим. Выключают индетерминированным ключом. Он осмотрел переднюю панель.

— Выключай. Не тяни.

— Одну минуту.

— Скорее.

— Потерпи, потерпи.

— Послушай, ты ее выключишь или нет?

Арнольд выпрямился.

— Не так-то это просто,— принужденно хихикнул он.

— Почему?

— Для этого необходим индетерминированный ключ. Боюсь, что у нас его нет.

Несколько следующих часов Грегор и Арнольд провели у телефона, лихорадочно обзванивая всю страну. Они справлялись в музеях, научно-исследовательских институтах, на археологических кафедрах университетов. Они звонили по всем адресам, какие только приходили в голову. Никто даже и не видел индетерминированного ключа. Больше того — никто и не слышал ничего о нем.

В полном отчаянии Арнольд позвонил межпланетному старьевщику Джо в его загородный особняк.

— Никакого индетерминированного ключа у меня нет и никогда не было,— ответил Джо.— Стал бы я иначе продавать эту штуку почти даром!

Партнеры молча уставились друг на друга. Из Дарового изготовителя все так же бодро струился порошок, не имеющий цены. Куча уже сравнялась со столом; глубоко под ним остались два кресла, стулья и радиатор.

— Ах, какой очаровательный источник дохода,— сказал Грегор.

— Не волнуйся. Не может быть, чтобы мы чего-нибудь не придумали.

— Мы?!

Арнольд снова зарылся в книги; остаток ночи он провел в поисках применений тангриза. Грегор до утра таскал порошок в коридор, иначе контору засыпало бы до самого потолка.

Взошло солнце, его лучи едва пробились сквозь серые от пыли окна. Арнольд встал, потянулся и зевнул.

— Безуспешно?— спросил Грегор.

— Боюсь, что да.

Грегор выкарабкался наружу, чтобы сходить за кофе. Вернувшись, он нашел Арнольда в обществе управляющего зданием и двух меднолицых полисменов.

— Я требую, чтобы вы немедленно убрали свой песок из коридора!— вопил управляющий.

— А кроме того, вы нарушили постановление муниципалитета, запрещающее фабрики в центре города,— добавил один из полисменов.

— Это не фабрика,— объяснил ему Грегор,— а Мелдженский даровой изгото...

— А я говорю, что это фабрика,— ответил полисмен.— И я требую, чтобы вы ее немедленно закрыли.

— В том-то и вся трудность,— вмешался Арнольд.— Мы не можем ее выключить.

— Не можете выключить?— Полисмен подозрительно оглядел обоих компаньонов.— Издеваться надо мной вздумали? А ну-ка, выключайте ее к...

— Сержант, честное слово...

— Слушай, умник, даю тебе час сроку. Если через час помещение не будет очищено, я вручу вам повестку в суд.

Оставшись одни, компаньоны молча поглядели сначала друг на друга, а потом на изготовитель. Порошка было уже по пояс, и куча продолжала расти.

Арнольд был на грани истерики.

— Черт возьми! Неужели мы так ничего и не придумаем? Должен ведь существовать какой-то спрос. Весь этот тангриз нам ровно ничего не стоит. Каждая песчинка достается нам даром, даром, даром!

— Успокойся,— проговорил Грегор, устало выскребая порошок из собственных волос.

— Нет, как ты не понимаешь? Если товар существует в неограниченном количестве, то на него должен найтись покупатель. Нам он достается совершенно бесплатно...

Дверь распахнулась, и в контору вошел высокий худой мужчина в темно-сером костюме. В руках он держал какой-то портативный прибор со шкалой.

— Так вот это где,— сказал мужчина.

У Грегора мелькнула безумная надежда.

— Скажите, это у вас случайно не индетерминированный ключ?

— Какой ключ? Нет-нет. Это измеритель утечек.

— Ах, вот оно что,— протянул Грегор.

— Похоже, я наконец у цели,— сказал мужчина.— Меня зовут Герстайрс.

Он расчистил от порошка краешек стола, поставил на него прибор, снял последнее показание и принялся заполнять официального вида бланк.

— В чем дело?— спросил Арнольд.

— Я из городской энергетической компании,— ответил Герстайрс.— Вчера около полудня мы неожиданно обнаружили колоссальную утечку энергии из наших линий.

— И поиски привели вас сюда?— спросил Грегор.

— Прямиком к вашей установке,— ответил Герстайрс. Он кончил заполнять бланк, сложил его и спрятал в карман.— Благодарю вас, джентльмены, за добровольное сотрудничество. Счет вам пришлют по почте.

Он с трудом приоткрыл дверь, остановился и еще раз оглядел изготовитель.

— Чтобы оправдать такой колоссальный расход энергии, ваша установка должна производить очень дорогой продукт. Что она у вас делает? Платиновый порошок?

Любезно улыбнувшись, он поклонился и вышел.

Грегор посмотрел на компаньона.

— Так энергия, говоришь, даровая?

— Я думаю, что машина попросту забирает энергию из ближайшего доступного ей источника,— ответил Арнольд.

— Это я уже понял. Высасывает ее из космоса, из воздуха, из Солнца, но не брезгует и линиями электропередач, если они окажутся под рукой.

— Похоже, что так. Но в основе принципа действия...

— К черту все твои принципы!— взорвался Грегор.— Машину нельзя выключить без индетерминированного ключа, а ключа ни у кого нет, и никто даже не знает, как он выглядит, мы по горло увязли в никому не

нужном порошке, вывозить его нам не по средствам, а вдобавок ко всему эта штука жрет энергию, словно сверхновая звезда.

— Должен же быть выход,— упрямо повторил Арнольд.

— Что ты говоришь? Может быть, ты будешь так добр, что найдешь его?

Арнольд уселся по-турецки прямо на порошок над тем самым местом, где стоял его стол, и закрыл глаза. Из прихожей послышались громкие раздраженные голоса, в дверь забарабанили.

— Не впускай никого,— сказал Арнольд.

Грегор запер дверь. После нескольких секунд глубокого раздумья Арнольд встал.

— Не все потеряно,— заявил он.— Эта машина еще озолотит нас с тобой.

— Давай сломаем ее,— жалобно попросил Грегор,— или выкинем в океан.

— Ни в коем случае! Я нашел выход. Пошли готовить звездолет.

Несколько дней компаньоны не знали ни секунды отдыха. Прежде всего им пришлось за двойную плату нанять рабочих, чтобы очистить здание от тангриза. Затем они немало повозились с перевозкой изготовителя в космопорт и установкой его в грузовом трюме звездолета. Наконец все хлопоты остались позади. Звездолет стремительно мчался к месту назначения, а Даровой изготовитель с сумасшедшей скоростью заполнял тангризом трюм.

— Вполне логичное решение,— объяснял по пути Арнольд своему компаньону.— Естественно, тангриз не может пользоваться спросом на Земле. Поэтому там бессмысленно и пытаться им торговать. Зато на планете Мелдж...

— Ох, не нравится мне эта затея,— сомневался Грегор.

— Дело беспроигрышное, посуди сам. Возить тангриз на Мелдж было бы слишком накладно. И мы переносим туда целиком всю фабрику. У нас будет неограниченный рынок сбыта.

— А вдруг и там не окажется спроса?

— Да ведь эта штука для мелдженцев все равно что хлеб насущный. Они только им и питаются. Как же там может не оказаться спроса на тангриз? Нет, уж на этот раз мы не промахнемся.

Через две недели справа по борту показалась планета Мелдж. Ее появление было более чем своевременным. Трюм был забит тангризом до отказа. Порошок угрожал разорвать обшивку звездолета. Пришлось ежедневно выгребать тонны порошка в космос. Это занятие отнимало силы и время, к тому же вместе с тангризом звездолет терял тепло и воздух.

Задыхаясь от нехватки кислорода и дрожа от холода, компаньоны вывели до отказа набитый тангризом звездолет на спиральную орбиту вокруг Мелдж.

Едва они совершили посадку, как на борт поднялся таможенник. Это был здоровенный детина апельсинового цвета.

— Добро пожаловать на Мелдж,— приветствовал он компаньонов.— Нашу бедную заброшенную планетку не часто посещают гости. Вы к нам надолго?

— Не исключено,— ответил Арнольд.— Мы хотим открыть у вас фабрику.

— Ах, как замечательно!— просиял чиновник.— Если бы вы только знали, как нашей планете необходимы предприимчивость и инициатива. Позвольте полюбопытствовать, а что именно вы собираетесь производить?

— Мы намерены торговать тангризом, основной пищей...

Радость таможенника как рукой сняло.

— Чем?! Повторите-ка еще раз, чем вы собираетесь торговать?

— Тангризом. У нас с собой Даровой изготовитель, и мы...

Чиновник нажал на кнопку портативного передатчика.

— Весьма сожалею, однако вам придется немедленно покинуть планету.

— Но ведь у нас есть визы, паспорта, разрешение...

— А у нас есть законы. Вы вместе с вашим Даровым изготовителем немедленно уберетесь обратно в космос.

— Послушайте,— обратился к нему Грегор,— но ведь на вашей планете разрешено частное предпринимательство.

— Только не для производства тангриза.

Десяток танков старой конструкции выехали на поле и кольцом окружили звездолет. Чиновник вылез в люк и принялся спускаться по трапу.

— Постойте,— в отчаянии завопил ему вслед Грегор,— вы, верно, опасаетесь конкуренции? Так и быть. Возьмите изготовитель в подарок.

— Никогда!— вскричал таможенник.

— Мы вам его дарим! Раскопайте трюм и увезите его. Будете бесплатно кормить бедняков. Мы ничего не просим взамен. Соорудите в нашу честь монумент, вот и все.

Второе кольцо танков сомкнулось вокруг звездолета. Низко над головой пронеслось звено старинных реактивных истребителей.

— Убирайтесь отсюда!— крикнул снизу чиновник.— Вы что, всерьез надумали торговать на Мелдже тангризом? Да вы только посмотрите вокруг.

Они огляделись. Поле космодрома было пыльного серого цвета. Его окружали такие же серые некрашеные здания. За ними, насколько хватало глаз, тянулась унылая серая равнина. На горизонте поднимались безрадостные серые цепи гор.

Всюду и везде был тангриз, один тангриз...

— Неужели вы хотите сказать,— начал Грегор,— что вся планета...

— Посудите сами,— перебил чиновник, не прекращая спускаться.

— Ведь именно здесь родилось когда-то Древнее Знание. А дурак, у которого чешутся руки нажать на кнопку, всегда найдется. Немедленно убирайтесь отсюда! Да, кстати: если вам когда-нибудь попадется индетерминированный ключ, можете вернуться, мы дадим за него любую цену.

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА [1]

— Такой случай больше не представится,— сказал Арнольд.— Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени: это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем?— громко спросил Арнольд.— Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части,— ответил Грегор.— Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна эта безопасность,— парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака-IV от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы,— сказал Арнольд.— Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины...— он выдержал драматическую паузу,— мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота,— возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну, вот что, мечтатель,— озлился Грегор,— приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так уж подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородных баллонов.

— Ну и воображение у тебя!— нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня,— сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс?— отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставили еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон,— сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться.— Венс крепко стиснул руку Грегора.— Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано,— ответил Арнольд.— Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и ушел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю,— ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению, и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор?— недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку,— ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу,— возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот.— Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при 70° по Фаренгейту, так что здесь никакие проблемы не возникали. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а?— вежливо спросил чиновник.

— Да,— ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу,— задумчиво продолжал чиновник.— Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были уже на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора,— весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора,— согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу; вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на крохотный пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кофе был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю,— сказал он, сладко зевнув.— Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно?— переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким.— Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет,— сообщил он Арнольду.— Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство!— взревел Арнольд.— Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные!— вопил Арнольд.— Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно,— сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся.— Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо

стричь дважды в неделю? Ты, наверно, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — Queelis Tropicalis — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства,— прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов,— ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов скорее всего надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя вполне прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто,— сказал Арнольд, перелистав несколько справочников.— У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести,— сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть им в глотку и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения, и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг!— прокричал он. Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, для того чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно,— сказал Арнольд, когда связь была установлена.— Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно,— упрекнул Арнольд.— Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру,— самоуверенно ответил Арнольд.— Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают,— заметил Грегор.— Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду.

Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Размножаются, да?— переспросил Арнольд по радио; в голосе его звучала озабоченность.

— Да. И непохоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему?— озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты слышишь,— раздраженно ответил Арнольд.— И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть — мрачно произнес Грегор.— Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто сам он превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был уже виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот тут думаю,— сказал Арнольд.— Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница?— рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрыты изморозью,— сказал Арнольд.— Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше?— ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. Кроме того, они бы продолжали спать, если бы ты не валял дурака с тяготением и давлением.

— Фиргели едут на Вермойн I. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот!— заорал Грегор.— Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать?— Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.

— Арнольд,— проговорил он очень медленно,— довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно,— примерительным тоном сказал Арнольд.— Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Им еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс»,— объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника.— Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Говорит спутник,— ответил ему чей-то голос.— Сообщите о себе подробнее.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с Центрального пакгауза «Тригейл»,— уточнил Грегор.— Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю остальную жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите!— взвыл Грегор.— Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня,— хрипло сказал Грегор.— Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного привода равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных *почти* к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Не в пакгаузе?— переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда?— взмолился Грегор.— Мои намерения...

— Они меня не интересуют,— прервал его Венс.— Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично!— объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое,— сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс,— сказал Грегор.— Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить,— огрызнулся Венс.— К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда — ответил ему юный девичий голосок.— Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотели сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет легкого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы,— угрюмо произнес Грегор.— Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ [1]

— Выкладывайте по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой?— спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик.— Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а...— с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус!— любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо.— Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что компании «Межпланетная служба обеззараживания ААА Ас», невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо,— произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства.— Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят,— вздохнул Джо.— А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо,— процедил Грегор.

Фирма «ААА Ас» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность!— продолжал Грегор вызывающе.— Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

---

[1] Печатается по изд.: Современная зарубежная фантастика. М.: Молодая гвардия. 1965.

— Телепатия?— поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей,— сказал Джо, горделиво улыбаясь.— Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я, спасательная шлюпка 324-А,— послышалось снова.— Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничего не может быть безопаснее!— воскликнул Джо.— Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем,— выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете,— подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания «ААА Ас» была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «один».

— Я, спасательная шлюпка 324-А,— услышали они.— Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку «два».

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно,— произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз. Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание,— сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком мно-

го воды и совсем мало суши, и, что самое скверное,— на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически,— с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал:— Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед!— раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность,— сказал Арнольд.— Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось?— поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали,— пожал плечами Арнольд.— Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь,— попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж... Все равно неплохо, если она поработает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело,— сказал Арнольд.

— Я, спасательная шлюпка 324-А,— опять сообщила лодка,— в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли?— заметил Арнольд.

— Еще бы!— ответил Грегор.— Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль,— спросил Арнольд,— что она болтает?

— ...вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...оглушенные, израненные, упавшие духом...— закончила шлюпка.— Вероятно, вы испугались немного,— продолжала она уже несколько мягче.— Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе,— заметил Грегор.— Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить,— решил Арнольд,— невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело?— спросил Грегор.

— Я осматриваю остров,— отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить,— прошептал Арнольд. Лодке же он сказал:— Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно,— согласилась лодка,— однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограниченны и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст!— заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль,— отвечала шлюпка.— На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага,— уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно!— перебил Грегор. Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной.— Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить,— сказала шлюпка.— Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены,— сурово сказала шлюпка.— Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся?— спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома,— сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента.— Конечно, как только я найду его,— добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах?— поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история,— Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот.— Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

— А мы?— напомнил Грегор.— Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты.— Он устало вздохнул.— Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает,— сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры,— горько передразнил Грегор,— теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо — Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное,— произнес Арнольд.— Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной кибернетики». Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шлюпка просто свихнулась,— сказал он довольно грубо.— Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему?— спросил Грегор.

— Это же очевидно,— сказал Арнольд.— Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сандвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь?— сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем.— Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению.— И он обратился к шлюпке:— Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас,— потребовал Грегор.

— Безусловно,— ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать?— спросил Грегор.

— Это гизель,— сказала лодка,— любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете,— сказала шлюпка успокаивающе.— Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля в день и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты!— Арнольд заговорил с лодкой.— Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам!— завопил Грегор.— Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня,— начала шлюпка безмятежно.— Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей?— поперхнулся Грегор.

— Для дромитов,— напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо,— продолжала спасательная шлюпка,— я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше,— поспешно заявил Грегор.— Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно!— содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля,— сообщила шлюпка с простительной гордостью.— Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно!— сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно,— сказала шлюпка.— А сейчас я направлюсь к острову. И я обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом?— спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер». «Ага...— понимающе произнес главный.— Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!»— хихикнул он.

— Проснись!— окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами.— Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель,— сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея,— осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать,— сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать?— резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно,— с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно,— предупредила лодка.— Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны,— сказал Грегор.— Канистра будет доставлена в штаб.— Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов,— сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле?— удивилась шлюпка.— Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

— Неважный удар, старик,— сказал Арнольд.

— Что я наделал!— воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей,— грустно промолвила шлюпка.— Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров...— начал Арнольд.

— Невозможно,— прервала его шлюпка.— Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать?— спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка,— ответила лодка.— Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай,— сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается,— отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт?— спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно,— с горечью протянул Грегор.— Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов,— сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а,— Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме.— Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное,— сказал Арнольд.

— Безусловно,— согласился Грегор.— Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного,— возразила лодка.— Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так,— сказал Арнольд.— При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст,— настаивала лодка.— Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе,— сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота,— сердечно произнесла лодка.— Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направлюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости,— сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу,— доверительно начал Грегор.— Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств,— живо подхватил Арнольд,— мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала,— сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше чем простая спасательная шлюпка,— сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас,— приказал Грегор.— Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше,— ответила шлюпка.— Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет,— сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит?— заорал Арнольд.— Это война! Приказы...

— Я знаю,— печально произнесла шлюпка.— Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна,— умолял Грегор.— Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это!— взвизгнул Арнольд истерично.— И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах,— так же грустно сказала лодка.— Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать,— умоляла лодка.— Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно,— подумал Грегор,— но в конце концов и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход.— Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо!— пронзительно закричала лодка.— Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома!— Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия,— простонала лодка.— Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем...— Ее двигатели замерли

в нерешительности.— Скажите что-нибудь!— умоляла лодка.— Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля...— Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы,— сказала лодка.— Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде,— прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь?— спросил Арнольд.

— Я не знаю,— ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире»,— сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

ПРИЗРАК — 5 [1]

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску,— оповестил он.

— Дай-ка гляну,— не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

---

[1] Печатается по изд.: Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов. М.: Мир. 1984.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «ААА-ПОПС» — Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды — не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой и новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается,— зашипел Грегор.— Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр.— Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя.— Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выряженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер...э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением,— радушно сказал Грегор.— Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для житья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать,— самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости,— пояснил Фернгром.— Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко,— продолжал он уже без всякого энтузиазма.— Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально,— одобрил Грегор.— А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ-5. Но все называют ее просто Призрак-5.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов надо же как-то

именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бессчетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню,— признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладно?— не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила!— набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона-6. На Призраке-5 высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала-2.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак-5 сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее»,— как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак-5 вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало,— сознался Фернгром.— Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет вязаться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю.

Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да,— процедил Грегор,— зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее,— сказал Арнольд.— Расщелкаем этот орешек и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь,— возразил Грегор,— что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились,— напомнил Арнольд.— Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это,— сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам?— спросил он.

— Больше никто не брался,— ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой.— Всего наилучшего.

Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете — развалюхе уже направлялся к Призраку-5. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке-5 не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака-5, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить...

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке-5 один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером наизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак-5 отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озерца и зашелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, впав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут...

Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам.

В углу комнаты — кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног, пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно,— сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий.— Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит,— с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идейка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против?— встрепенулся Грегор.

— Конечно, за тебя,— возмутился Арнольд.— Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грегора слово это было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака-5. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо.

А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет,— поздоровалось оно.

— Привет,— сказал Грегор, сглотнув слюну. Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если потянуться за бластером?

— Как тебя звать?— спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват-Раковая Шейка,— представилось чудище.— Хватаю всякие вещи.

— Как интересно!— рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грегор,— весело и бесхитростно продолжало чудище,— и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад «Смига»— превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно,— заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так не проймешь,— пояснил Хват,— чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором...

— Сегодня я тебя не съем,— предупредил он.

— Не съешь?— выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм,— откликнулся тот,— Хват-Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть,— сказал он, вернувшись к рации,— а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак,— не без ехидства ответил Грегор.— Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся,— перебил Арнольд.— Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает?

Грегор призадумался

— Разве что о детстве...— проговорил он.— Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай,— настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата-Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор?— спросил Арнольд.

— Да,— послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто,— прервал его Арнольд.— Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет?— переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак-5 нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд.— Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим,— сказал он наконец,— у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака-5 раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет,— поздоровался Хват-Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище,— радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда.— Хват старательно скрывал свое разочарование.— Я прихватил шоколадный соус.— Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй,— сказал он.— Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред,— утешил Хват.— Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горящей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый у в е р о в а л, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто!— выкрикнул Грегор.

— Не то слово,— сказал Хват.— Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет,— распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю,— заявил Грегор, выхватив бластер. Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению не подвластны. Грегор в о о б р а з и л, будто в комнате темнеет, и...

Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятам никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово,— тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком-5, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже,— заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары,— ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке-5: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть,— пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже!— ахнул Арнольд.— Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5!

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков да еще двумя крылышками впридачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит,— пропыхтел он.— Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак,— ответил Арнольд.— Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что?— воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто,— признался Арнольд.— Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость,— заметил Арнольд, кусая губы.— Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни!— воскликнул Грегор.— Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух?— поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова проделывало это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать?— волновался Арнольд.— Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-таки вспомнил,— ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой,— словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор,— взмолился Арнольд.— Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь,— твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться красно-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом, корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенало, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не

было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно,— крикнул он Арнольду.— Ворчучела как не бывало.

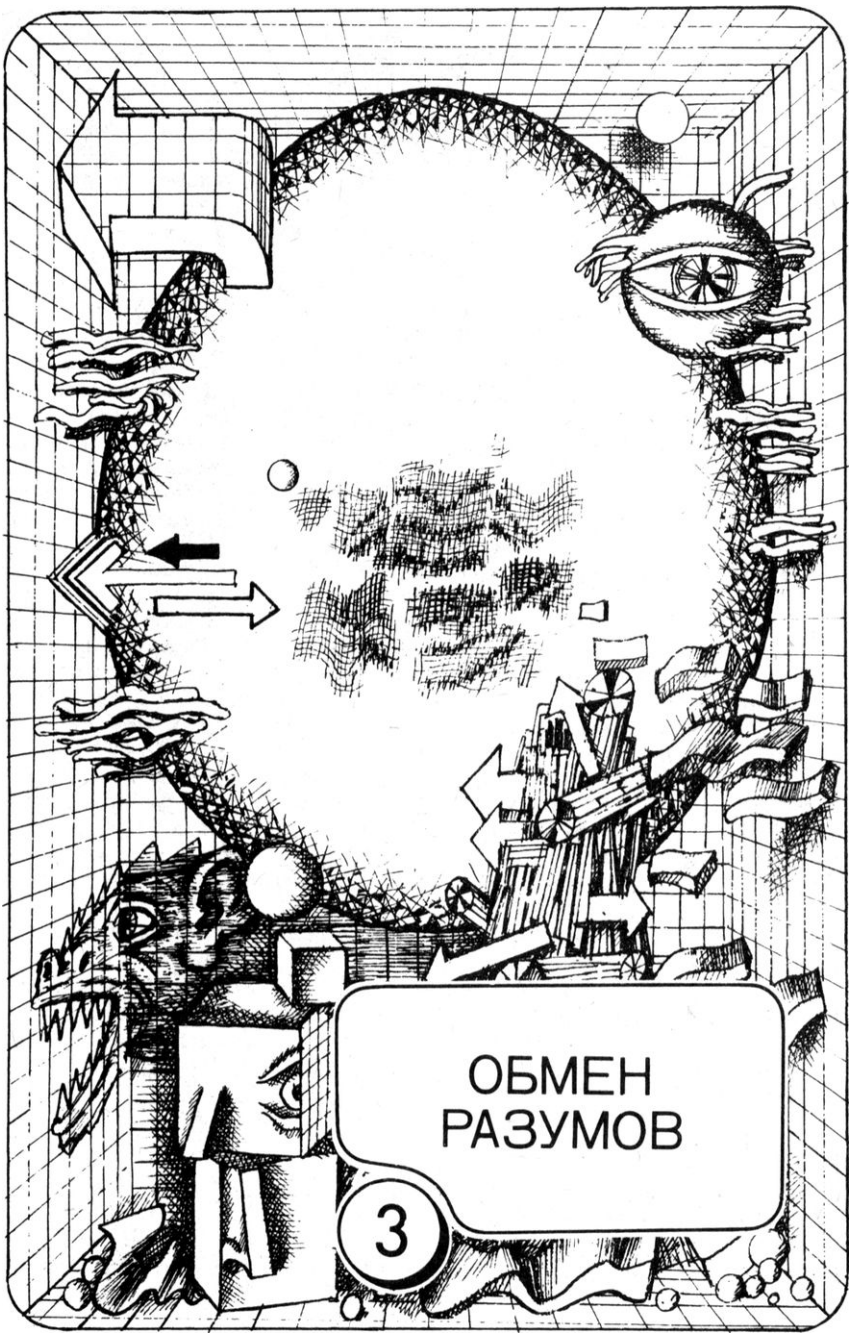
Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему,— сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше,— возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу.— Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.


ОБМЕН
РАЗУМОВ
3

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС [1]

Часть I

ОТБЫТИЕ

День был на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбоку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блекуэллом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце дня заспорил с мистером Зейдлицем, заспорил яростно, и совершенно не разбираясь в сути дела, об истощении природных ресурсов страны и бессовестном натиске разрушительных факторов, а именно совместного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и фабрикантов бумаги. Все они,— так он утверждал,— виновны в уничтожении последних милых островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том,— сказал язвительный Зейдлиц.— И вас на самом деле все это волнует? Ведь нет же!

Кого не волнует?.. Его не волнует?!.

А мисс Гиббон, привлекательная, юная, с аккуратненьким подбородком, сказала вдруг:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вы не должны говорить такое!

Что он говорил ей т а к о г о и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех остался на его душе, неосознанный и неотпущенный.

А его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбок, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Я попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понял, что в его словах было так мало смысла, что разбираться в них совсем не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блекуэлл, который умел говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Босса из полузащитников в трехчетвертные, мы увидим настоящий пас.

А Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором, преимущественно меланхолическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к хандре. Впрочем, она легко сменялась вспышками возбуждения, то есть он был циклотимик — рослые остроглазые

---

[1] Печатается по изд.: «Химия и жизнь». 1973. № 9—12.

мужчины, с предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению.

Он был рожден под знаком Девы при управлении Сатурна, находившегося в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — это показывали звезды в Доме Талантов. Уже одно это говорило о его незаурядности. Общечеловеческое клеймо стояло на нем, он был одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы, умом он им сочувствовал, но бока его возмущались.

Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд Авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его проводила отпуск в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

Мгновение спустя раздался удар грома, и в комнате полыхнула молния. Кармоди сел и зачем-то откашлялся. Гром громыхал несколько секунд, затем вострубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова вспыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, но без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — так грубо, что изрядно порвал его при этом. Прочистил горло — звук был похож на сильный удар мяча — и сказал:

— Приветствия.

Кармоди не ответил, он онемел.

— Мы пришли,— сказал чужестранец,— как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так! Будет?

Пришелец ждал ответа. Кармоди доказал себе только ему известными способами, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь:

— Это для вас, Кар-Мо-Ди-и. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розовая неопределенность радует своими целительными губками, а дряхлое Постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает быть страшным, когда оно становится назойливым.

— Кто вы?— спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя: «Туманно мыслящие извилины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться безошибочно? Ничего, я переработаюсь, я приспособлюсь, я сделаюсь...».

Пришелец прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в измя-

том костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно?— спросил он. И сам себе ответил: «Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за неряшливую работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше (я употребляю местные эквиваленты времени, конечно) при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...»

— Я не понимаю ни единого слова,— прервал Кармоди.— Будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно,— сказал пришелец.— Но позвольте мне проверить местные термины.— Он закрыл глаза, потом открыл снова.— Странно, очень странно,— пробормотал он.— Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит?— переспросил Кармоди грозным басом.

— Это Интергалактическая Лотерея, конечно. И вы, сэр, выиграли главный приз, конечно. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует,— сказал Кармоди.— И я не знаю, о чем вы толкуете.

Сомнение скользнуло по лицу чужестранца и тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну, конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать волнений. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умственной спячки! Но никакого вреда вам не намерены причинить, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш Приз, очень красивый приз — уверяю вас, ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и я должен обратиться к психиатру. Но тогда я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и чувствую. А это тяжко. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. Но с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже могу кончить больницей.

Если же я не сошел с ума, значит, все это происходит в действительности. И то, что происходит,— удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно,— если это происходит на самом деле — во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они сами признались, что делают это. И я не вижу, почему бы лотерея была не совместима с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство или имя, или женщин, или знание, словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в итоге всего мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, докажу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу.

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести до бедствия. Но можно сказать, хорошо еще, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему,— сказал он Посланцу.— Есть какие-нибудь особые условия у моего Приза? Надо сделать что-нибудь или оплатить?

— Никаких условий,— сказал Посланец.— По крайней мере ничего достойного упоминания. Чистый Приз. Какой же Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Центр сам по себе стоит того, чтоб туда поехать. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для обратного пути, конечно, мы окажем содействие в полную меру наших возможностей. И вот и все об этом.

— Меня это устраивает,— сказал Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон, когда ему показали диспозицию Нея под Ватерлоо.— И как мы попадем туда?

— Вот таким путем,— сказал Посланец. И ввел Кармоди в закрытый зал, а оттуда с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное было не труднее. За миг индивидуального времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, оказались в Галактическом Центре.

* * *

Путешествие было кратким, продолжалось не более одного мгновения плюс микросекунду в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку никаких фактов нельзя было бы вместить в такой тонюсенький ломтик длительности. Поэтому после перехода, о котором нечего было сказать, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и смотрел. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него кружат три тусклых карликовых солнца. Он видел деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые не сумел запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ну как вам понравился наш Галактический Центр?— спросил Посланец.

— Производит впечатление,— сказал Кармоди.

— И я так считаю,— подтвердил Посланец.— Наш Центр специально выстроен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите и как вы могли бы ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Оформление должно подавлять избирателей.

— В этих плавающих в небе лестницах что-то есть,— заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти огромные здания...

— Да, дизайнер довольно удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками в промежутках,— сказал Посланец тоном знатока.— И также использовал искривление края времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком на вашей планете, на выставке «Дженерал Моторс». Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко.

— Где же я получу мой Приз?— спросил Кармоди.

— Сюда, направо,— сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, едва заметному, прямоугольному домику.

— Делом мы занимаемся здесь,— продолжал он.— Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два,— сказал Кармоди.— Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, принес вам самый первый?— язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что тут много надо было изобретать.

— Не кажется?— переспросил Посланец.— Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за творческое самовыражение. Знаете ли вы, что природа никогда не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Но нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Спокойным и отрешенным голосом он сказал:

— Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата... Правильность приятна, но не сверх меры. Как же видоизменять это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так трудно! Дрожа, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники разного размера, разного вида, все правильные, но различные. Поистине я был рогом изобилия прямоугольников. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе,— сказал Кармоди.— Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это тоже было потрясающе,— сказал Посланец.— Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно,— говорили мне,— но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 биллионов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего первоначального прямоугольника.

— Ну и ну,— сказал Кармоди.

— Так или иначе, но мы на месте,— сказал Посланец.— Идите туда, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо,— сказал Кармоди.

Он вошел в комнату. В мгновение ока стальные ленты охватили его руки, ноги, талию, и шею. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

* * *

— Эй, в чем дело?— крикнул Кармоди.

— Итак,— изрекла мрачная личность,— опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Ты заплатишь теперь за свои преступления против человечества и грехи против себя самого. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел членораздельную речь.

— Стойте!— закричал он.— Я здесь не для казни.

— Знаем, знаем,— успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди.— Что ты еще скажешь?

— Но это правда,— выкрикнул Кармоди.— Я думал, что получу Приз.

— Что?— переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты! Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Он щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин. Черное палаческое одеяние — в белый костюм Администратора. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке,— сказал без тени сожаления бывший палач, а ныне Администратор.— Я же предупреждал их, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений с Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им на руку, если бы я убил вас. Вот смеху-то было бы, правда?

— Мне было бы не до смеху,— сказал Кармоди, дрожа.

— Ладно, нет смысла плакать из-за непролитой крови,— сказал Администратор.— Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет... Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Немедленно в комнате материализовалась массивная конторка, на миг она повисла в воздухе, на высоте двух футов от пола, затем упала с грохотом. Администратор начал открывать ящики и вытаскивать оттуда бумаги, сэндвичи, листы копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут,— сказал Администратор с оттенком отчаяния. Он нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла и доска тоже.

— Проклятье, я просто комок нервов,— сказал Администратор. Он протянул руку в воздух, что-то нашел и нажал. Очевидно, и это была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез сам Администратор. Кармоди остался в одиночестве.

Он ожидал, немузыкально напевая про себя. Затем Администратор возник снова и при этом выглядел не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой Администратор держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку,— сказал он.— Ничего не получается как следует и сразу.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы,— устало сказал Администратор,— вы переполнены беспочвенными мечтами о порядке и совершенстве, а они — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе вселенной. И если разум и сила существа приближается к максимуму, то его коэффициент контроля приближается к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией от числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания...

— Я никогда не думал об этом,— сказал Кармоди вежливо. Но ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а по существу они просто не работали как следует, сваливая вину на космические законы.

— Ну да, все это верно,— продолжал Администратор.— Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Да, мы подчас работаем механически, беспечно и даже неправильно. Важные документы лежат не на месте, машины плохо функционируют, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Кто-нибудь должен контролировать Галактику, иначе все улетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете построить машины для этого дела?— спросил Кармоди.

— Машины!— воскликнул Администратор презрительно.— Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги, а в этике они понимают меньше, чем новорожденный волчонок. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Администратор улыбнулся самодовольной улыбкой творца афоризмов. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию,— сказал он,— я хотел бы получить Приз.

— Как угодно,— сказал Администратор.— Если вы уверены, что хотите получить его.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного,— сказал Администратор.— Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья,— улыбнулся Кармоди.— Пусть будет Приз.

— Ну, хорошо,— сказал Администратор. Он вытащил из заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш.— Итак, мы должны заполнить карточку сначала. Ваше имя Кар-Мо-Ди-и; вы с планеты 73 С, система ВВ454С252 Левый Квадрант, Местная Галактическая

система из LK по CD и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно,— сказал Кармоди.

— Я пропущу описание,— продолжал Администратор,— поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте,— согласился Кармоди.

— И затем есть еще раздел об Определении Съедобности и параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра и параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы им подчиняетесь...

— Конечно, почему же нет?— сказал Кармоди, чувствуя уже головокружение. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. Он хотел одного, чтобы закончилась волокита.

— Очень хорошо,— сказал Администратор.— Теперь подпишитесь вот тут под текстом на мыслечувствительной полоске.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ страницы порозовел.

— Спасибо,— сказал Администратор.— Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди, и вот наш Приз

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал благодарность и нетерпеливо принялся разворачивать. Но не успел из-за внезапно грубого вторжения. В комнату ворвался безволосый коротышка в сверкающей одежде.

— Ха!— закричал он.— Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы на самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно?— закричал он.

— Нужно? Приз нужен мне, что еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди,— сказал Кармоди. Это я Кармоди.

Маленький человек остановился и поглядел на него внимательно:

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди.

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С,— сказал Кармоди.— Мы называем свою планету Землей.

Коротенький Кармоди уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля?— переспросил он.— Она член Члзерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Кооперативу Скэготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще член какой-нибудь надзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал,— сказал маленький Кармоди. Он обернулся к Администратору.— Посмотрите на него, вы идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на ее мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Минутку!— прервал Кармоди.— Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу,— согласился Администратор.— Действительно не рассмотрел раньше. Никак не ожидал, что...

— Проклятие! Почему же?— воскликнул космический Кармоди.— Почему ни один из вас не сказал сразу, что это существо не из 32 класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дошел до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии...

* * *

— Земля! Земля!— рассуждал коротенький Кармоди.— Теперь я припоминаю такое название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там, как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции своих собственных отбросов. Короче, Земля это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник для нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла трагическая ошибка. Обвинили в сквернодействии Посланца — он не отрицал очевидного. Администратор, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые никто, впрочем, не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который и совершил-то ошибку, один из всех, вместо того, чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен,— сказал Компьютер,— с минимальными допусками. Я запроектирован, чтобы выполнять сложные и точные операции, допускающие не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что?— спросил Администратор.

— А вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны запомнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно встроена ошибка. Это один из немногих признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы не ошибались никогда, мы были бы безотносительны, отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас высшей проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем как существа живые.

Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Чужак Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Не могу возражать, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно. Но остальные просто дурака валяли.

— Это наша неотъемлемая привилегия,— напомнил ему Посланец.— Небрежность при выполнении обязанностей — наша религиозная форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, пощадите меня с вашей сладкоречивой религиозностью,— сказал галактический Кармоди.— А ты,— продолжал он,

поворачиваясь к земному Кармоди.— Ты слышал, что тут говорили? Уловил суть своим первобытным умишком?

— Я понял,— сказал Кармоди четко.

— Тогда ты знаешь, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я должен просить и прошу вас вручить его мне.

Кармоди был склонен к тому, чтобы согласиться. Он устал уже от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть, обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе и выкурить сигарету. Конечно, приятно было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже передать коробку, как вдруг услышал глухой шопот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Сам Приз говорил.

— Ну, ну, давай же,— сказал тот Кармоди.— Не тяни. У меня неотложные дела.

— И черт с ним,— сказал Приз Кармоди.— Я твой Приз. Нет оснований отдавать меня.

— Приз не ваш,— объявил Кармоди.— Мое имя избрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец принес мне извещение, и Администратор — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а также сам Приз считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты и сказанул,— шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же слышали сами, что Компьютер признал свою ошибку. И по вашей собственной логике...

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении,— сказал Кармоди,— Компьютер *не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных мотивов, внушающих всяческое уважение.

— Считайте, что машина ошиблась преднамеренно,— пробурчал чужак Кармоди.— Но удерживать Приз — значит усугублять проступок...

— Ха!— воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора.— Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Неувековеченная ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Ошибка это же просто знак высшего озарения. И далее я скажу вот что: для меня не такая уже потеря отдать этот Приз, потому что я не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законнопослушного компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте!— вскричал Приз.— Браво! Урра! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо.

Кармоди скрестил руки и поглядел на смущенного противника. Он был очень горд собой. Человеку с Земли трудно в Галактическом Центре без подготовки.

— Ты складно говоришь,— сказал тот Кармоди неохотно.— Но Приз будет моим.

— Не будет.

Глаза чужака сверкнули зловеще. Администратор и Посланец быстро отошли в сторону, а Компьютер выкатился из комнаты, бормоча: «Не-

преднамеренная ошибка ненаказуема». Кармоди не отступил, поскольку ему отступать было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба!» И сжался в кубик со стороной не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков пальцев. Он был ужасен. Кармоди невольно закрыл глаза.

И ничего не произошло. Кармоди открыл глаза снова.

За это мгновенье тот Кармоди, видимо, передумал — теперь он приветливо улыбался:

— По зрелом размышлении,— сказал он лукаво,— я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, выполняется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, и счастливого вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, но эффектной.

Часть II

КУДА?

— Ну и ладно,— сказал Приз.— Будь, что будет. Надеюсь, мы в последний раз видели этого урода. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль!— сказал Кармоди.— Посланец, теперь я хочу домой.

— Естественное желание,— согласился Посланец.— И даже свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы должны отправиться домой и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня домой.

Посланец покачал головой.

— Это не мое дело. Я обязан только доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше, Кармоди,— сказал Администратор.

Кармоди почувствовал, что тонет. Он начал понимать, почему тот Кармоди так легко отступился. Он сказал:

— Послушайте, мне совестно затруднять вас, но я же действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо,— сказал Посланец.— Давайте координаты вашего дома и я доставлю вас.

— Координаты? Понятия не имею о координатах. Моя планета называется Землей.

— Пусть Земля, пусть Зеленый Сыр, безразлично. Если хотите, чтобы я помог,— нужны координаты.

— Но вы же там были,— сказал Кармоди.— Вы же прибыли на Землю и оттуда доставили меня.

— Это вам так только кажется,— сказал Посланец терпеливо.— На самом деле я просто отправился в точку, координаты которой дал мне Администратор, а он получил их от Лотерейного Компьютера. Вы там были, и я привел вас сюда.

— Можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней все движется: каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— Можете вы вычислить новые координаты Земли?

— Я не могу сложить даже столбика цифр,— сказал Посланец гордо.— У меня другие таланты.

Кармоди обернулся к Администратору:

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не мастер в сложении,— сказал Администратор.

— А я могу считать великолепно,— объявил Компьютер вкатываясь.— Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой ошибки. Я установил ваше местонахождение — и потому вы здесь. Однако интересная теоретическая работа по изучению координат вашей планеты в данный момент мне противопоказана.

— Можете вы это сделать как личное одолжение?— взмолился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения,— возразил Компьютер.— Я не могу делать одолжения и искать вашу планету, как не могу зажарить яичницу или выпотрошить сверхновую звезду.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь,— сказал Администратор.— Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам доставлю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Последовало краткое молчание. Посланец прервал его:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами не знаете? Эта Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки достаточно велика, чтоб считаться практически бесконечной. Существо, не знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имел о Местожительстве.

— Вы могли спросить.

— Мне в голову не приходило. Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так трудно выяснить, куда передвинулась моя планета?

— Это невероятно трудно,— сказал Администратор.— «Куда» — только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их: «Три К» планеты.

— Мне нет дела, называйте хоть Зеленым Сыром,— внезапно взорвался Кармоди.— Как другие находят дорогу домой?

— Они используют свой наследственный инстинкт гнезда,— сказал Посланец.

— Откуда у него инстинкт гнезда?— вставил Приз негодующе.— Парень никогда не улетал с родной планеты.

— Справедливо.— Администратор устало вытер лицо.— Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина и ее благочестивые ошибки.

— Только одна на пять биллионов,— сказал Компьютер.— Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто не обвиняет вас,— вздохнул Администратор.— Никто никого не винит. Но мы должны решить, что же делать с ним. Может, мы просто прикончим его и предадим дело забвению?

— Эй-эй!— крикнул Кармоди.

— О'кей! Я согласен,— сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей,— присоединилась и машина.

— Я не в счет,— сказал Приз.— В данном случае я не могу вмешиваться, но мне чудится что-то неправильное в самой идее.

Кармоди произнес страстную речь о том, что он не хочет умирать и не должен быть убит. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Но его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите,— сказал Посланец неожиданно.— А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем вернуться ему домой живым и здоровым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль,— согласился Администратор.

— Таким способом,— продолжал Посланец,— мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И поспешим,— сказал Администратор,— если не хотим, чтобы его убили, пока мы не кончили нашу беседу.

— А в чем дело?— спросил Кармоди.

— Потом узнаешь,— прошептал Приз.— Если, конечно, у тебя будет это «потом». И если найдется время, я еще расскажу потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди!— воззвал Посланец.

— Я кажется, готов,— сказал Кармоди.

— Готов или нет — отчаливай.

И Кармоди отчалил.

* * *

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Посланец и Администратор растаяли вдали. Галактический Центр стал плоским, похожим на скверно намалеванную театральную декорацию. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла косо вниз. Края вдруг отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

Кармоди старался держать себя в руках и еще крепче держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, а сколько именно — никто не знает.

Затем сцена вдруг осветилась снова. Он стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. Странный ветер обдувал лицо. Над головой висели три крошечных красненьких солнца. Местность выглядела диковинней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение: здесь все напоминало мирные сны, а Центр был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза — и куда это он мог деться? Кармоди принялся растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я,— прошипела змейка.— Твой Приз. Просто я в другом облике. Форма, видишь ли, это функция среды, а мы, призы, к среде чувствительны чрезвычайно. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще вместе освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии,— посоветовал Приз.— Видишь ли, доктор, мы — призы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю лапу в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, пояснили мысль мои слова?

— Не очень,— вздохнул Кармоди.— Потом разберусь.

— Вот и умница,— сказал Приз.— Слова могут показаться сперва туманными, но хочешь не хочешь, а ты разберешься. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, нам теперь не до анекдотов. Похоже, сейчас кое-что произойдет.

— Что? Что должно случиться?

— Кармоди,— мон шер,— сказал Приз,— эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис. У нее только один обитатель — Мелихрон Изначальный [1] Он живет здесь с незапамятных времен и будет жить дольше, чем это возможно себе представить. Мелихрон — в своем роде, как бы это сказать, козырной туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

«Вот оно чудо! Герой одинокий,
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
. чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...»

— Ну тебя к черту,— огрызнулся Кармоди.— Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

— Прекрати,— прошипел Приз с внезапной злостью.— Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — Славный Мелихрон!

— Где?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу.— сказал Приз.— Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик. И не позволь всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула хвостик в рот и погрузилась в сон. А в следующий момент голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

* * *

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, сыпал миллионы раскаленных обломков. Сверкающие глыбы обрушились в океан, который специально возник, чтобы поглотить их. Поднявшийся ветер собрал воды в гигантский смерч. Толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками смерч направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

---

[1] Лурсис — заманчивая. Мелихрон — Улучшающий время (греч.) — *Прим. перев.*

— Хватит!— завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, причитание шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам исторической киноэпопеи производства Метро-Голдвин-Майер, только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. И воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, цвет, свет, движение и всякое прочее превратились в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет,— сказал человек.— Я Мелихрон. Как вам нравится мой выход?

— Я сражен,— сказал Кармоди совершенно чистосердечно.

— В самом деле?— переспросил Мелихрон.— Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово!— подтвердил Кармоди.— Я ошеломлен!

— Это очень мило,— сказал Мелихрон.— Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю,— и Я действительно полагаю,— что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно,— сказал Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это моя планета,— сказал Мелихрон.— И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать? А?

— Возражений быть не может,— сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так считаете?— осведомился Мелихрон, задумался на минуту и затем сказал отрывисто:

— Благодарю вас, вы Мне нравитесь. Вы умный, понимающий человек и не боитесь говорить вслух все, что думаете. Рад, что вы прибыли. Знаете, Моя интуиция — а Я к ней склонен и горжусь этим — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он сам не прочь просить о помощи и совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема — порождение Моего положения,— заявил Мелихрон.— А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком Моя. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить.

— Поразительно,— сказал Кармоди.

— Именно поразительно. Меня чуть удар не хватил, когда я это понял,— подтвердил Мелихрон.— Я здесь с незапамятных времен. Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Все было хорошо и ясно в ту пору. Я жил, как в райском саду.

— Это, наверное, было чудесно,— заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось,— неторопливо продолжал Мелихрон.— Но, сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эво-

люцию и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней. Осознал свою исключительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им, мужайтесь, позволил моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена! Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей, и в то же время частицею Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе, разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве. И в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховное существо, которое было не Я. Потому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно,— сказал Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным,— сказал Мелихрон.— Я мог позволить себе быть разумным. Для этой планеты — нечего вилять — Я был богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей персоны. Я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Ни один волос не мог упасть без моего ведома. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины — а это Я устраивал закаты. Мой народ пел о любви — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни — где вы!

— А почему бы вам их не вернуть?— спросил Кармоди.

— Потому, что я вырос,— сказал Мелихрон с горечью и грустью.— Вот Мои священники вечно препирались меж собой, дискутируя о Моей природе и Моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь поп о Тебе разглагольствует, однако это оказалось и опасно. Я Сам начал дивиться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Мне все это казалось.

— А зачем вам это самокопание?— спросил Кармоди.— Ведь вы же были богом!..

— Вот в том-то и загвоздка,— вздохнул Мелихрон.— Я был бог. Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, ибо это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим... Вот так примерно преподносили это Мои выдающиеся мыслители.

— Полагаю, вам это доставляло удовольствие,— заметил Кармоди.

— Какое-то время да,— сказал Мелихрон.— Но потом надоело — невыносимо... Знаете, Я хоть и тщеславен, как и всякий бог, но эти бесконечные молебны выведут из себя кого угодно. Скажите, бога ради, зачем молить бога, чтобы он выполнял свои божеские обязанности? С таким же успехом можно молить муравья, чтоб он делал свои муравьиные дела!..

— И что же вы придумали?

— Да все упразднил!.. Стер жизнь с лица моей планеты. Мне нужно было подумать на покое. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожал, Я просто воссоединил в себе частицы себя самого. У меня было множество разных типов с безумными глазами, которые все болтали насчет слияния со мной. Ну вот они и слились.

— Необычайно интересно,— сказал Кармоди, потрясенный...— Но вы, кажется, хотели поговорить со мной насчет какой-то проблемы.

— Именно!.. И как раз Я к ней и подошел. Видите, Я бросил играть в свои народы, как ребенок — в дочки-матери, и затем уселся — фигурально говоря — чтобы все обдумать. В чем мое предназначение? Могу ли Я быть чем-нибудь, кроме как богом? Вот я посидел в должности бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого самовлюбленного маньяка. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим собой?

— Та-ак,— протянул Кармоди.— Так, так. Вот в чем дело.— Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос.— Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения,— сказал Мелихрон.— У меня в запасе вечность. А у вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете, может случиться нечто для вас весьма неприятное.

— Что случится? И что мне делать?

— Ну, дружба дружбой,— сказал Мелихрон,— а служба службой. Сначала вы ответите на Мой вопрос, потом Я на ваш.

— Но у меня только десять минут!..

— Девять,— поправил Мелихрон.— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться.

Каково объяснять богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило столетий?

— Восемь минут,— сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

* * *

— Мне кажется,— начал Кармоди,— что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто с отчаянья — надеясь, что самый процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах смысла больше, чем в словах.

— Вам нужно,— продолжал Кармоди,— э... э... отыскать в себе самом некое предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к себе.

— Могу, если захочу,— сказал Мелихрон веско.— Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно,— поспешно сказал Кармоди.— Вот что пока ясно... М-да... Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность. Вот... Так не кажется ли вам, что искомый путь — в познании реальности, внутренней и внешней,— если, конечно, для вас существует внешняя — и в познании самого познания?..

— Я тоже так думал,— сказал Мелихрон.— Проштудировал все книги Галактики о макрокосме и микрокосме. Я способный... Правда, кое-что подзабыл — ну там, секрет жизни или скрытые мотивы смерти, но могу это припомнить, если захочется... Но знаете, в учености лично для меня нет особого смысла. Честно говоря, я нашел, что неведение не менее приятно.

— А может, вы по натуре художник?— предположил Кармоди.

— Я и через это прошел,— сказал Мелихрон.— Лепил из глины и плоти. Рисовал закаты на холсте и небе. Писал истории чернилами и событиями. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Я слишком точно знал, как надо делать, и не допускал ошибок. И оттого всегда оставался безнадежным дилетантом. И вообще я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А может, вам сделаться завоевателем?

— Какой же толк от чужих миров, когда не знаешь, что делать со своим?

Кармоди искренне пожалел бы этого несчастного бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало!

И тут вдруг снизошло! Все могло быть решено просто и все разом: и Мелихроновы заботы, и его собственные.

— Мелихрон,— сказал он смело.— Я решил Проблему.

— О, это всерьез?— строго спросил Мелихрон.— То есть всерьез, что вы это всерьез, а?.. И это вы не затем, чтоб меня сейчас задобрить, поскольку через 73 секунды вас должна настичь смерть? Нет?..— Прекрасно! Скорей! Рассказывайте! Я так взволнован!

— Ей-богу, не смогу,— сказал Кармоди.— Физически невозможно. Вы же убьете меня через семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О, небо! Вы в самом деле считаете меня таким кровожадным? Что вы! Ваша смерть грядет извне. Я к ней не причастен! Между прочим, у вас только двенадцать секунд.

— Маловато!— сказал Кармоди.

— Конечно, мало. Но это Мой мир, как вы знаете. И в нем всем ведаю Я. В том числе и течением времени. Я как раз изменил пространственно-временной континуум у десятисекундной отметки. Для бога это простое дело — только потом много подчистки. Ваши десять секунд будут оплачены двадцатью пятью годами моего местного времени. Хватит?

— Более чем щедро,— сказал Кармоди.— Вы очень любезны.

— Пустяки! Теперь, пожалуйста, о главном — ваше решение!..

— Идет,— сказал Кармоди и набрал побольше воздуху.— Решение проблемы вытекает из самой проблемы. Не может быть иначе. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Должна?— переспросил Мелихрон.

— Да, должна,— твердо сказал Кармоди.— Рассмотрим ваше положение. Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всесильны. Вы жаждете служения — но кому? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы бессильны.

— Да-да, все так в точности!— воскликнул Мелихрон.— Но вы пока не сказали, что Мне делать!..

Кармоди набрал полную грудь воздуха:

— Что вам делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим?— переспросил Мелихрон.— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, должен согласиться. Но ведь есть и трудности. Существа из внешнего мира редко проходят по этой дороге. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, уж тут придется потерпеть,— согласился Кармоди.— Но вам-

то терпеть легче: ведь вы можете изменять время. Что касается числа посетителей, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать свое дело.

— Но беда-то прежняя, дело у меня есть, а для кого его делать?

— Позвольте мне почтительнейше напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня — проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. А как вам — не знаю. Но подозреваю, что для вас это было бы такой пробой сил, что трудней и не предложишь.

Мелихрон задумался — и надолго. У Кармоди зачесался нос, и он еле удерживался, чтобы не почесать. Он ждал, и вся планета ждала. Наконец, Мелихрон поднял свою агатово-черную голову и сказал:

— В этом что-то есть... Видимо, судьба судила, чтоб Я прождал здесь половину вечности, пока вы придете ко мне со своей проблемой.

— Рассказать о ней?

— Я уж разобрался,— сказал Мелихрон.— Да, она поистине достойна моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой...

— Именно в этом!

— И не только в этом. И не только в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Которую» Землю... Впрочем, если бы и это было все, тоже хватило бы...

— А что еще?

— А еще смерть, которая вас преследует.

— Ох!— вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Уютно?— спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас: будьте как можно внимательней. От этого зависит ваша жизнь. Время — хитрая штука даже для Меня. Восемнадцать лет из тех двадцати пяти уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой.

— Пусть так.— Кармоди сдержал дрожь.— Я готов.

* * *

— Самый фундаментальный принцип вселенной, — начал Мелихрон,— заключается в том, что одни виды пожирают другие виды. Печально, но факт. Еда — основа, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Но частные проявления этого принципа могут быть усугублены или облегчены различными обстоятельствами.

Вот что случилось с вами, Кармоди: вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили за вами не гонятся, вирусы к вам в кровь не пробираются и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим опасностям вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация была, к сожалению, временной. Железные законы уже начали действовать: и вы не сможете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальное создание, поэтому и рожденный теперь для вас хищник тоже уникален. Он может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди. Челюсти его, чтобы грызть именно одних Кармоди, желудок — чтобы переваривать лишь всяких Кармоди. Вся его персона создана так,

чтобы иметь преимущество персонально над вами... Но если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается лишь вас уведомить, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали и случаи удачного бегства... Вы меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно спросонок.

— Я понял,— с трудом выговорил он.— Правда, не все.

— Увы,—сказал Мелихрон.— Но времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть планету. Даже на собственной планете я не могу отменять универсальные законы.

— А вы не можете отправить меня на Землю?— спросил Кармоди.

— Будь у меня вдоволь времени,— сказал Мелихрон,— Я, вероятно, смог бы вычислить все три «К», определить положение Земли в пространстве — времени, узнать, Которая из возможных Земель ваша, да сделать поправки, чтобы все не пошло прахом. Но времени нет, и Я отошлю вас к своему другу Модсли. Я уверен, что Модсли хорошо о вас позаботится.

— А если...— начал Кармоди. Но тут он заметил, что за его левым плечом возникает нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду,— крикнул он.— И спасибо за все.

— Не стоит благодарности,— сказал Мелихрон.— Ведь это моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но прежде, чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

* * *

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо сверкающее оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лугами темнела бахрома леса. Виднелись горы со снежными вершинами.

— Похоже на Землю,— подумал Кармоди и тотчас вспомнил о Призе, который прежде был спящей змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди обернулся и увидел маленький медный котелок.

— Это ты?

— Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз!

— Э, ты того... изменился несколько...

— Знаю,— сказал Приз.— Но моя сущность, мое истинное я никогда не меняется. А в чем дело?

Кармоди заглянул в котелок: внутри были какие-то косточки и огрызки.

— Что это у тебя там?

— Завтрак, мог бы и догадаться,— сказал Приз. Перехватил кое-что по дороге. Призы тоже нуждаются в подкреплении — добавил Приз язвительно.— И кстати, еще и в отдыхе, в небольшом моционе, в любви, иногда в рюмочке и даже в посещении уборной; а с тех пор, как меня вручили тебе, ты ни о чем еще не позаботился. Гости из других миров, видимо, всем кажутся какими-то... э, бетонными — без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться,— сказал Кармоди, расчув-

ствовавшись,— как только выпутаюсь из этой катавасии.

— Ладно, старик,— сказал Приз.— Ну, а как бы там ни было, признай, что с Мелихроном я все провернул ловко?

— Ты провернул? Ты, черт побери, спал! Это я один его сумел...

— Боюсь, ты заблуждаешься,— хихикнул Приз.— Неужели тебе когда-нибудь раньше удавалось так логично рассуждать о месте бога в мироздании и его предназначении? Ты что, философ?

— Хватит!— сказал Кармоди.— Лучше вот что: о каком это недостатке Мелихрона ты мне твердил?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часик — может, и дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Ведь Мелихрон хромой!— засмеялся Приз.— Это у него генетическое. И он никогда не знал, что это недостаток. Он же бог, и потому отвергает сравнительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и он поэтому уверен, что все хромые — нормальные, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогущ бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит лишь собой. Неумение сравнивать — основной порок богов! Учти на случай, если сам вздумаешь стать богом!..

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? Профессия как профессия — только титул громкий. Быть богом не легко. Но и не труднее, чем стать серьезным поэтом, или, скажем, первоклассным инженером.

— По-моему, ты спятил!— Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который не вполне вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними в почтительном отдалении следовал десяток других.

— Тот, что в середке, Модсли,— сказал Приз.

— Он выглядит, как человек.

— Точно,— согласился Приз.— Такой облик моден в этой части Галактики. Поэтому и ты можешь обратить на себя его внимание и даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется,— гордо сказал Кармоди.

— Не так просто, как кажется,— сказал Приз.— У нас с Модсли разные натуры, и я поэтому не всегда его понимаю и предугадываю. Но кое-что все-таки тебе посоветую. Он инженер — опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно когда увлечен новыми испытаниями. И вот, в рассеянности, все что ни попадется он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал — совершенно без злого умысла. Он теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой,— сказал Кармоди.— И помочь нельзя?

— Никто не берется указывать Модсли на ошибки. Он терпеть не может их признавать и совершенно выходит из себя. Но тебе нечего тревожиться. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, как и все, чтоб его хвалили, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Восхищайся, но не слишком. Согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, мол, чем так советовать, лучше бы ничего не советовать, но было уже некогда. Модсли очутился совсем рядом — высокий; седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр,— отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону, чтобы это трио, увлеченное разговором, не сшибло его с ног.

— Скверное начало,— шепнул Приз.

— Заткнись!— прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

* * *

— Значит, это она и есть, Орин, а?— спросил Модсли.

— Да, сэр,— гордо сказал Орин, тот, что шел слева.— Ну, как она сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр,— запинаясь начал Бруксайд.— Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная работа.

— И вы согласны с ним, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся и сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам двоим построить мир для одного из клиентов, а вы преподносите мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-неры!— отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения.— «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Из рекламной брошюры, сэр,— сказал Орин.

— Правильно,— кивнул Модсли.— И вы считаете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

— Да, сэр, считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34 Вс4 с некоторыми изменениями. Это мы и выстроили в точности. Конечно, здесь только уголок планеты. Но все же...

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили вообще,— сказал Модсли.— Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр,— сказал Орин.— Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам кроме него дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить. И если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр,— сказал Бруксайд.— Вообще-то нам не хотелось ставить солнце в однопланетную систему. Однако технические условия...

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь?— вскричал Модсли.— Тип 05 — явное излишество. Вы, там,— он подозвал рабочих.— Снимите!

Рабочие поставили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвинул ее в десять раз, в сто раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх, так же быстро, как она росла.

— Осторожней!— крикнул Модсли.— Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая!

Рабочие — там, на самом верху лестницы,— отцепили солнце, свернули его в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью». Крышка закрылась, и наступила тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах?— вспылил Модсли.— Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей,— сказал Модсли.— Это солнце 05 — на склад. Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр,— нервно заметил Орин.— Она недостаточно горяча.

— Знаю,— сказал Модсли.— Тут-то и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит,— вмешался Бруксайд.—Но звезда излучает PR-лучи. Если нет должной дистанции, они не успевают рассеяться. И они могут погубить будущее население планеты.

— Вы что? Хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны?— спросил Модсли, очень медленно и отчетливо.

— Нет, я имел в виду не это,— замялся Орин.— Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во вселенной... если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине,— согласился Модсли.

— Меры предосторожности в данном случае,— пояснил Бруксайд,— это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, это непрактично.

— Это их забота,— прервал Модсли.— Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-то ушибет пальчик о камень, который я поставлю на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно,— мой превосходный солнечный экран, который отражает PR-лучи полностью.

Оба помощника растерянно улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну не сейчас, так позже,— сказал Модсли.— И ведь радиация PR не действует мгновенно. Даже при ней средний срок жизни 9,3 года. Койкому хватит.

— Да, сэр,— сказали оба инженера.

— Далее,— продолжал Модсли,— какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря,— ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку,— сказал Модсли.— Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— А кто расставил там этих коров?

— Я, сэр,— признался Бруксайд.— Я думал, что местность... с ними, ну, как бы уютнее.

— Болван!— рявкнул Модсли.— Местность должна выглядеть уютной до продажи, а не после. Эта планета продана немебелированной. Отправьте коров в чан с протоплазмой... А это что?— он указал на Кармоди.— Статуя или еще что-нибудь? Должна песни петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э... Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли уже распорядился:

— Что бы ни было, безразлично! В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй!— завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие.— Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Мелихрон прислал меня! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть!— кричал на помощников Модсли, не внимая его воплям.— Что это? Кто додумался! Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин? Да?

— Да нет!— крикнул Орин.— Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни его вижу, шеф.

— Н-да,— задумался Модсли.— Вы оба дураки, но врунами еще не были. Эй,— крикнул он рабочему,— неси назад!

— Ну, все в порядке, сэр. Возьмите себя в руки,— сказал он дрожащему Кармоди.— Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично. Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

* * *

— Ясно,— сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ.— Поистине занятная история, хотя вы и излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету по имени Земля.

— Правильно, сэр.

— Земля?— Модсли почесал лоб.— Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожих на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие вещи,— продолжал Модсли.— А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я построил Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, и отлично это помню, потому что пока ее строил, то попутно я еще изобрел науку. Может, эта история покажется вам любопытной... А вы,— Модсли обернулся к помощникам,— надеюсь, сделаете из нее для себя полезные выводы.

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ ЗЕМЛИ

— Я был тогда совсем скромным подрядчиком,— начал Модсли.— Ставил то тут, то там планетку-другую, в лучшем случае карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, спорили из-за каждой мелочи: «переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, и тяготение велико, и горячий воздух поднимается, а лучше бы ему опускаться!». И тому подобное. А я принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения, с практической точки зрения. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кой-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то себе сказал: «Форма вытекает из назначения». И мне понравилось, как это звучит. «Почему форма должна вытекать из назначения?» — спросил я тогда и сам себе ответил: «Потому что это — непреложный закон природы и основа науки». Особого смысла тут не было. Но суть не в смысле. Суть в том, что я открыл хитрый фокус по имени «доктрина научной необходимости».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Вот так и началась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть — и думал, что делу конец. Это было такое же сметное строительство, как здесь, и я кое-что кое-где урезал. Но вы бы послушали заказчика — можно было подумать, что я обобрал его до нитки.

— Зачем столько ураганов?— приставал он. Я сказал: «Это часть вентиляционной системы». (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти площади залито водой!— брюзжал он.— Я ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить,— объяснял я. (А я давно куда-то засунул эти дурацкие условия!)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!..

— На то есть причина,— сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же ему об этом.)

— Причина!— застонал он.— А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, такие же въедливые, как и я. Что мне им сказать?

Я-то знал, что им сказать и куда их послать. Но я не хотел быть невежливым.

— Вы честно скажите им научную истину,— заявил я.— Скажите, что по науке так оно и должно быть.

— Как?

— Это детерминизм,— сказал я: название пришло эксмпромтом.— Совсем просто, хоть и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из назначения. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, стало быть, все изменяемое — не наука. И наконец, все вытекает из определенных законов. Вы не можете высчитать заранее, каковы эти законы, но будьте уверены, что они есть. Так что никто не должен спрашивать: «почему так, а не иначе?» Вместо этого каждый обязан вопрошать: «как это действует?»

Ну, он задал мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот и бубнил:

— «Все действительное — разумно» — это весьма заманчивая формула и не без налета стоицизма, надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стене. Но я улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал: «Ответ очевиден» — это всегда лучший ответ.

— Вполне возможно,— сказал он.— Но я его не постигаю.

— Это от того, что вы не понимаете науки,— сказал я.— Противоположность — еще один фундаментальный закон науки. Противоположность рождает борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни вселенной, если там случайно нет противоположностей.

— Случайно?— быстро переспросил он.

— Ясно как день,— подтвердил я.— Но это еще не все. Например, возьмите одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете тенденцию до логического предела?

— Не имею ни малейшего понятия,— сказал этот старый шут.— Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели?— переспросил он потрясенный.— М-да... Вещи превращаются в свою противоположность... Это, знаете, слишком сложно.

— Зато эстетично,— сказал я.— Но я не договорил о том, что крайности сходятся. Я имею в виду, все эти противоположности, которые превращаются как безумные внешние во внутренние, а внутренние во внешние... Кончается ли на том футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное. Эти противоположности, которые ныряют туда-сюда, как дрессированные тюлени, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что..— здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном: потому что есть мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в более глубоких деяниях вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может вещь быть одновременно реальной и иллюзорной?— спросил он быстро.

— Не мне отвечать на такие вопросы,— сказал я.— Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но может быть, во всем этом кроется некий нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. И главное, я поддел его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был просто начинен этикой, его можно было величать «мистер Этика». А я случайно подбросил ему идею, что вся эта кровавая вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощение высших нравственных принципов!

— Пожалуй, все это глубже, чем я думал,— сказал он, помолчав мгновение.— Я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «как и зачем должен жить человек?», а не «из чего состоит живая материя?» Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги и затем создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знал о вселенной, считал эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну,— сказал я.— Я не хотел доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся:

— Этими хлопотами вы избавили меня от больших хлопот. Для меня важна свобода воли. У моих созданий будет свобода воли. Я мог бы соз-

дать их по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир миниатюрными копиями самого себя. И они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой... Они будут гоняться за познанием вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы убедили меня, и я вам за это признателен...

И старый джентльмен удалился, ничего более не сказав.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всего этого, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику, так же как законы юридические помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны снабжать вас оправданиями. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказчиком после работы, а не до нее. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, и затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что законы науки созданы как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но они не должны быть использованы против нас. Наша работа неизбежно необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда не выходит.

И никогда не старайтесь объяснить себе, почему не получилось. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, словно они постигли новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают слова в закон.

* * *

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен самому себе. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. И чтоб убить время, он отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную,— объяснял ему краснолицый мастер.— Теперь машинами, но схема та же. Сначала берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. Затем стандартной микрокосмической центрифугой заводим электроны. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— А как насчет антиматерии?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла,— сказал мастер.— Но мистер Модсли ею все-таки торгует. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

— Протоны и электроны вы добываете сами?

— Нет. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

Кармоди было скучно. Он твердил себе, что должен быть доволен: вот он здесь, в том самом месте, где изготовляются атомы и с легкостью создается антиматерия,— и все без толку. Прогулка по фабрике Модсли вы-

зывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну угрюмого раздражения и тупого бунта, какую он ощущал в коридорах Лувра, Прадо и Британского Музея. И он подумал, что чудеса хороши в малых дозах. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать.

— Видно, я не из породы Фаустов,— сказал он себе.— Все секреты вселенной разложены здесь передо мной словно старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем пушистом снеге...

Но Модсли все не появлялся. Время тянулось. Нельзя было угадать, сколько его прошло. У Кармоди сложилось впечатление, что и Модсли легче построить новую планету, чем отыскать старую.

В один прекрасный — условно говоря — день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кетс II взамен старого, разрушенного метеоритом. Новый лес был уже полностью оплачен и обещана кругленькая сумма, если исполнение будет первоклассным.

Лес был перлом творения. Там были лужайки для прогулок, осененные широколиственными кронами. Юные приматы могли гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на плетях винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы и были нежалящие пчелы, чтобы собирать нектар, опылять цветы, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы есть медведей.

И так как приматы Кетса тоже умирали, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой.

Кармоди грустно прогуливался в одиночестве с Призом-котелком в руке, и вдруг позади него хрустнула ветка.

Он обернулся и увидел существо в громоздком сером космическом скафандре из пластика, прозрачном пузыре шлема и с доброй дюжиной инструментов, орудий и пистолетов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться!

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная и одетая почти так же. Кармоди увидел, что это земная женщина и даже очень привлекательная.

— Боже мой!— воскликнул он.— Как вас занесло именно сюда?

— Т-с-с!— прошипел землянин.— Слава богу, что мы прибыли вовремя. Но боюсь, что самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хотя бы один шанс, отец?— спросила девушка.

— Шансы есть всегда,— ответил мужчина с мрачной улыбкой.— Так или иначе, мы покажем им, что наши котелки еще кое-что варят.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым:

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

* * *

— Эй, подождите минуту, что все это значит?— крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах.— Кто вы?

— Извините!— воскликнула девушка, краснея от смущения.— Мы даже не представились в спешке. Вы, наверно, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы!— любезно возразил Кармоди.— Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более, что вы уже знаете, кто я такой.

— Конечно, знаю, кто вы,— сказала девушка.— А я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»,— сказал Кристиансен грубовато.— И зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап,— прервала Эвива с напускным нетерпением.— Так о чем это я? О, да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ, то есть Земной Ассоциацией Межзвездных Изысканий — конторы в Стокгольме, Женеве, и Вашингтоне, округ Колумбия.

— Боюсь, что никогда не слыхал об этой организации,— заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог межзвездных исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии эксперимента. Но близок день, когда космические корабли, пилотируемые землянами, полетят в самые отдаленные уголки Галактики...

— Малютка выдает вам точные байки,— сказал Ларс своим грубоватым, дружеским, внушительным басом.— Между прочим, она у меня доктор философии и нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает как блатной,— Эвива покраснела снова.— Но между прочим, у него в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами, сердитыми и влюбленными одновременно.

— Но вернемся к делу,— сказала Эвива.— Главная заслуга во всем доктора Мэддокса, с которым вы встретитесь вскоре.— Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос:

— Не думаю, что я выдам тайну, если скажу вам, что доктор Мэддокс... э-э... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова — прохрипел Ларс Кристиансен.— Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев,— сказала Эвива почти шепотом.

— Это странная история,— вмешался Ларс,— но вы услышите ее в более подходящей обстановке. А сейчас — на корабль и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на небольшой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышавшийся словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких других отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина несколько выше среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в громадных шишках на лбу вполне мог поместиться добавочный мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног, и приветливо кивнул.

— Вы пришли в последнюю минуту,— сказал он.— Фронт враждебных сил очень близок к зоне скручивания. Быстро в корабль. Все трое! Мы должны немедленно включить силовое поле! Мои расчеты допускают возможность скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли,— сказал он.— Быть может, даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли!— воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном.— Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Что вы имеете в виду?— спросил Кармоди.

— Я имею в виду,— сказал Мэддокс,— что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, не только наши жизни, но еще и жизни нескольких дюжин биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, скорее, скорее!— кричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно,— сказал Кармоди.— Но я надеюсь, что все-таки получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите,— сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк.— Вы получите его прямо сейчас!

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца и дочь и увидел их как бы впервые. И еще Кармоди увидел тонкую черную линию, которая привязывала всех троих к кораблю. Он замер, глядя, как все трое приближаются к нему. Теперь у них не было ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Они сами были как бы тремя ужасными пальцами гигантской руки. Кармоди увернулся от трех безликих цилиндров и ринулся к свету. Но в люке появились зубы. Люк чуть приоткрылся, затем начал сжиматься. Блестящие темные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке. Он боролся с отчаянием мухи, попавшей в паутину.

Спасения не было. Кармоди не мог ни пошевелиться, ни крикнуть — мог только потерять сознание.

* * *

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

— Я оплачу все расходы,— сказал другой, и Кармоди узнал Модсли.

— Спасти можно,— произнес третий, очевидно, доктор.— Возможности медицины неограничены, ограничены возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы не подчинялись.

— Вы ему поможете?— спросил Приз.

— Вы задали слишком трудный вопрос,— сказал доктор.— Чтобы ответить на него с идеальной точностью, мы должны для начала определить понятия. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская

этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Что скажет медицинская этика по поводу такого странного отклонения от нормы?..

— Это имеет отношение к Кармоди?— спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в серьезном положении?— настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него положение действительно серьезное,— успокоил доктор.— Больной не мертв. Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере: он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете?— спросил Приз.

— Ваши термины не ясны,— сказал врач.

— Я хотел сказать: можете ли вы вернуть его в исходное состояние?

— А что такое исходное состояние? Знает ли это кто-нибудь из вас? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он сам чудесным образом смог бы участвовать в своем лечении? Весомый вопрос, джентльмены.

— Заткнись, док,— взорвался Приз.— Давай про то, как ты починишь моего кореша!

— Надо оперировать,— сказал доктор.— Я расчленю Кармоди, говоря обывательски. Затем подсоединю мозг к Стимулятору Жизни и начну осторожно переключать синапсы на разные временные связи. Убедившись в отсутствии дефектов, мы разымем мозг и доберемся, наконец, до узла взаимодействия разума и тела. Проверим уровень сознания — конечно, следя, чтобы не было утечки. Если уровень низок, или близок к нулю, мы проанализируем остатки разума и изготовим запасные порции. После этого воссоединим все части тела, и пациент может быть реанимирован Стимулятором Жизни. Вы согласны на операцию?

— А что делать?— вздохнул Модсли.— Бедный малый так на нас надеялся. Выполняйте свой долг, доктор.

Кармоди почувствовал, что друзья причинят ему больший вред, чем злейшие враги, и, наконец, титаническим усилием он отлепил язык от нёба.

— Никаких операций,— просипел он.— Голову оторву!

— Очнулся,— сказал доктор довольным тоном.— Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект. Но смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, ему помог Модсли. Приз больше не был котелком. Он превратился в карлика под влиянием потрясения, по-видимому.

— Что это было?— спросил Кармоди.— Космический корабль, какие-то люди...

— Это и есть ваш хищник,— сказал Модсли.— Вы полезли к нему в пасть.

— Полез,— признался Кармоди.

— И чуть не потеряли единственный шанс на возвращение,— продолжал Модсли.— Вот что, Кармоди. Вам нельзя медлить. И не думайте об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да. В безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу.

— А машина?

— Я ее закончил,— сказал Модсли.— Но ее возможности ограничены, поскольку ограничены и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда Земля ушла — не больше того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит еще определить второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой вам совет — соблюдайте последовательность. Сначала Временная ось, потом — ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы подурацки раздразнили, может явиться сюда в любой момент. И может статься, второй раз я не сумею так удачно вытащить вас из пасти...

— Вы попадете на Землю,— продолжал Модсли,— почти наверняка не на вашу. Но я пошлю письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди,— и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю,— сказал Кармоди.— Чем бы все это ни кончилось, большое вам спасибо.

— Ну тогда все в порядке,— сказал Модсли.— Машина рядом. У меня времени не было сделать ее видимой. Она выглядела бы как зенитная установка. Да где же она, черт возьми? А, вот она. Берете вы свой Приз?

— Я его беру,— сказал Приз, ухватившись обеими руками за Кармоди.

Бамм! Пуфф! Хрруст! Это была чудовищная забава, но Кармоди и не ожидал ничего другого.

Часть III

КОГДА?

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. После короткого исследования он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одно туловище и одна голова. Он заметил также, что Приз на этот раз превратился во флейту.

— Ну, ладно,— сказал сам себе Кармоди.

— Не так уж ладно,— поправился он, осмотревшись.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистые папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч как кровь и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде?— сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет,— отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком трелей.

— Так где же я?— спросил Кармоди.

— Не я, а мы,— поправил Приз.— Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк.— Он хихикнул.— Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно, нет. Оставляя в стороне вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неверна.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос,— сказал Приз.— Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. Очевидно, мы в палеозойской эре или скорее в мезозойской.

Кармоди глянул вверх и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно, археоптерикс,— сказал Приз.— Впрочем, постой... Трава!... В юрские времена не было травы — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову заложу, что мы в меловом периоде!

У Кармоди было самое смутное представление о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс — минус несколько миллионов,— сказал Приз.

— А откуда ты знаешь всю эту геологию?— спросил Кармоди.

— Откуда?.. Уж если мы едем на Землю,— ответил Приз с воодушевлением,— я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами во Флориде, пока тебя не слопал бы какой-нибудь тираннозавр.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать,— ответил Приз, все так же с трелями,— что мы попали в самый настоящий Динозавровиль.

Кармоди ответил нечленораздельно. Он заметил движение слева, обернулся и увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и добрых пятьдесят футов от носа до хвоста. Держась вертикально, на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр?— спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый, из отряда Зауришиа. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно!

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине — никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать?— спросил Кармоди.

— Лучше всего превратиться в растение.

— Но я не умею.

— Не умеешь? Плохо дело. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не сможешь и убежать тебе, держу пари, тоже не удастся. Будь стоиком — ничего другого не остается. Хочешь процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны. Я хочу удрать отсюда.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки. Тираннозавр был уже перед ним. Он высился над головой, словно мясистый подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть...

* * *

— Хэлло,— сказал тираннозавр.— Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди,— сказал Кармоди.

— А я его Приз,— добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные,— сказал Эми.— Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона и скалозавра и кучу других зверей,— и он замолк, глазея на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые, не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну, ладно,— сказал Эми, наконец.— А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно,— сказал динозавр.— Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок,— сказал Кармоди.— Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим папой.

— О'кей! — сказал Эми.— Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И как только Кармоди устроился поудобнее, Эми вприпрыжку пустился на юго-запад. Сначала они выбрались на дорогу — широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую, как бетон. То тут, то там они видели хадрозавров, спавших близ дороги под ивами или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил о хадрозаврах, но Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, кленов, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры, копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают,— презрительно сказал Эми.— Домохозяйки вечно заняты уборкой.

За частными рощами начался лесной город. Чем дальше в него углублялись путники, тем больше и больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева из-за правил уличного движения! Просто страшно смотреть на эти тысячи бегущих динозавров. А какой запах...

— Вот мы и на месте,— сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи.— Тут мой папа.

Осмотревшись Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ядрах от них.

— Эй, папа,— закричал Эми.— Смотри, что я нашел, смотри, па!

Один из динозавров поднял голову. Это был тираннозавр, несколько больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью.

— Сколько раз,— начал он недовольно,— сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, я...

— Ты всегда просишь прощения,— наставительно сказал тираннозавр,— а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью, постоянно говорим о твоем поведении Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, который понятия не имеет, как подобает вести себя настоящему воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа, ты потом скажешь! Ты только посмотри!

Старший тираннозавр гневно взмахнул хвостом. Но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый!— воскликнул он.

— Добрый день, сэр,— сказал Кармоди.— Мое имя Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое,— закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика!— только и сказал отец Эми.— Говорящее млекопитающее!

* * *

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец, Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого,— сказал Борг.— Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Борг, судя по всему, был рядовым обывателем: гостеприимный, но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник — этакий заурядный темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну,— сказал Борг, когда молчание стало тягостным.— И как там в будущем?

— Хлопотно,— вздохнул Кармоди.— Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да,— сказал Борг.— Примерно так представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считал это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит,— согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем.

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за шестьдесят миллионов лет до человека и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать,— сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал — сказал Борг.— Мы крепкий народ, знаете ли, у нас есть и сила, и здравый смысл.

— Нас, тираннозавров, не должно тревожить будущее,— продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора.— Правда есть и другие виды динозавров. По дороге в городе вы могли заметить хадрозавров.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют,— сказал Борг сурово.

— Вы едите их?

— О, небо! Конечно, нет. Хадрозавры разумны! Единственные разумные существа на планете, не считая тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема!— подтвердил Борг несколько вызывающе.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги-хадрозавры. У них нет самолюбия, нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто будет их кормить, и похоже, нисколько не тревожатся. Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хадрозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит, этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хадрозавров решена?

— Да,— сказал Кармоди.— Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему,— сказал Борг.— Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал также и об урбанистических проблемах у рептилий. Лесные города переполнялись, поскольку все больше ящеров покидало деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Переполненные города — результат демографического взрыва. Но это — не единственная проблема. Ящеры во многих странах жили на краю голода.

— У нас масса проблем,— вздыхал Борг.— Некоторые из лучших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена и сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежние. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул: «Вы выстоите». Что ему оставалось кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас,— сказал Борг.— А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди?— спросил он.

— Да, я Кармоди.

— Я Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Вы таки заставили погонятся за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал: «Меня это не касается». И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного тираннозавра.

— Странные у вас друзья,— сказал Саргис, глядя ему вслед.— Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 66 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет!— сказал Кармоди.

— Советую подумать,— настаивал сборщик.— Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать...

— Я сказал, нет!— крикнул Кармоди.— Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо вне всякого сомнения это был его хищник. Грубая подделка под служащего Бюро Налогов никого не могла бы обмануть. И портфель и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: коленки у него отгибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был его преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел себя поздравить с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

* * *

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал: «Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным».

— Распрекрасным,— пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, как поживает мистер Модсли?— спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Расчудесно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объяснил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел!

— Ай-яй-яй!— нежно закудахтал Сизрайт.— Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять ее чинил, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и иногда не может попасть домой, к семье, по неделе и больше.

— Да, плохи его дела,— сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике.— А не намерены ли вы все-таки,— продолжал он, еле сдерживаясь,— объяснить мне для начала, что же это за место и как мне отсюда попасть домой!

— Успокойтесь,— сказал Сизрайт.— Может быть, чашечку чаю, а? Нет? Так вот — это, как вы изволили сказать, место — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал?— спросил Кармоди.

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Клерк нашел вас на Земле В3 444 123С22. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас в бюро. Но если вы хотите вернуться на ту вышеупомянутую Землю...

— Нет, нет,— сказал Кармоди.— Я только никак не пойму, где... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат,— вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно!— сказал Кармоди, тяжело дыша.— А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-нибудь из тех земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит,— взревел Кармоди,— вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете,— ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред, и вы сами, крючконосый ублюдок, вместе с вашими ухмылками мне тоже чудитесь!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все вокруг рассыплется, все его нелепые видения исчезнут, а сам он проснется в своей кровати, в своей квартире, или на диване у приятеля или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили ваш монолог?— ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил,— вздохнул Кармоди.— Простите.

— Не терзайтесь,— спокойно сказал Сизрайт.— Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разум может привести вас домой, истерика не приведет никуда.

— Еще раз прошу: простите,— пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя, как дома.

— Это вы хорошо придумали,— сказал Кармоди.— Значит, и ваша внешность?..

— Конечно,— улыбнулся Сизрайт.— Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится,— согласился Кармоди.— Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало,— сказал Сизрайт.— А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж... в нем что-то есть!.. Ведь строго говоря,— продолжал он,— между воображаемыми и подлинными

событиями существенной разницы нет. Разница лишь в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но будь все это сном, вы должны были бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю,— сказал Кармоди.— Только верю вам на слово, что все это в действительности...— Он засмеялся.— Но вот чего я действительно не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен был бы говорить! И...

— Ради бога, не терзайтесь!..

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам,— продолжал Сизрайт,— почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться. Если вы сталкиваетесь с чем-то необычным — тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично! Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо. Не хочу.

— Тогда подумаем, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше,— согласился Кармоди.— А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал,— протянул Сизрайт.— Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения,— не задумываясь ответил Сизрайт.— Никак не могу научиться их решать, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, трудно!

— А вы знаете, куда ушла моя Земля?— спросил Кармоди.

— «Куда»— это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Да что там!— сказал Сизрайт.— Всего-навсего рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно, что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал,— сказал Кармоди.— А это легко?

— Какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите сразу. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Зависит от масштабов. Но вы все-таки должны признать, что и в том и в другом случае принцип один и тот же и весьма простой.

— Да, наверное,— сказал Кармоди.— Но хоть это в принципе и просто, не понадобится ли слишком много времени, если будет слишком много вариантов?

— Не совсем так, но верно подмечено,— просиял Сизрайт.— Сложность, знаете ли, иногда полезна. Она способствует классификации и идентификации.

— А что теперь?

— Теперь к делу!— воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки.— Мы с коллегами подобрали тут некоторое количество миров. И между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете, конечно, только вы сами.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны в них вжиться. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или же в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, мы переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно,— сказал Кармоди.— А много у вас этих вероятных земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу,— сказал Сизрайт.— И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены»— я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно! Безопасного убежища нет. Но запомните: все доброе действует открыто. Все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами... Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно...

— Да, мне везло. Пока.

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство и нет везения. Кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И, конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э, планеты... берет! Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что если я нечаянно прозеваю?— спросил Кармоди.

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Число возможных земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала!

— Ну, ладно,— неуверенно сказал Кармоди.— Видимо, другого пути нет. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. И благодарю вас за заботу и терпение...

— Пожалуйста,— сказал Сизрайт, явно довольный.— Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Часть IV

КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

...И вот куда-то мы попали, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это тот Нью-Йорк?— спросил Кармоди.

— А черт его знает!— ответил кто-то.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз?— спросил он.

— Конечно, я. А ты что подумал — это шотландский пони?

— А где ты был раньше?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске,— сказал Приз.— И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Реципиентов.

— Я и не жалуюсь,— сказал Кармоди.— Я просто так... А, неважно!.. Вот что: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь как Нью-Йорк!..

Вокруг был город. Потоки машин и людей. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю банкротства. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северовосточник», «Югозападник», «Востоксеверовосточник» и «Западсеверозападник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, многокрасочней и увлекательней, чем «Библия»!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом был дансинг «Омфала», где выступала труппа народного рок-энд-ролла по имени «Шитлы». И девчонки-подростки в платьицах мидллесс танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь!— воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе,— заметил Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой,— сказал Кармоди.— Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет,— ответил Приз.— Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди же видел, что это угол Бродвея и 50-й улицы! Вот и вход в метро — прямо перед ним! Да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох!— вскрикнул Кармоди.

— В чем дело?— спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, будто бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт!— завопил Кармоди.— Заберите меня отсюда!

— И меня!— пискнул Приз.

— И меня!— завизжал хищник, ибо это он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего!.. Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог отлучиться: вышел пообедать или же в уборную, или же заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчание и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны, как свиньи, и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите!— продолжал вопить Кармоди.— Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему!— зарыдал Приз.— Или же, если это вам трудно, то помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотомщенным! И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать,— сказал голос Сизрайта.— Стыдно! Что касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас всякий раз из петли в последний миг!

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да?— умолял Кармоди.

— Сделано!— сказал Сизрайт.

* * *

И снова Кармоди был в городе, похожем на Нью-Йорк — на этот раз он стоял перед отелом «Уолдорф-Астория».

На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротником, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки тоже оказались снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейзена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шеффнера, носки Ван Кемпа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана. И кроме всего, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкромби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик! А ведь он честолюбив, ему хотелось двигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только к рождеству и которые после бритья употребляют лосьон «Оникс», носят рубашки от братьев Брукс, а куртки — только от Пола Стюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин, его Додж-«Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?!

Теперь он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НТС-2 (нестандартные товары, сорт 2-й).

В нем сейчас жили два Кармоди.

Все эти мысли, чувства и действия казались естественными только одному Кармоди (его активному Я). А другой Кармоди (рефлективное Я) следил за активным с немалым удивлением.

Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот и рта не успел открыть, а он уже крикнул: «Повтори, дружище!» (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак,— сказал бармен, улыбаясь.— Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди должен был сказать сам — его застигли врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Нейт Стин окликнул его, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу,— сказал Стин.— После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом допил пиво и крикнул: «Эй, друг, повтори! Наповторяюсь до зари!» Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового?— спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра уже в Майами,— сказал тот.— На неделю. Солнечный рейс «Американ Эйруэйс» — два часа, и меньше даже — вот уже и вы на пляже!

— Отлично! И я сегодня свою заслал на острова,— подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома).— Отправьте жену на Багамы — не будет семейной драмы!

— Точно!— прервал Стин.— Но если у вас всего лишь недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Марлборо!..

— Верная мысль!— подхватил Кармоди,— А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи,— перебил Стин.— Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул: «Эй, друг, повтори!» Но не мог же он кричать «повтори» до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Этого он сейчас никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировав свои новые небесно-голубые подмышники, пришитые, конечно, снаружи, и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй,— сказал он, хихикнув.— Помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба они неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил свой рукав рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови и открыл рот.

— Эй!— сказал он.— А моя рубашка все же белей!

— Смотри-ка!— отозвался Кармоди.— Чудно! Стиральные машины у нас одной марки и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро»!— ехидно сказал Стин.— Рекомендую!

— Увы,— задумчиво вздохнул Кармоди.— Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди подумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным, да и Стин — слишком прыткий сейчас для него партнер.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню. Встречные сослуживцы пытались втянуть его в свои рекламные гамбиты. Кармоди приветствовал их с демократическим дружелюбием. Но теперь он не мог позволить себе отвлекаться. Наступал решающий час. Если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэн или лимузина Порше 911-S, который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли,— ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, примитивная целеустремленность в деле, наконец,— это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя — из Тех, кто может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе!— сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о ладонь.— Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет»... И после паузы еще раз вот так: «С к в е р н о п а х н е т!» А затем: «Но я нашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал устремленные на него глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников.

— Приветик, Карми!— бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман,— дрожащим голосом начал Кармоди.— Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди,— прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Персонна» рассекает дряблую плоть.— Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту! «Поцелуй менестреля!» Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение: босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?..— И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему лишь сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен

и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из этого теста. Значит, все.

Он понимал, что ему будет жалко расставаться со своими потребительскими сертификатами и с замшевой кепкой, со светящимся галстуком и с портфелем «Все мое ношу с собой», со стереофоником KLH-24 и особенно со своей наимоднейшего силуэта импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лейкленд».

— Э-э... Чем хуже, тем лучше!— сказал сам себе Кармоди.

— В самом деле? Так какого же черта?— спросил один Кармоди у другого Кармоди.— Смотри! Не слишком ли быстро ты здесь акклиматизировался?..

Оба Кармоди понимающе глянули друг на друга, подвели итоги и слились.

— Сизрайт! Заберите меня отсюда...

* * *

И со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил его на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного — такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от себя самого: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же противозаконное. Однако Сизрайт все исправил методом подчистки, и никакое начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там с трех лет до восемнадцати. Да, это был его дом, если только у него был вообще где-нибудь дом.

Или, точнее, это был его дом, если Мэйплвуд был Мэйплвудом. Но именно это и предстояло доказать.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мэйплвуд-авеню — прямо перед ним торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник?— произнес голос у его правой ляжки. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять изменился?

— Я метаморфичен по природе,— сказал Приз.— Изменяюсь непредвиденно для самого себя. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Было бы сподручнее,— заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво,— сказал Приз.— Я откликаюсь, когда меня зовут. А раз не зовут, значит я не нужен. В последнем мире ты во мне не нуждался. Так я пошел и выпил с приятелем.

— Ладно, заткнись. Дай сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город,— сказал Кармоди.— Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно?— спросил Приз.— Кто знает, как выглядит его родной город, тот его и узнает.

— Когда я здесь жил, я его не разглядывал. А с тех пор как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню,— сказал Кармоди и вдруг с ужасом подумал, что ему никогда не удастся найти свой настоящий дом. И медленно побрел по Мэйплвуд-авеню.

* * *

Все было как будто таким, каким и должно было быть. В Мэйплвудском театре днем на экране шла «Сага Элефантины», итало-французский приключенческий фильм Жака Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырежды Париж». На сцене выступала — «проездом, только один раз!» — новая вокальная труппа «Якконен и Фунги».

Кармоди остановился у галантереи Марвина, заглянул в витрину. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди подержал свежий номер «Кольерса», перелистал «Либерти», заметил еще «Манси», «Черного кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан».[1]

— Ну?— спросил Приз.— Твой город?

— Рано говорить,— ответил Кармоди.— Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девочка — Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер![2] Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе,— объяснил Кармоди Призу, выйдя из закусочной.— Забавно, когда все это вспоминаешь!

— Забавно, забавно,— с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Маунтейн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер,— сказал Кармоди.— Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вон, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джен Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она...— Кармоди понизил голос,— все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа,— сказал Приз.

— Ну, конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во

---

[1] Журналы и газеты давно прекратившие существование...— *Прим. перев.*

[2] Все «друзья», которых встречает Кармоди в иллюзорном городе детства,— кинозвезды.— *Прим. перев.*

французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия... А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно,— скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. Вот еще знакомый... Добрый день, мистер мэр!

— Добрый день, Том,— ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредрик Марч, наш мэр,— объяснил Кармоди.— Грозная личность. Я еще помню его дебаты с местным радикалом, Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то во всем этом не то,— сказал Приз.— Что-то таинственное, что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем себя самого. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Эй Полетт!

— Эй, Том!— откликнулась женщина.

— Мне это не нравится,— настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко,— сказал Кармоди.— Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лоном Чэни, школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в то время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лой, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди,— тревожно прервал Приз.— Остерегись. Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам насмех! Я говорю тебе, что знаю этот народ! Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник...

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну, конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, все улыбались, старые товарищи. Он заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бестера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то!— твердил Приз.

— Все то!— твердил Кармоди. Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди!— крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли

трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам!— мрачно сказал Кармоди.— Так все это дерьмо разыгрывается, как по нотам, а я и не учуял!..

Франшо Тон коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегар облапил, как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу. Остальные обступали плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт!— закричал Кармоди.— Сизрайт, бога ради!..

Часть V

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Кармоди снова попал в Нью-Йорк, теперь на угол Риверсайд-Драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце опускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-Парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом?— спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился — он превратился в часы «Дик Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой,— сказал Кармоди.

— Интересное место,— заметил Приз.— Оживленное. Мне нравится.

— Угу!— неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства испытывает, почуяв дымы отечества.

Он двинулся к центру. В Риверсайд-Парке зажигали огни. И матери с детскими колясочками спешили освободить его для бандитов и полицейских патрулей. Смог наползал по-кошачьи бесшумно. Сквозь него дома казались заблудившимися циклопами.

Сточные воды весело бежали в Гудзон, а Гудзон весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в потертом пиджаке, в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Здорово, старик,— приветствовал его Маруди, протягивая руку.

— Здорово,— отозвался Кармоди, улыбаясь как заговорщик.

— Как живешь, старик?— спросил Марунди.

— Сам знаешь,— сказал Кармоди.

— Откуда я знаю,— сказал Марунди,— когда твоя Элен не знает.

— Да ну!

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Придешь?

— Факт. А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю!— горестно сказал Кармоди.— Он все еще того?.. Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить?— вмешался Приз.

— Заткнись,— шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а?— Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди.— Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Запрограммирован? Да?

— Я не запрограммирован,— сказал Приз.— Я автономен.

— Во дает!— воскликнул Марунди.— Нет, на самом деле дает! Эй, ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда!..— огрызнулся Приз.

— Прекрати!— угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну!— восхитился Марунди.— Силен малыш! Правда, Кармоди?

— Силен,— согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я тебя не видел чуть ли не полгода.

— Наверное, потому,— сказал Кармоди.

— А где ты был?

Кармоди уже собрался ответить, будто он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал по Вселенной,— брякнул он,— видел жителей Космоса. Они — такая же реальность, как и мы, и пусть все знают об этом.

— Ах вот что!— присвистнул Марунди.— Значит, и ты тоже «пустился в странствие»!..[1]

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, как полетишь, так сразу все твои молекулы сливаются воедино с молекулами мира и пробуждаются тайные силы плоти...

— Не совсем так,— перебил Кармоди.— Я познал силу тех существ. В самих молекулах, увы, ничего, кроме атомов. Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную...

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящие «капельки», а не какую-то разбавленную дрянь? Где достал?

— Капли чистого опыта добывают из дряни бытия,— сказал Кармоди.— Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается лишь избранным.

— Темнишь, да?— хихикнул Марунди.— Ладно, старина! Теперь все так. Ничего. Я и с тем, что мне попадается, неплохо залетаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с ним, с этим. Ты — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь! Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда,— сказал Марунди.— Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской

[1] «Пуститься в странствие» — стать наркоманом, принимающим ЛСД (жарг.) — *Прим. перев.*

деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением; о новом сенсационном проекте замораживания людей; о том, как пять воздушно-десантных дивизий сумели убить пять партизан Вьетконга, о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Бродкастинг» — «Чудеса золотого века капитализма». Кармоди среди прочего узнал, наконец, о беспрецедентном патриотизме «Дженерал Моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов и на их месте выросло новое сооружение. Издали оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню,— сказал Марунди,— автора «Капкана Смерти-66», знаменитой нью-йоркской платной дороги, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго, единственные трущобы в мире, которые прямо и гордо были задуманы именно как современнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение,— согласился Кармоди.— Ну, а это как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус магнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрацными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится?— спросил Марунди.

— Н-не знаю,— сказал Кармоди.— А что все это такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу. И как отнеслись к этой идее?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика быстро ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же должно нравиться именно это?

— Потому что, Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство идет от реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «А зачем говорить об отбросах?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, то это выглядит закономерно,— сказал Кармоди.— И все же...

— Иди за мной, смотри и думай!— приказал Марунди.— И смысл этого воздвигнется в твоем мозгу, как гора мусора!

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, татаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бум-рум»— магнитофонной, но Кармоди тотчас поспешно выскочил оттуда.

— И правильно,— заметил Марунди.— Это опасно. Однако многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— А кто там орет?— спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов,— пояснил Марунди,— Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот писклявый, воющий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А это — гвоздь программы: влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Теперь — вперед! На выставку пустых бутылок из-под виски. Над ней звукообонятельная копия метро — все точно до последнего штриха. Атмосфера кондиционирована всеми дымами Вестингауза.

— Уф!— вздохнул Кармоди.— Давай уйдем отсюда.

— Обязательно. Только на минуточку сюда — здесь галерея настенных надписей.

Тут Марунди повернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь, со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, не искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное, оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственности.

— Именно это мне и не по душе,— сказал Кармоди.— Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь?— спросил Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил!— закричал Марунди.— Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано «Little Black Bag».[1]

— Я врач,— сказал врач.— Позвольте вас посмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, да,— протянул доктор.—Симптомы галлюцинаторного заболевания... М-да. Поверните голову. Минуточку... М-да... Удивительно! Бедняга буквально создан для галлюцинаций!

— Док, вы можете помочь ему?— спросил Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя,— сказал доктор.— Пока положение поправимое. У меня с собой просто волшебное средство!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из Маленького Черного чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее,— сказал он Кармоди.— Не беспокойтесь. Не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и дру-

---

[1] «Маленький черный чемодан».

гих хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно,— мурлыкал доктор, нацелив шприц.

И в этот самый момент, или примерно в этот момент, Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, но затем все пришли в себя, и снова воцарилось олимпийское спокойствие.

Что до Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, ныне дух твой вознесся в то царствие, где уготовано место для всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз упрекал его, брюзжал: «Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?»

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай?— насмешливо заметил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все,— сказал Приз с горечью.— Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Это неразумно,— сказал Приз.— Ты же все упустил!

— Не согласен,— усмехнулся Кармоди.— Позволь заметить, что в эту секунду я еще жив!

— Но только в данный момент!

— Я всегда был жив только в данный момент,— сказал Кармоди.— И не рассчитывал на большее. Это и была моя ошибка — ждать большего. Возможности — возможностями, а реальность — реальностью. Такова истина.

— И что тебе даст это мгновение?

— Ничего,— сказал Кармоди.— И все.

— Я перестал тебя понимать,— сказал Приз.— Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость,— сказал Кармоди.— Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди!— саркастически сказал Приз.— Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его,— сказал Кармоди.— А для чего существуют мгновения?

ОБМЕН РАЗУМОВ [1]

I

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Майами, полюбовался Висячими Садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том. 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

Итури [1], пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики,— и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

II

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД [2].

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

— Полон сил, как крокодил,— традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен [3] мучо-мучо рапидо? [4] — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер,— с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

---

[1] И т у р и — правый приток реки Конго.
[2] Л С Д — наркотик.
[3] Ты пришел *(голл.)*.
[4] Очень-очень быстро *(испан.)*.

— Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье имменса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль,[1] — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли,— только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра[2], омбре, айн клейннахтмузик эс демасиадо[3], нихт вар? Дер Тодт ты руве коснуться...

— Попроще,— прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини,— продолжал Марвин открытым текстом.— У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его друг.

— Ясно,— сказал он.— Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

— Мира[4], Билли, поверь, нервы, у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говоря-

---

[1] Живо *(нем.)*.

[2] Слушай *(испан.)*.

[3] Это уж слишком *(испан.)*.

[4] Здесь: «знаешь» *(испан.)*.

щий Океан Проциона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-два, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

— Точно,— согласился друг.— Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь,— возразил Марвин.— Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин,— сказал он мягко,— это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно,— ответил Марвин,— если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь!— вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю!— настаивал Марвин.— Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! —не унимался Билли.— Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтобы у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира,— сказал он.— Рекуэрдо ке[1] на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости,— сказал Билли.

— Неправда,— не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор, как он научился читать,— Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром!— воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони.— Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

III

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете

---

[1] Здесь: «Не забывай, что...» *(испан.)*.

лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно,— сказал мистер Бландерс.— Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Скернского университета.

— На что он похож?— спросил Марвин.

— Судите сами,— ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень,— заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Уогомстамке,— продолжал Бландерс,— на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж,— сказал Марвин,— не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда,— ответил мистер Бландерс.— У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да, неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий?— сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет,— заверил его мистер Бландерс.— Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь,— сказал мистер Бландерс,— прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности?— переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телуносителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно lex talionis[1].

— Как, как?— не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб,— пояснил мистер Бландерс.— Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно,— сказал Марвин.

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности,— ответил мистер Бландерс.— Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Мире,— признался Марвин.

— Все знают столько же,— ответил Бландерс.— Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно,— сказал Марвин.— Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег,— удивился Бландерс.— Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью,— ответил Марвин,— но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука,— сказал Бландерс.— Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет,— ответил Марвин.— Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии,— сказал Бландерс.— Дон-Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное

---

[1] Закон талиона *(латин.)*.

явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит,— уточнил Марвин,— я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альтаирец?

— Именно,— подтвердил Бландерс.— Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

IV

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра,— произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба,— ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо,— сказал Флинн.— Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю,— отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса.— Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя,— сказал Флинн.— И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны,— одобрил чиновник.— Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного,— сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке.— Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле,— заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот!— вскричал старик.— Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр,— одернул его Марвин,— я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас,— ответил престарелый марсианин.— Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен,— вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело.— Он дважды сплюнул на пол.— Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница!— взвыл престарелый марсианин.— Это махровое надувательство.

— Сэр,— с холодным достоинством возразил Марвин,— вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая!— вскричал старик.— Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены,— сказал полисмен,— взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

V

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет,— сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним.— Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр,— от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост,— я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно,— ответил телепат.— Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении,— отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так,— подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности?— переспросил полисмен.— От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас,— повторил телепат.— И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте!— воскликнул полисмен.— Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством,— провозгласил полисмен.— Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно,— признал телепат.— Приношу извинения.

— Ничего, ничего,— сказал полисмен.— Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть,— ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно,— сказал полисмен.— А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас,— сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ.— А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист, и занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фаброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых

сыновей, один работает врачом в Сиди-порте, другой — тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений,— не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твиловые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи. Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный диокомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и ко-

торое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковы слова:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему,— сказал он,— лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение,— одобрил телепат.— К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что,— ответил телепат,— по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

VI

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того, чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага!— пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно?— не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем,— признался марсианин.— Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства,— пожал плечами марсианин.— Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки?— удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется,— энергично закивал сыщик Урдорф.— Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало,— сказал Марвин.— По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала,— обиделся Урдорф.— Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль,— сказал Марвин.

— Мне тоже жаль,— сказал сыщик Урдорф.— Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо,— поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения?— ответил сыщик.

— Я говорю «ну»?

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули,— сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели,— подхватил сыщик с понимающей улыбкой.— Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать,— ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда,— согласился Урдорф.— Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю,— сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело,— сказал сыщик.— Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я в конце концов не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так?— смягчился Марвин.

— Право же, так.— В кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая,— ответил сыщик Урдорф.— Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу?— осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого,— решительно подтвердил Урдорф.— Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное,— сказал Марвин.— Но ведь это значит...

— Это значит,— перебил его сыщик,— что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не кончится?

— Не будьте суеверным,— ответил сыщик.— Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться,— сказал Марвин.

— Я тоже,— признался сыщик с виноватой улыбкой.— Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета.— Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку.— Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр,— вежливо согласился Марвин.— Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет,— сказал Урдорф.— Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините?— пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться,— заверил его сыщик.— Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся,— сказал Марвин.— Я просто...

— Вполне понимаю,— прервал его сыщик.— Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать,— сказал Марвин,— что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят,— задумчиво прознес сыщик.— Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что,— сказал Марвин,— если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю,— ответил сыщик.— И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными,— сказал Урдорф.— Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю,— пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются,— утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно,— смирился Марвин.— Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет,— сказал сыщик.— Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите?— спросил Марвин.

— А я уже приступил,— ответил сыщик.— Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край вселенной. Это преступление я раскрою!

— Рад, что вы так настроены,— заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд,— размышлял Урдорф вслух.— Слыханная ли штука — такая полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может,— согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения,— хмуро сказал сыщик.— Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться,— ответил Марвин.— Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно,— рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину.— Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять,— угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться,— сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом.— Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю,— сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете?— спросил Марвин.— Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик,— с бледной улыбкой ответил Урдорф.— Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не

допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

VII

Заметка в «Марс-Солнце-Ньюз» (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня,— сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно,— сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только in corpore[1].

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты!— сказал эрланин.— Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею,— вспылил Флинн.— Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар,— ответил эрланин.— Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов.

---

[1] Здесь: «в собственном теле», то есть собственной персоной (*латин.*).

Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись,— посоветовал эрланин.— При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого, что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли,— сказал Марвин.— А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

— Это же, наверное, опасно,— возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте!— вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги.— Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери,— ответил эрланин.— Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут?— спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И,— повысил голос зазывала,— неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже,— проворчал человек.— Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем,— сказал продавец.— Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно,— ответил человек.— Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского,— отчеканил фон Ардин.— А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты,— продавец был явно ошеломлен.— Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца,— продолжал продавец.— В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений,— о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-суперіором, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж,— фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять,— сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение,— сказал продавец.— Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

VIII

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент,— выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне,— съязвил Мак-Хоннери.— Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела,— объяснил Марвин.— Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на

заводах компании «Новые Редкоземельные Элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму, ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь,— сказал Мак-Хоннери.— А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно,— сказал Марвин,— если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю,— вздохнул Мак-Хоннери.— Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен, вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр,— с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку,— сказал Мак-Хоннери.— Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага!— сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно,— с сомнением произнес Флинн.— И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери.— Ты друг Пороха?

— Считайте, что так,— ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала,— сказал Мак-Хоннери.— Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр.— Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился.— У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да,— сказал Мак-Хоннери.— Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво,— сказал Флинн.— А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть,— ответил Мак-Хоннери.— Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность?— спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение,— сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу.— Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроу-мельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

— Как, как? Повторите,— попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да, вот,— сказал Флинн,— насчет всех этих обязательств...

— Это неважно,— отмахнулся Мак-Хоннери.— Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

IX

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ферентол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги,— он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менаджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место,— сказал менаджер,— которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее,— продолжал менаджер,— этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содер-

жанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менаджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение,— отметил менаджер,— не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме — если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций?— переспросил десятник.— Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать?— уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец, отреагировал:

— Ты должен собирай яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно,— сказал Флинн.— Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волновайтесь,— ответил десятник.— Ты знай, когда увидеть без ошибка, да.

— Есть, сэр,— выпалил Марвин.— А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться,— сказал десятник,— ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю,— заверил Марвин.— Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А!— сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение.— Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно,— без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да,— ответил Марвин.— Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута,— десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил:— Ты меня разыгрывай, малыш?

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения,— сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

X

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткинжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо гензера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо гензера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо гензера заговорило.

— Слушай-ка, мистер,— сказало оно сдавленным голосом,— что это на тебя нашло?

— Как, как?— переспросил Марвин.

— Слушай,— сказало яйцо гензера.— Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли,— ответил Марвин,— ты ведь яйцо гензера.

— Это мне известно,— сказало яйцо гензера.— Я яйцо гензера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?

— Конечно, нет,— ответил Марвин.— Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами гензеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо гензера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо гензера сказало:

— М-да, мне так и послышалось.— И рассмеялось почти беззвучно.— Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите,— с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо гензера.— Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами гензеров.

— О господи,— сказало яйцо гензера.— большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами гензеров,— пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами гензеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо гензера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет,— заверил Марвин.— Я в жизни не встречал ни одного яйца гензера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами гензеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо гензера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца гензеров.

— Собирать... яйца гензеров!— простонало яйцо гензера.— Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся!— прикрикнул Марвин: яйцо гензера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо,— проговорило яйцо гензера, помолчав.— Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей,— ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить,— сказало яйцо гензера,— тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего,— ответил Марвин.— Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно!— взвизгнуло яйцо гензера.— А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней,— попросил Марвин.

— Бешеный,— пробормотало яйцо гензера в сторону.— Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда,— твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй молись,— сказал Марвин.— Только побыстрее закругляйся.

— О, господь бог,— нараспев затянуло яйцо гензера,— не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старался быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю что ты добр, и значит, есть к тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком.— Голос у яйца гензера прервался, но оно тотчас же овладело собой.— Особенно молю тебя о младшем, боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо гензера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готов,— сказало оно Марвину.— Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез?— спросило оно.

— Всерьез,— ответил Марвин.— Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословенно будь имя божие,— тихо проговорило яйцо ганзера.— На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкурку Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась,готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

XI

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф!— вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив,— сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава богу, что вы здесь!— ответил Марвин.— Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините,— сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь,— но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил,— объяснил сыщик Урдорф.— Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так,— сказал сыщик.

— Понимаю,— сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете,— сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а,— протянул сыщик.— Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте, задавайте,— сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу.— Сыщик занес это в свой блокнот.— А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87 792,3 — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга»,— ответил Марвин.

— Угу. Отлично,— сказал Урдорф, захлопнув блокнот.— Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как,— сказал Марвин.— А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет,— ответил Урдорф.— Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом?— спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам,— сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет?— спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется,— сказал Марвин.— Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах,— ответил сыщик Урдорф.— Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово,— сказал Марвин.— А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал,— строго ответил сыщик.— Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

XII

— Погоди!— заорал Марвин.

— Зачем?— спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать,— сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь,— ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном.— И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа,— сказал ганзер.— В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться?— спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно,— сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении,— стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых,— продолжал ганзер,— у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорил в точности то же самое!— воскликнул Марвин и быстро повторил слова менаджера.

— Вот те на!— сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение,— сказал ганзер чуть погодя.— Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета!— вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался,— ответил ганзер.— Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк!— вскричал Марвин.— Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка,— сказал ганзер.— Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи,— тихо произнес он.— Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода,— сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию.— Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду?— спросил Марвин.

— Да вот,— сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия,— я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет,— сказало оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже,— отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь,— напрямик сказало яйцо ганзера.— Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем?— спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику,— ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед а Марвин с Отисом двинулись следом.

XIII

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник,— сказало яйцо ганзера.— Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн,— сказал Марвин,— а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

— Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной

Печальный мой приют, лишенный благ,—
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит,— перевело яйцо ганзера,— что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом?— спросил Отис.— Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

— Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались,— перевело яйцо ганзера.— Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить,— сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный,— оскорбилось яйцо ганзера.— Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

— Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блеет!

— На что он намекает?— спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам,— ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел,— сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно,— сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро.— Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него,— сказало яйцо ганзера.— Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни!— воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах.— Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж!— в панике отозвался Отис.

— Молчание сгущается. Теперь
Пусть муж честной уста свои разверзнет.
Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться,— прокомментировало яйцо ганзера.— Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас,— предложил Отис.

— Я вам не шестерка,— возмутилось яйцо ганзера.— Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи,— это «Рубаи» Омара Хайяма,— признался Марвин.

— Ну и валяй,— подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

— Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку, помощь —
Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается,— шепнуло яйцо ганзера.— Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

— Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помощь:
Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

— Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

— Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

— Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели,—
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

— За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:

— Пусть вам приспособленье не по нраву —
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Грех великий —

Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо гензера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь,— сказал Отшельник,— займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне?— поразился Марвин.

— Да, в тебе,— ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен,— заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен,— сказал Отшельник.— И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно,— сказал Отшельник.— С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами,— ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело,— сказал Отшельник.— Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю,— сказал Отшельник.— Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт?— спросил Марвин.— Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно,— ответил Отшельник.— А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же,— возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же,— сказал Отшельник.— Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь,— уперся Марвин.— А еще что у вас есть?

— Больше ничего!— отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю,— сказал Марвин.— Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

XIV

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое?— спрашивал себя Мардук.— Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые!— прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дрябло-

южих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа ЗВ; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится,— к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двух галерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и рениксы. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостя-

ков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектордискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахéйное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse [1] по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный

[1] На манер малярной кисти *(франц.)*.

изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

XV

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец?— нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно,— ответил Марвин.— Все кажется каким-то чудны́м.

— Не стоит волноваться,— заверил его ковбой-бродяга.— У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях?— возразил Марвин.— В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что?— сказал ковбой-бродяга.— Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй,— вознегодовал Марвин.— Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь,— сказал ковбой-бродяга.— Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле?— спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа,— ответил ковбой-бродяга.— Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят,— презрительно сказал Марвин.

— Извини,— ответил ковбой-бродяга без тени смущения.— Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется,— сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил:— Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво,— серьезно проговорил ковбой-бродяга.— С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул,— хладнокровно сказал Марвин.— Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу,— ответил ковбой.— В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура!— гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля,— вскричала омерзительная красотка.— Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное,— сказал бродяга,— что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные

продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно?— сказала накрашенная ведьма.— Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое?— полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак,— нараспев произнес ковбой-бродяга,— перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пшли!— воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо,— промямлил Марвин,— но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви?— недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-пончо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно!— приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтобы перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь!— прервал его ковбой-бродяга.— Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу!— насморочно всхлипнул Марвин.— Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую!— утешил ковбой.— Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным потоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

XVI

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о, цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди!— вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире ниж-

ние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный!— закричал он.— Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

XVII

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы,— сказала она.— Мой поступок — поступок идиотки или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн,— представился Марвин.

— Фристия Хелд,— назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете,— сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно,— ответил Марвин, тоже вставая.— Когда мы увидимся?

— Никогда,— проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо!— воскликнул Марвин.— Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка?— прошептала она.

— Мы не должны расставаться!— сказал Марвин.

— Ничего, переживете,— ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь,— пригрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место,— предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель!— вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли,— поправила она.

— Неужели мы не встретимся?— осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами как тень,— с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны,— произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы,— надулся Марвин.

— Я забыла про время,— сказала она.— Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку,— бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые,— сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня,— пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка,— изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту,— распорядился он.

— Может, она устала,— предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю,— констатировал Марвин.— Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал!

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

— Чего тебе?— грубо спросил Марвин.

— Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор?— поразился Марвин.

— Ламбробианский,— ответил сыщик.— Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое,— ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать?— с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое,— ощерился бармен.

— Так я и услышать,— сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор,— обратился он к Марвину.— Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробин под сень того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.

— Вполне сочувствую.

— И все же,— продолжал Вальдец с нажимом в голосе,— когда эксплойтатор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться,— сказал Марвин.

— А ведь, несмотря на острое чувство чести,— заявил Вальдец,— я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.

— Я, собственно, успел это заметить,— отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад? [1]

— Си, омбре,— со смехом ответил Марвин.— И эль дезео венсе аль миедо! [2]

— Луэс, аделанте! [3]

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

XVIII

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

---

[1] Хороший урожай продается на корню, не так ли? *(испан.).*

[2] И желание побеждает страх! *(испан.).*

[3] Итак, вперед! *(испан.).*

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем?— спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет,— пожал плечами Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно,— сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб.— Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно,— заявил Вальдец, строго подняв куцый палец.— Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно,— сказал Марвин.— Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет,— безмятежно ответил Вальдец.

— Ага,— сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и, наконец, пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти?— спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться,— ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь допплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет?— возмутился Марвин.

— А очень просто,— ответил Вальдец,— Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически,— сказал Вальдец.— Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?..— спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все,— торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками.— Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему?— переспросил Марвин.

— По теории поисков,— повторил Вальдец уже не так торжествующе.

— Понятно,— сказал Марвин, ничуть не потрясенный.— Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное,— как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы,— ответил Марвин.

— Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж,— сказал Вальдец,— а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu[1], Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров,— говорил Вальдец,— мы строим общую концепцию поисков, и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно,— продолжал Вальдец,— теория поисков навязывает нам немедленный вывод; ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась,— сказал Марвин,— значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое,— ответил Вальдец.— Но это, конечно всего-навсего И Д Е А Л Ь Н О Е суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию,— успокоил Марвина Вальдец.— А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко

---

[1] Среда *(франц.)*.

уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу!— вскричал Вальдец.— Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего?— переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения?— спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет,— ответил Вальдец,— я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина?— спросил Марвин.

— Вообще-то да,— сказал Вальдец,— несколько удивленный и сконфуженный.— Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно,— признался Вальдец.— Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище,— сказал ему на это Вальдец,— когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

XIX

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обле-

денелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно,— ухмыльнулся он.— Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да, уж конечно,— пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями,— нараспев произнес он,— вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да, уж конечно,— откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему,— сказал Марвин,— нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище,— сказал он,— я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете?— переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете?— переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности,— такой уж у вас железный характер. Точно также ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот,— начал Марвин,— я не уверен...

— Зато я уверен,— спокойно заявил Вальдец.— И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны,— сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва.— Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что и в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище,— рассмеялся Вальдец.— Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря,— возразил Марвин,— я тревожусь о с в о е й б е з о п а с н о с т и.

— Пустое!— весело вскричал Вальдец.— Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он.— Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно также никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и, наконец к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но, наконец, оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это... не...— начал Марвин.

— Да, сын мой,— тихо сказал Вальдец.— Это село Монтана де лос трес Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру [1] — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом,— и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

XX

Монтана де лос трес Пикос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания?— спросил Марвин.

— Нет, не лучшее,— с всеведущей улыбкой ответил Вальдец.— Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимо-оптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

---

[1] Гуру — наставник *(инд.)*.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй,— отвечал дядя Макс.— Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось?— спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени,— ответил дядя Макс.— Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю,— сказал Марвин.— Но дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре[1],— отвечал дядя Макс.— Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю,— сказал Марвин.— Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках,— сказал дядя Макс.— До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка № 2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

— Далеко ты забралась от дома, мамуля,— сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин,— откликнулась мать.— Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин,— рассказала мать,— я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось,

---

[1] Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала,— ответила Смерть.— Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я п о б а л о в а т ь с я. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж,— сказала мать,— на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

— Вина выпьешь?— предложил Марвин.

— Спасибо за внимание,— сказала мать,— но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану,— ответила мать.— У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин,— сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец!— закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин,— поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен.— Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое,— ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного,— сказал он сыну.— Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно,— произнес Марвин.

— Признаться,— продолжал отец,— кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа,— сказал Марвин,— только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного,— заметил отец.— Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что, если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав,— сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора,— сказал отец.— Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр,— отвечал Марвин.— Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю,— делился позднее Марвин с Вальдецом.— Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно,— заверил его Вальдец.— Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно,— сказал Марвин — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт,— согласился Вальдец.— Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Брось, я не совсем понимаю,— сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где е с т ь теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гмм...— промычал Марвин.

— Конечно,— прибавил Вальдец,— надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это,— спросил Марвин,— что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно,— ответил Вальдец.— Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно,— сказал Марвин.— Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да,— подхватил Вальдец.— Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что,— протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды, до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС?— спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос,— искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся,— поскучнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин,— согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал:— Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть?— вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое,— ответил Вальдец.

— И все же,— сказал Марвин,— если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит,— ответил Вальдец.

— Я настаиваю,— сказал Марвин.— В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится,— заметил Вальдец.— Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну?— поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность,— сказал Вальдец,— и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.

— Кэти!— закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС,— констатировал Вальдец.— Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

XXI

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, кото-

рую она не может открыть, девушку, что, наконец, пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

XXII

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женьчина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти,— она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядел, как она

покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничего не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вынести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему.

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана: а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность, от всех человеческих ценностей казалась необратимой: такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем ожиданиям произошло новое событие: оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался: благоразумие подсказывало, что надо обзавестись

помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus sardonicus[1], точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

XXIII

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

— Похоже на то,— неторопливо произнес он,— что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, срепетировали последний акт?— хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть,— ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения,— сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену?— вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы.— Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

— Брак!— воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься,— жалобно сказала Кэти.— Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не

---

[1] Саркастическая усмешка *(латин.)*.

было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти!— твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха!— засмеялся Краггаш.— Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног запутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач,— протянул Краггаш.— Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас!— захихикал.

— Руби! — взвыл Краггаш.— Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф!— закричал Марвин.

— Да, это я,— сказал марсианский сыщик.— Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой?— переспросил Марвин.

— Я имею в виду,— криво усмехнулся Урдорф,— чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю,— промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто,— сказал сыщик Урдорф.— Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агенств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания,— сказал Краггаш.— Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение,— вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум —

в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника,— заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением,— возразил Краггаш,— а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год,— сказал сыщик Урдорф.— Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле?— холодно вымолвил Краггаш.— По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его!— заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен,— поддразнил он преследователей,— то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей!— орал Марвин.— Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

— Скорее!— крикнул Марвин.

— Бесполезно,— сказал Урдорф.— Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать?— взревел Марвин.

— Ничего,— сказал Урдорф.— Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним!— объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя!— объявил Урдорф.— Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша,— прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете!— прокричал Урдорф.— У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

XXIV

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была, наконец, математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой про-

странственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним.»

Статья «Искаженный мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Гриф, «Эвклид-Сити Фри Пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец

оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного» Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна)

XXV

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь, терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый посетитель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать?— спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли?— ответил толстяк.— Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш,— сказал он,— ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я,— отвечал Марвин.— И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно,— сказал клерк,— это потому, что еще не получены машины.— Он взглянул в бумаги.— Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно,— подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан,— выпалил Марвин.— Номер 3(32)А5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Прошение удовлетворено,— сказал клерк.— Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем,— сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает,— поддразнил он.— Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживая всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп,— сказал труп клерка.— Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права,— сказал толстяк.— Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр,— заверил его труп клерка.— Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк.— Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

— Опыт 342,— решительно заговорил Краггаш нараспев.— Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Маррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, сказал Первый начальственным тоном.— Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй.— Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник,— цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй.— Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся,— хмуро сказал Третий.— Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте,— сказал Первый,— я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память,— пробормотал Второй.— Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли.— Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно,— пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв,— изрек Третий.

— Но я действительно не помню,— упорствовал Второй.

— Я тоже не больно-то хорошо помню,— сказал Первый.— Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи.— И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец,— упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей,— сказал Келли.— Вот вы кличите меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый.— Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий.— Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения,— откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство,— парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете,— объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством,— окрысился Четвертый.— Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет,— ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый.— Мало того, что я отказываюсь от Марви́нства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре.— сказал Третий.— Кто из вас будет Келли?

— Я,— сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь,— спросил Луиджи,— что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно,— сказал Келли.— Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю,— продолжал Луиджи.— Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенные природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...
Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберейских обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш — олицетворение зла,— сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

XXVI

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки

Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима: корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не о б я з а т е л ь н о, ничто не н е о б х о д и м о.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир: другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием,— всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе,— обречена с минуту на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектеди, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предложение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ [1]

Элистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами его очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: Меланхолического темперамента Воды. Причина этого —

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики. Том 16. М.: Молодая гвардия . 1968.

в избытке холодной, густой, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католицизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей манящей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество пытается навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; унтер-офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни он уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиной в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он както в Нью-Йоркскую Контору Бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть

кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и соответственно росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал и ждал, и, наконец, достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте согласно федеральному закону человек получал право на реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно,— ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам,— ответил Кромптон.

— Ага,— сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка.— Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

— Ограниченный — не совсем то слово,— натянуто возразил Кромптон.— Я машина, робот, ничто...

— Ну, ну,— сказал доктор Берренгер.— Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня тошнит от самого себя,— решительно заявил Кромптон.— Мне необходима реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же,— продолжал Кромптон,— мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на реинтеграцию.

— Имеешь,— согласился доктор Берренгер.— Но как твой друг, как врач я настоятельно советую тебе, Элистер, не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на реинтеграцию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю,— сказал он.

Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берд в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен — местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и, уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. На раннем этапе развития болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней полосе вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к полному расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через проектор Миккльтона помещали в инертное вещество тел Дюрьера.

Тела Дюрьера — это андроиды [1], рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в телах Дюрьера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмораживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней полосы не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

---

[1] Андроид — биологический человекоподобный робот.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечки разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетний мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что полное расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их права на реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых телах получили новые имена и, сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов были помещены в детские приюты — один на Марсе, другой на Венере, — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно, доминирующая личность в его подлинном обличии, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему недоставало. Ему недоставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих

качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, реинтеграции...

— Вот как обстоят дела, Элистер,— сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант.— Доктор Власек решительно возражал против реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс,— сказал Кромптон.

— Никаких шансов,— возразил ему доктор Берренгер.— Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к реинтенграции — и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось!— воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закоснели.

— Я должен использовать последнюю возможность,— сказал Кромптон.— Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

— Дайте адреса,— холодно потребовал Кромптон.— Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я, наконец, стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны!— воскликнул доктор.— Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют,— сказал Кромптон.— Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер,— коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные Болота на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал свой невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный Клуб Счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасало его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходит в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию № 3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в хоповер, который доставил его на Марс, Станция № 1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и, наконец, получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он

сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Сандей Таймс» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко одетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ремесленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в «Дом мамы Тиль», где пониженная гравитация позволяет испытывать куда больше наслаждения, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах,— накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями — за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле, никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в салуне «Красная планета».

Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игорные дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все другое прочее — чего только душа пожелает.

Кромптон разыскал салун «Красная планета», вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов за длинной стойкой бара в их пестрых рубашках, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса.

Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «ворсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы?— спросил Лумис.

— Элистер Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно,— сказал Лумис.— Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!..— Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно,— сказал Лумис,— пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком

восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум». Как вам нравится?— спросил Лумис.

— Довольно трогательно,— ответил Кромптон.— Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй,— небрежно произнес Лумис.— Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить?— спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Этот запах...

— К нему нужно привыкнуть,— сказал Лумис.— Это обонятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникала у него в голове,— медленную, чувственную, мучительно волнующую; Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Déjá vu»,— объяснил Лумис. — Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть все три жизни.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед,— сказал он.— Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно,— сказал он.— Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеровом теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты его лица, марсианский загар, гладкие мышиного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы,— надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигуру, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком

горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душою мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде,— которым Лумис руководствовался в своей жизни, был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удается сводить концы с концами?— резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги,— улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит,— сказал Кромптон.— Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете,— сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости.— Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае, почему бы ему не отказаться от богатства?— спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты?— парировал Лумис.— Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность *учить*, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я!.. А их женщины, Кромптон!.. У них ведь тоже есть *свои* нужды — настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в этих делах. Вот я его и применяю. И конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно было поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля

было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для реинтеграции.

— Так вот,— сказал Кромптон,— ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для реинтеграции.

— Мне это ни к чему,— сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что не согласны?

— Абсолютно верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукомплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем реинтеграции.

— Безусловно,— сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит,— сказал Лумис.— Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли,— сказал Кромптон,— что вы пребываете в Дюрьеровом теле, а срок его существования всего сорок лет? Без реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, *максимум* пять. Бывает, что Дюрьеровы тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно,— сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В реинтеграции нет ничего плохого,— продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном.— Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?..

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем,— с самодовольной улыбкой возразил Лумис.— Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти немыслимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами.

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно,— объяснил ему Кромптон.— Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал Лумис, поглядывая на свои часы.— А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая Луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желаю приятно провести время,— сказал Лумис.— Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал марсианских ростков и красного солодина. В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственно, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю нереинтегрированным и жить там по мере возможности. В конце концов есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал,— сказал Лумис.— Я согласен на реинтеграцию.

Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение?— возразил Лумис.— Разве мы...

— Я хочу знать почему,— сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну, пожалуйста,— попросил он.

— Рассказывайте,— неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подводные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель — и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожь в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия,— проговорил он.— Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере?— настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что ж, давайте реинтегрировать,— сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

— Где он?— закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца,— сказал он.

— О!— растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет.— О!.. Да... О!..

— Он, конечно, заслуживал этого,— холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили, наконец, возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот уже тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне — независимые, но, по сути неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные поступиться каждый своей автономией. Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединился Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина?— спросил Лумис.

— Стоит,— сказал Кромптон.— Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться,— возразил Лумис.— Стерпится — слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис — спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое действие. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в Порт Ньютон. Кромптон пересел в короткорейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на хоповере добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оппозиции» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалась очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейсик Иггдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила Иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в главном салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими черными волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки,

что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже *Кромптон,* и тихо разговаривал с нею тоже *Кромптон,* и касался ее руки *Кромптон,* а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это.

Около двух часов ночи новая знакомая ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В», и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну?— спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал,— в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты,— объяснил Лумис.— Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю!— воскликнул Кромптон.

— Даю слово,— сказал Лумис.— У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет,— сказал Кромптон.— Не хочу... То есть не буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет,— твердо заявил Лумис.— Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай — бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернул назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено,— твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество,— терпеливо разъяснил Лумис,— это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появилось замужество, существовали мужчины и женщины, и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально,— не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот,— уверил его Лумис.— Ты не женат, значит, *твои* действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди *замужем.* Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и его «я» взыграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика,— сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец!— сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно,— сказал Кромптон.

— Ну что еще стряслось?

— Твои аргументы,— сказал Кромптон,— могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне о том судить, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: *ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!*

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет,— сказал Кромптон.— Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: «засранец желторотый!» Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей — удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить cordon sanitaire вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, сознавал свою ответственность. Он делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно и, наконец, ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике № 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против ползучей лихорадки, венерианской чумы, болезни Найта и большой чесотки. Им дали порошки против инфекционной гангрены и профи-

лактические пилюли от черной меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры — целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосков, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота — согласно последним сведениям Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы *зикры*. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Морисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, беззащитной девушке.

— Где мне искать Дэна?— спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда?— спросил старик, смаргивая слезу.— Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным,— с обидой сказала старушка.— Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить,— поспешно объяснил старик.— Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал?— спросил Кромптон.

— Точно не скажу,— ответил старик.— Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад,— сказала старушка.— Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж,— сказал Кромптон,— нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно,— сказал Лумис.— Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

— Да и мне тоже,— согласился Кромптон.— Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для реинтеграции.

— Что поделать!— сказал Лумис.— Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Дэннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли,сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских кеббуцников и австралийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной Реки и на Голубых Водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собою группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли — дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год,— стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

— Дэн Стэк?— переспросил старшина.— Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам нетрудно, расскажите почему,— попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста,— сказал старшина.— Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку,— продолжал Гаарис,— что надо их погонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет?— спросил Кромптон.— Выходит, аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть,— согласился старшина.— Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизовать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

— И что же?..— подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом,— сказал Гаарис.— Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишал нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку просто нравилось пускать в ход бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверно, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда он собирался путь держать?— спросил Кромптон.

— Он заявил, что аисов надо уничтожить, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей,— сказал Гаарис.— Они там пытаются навязать свои условия Сериидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат,— сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да,— сказал старшина,— родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его,— сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как сами Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условностями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе,— внесет должную толику агрессивности, жесткости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцов по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что?— спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны аисов, ни со стороны землян и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

— Вы ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю слышали.

— Нет, не слыхал,— признался Кромптон.

— Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя аисов, причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку! У одного из аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь?— спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком?— резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

— Как туда добраться?

— На каноэ,— ответил командир.— Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него,— сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется,— сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находится в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэптцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты

и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце Края, таились свои особые опасности, которые уносили в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по этой реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

•

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно,— неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об однобокости! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего!

— Он часть нас,— возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо,— не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли?— усомнился Лумис.— Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк-убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала его мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть крошечная.

— Мы едем,— сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться?— спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил, наконец, все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было *его* тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, *сам*, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс,— продолжал Лумис.— Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка,— сказал Лумис полковнику.— Кажется, он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение,— сказал командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул.

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто,— сказал ему полковник.— Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за *зикра*. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Инланд Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо,— еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение,— сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новым, предстоящим ему путешествием через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда; но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. *Ему*, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. *Ему*, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И *ему*, Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которое раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников-городов, он не сталкивался с грубым, неспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели

и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон,— сиплым шепотом произнес Лумис.— Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, *прими власть!*

— Спасибо,— ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ как водяной паук скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали места, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть!— нервно сказал Лумис.

— Да, жутко,— согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных аисов. Однажды днем два каноэ аисов устремились в погоню за их лод-

кой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился на борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванный краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь,— сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь?— позвал Кромптон .Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара.

— Дэн Стэк?— спросил Кромптон.

— Там,— указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери,— сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль?— спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть?— спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело,— сказал Тайлер.— Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк будет в тюрьме точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два,— с отвращением ответил Тайлер.— Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа,— заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим,— с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь,— сказал Кромптон.— Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же вам сказал — Финч кончается,— ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку.— Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки-дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас,— сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет,— ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята,— сказал Тайлер.— Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами — словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей,— предупредил Лумис.

— А что я могу сделать?— возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним!— кричала толпа.

— Ребята!— прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка.— Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим!— крикнул кто-то.— Кончай с ним!

— Мое последнее слово!— выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на низкий лоб, черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом,— с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни,— начал Стэк.

— И это ты *нам* рассказываешь?— выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком,— орал Стэк.— Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал

моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали,— орал Стэк.— Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил?— спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь,— завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице.— Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. *Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!*

— Хорошо,— сказал шериф.— Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну, ты, наконец, кончил?— спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем!— сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк. И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона. И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зло.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

— Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк также страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара — сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке?— услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно,— автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно,— тупо ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достиг ли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых Горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба свои компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею,— сказал он Кромптону.— Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался,— простонал Стэк.— Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите?— спросил Стэк.— Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть *еще один* наш компонент?— воскликнул Кромптон.— Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался,— стонал Стэк.— Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был?— спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент *Финч*?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки»,— приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потом вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. И в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему — он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис поискал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре Основных Темперамента

Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились наконец. И слияние стало, наконец, возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Фйнча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА [1]

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин,— сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли...— начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля,— посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы.— С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы?— съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно,— заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только

---

[1] Печатается по изд.: Тридцать первое июня. Сборник юмористической фантастики. М.: Мир. 1968.

редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты,— сказал Каскер.— Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в астропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу,— сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

— Да посмотри же,— проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы,— сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная,— сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить,— пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно . Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули,— сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется,— ответил Каскер.— И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь,— сказал он,— когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение

нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться,— нелюбезно прервал Каскер.— Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда,— сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно,— сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим,— предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль, Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно,— бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду?— переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера.— А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад!— заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин,— мимоходом обронил Хеллмэн.

Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов,— заметил Хеллмэн,— даже если это действительно склад — даже если он продовольственный,— мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно,— буркнул Каскер,— но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?..— Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего,— оживился Хеллмэн,— надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю,— согласился Хеллмэн,— но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет,— объявил Хеллмэн и помахал книгой.— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей,— пояснил Хеллмэн.— Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский?— спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия,— скромно ответил Хеллмэн.— В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь,— продолжал Хеллмэн,— скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить,— устало посоветовал Каскер.— Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово,— сказал он.— Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное,— сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги?— спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит всю вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное,— проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.

— Надеюсь,— ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим,— предложил Хеллмэн, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю,— сказал Каскер и растянулся на полу.— Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Какие же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки!— ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, иодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот,— продолжал Хеллмэн,— придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело,— ответил Каскер.

— Отлично.Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт,— поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом.— А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда,— ответил Хеллмэн,— сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд,— для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно,— сказал Каскер, поднимаясь с пола.— С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени,— вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глаголвон андрогинитов — для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство «Рэлкорин», для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого,— сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси,— предложил Каскер.

— Я?— удивился Хеллмэн.— А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром,— с достоинством возразил Хеллмэн.— Я не слишком голоден.

— Я тоже,— сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка,— горько сказал Каскер.— Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек,— посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал?— взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал,— ответил Хеллмэн; у него тряслись руки.— Давай же, действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул погромче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно,— сказал Каскер.— Что еще будем пробовать?

— Еще? А это чем тебе не угодило?

— Я хихикающего не ем,— твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу,— уламывал его Хеллмэн.— Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам,— огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что?— спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях,— предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хелмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же,— грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание,— сказал Хеллмэн.— По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда?— спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое?— спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно,— пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное?— спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения». Экипаж!

— М-да!...— тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиляющего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем чего-нибудь поесть,— сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно?— удивился Хеллмэн.— Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа,— то вникнем в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например,— продолжал Хеллмэн,— какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно,— угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть!— крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.

— Что там написано?— спросил Каскер.

— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лактыэкты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит,— признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо,— сказал Хеллмэн.— Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода!— с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим.— Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В банке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет,— констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и вдвоем они снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал!— вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн!— завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе,— сказал он.

— Да сделай же что-нибудь!— вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать?— проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги.— Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело,— сказал Хеллмэн.— Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось,— строго одернул его Хеллмэн.— На истерику у нас нет времени.

— Извини.— Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд,— задумчиво сказал Хеллмэн.— Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд,— объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано?— спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством,— делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво,— отозвался Каскер.— Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй,— сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано,— подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе,— сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю,— парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти?— спросил Каскер.

— Видишь ли,— ответил Хеллмэн,— в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.

— Надо было верить рекламе!— взвыл Каскер.— Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может!— заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хэллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга,— казалось, не будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хэллмэн?— услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел?— прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно,— ответил Каскер,— но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша.— Минуточку,— сказал он.

— Еще чего, минуточку!— прокричал Каскер.— Выведи меня. Я нашел воду!

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось?— спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интегор».

— И что же?— поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интегор»— вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам,— это животное, вероятно, наделенное втяжными присосами. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна

для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

ЗАПАХ МЫСЛИ [1]

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать,— иронически ответил Кливи.— Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор,— сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием.— Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, стер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся.— Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

---

[1] Печатается по изд. Библиотека современной фантастики. Том. 16. М.: Молодая гвардия. 1968.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника,— сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось,— сообщил он.— По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22,— проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой,— протяжно прокричал в ответ Почтмейстер.— Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22,исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом: разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил,

что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей? Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем,кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз.По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой миро-

вой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь, и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной, чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашёл металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвалу наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи *можно* выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно,— решил Кливи.— Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому намеренные удовольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и *есть* куст. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять,потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось?— прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя,— ответил Почтмейстер.— Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели,— сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз.— Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

РИТУАЛ [1]

Акиенобоб вприпрыжку приблизился к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, аккомпанируя себе ритмичным постукиванием хвоста по земле. В дверях тут же по-

[1] Печатается по изд.: Паломничество на Землю. Р. Шекли. М.: Мир. 1966.

явился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

— Прибыл корабль богов,— нараспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

— В самом деле?— откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь на сложные па. Вот она, пристойная манера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

— Из божественного и неподдельного металла!— захлебнулся восторгом Акиенобоб.

— Хвала богам,— церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение.— «Наконец-то! Боги возвратились!» — Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сборища. Тем временем Старейший Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, оттер хвост песком и, очистясь таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов — огромный цилиндр из почерневшего, изъязвленного металла — лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру «Общий Привет Всем Богам».

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о богах, написанную почти пять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и боги малые, боги крылатые и боги о копытах, боги однорукие, двурукие и трехрукие, боги со щупальцами, чешуйчатые боги и множество иных обличий, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же приметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему вприпрыжку подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

— С чего начнем?— учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

— С Танца Разрешения на Посадку,— ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

— Разве?— Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения.— По заветам Альгоны — прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет ни на какие компромиссы с ересью Альгоны — учением, созданным всего каких-нибудь три тысчонки лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров. «Смехотворно,— думал он,— что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядок танцев. Совершеннейшая нелепица — ведь было же доказано...»

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и упал ничком. Другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием поднялся он на ноги.

Боги удивительно напоминали простых смертных.

— Они выразили в танце свое расположение!— воскликнул Старейший Песнопевец.— Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, приседая, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражали свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на Священный Курган.

— Давайте обсудим все как следует,— предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем.— Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

— Нет,— решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами.— Все подобающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

— Я знаю,— настаивал Глат,— но ведь ничего страшного не случится...

— Никогда,— твердо заявил Старейший Песнопевец.— Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования.— Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением.— Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках, сделанных из ветвей, два бога стенали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоняется.

Все было так, как и должно быть,— так, как начертано в Книге последнего пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копируют чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

— Поймите же,— обратился Глат к Старейшему Песнопевцу.— Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

— Разумеется,— ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века. Пять тысячелетий назад их племя находилось на вершине богатства и благоденствия и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале и племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

— Если боги одобрят наши обряды,— сказал Старейший Песнопевец,— то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

— Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто воочию видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

— Учение Альгоны — пагубная ересь,— возразил Старейший Песнопевец.

И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.

Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходящий. Надо подождать, думал Глат, нужно знамение самих богов.

А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным Танцем-конвульсией — Подражанием жажде и мукам простых смертных.

Богов усадили на вершине Священного Кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения выслали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.

В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них пустились от радости в пляс, ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?

На кургане один из богов простерся ниц. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.

— Это знак благоволения!— вскричал Старейший Песнопевец.

Глат кивнул, не прекращая пляски, в то время как по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.

Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.

— Быстрее!— прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.

Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывал себе на горло и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.

Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, как он описан в Книге последнего пришествия.

Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Переводя дух, он подошел к Старейшему Песнопевцу.

— Вы будете исполнять *все* танцы?— спросил он.

— Конечно,— Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай обелить себя перед богами и вернуть себе добрую славу в их глазах.

— Пляски будут продолжаться ровно восемь дней,— непреклонно сказал Старейший Песнопевец.— Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все сызнова.

— По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды,— возразил Глат,— а затем...

— Вернись в круг!— отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение.— Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так и только так удастся нам снять древнее заклятие.

Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге последнего пришествия:

Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец Голода и Жажды — точь-в-точь так, как сейчас.

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья — таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и уповал, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле Священного Кургана простой кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину. Руки бога готовились схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец чуть ли не вырвал из рук бога кувшин, поспешно унес его прочь, и все племя испустило вздох облегчения. Какое кощунство — оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог — и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заплакал.

— Живо!— крикнул Младший Песнопевец.— Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и, кружась волчком, принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

— Ну и хитер же ты на выдумку,— ворчливо признал Старейший Песнопевец.— И как только тебе пришел на ум этот танец?

— У него самое таинственное название,— объяснил Глат.— Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

— Что ж, молодец,— похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвил хвостом талию. Вовремя поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить над тем, как бы лучше выполнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашляя и ловя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги, задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.

К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он упал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.

— Он вещает,— прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкли.

Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.

— Он сулит нам хороший урожай,— пояснил Старейший Песнопевец.

Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.

— Он сочувствует нашей жажде и бедности,— наставительно произнес Старейший Песнопевец.

Бог снова указал себе на горло — таким горестным жестом, что кое-кто из поселян разрыдался.

— Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала,— разъяснил Старейший Песнопевец.— Давайте же, становитесь в первую позицию.

— Его жест означает вовсе не то,— дерзко заявил Глат, решив, что час настал.

Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.

— Богу угоден Обряд Воды,— сказал Глат.

По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных летах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...

— Не допущу!— взвизгнул Старейший Песнопевец.— Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!

— Необходимо предложить богам воды!— прогремел Младший Песнопевец.

Оба взглянули на богов — не подадут ли те знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.

Но вот один из богов кашлянул.

— Знамение!— вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел перетолковать этот кашель в свою пользу.

Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.

В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подобающие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.

— Ну!— скомандовал Младший Песнопевец. На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.

По толпе прокатился взволнованный гул.

Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин с водой покатился по склону кургана.

— Я предостерегал тебя!— возопил Старейший Песнопевец.— Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы еще не обречены на гибель!

Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.

По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и овевали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли одобрение. Один попытался сползти с кургана, но упал ничком. Другой лежал недвижимо.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений.

Младший Песнопевец стоял в хвосте цепочки танцующих. Почему, вопрошал он себя снова и снова, почему отступились от него боги?

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги *отвергли* воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ снять таинственное проклятие Забвения — это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

«Пути богов неисповедимы,— печально думал Глат.— Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно было разделить веру Старейшего Песнопевца».

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталось, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные боги. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая даже на то, что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, облака на небе стали сгущаться. Громадные и черные, они заслонили утреннее солнце.

— Пройдет стороной,— предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись, и полился дождь. Боги медленно зашевелились, оборотили лица к небу.

— Тащите доски!— кричал Старейший Песнопевец.— Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

— Нет! Этот дождь наслали сами боги!

— Уведите юного еретика!— пронзительно взвизгнул Старейший Песнопевец.— Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились — они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, как Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на ноги.

Бог стоял, раскачиваясь, как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по Священному Кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

— Знамение!— вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук.— Знамение!

Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.

— Начинайте пиршество!— рявкнул Глат.— Такова воля богов!

Плясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны — это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.

Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, приходилось рискнуть.

Оказалось, что Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками — какое изумительное подражание смертным!— и поглощали напитки с таким усердием, будто и впрямь умирали от жажды.

Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ [1]

Посадка едва не окончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке,— сообщил он по радио профессору Слиггерту.— Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно,— отозвался профессор Слиггерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

— А «Протект»? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь, — заверил его профессор Слиггерт.— Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по-моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побраться с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно,— пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут оценил он размеры пошлины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и пожалел, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов росту,— беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище»,— сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструменов. К одной ноге пристегнул ремешками радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно,

оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут.

Так утверждает профессор Слиггерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Телиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!»

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие, гортанные гласные телианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из телиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор на изготовку.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходно,— провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь?— ответил Слиггерт.— Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные силовые узлы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму,— возразил Бентли, заглядывая себе за плечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пищущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей,— перебил Бентли.— Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли?— лукаво спросил Слиггерт.— Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну, ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю,— ответил Бентли,— но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

— Благодарю!

— Однако все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться,— упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у «Протекта» есть!

— Послушайте,— сказал Бентли,— хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, а все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект» не снимая. А добиться этого можно только одним путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы!— сказал Бентли.— А «Протект» действительно проделает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...

— Вот одна из причин его громоздкости,— терпеливо разъяснил Слиггерт.— Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого поле-

вого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников.— Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно,— сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках.— Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек неспособен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Телиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все это время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из телиан выступи́л вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братья,— сказал телианин,— здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.

Вперед выступил другой телианин в таком же головном уборе.

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав,— согласился Ринек.— Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг,— невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда от толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это телианские жрецы или шаманы. Скорее всего, помимо духовной, в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила,— заявил молодой и веселый с виду заклинатель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает; это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет,— ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным телианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — господа или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух,— сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались моло-

дые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец,— провозгласил он,— мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере на первых порах,— торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше.— Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов — это строжайше запрещено. Таким образом, мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен,— напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немногое: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и конечно, не дать себя убить, вспомнил он, усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; телиане обращались с ними ласково, как со щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли при-

близился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец,— сказал Окцип,— ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священно.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли.

То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

— Но ведь оно очищено!— воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посовещались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи,— осведомился Ринек, помолчав,— что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо,— торжественно ответил Бентли.

— Ага!— Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

— Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи себя?

— Ни в коем случае,— ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье,— сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

— О, пришелец с небес, прими от нас священное копье! Кран К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и...

Со щелканием сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намека на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств.

Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копью. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировал в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ощупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините,— произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье,— констатировал он.

— Ну, не совсем так,— возразил Бентли.— Просто... словом, у меня есть охранное устройство, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон,— ответил Гуаскль.— Слыханное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копья для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвасцен не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой

дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедля, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во множестве твоих табу. Мы будем молиться за тебя всю ночь. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас.

Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло,— заметил профессор.— Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было,— настаивал Бентли.— В конце концов надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять!— закричал Бентли.— Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и «Протект» меня «спасет»? Пропадает все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить,— сентенциозно изрек профессор Слиггерт.— А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой,— ответил Слиггерт.— Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексы, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в силе тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте,— запротестовал Бентли,— меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект».

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело,— сказал Бентли.— Кстати, эти люди вроде бы не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своей силы, своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле,— терпеливо ответил Слиггерт,— даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе

неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки,— проворчал Бентли.— Но пусть будет по-вашему. А может все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь телианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, дальше, дальше, но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки,— стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя!— простонал Бентли вслух.— Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум,— сказал заклинатель духов.— Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда сплю беспокойно,— объяснил Бентли.

Гуаскль улыбнулся в знак того, что оценил шутку.

— Мой друг, молился ли ты ночью об очищении и об избавлении от злого духа?

— Это уж точно, молился.

— А была ли твоя молитва услышана?

— Была,— с надеждой ответил Бентли.— Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром. Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся,— заявил Бентли.— Давай начнем.

— Очень хорошо,— сказал Гуаскль, и они вместе вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервозность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья,— сказал Гуаскль,— чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многое в нем странно, и его окружает нечто похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне,— сказал Гуаскль,— ты заклинатель духов и воистину один из нас.— Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.

— Проклятый идиот!— взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила!— пронзительно закричали телиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила!— возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да,— печально промолвил молодой заклинатель,— все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Телиане, видя, что он невредим, возобновляли «огонь», и защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но эта затея оказалась немыслимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли телиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел, сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Телиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых они готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копье, и поле в который раз включилось.

— Ага,— подумал Бентли,— сообразили. Собираются уморить меня голодом.

Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.

Немного подумав, он отключил поле. Телиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копье.

— Погодите!— закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно?— спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит?— раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.

— Вы, телиане, знаете,— хрипло продолжал Бентли,— вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а!— сказал профессор Слиггерт.— Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно,— извинился Гуаскль,— но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно,— безнадежно сказал Бентли,— но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение,— бормотал профессор Слиггерт в задумчивости,— и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний. В последующих моделях этот недостаток будет устранен.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня,— сказал Слиггерт.— Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах, вы, паршивый...

— Прошу вас!— строго сказал Слиггерт.— Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня!— вскричал Ринек с искаженным лицом.— Скуем дьявола огнем!

И «Протект» со щелканьем включился.

В кромешной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копье. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Телиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг был уже замкнут. Телиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему уже не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет. Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее наполовину.

Затем снова погрузился в защитное поле.

У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что телиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был уже совсем близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся телиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

— Ар гуай дрил?— издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил?— повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся набок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь,— сказал Гуаскль.

— Конечно, превосходно,— буркнул Бентли, ощупывая голову.— Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя,— сказал Гуаскль.— Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как?— переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал,— сказал Гуаскль,— но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух, ты!— выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал.

— Понятно,— сказал Бентли.— Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Протект». Тяжелый, бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать Бентли из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

— Мы хотим его умилостивить,— разъяснил Гуаскль,— ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить,— сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

ДЕМОНЫ [1]

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали?— спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

— Чего «видали»?— отозвался тучный, краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую,— буркнул мясник,— ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе *не исключено*, что труп принадлежал самоубийце,— разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к испо-

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

линской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хоть бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе: чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну, вот,— заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание,— теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован,— продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике.— Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в сырую измятую мешанину из материи и пота.Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!», или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит,— совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу,— задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура.— Занятно.

— Это ошибка,— твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и *есть* демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент,— заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует,— зарычал Нельзевул.— В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет!— прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами.— Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу,— заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием.— Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять, тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк...— растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шамар, или волхóлово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах»,— вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много,— продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой.— Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур и радовался.

— А если я не соглашусь?— спросил он.

— В таком случае,— ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой,— мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же,— сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем раньше,— нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого, доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь,— продолжал он тихо,— ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара.— Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита.— Не пытайся обвести меня вокруг пальца!— взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется по меньшей мере на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене, и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк,— промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово.— Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно,— согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура.— Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед,— ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура.— Он был военным. К сожалению, он...— Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд.— Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! *И принеси крутяк.*

Артур Гаммет снова исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену,— но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было немного. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в его сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный

навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему предстоит лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу,— заметил Нельзевул.— Где же крутяк?

Нетерпеливо подергивал хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет,— ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы снова стать лицом к Нельзевулу.— Мне нужна дополнительная информация.— Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями.— И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно,— с радостью согласился Нельзевул.— Так или иначе я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов,— пояснил Нельзевул с благоговейным видом.— У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул принес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так,— заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация?— осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опишите мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ...и желтый.

Золото...

— Гм,— пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль.— А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время,— сказал Артур.— Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят-семьдесят!— проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались.— Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку,— проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника.— Мне понадобится чуть-чуть...Погодите!— У него только что мелькнула спасительная мысль. То была несомненно, лучшая мысль в его жизни. Больше того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете,— заявил Артур.— Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется,— это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек!— прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутыль. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего,— что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул!— воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура.

То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит?— удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание,— отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня,— сказал демон,— но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту,— нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова.— Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известно также под названием крутяк, волхóлово и фон-дер-пшик.— С минуты на минуту, подумал он, могу оказаться в бутылке.

— Ну,— пробормотал холодильный демон,— ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат,— сообщил холодильный демон.— Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка,— докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика,— прибавил Артур.— Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях,— раздумывал демон вслух.— Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк,— распорядился Артур.— Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована и в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире,— попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны.— Мне не хватает места для...

— Сгинь,— воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все ту же, поскольку пятиметровой не на-

шлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колыхающийся синий туман.

— Ты только не горячись,— заговорил в пятиугольнике холодильный демон.— Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню.— Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке,— пояснил демон.— Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона.— Он ткнул костлявой рукой в сторону бутыли.— Но он ни за что не хочет раскошеливаться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему,— продолжал холодильный демон,— у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десяти тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся,— прервал его Артур.— Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю,— заверил синекрылый агент.— Что же касается крутяка...

— Да бог с ним,— сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга.— А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям,— ответил страховой агент.— Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

ОПЕКА [1]

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему, я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане побрякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал.

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею.

Если б не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг!— сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите?— осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Гроним,— отвечал голос.— Это ли искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте,— прервал я его.— Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот,— сказал голос.— На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак бы понял, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось?— спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось,— отвечал я,— если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говоря-

щих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить?— допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице,— и продолжал идти вперед.

— Но вы должны!— воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе.— Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В коитo веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет,— сокрушался дерг.

Какие условия? Пять монет и три ключа, побрякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае, не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смирительных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое!— бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения,— не отставал дерг.— Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж,— сказал дерг.— Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение!— крикнул дерг.— Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют?— заинтересовался я.— Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте,— прошептал я,— а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку?— воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочел ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда

часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите?— спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить,— напомнил он.— Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз,— торжественно заявил дерг.— Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится?— спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу,— это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно.— И дерг умолк. А потом добавил негромко:

— Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурить!

— А как же цветочный горшок?— спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-сити,— ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать,— возразил дерг.— Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше,

и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно,— это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке,— опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят,— ответствовал старый упрямец.— Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтен-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквей, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе № 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг

зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы,— заявил он, по-видимому, слегка задетый.— А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово?— спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать,— спросил я раздельно,— что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно,— вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично,— сказал я, взяв себя в руки.— Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось?— Дерг был, видимо, искренне озадачен.— В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня,— сказал я.— Брысь!

— Опасности увеличились,— доказывал свое дерг,— но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой.

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно,— согласился дерг.— Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить.— В тоне его чувствовалась растерянность.— Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете?— накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг!— завопил я.— Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела!— крикнул он.— Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека,— торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да,— подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется,— продолжал дерг.— Цветы борца, амаринта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейлеры. И вам нужны средства против липпов, фиггов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком,— неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность,— сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять?— отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое,— сказал дерг.— Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Чего же мне не делать?

— Не политурьте,— сказал он.

— Не политурить?— Я наморщил брови.— Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит...— Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг!— позвал я.— Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил!— взвизгнул дерг.

— Что же мне делать?— снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, на другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ЗАЯЦ [1]

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и!— сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли?— спросил я.— Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите!— произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль,— сказал я.— Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником,— проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие.— Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку,— докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц,— сказал я.— Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин,— сказал он.— Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g, и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он

при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды. Разочаровывать их приходится никому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс?— спросил я.

— Я вам объясню,— сказал Франклин.— На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в *наши дни*, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах,— сказал я.

— Да, сэр,— ответил Франклин.— Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать! Вот увидите, только позвольте мне остаться, прошу вас, сэр! Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать?— спросил я.

— А?— на мгновение он смешался, потом ответил:— Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр,— пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия,— размышлял я вслух.— У нас нашлось бы местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр.

— А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

— Нет, сэр,— ответил подавленный Франклин.— Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр,— сказал Франклин,— я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может сгожусь вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктиду 2000-х,— героический фронтир для сме-

лых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

— Франклин,— сказал я,— знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем,— возразил Франклин.— А уж как пообвыкну, я...

— *Кроме того,*— прервал его я,— знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

— Этого я не знал,— прошептал Франклин.

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не очень хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли,— сказал я, поднимаясь с места.— Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр.— Заяц с трудом поднялся.— Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин!— окликнул я.

— Здесь, сэр.— Он поспешил ко мне.— Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин,— сказал я,— пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю,— еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

— Ну, ладно, рассказывай все с самого начала,— простонал я.— Только пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр,— начал Франклин,— на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну, вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину,— гордо повторил Франклин.— Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай,— сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все,— заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же,— со вздохом подбодрил я его.

— Они ополчились и на мою сестренку,— сказал Франклин.— Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно!— не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем нужно.

— А вы бы хотели, чтобы я поведал вам Истину?— горячо предложил Франклин.— Я могу объяснить...

— Ни слова больше,— рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего. У тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я еще не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно,— сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли,— сказал он,— тебе же известны правила.

— Конечно,— промямлил я.— Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно,— сказал директор.— Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю,— перебил я.— Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны,— заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли,— спокойно сказал директор,— вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос.— Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званых и мало избранных,— задумчиво проговорил директор.— Людям нужен новый фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно,— сказал я.— Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеоник Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины?— спросил я.

— Капитана нет,— ответил Кларксон.— Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься, наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет,— сказал Кларксон.— Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода,— догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти *g*?

— Конечно,— подтвердил Кларксон.— Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спетрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек неспособен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин,— сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуху в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр,— ответил он.— Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае,— проговорил я очень медленно,— как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли,— сказал он,— но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр,— сказал Франклин.— Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, *по-настоящему* увидеть,— и все

становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто,— ответил Франклин.— Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Не известно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно,— обрадовался я.— Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам как лунатик и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр,— сказала она.— Я... я подслушивала.

ЧЕЛОВЕКОМИНИМУМ [1]

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.

Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он кончил с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир, 1966.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опрокинутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали ему руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаясь о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземки, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлых игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя отмахнулся он от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипно-

тическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые краны, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу все еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

Мистеру Антону Настойчу
Временный жилищный массив 1993
Район 43 825, Манхэттен 212, Нью-Йорк

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, а недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует именно Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20 000 долларов, все предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.
С искренним уважением

Уильям Гаскелл,
заместитель директора по кадрам

ВН/евт Здс

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча,— так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч,— сказал Гаскелл.— Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу?— спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.— Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суоонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да,— подтвердил Настойч.— И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим,— жизнерадостно ответил Гаскелл.— Должность, которую я предназначаю для вас, мистер Настойч, в нашем штатном расписании называется «внеземной освоитель».

— Как вы сказали?

— Внеземной, или инопланетный, освоитель,— повторил Гаскелл.— Освоители, знаете ли,— это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрэйками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал.

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель?— проговорил Настойч с горьким смехом.— Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли,— выпалил Настойч.— Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли,— разъяснил Гаскелл,— *было* так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу?— спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну, что вы, конечно, под силу,— ответил Гаскелл.— Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрялись выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости homo sapiens.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы,— заявил Гаскелл.— Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это означает, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно,— вставил Настойч.— Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя было назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обыкновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планетки, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит; чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он неспособен мерить такие вещи обыденной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать,— пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом,— продолжал Гаскелл,— явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям совершенно другие требования.

Настойч кивнул.

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо,— заверил его Гаскелл.

— В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна некоторая тенденция к... в общем, некоторая склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

— Знаю,— с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их — и закон, и самих себя,— что даже самые слабые получат шанс выжить.

— Продолжайте,— попросил Настойч.

— Поэтому,— скороговоркой докончил Гаскелл,— несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет *каждый*.

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения,— ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут *у меня?*

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск,— признал Гаскелл.— Не говоря уж о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива,— сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул.

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально,— подхватил Гаскелл.— Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда находятся в известном психическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно,— заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно.— Гаскелл встал из-за стола.— Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно,— ответил Настойч.— Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой,— согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царит хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с нею, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непре-

рывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его соответственно крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее назвали буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обозревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой — скучный партнер для того, чтоб коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь, Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил наружу. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

— Достань два лучемета,— сказал он роботу,— и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули. Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бреющим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усе-

янные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настойча.

По идее лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив плечи робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком улетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птиц и о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, стал ждать объяснений и извинений Гаскелла.

— Да это один из контрольных элементов,— отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно,— сказал Гаскелл.— Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. *Минимальную*, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменять отказавшее или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, механизмы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

— Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет,— возразил Гаскелл.— В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали,— согласился Настойч,— но... Ладно. У вас есть для меня в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем нет,— ответил Гаскелл после секундной паузы.— Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать более подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос.

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте палаток проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем падать между деревьев в лагерь Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачественность. Если сейчас же не принять мер, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжить опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходны, и местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, туча

и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа,— подумал Настойч.— Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распроститься, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Он срубил деревянную хижину и заменил гниющие палатки сараями. Постепенно готовился к наступающей зиме. И также постепенно стал подозревать, что робот изнашивается.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но, пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал больше и больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уж было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду — спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинуясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевитой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся!— крикнул Настойч.

Робот продолжал пятиться, пока не уперся спиной в стену.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

— Не стоило и пытаться отключить его,— сказал Гаскелл, услыхав о происшествии.— Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю,— пробормотал Настойч.— А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого начала?— устало спросил Гаскелл.— Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С *минимальной*.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

— Во всяком случае, *я старался* измениться.

— Конечно,— согласился Гаскелл.— Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уж о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы,— ответил Настойч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

— Для этого при мне робот?— уныло вставил Настойч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей беспомощности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев,— поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые иначе приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нам нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволено прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно!— прокричал Настойч.— Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Вовсе нет,— более ровным тоном ответил Гаскелл,— если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему,— буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дел. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, какое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны собственной души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более явно воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он, как мог, наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкающегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него громыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч, обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завалило, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся домой за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца. Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и способность абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаться взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет?— поинтересовались кроты.

— Слуга Человека,— ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет,— сказал Настойч.— Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются,— признал Настойч.— Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг. Если придется заплатить жизнью,— ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смирных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннели, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, которые со свистом молниями падали с потолка. Сверкая фотоэлементами, робот пытался высвободить руки.

Из коридоров десятками сбегались кроты. Вокруг робота зазмеились новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стукается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и колол ему дрова. Правда, робот был неуклюж и все ломал, но неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу подробный отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились,— сказал он Настойчу.— Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено?— спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл,— начал было Настойч.

— Благодарить меня не за что,— прервал его Гаскелл.— Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил,— ответил Настойч и рассказал о гибели крота и позднейших событиях.

— Гм,— промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот являлся одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распорядиться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось,— заметил Настойч.

— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились невостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно,— согласился Настойч.— Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошли мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожил приемопередатчик.

— Антон,— спрашивал Гаскелл,— что слышно о роботе?

— Вот-вот явится,— ответил Настойч.

— Этого я и боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо,— сказал Настойч.— Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть,— заметил Настойч,— но говорите.

В рации что-то громко зажужжало.

— Гаскелл!— вскричал Настойч.

Рация умолкла. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступили полоски ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали.

Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров,— распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой только был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил сборку и стал завинчивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздираемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемет опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой его мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хоть одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя себе слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах рук, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, порезах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу, никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки *обязательно* должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч побежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но, как только туда, громыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него застряла земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил

Настойч,— конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклиниться на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямыми углами к туловищу. Суставы его затрещали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбрался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшую глубину, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько минут он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настойч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настойч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настойч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушки не помогли. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело,— думал Настойч, когда лез вверх по склону.— Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настойч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход — в *перемене!* Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущение сходства с роботом, то робот явно перестанет быть *его,* Настойча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настойчем.

Нужен сущий пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настойча переполнила необычная, опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другую сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа,— он приобрел *иммунитет* к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал — он покатил быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колонистского судна «Кучулэйн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были люди самые различные.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности.

Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце коридора он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну, что, Антон,— спросил Гаскелл,— как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята,— ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите,— прервал его Настойч.— Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет,— пояснил Настойч.— Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я и ожидал,— с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни на-

прягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда!— возразил Настойч.— Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворил же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

— Антон,— нахмурился Гаскелл,— что за представление?

— Да нет же,— сказал Антон,— это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно — учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на разрумянившееся лицо Настойча и разразился смехом.

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигают статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА[1]

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенный на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик,— в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние несколько световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю. М.: Мир. 1966.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного пригодного к вывозу тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала в его руках. Месяц уходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Ответы своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Ответы эти раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм,— ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значение.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место,— ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал:

— Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжкое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю!— И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы.— Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс!— предложил Ганга-Сэм — и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондикона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины!— говорил он роботам.— Человечий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

«НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбеко-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбеко-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация см. ниже) — на любой вкус. По получении Вашего за-

проса Рэбек-Уорд вышлет Вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту *сегодня же!»*

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди,— сказал старший робот.

— Ты думаешь?— Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате.— Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли она мне?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расползалась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм,— сказал он.— Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий для обряда, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело,— отвечал им Ганга-Сэм.— Это дело Человека. Вам, роботам, лучше в это не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нем! Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, шить, кроить и варить варения...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр!— ликовали они, подкидывая на ладони масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?...

— Разумеется. Мне говорили, что на Сиринтаре V растут пальмы.

— Так это же не Сиринтар V,— отвечал Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре?— ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа?— огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами.— Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сиринтар V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе,— угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтобы меня переправили на Сиринтар V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон,— сказал Флэзвелл.— Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечами.

— Путешествия расширяют кругозор,— заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях,— сказал он со своей самой располагающей улыбкой,— ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде.— И он слегка прикоснулся к ее плечику.— Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Чего вам здесь нужно?— спросил Флэзвелл.

— Я — брачущий робот,— сказал робот.— Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот!— чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали?— спросила Шейла.— Уж не свежезамороженного ли священика?

— Конечно, нет! Но согласитесь: робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может!— запротестовала она.— Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят,— ответила Шейла, скромно потупившись.— Да и согласитесь, нареченная невеста пащи де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада,— загнусил робот нараспев,— мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас,— надменно оборвала его Шейла.— И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату,— прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машиного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к беф-строганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбеко-уордовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите?— отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская интуиция,— продолжал Флэзвелл.— Она себя совсем неплохо показала, верно, Ганга-Сэм.

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем делала бы образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят,— сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством.— Вы и не знаете, сэр: когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли?— воскликнул потрясенный Флэзвелл.— Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»?..

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь?— сказал Флэзвелл с запинкой.— Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей, пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла,— сказал Флэзвелл,— мне надо с вами поговорить.

— Ладно,— отозвалась она рассеянно,— вот только закреплю болт.— Она искусно вставила болт на место и потрепала работа по плечу гаечным ключом.

— А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети!— сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить,— подхватила Шейла.— Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души,— напомнил Флэзвелл.

— Да,— отозвалась она, сразу посерьезнев.— Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...— Но тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда,— сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные Флэзвеллом при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать,— начал Флэзвелл.— Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из этих белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли?— вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада!— пролаял скрипучий металлический голос.— Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван!— разгневалась Шейла.

Брачущий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то попробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу, а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот!— чертыхнулся Флэзвелл.

— Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет!— грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается!— сказал Флэзвелл.— Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да,— сказал Флэзвелл убежденно,— вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет!— сказала Шейла.

— Нет?— повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы!— воскликнула она, выпрямившись во весь рост,— волосы ее растрепались, глаза метали молнии.— И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сиринга V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажите начинать?— осведомился брачущий робот.— Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю!— плакался робот.— Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится,— оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины!— бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите?— откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь остаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна,— сказал Ганга-Сэм.— Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя?— спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание,— сказал Флэзвелл,— не мешало бы подумать об этом и в отношении Людей. Ну, да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сиринга?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард,— сказала она.— Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду,— сказала Шейла.— Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачущий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:— Вот так-так.

Флэзвелл дважды кашлянул.

— Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок!— сказала она.— Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась. и в комнату ввалился брачущий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится!— восклицал брачущий.— Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось?— спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке,— пожаловался брачущий,— а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм?— спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачущий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось,— выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр,— повинился Ганга-Сэм.— Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...

— Что случилось?— испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся,— рассмеялась Шейла.— В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело!— Она смущенно потупилась.— Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь,— обещал он.— Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот,— выпалила она залпом,— упросила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем?— развел руками Флэзвелл.— Ты так красива...

— ...что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота,— подхватила она с горячностью.— А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше!— сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал,— заключил он, утирая ей слезы.— Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность?— спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мемсаиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность

— Разрази меня гром!— наконец выдавил из себя Флэзвелл.— Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере?— обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, мои ботинки, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера V всего в пятнадцати летных днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора!— приказала Шейла, повернувшись к брачущему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора!— прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены?— хмуро вопросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий.— Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати — двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачущий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну, а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили меж собой Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

СПЕЦИАЛИСТ [1]

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уж бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться,— подумал Передатчик,— разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальный рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по Стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

---

[1] Печатается по изд.: Р. Шекли. Паломничество на Землю, М.: Мир. 1966.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а Стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично,— сказал Передатчик.— Посмотрим, есть ли повреждения.— Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь.— Двигатель!

— Самочувствие превосходное,— отозвался Двигатель. Во время шторма он активизировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее,— сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам.— Ну, как вы там?— спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня,— вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из всех членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати,— буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от Центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подполз к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В нем хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца пути, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо,— сказал Мыслитель.— А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри него питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширял свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный зрительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линии связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория,— обратился Питатель к Передатчику.— Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят,— ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию. Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться. Как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие систему охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в космическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос,— строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну, как, все готовы?— еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всех пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты при помощи Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает,— категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, будто они делают из металла вещи?— осведомился Передатчик.— Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать,— решительно сказал Питатель.— Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивид. Поэтому они выбрали по-

чти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, а Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения еды. После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, что хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее,— посоветовал Питатель.— Возможно, его испугал наш вид.— У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободясь, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения еды у него дрожало.

— Перестань,— возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его,— распорядился Передатчик.— Он может ушибиться.

Один из Аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отдирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи!— вскричал Питатель.— Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой?— спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из стенок, Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое,— сказал Передатчик.— Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый

раз когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда,— заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор, как на трибуну.— Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов.— Он сделал эффектную паузу.— Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель.

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была бы вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслителю было свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно,— продолжал непреклонный Мыслитель,— что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним,— заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо способно отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать?— спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя. Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением.

Передатчику удалось уловить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чуждой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище,— сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителем, и подал его чужаку.

— О господи! Бифштекс!— воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на Корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми?— спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток.— Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет,— успокоил его Передатчик,— твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде,— ответил Передатчик,— и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы,— сказал он,— я не знаю, кто вы такие, и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой»— таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем?— спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята,— продолжал Ускоритель,— но откуда вы взяли, что я могу придать скорость такому огромному агрегату? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны?— спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: или ты убьешь, или тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войны,— отчеканил Передатчик.

— Счастливые,— горько сказал Ускоритель.— А у нас есть. И много.

— Конечно,— подхватил Передатчик. К этому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение.— А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны?— осведомился он.— Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно,— прервал его Передатчик.— Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два,— ответил Ускоритель.— Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передачик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны,— заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики,— объяснил Передатчик.— У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами,— но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место, ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие,— когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно,— подтвердил Передатчик.— Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику,— сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы,— ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами,— пробормотал Ускоритель.— Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, словно его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подобающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя?— воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открываться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен,— сказал Передатчик.— Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали,— правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно,— внезапно заявил Ускоритель,— поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал, как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затрудненьице,— прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием.— Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять,— убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно,— согласился Ускоритель.— Во всяком случае, тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно,— бормотал Ускоритель.— Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения,— сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги.— Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший,— пролепетал Ускоритель.— Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества,— возразил доведенный до отчаяния Передатчик.— Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, Мыслителя с Передатчиком, Передатчика с Ускорителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое?— растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок,— взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо. Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

ВЕРНЫЙ ВОПРОС[1]

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо,— что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он з н а л.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже з н а л и.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некой планете, вращающейся вокруг некой звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри него находились о т в е т ы. Он знал природу вещей, и п о ч е м у они такие, какие есть, и з а ч е м они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр?— участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше,— со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло. Но пришла невесомость — и сердце заработало.

---

[1] Печатается по изд.: Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов. М.: Мир. 1984.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну,— пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос.— Протяну, сколько понадобится, чтобы у з н а т ь.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем.— Морран, помог старику освободиться от привязанных ремней.— Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос!— Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые» звезды...

— Да,— согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал,— так что вполне можно было поболтать.

— А знаете,— сказал Лек,— поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем?— спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания.— Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да,— отозвался Лек, все еще на языке твердого решения.— Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец?— предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно,— сказал Лек.— Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью.— Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь?— поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах,— пожал плечами Лек.— В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали

о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду!— крикнул Лек на диалекте решения-на-грани-поступка.

— Удачи тебе!— дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он з н а л.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати!— воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику!— вскричал один.— Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я?— спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить,— заявил другой,— почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.

Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные,— пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — вылитые мы!— который з н а л. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть?— закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут,— прошептал Морран.— Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр,— сказал Морран.— Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик?— проговорил он.

— Да,— отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне,— попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами.— Скажи мне, что я есть?

— Частность,— сказал Ответчик.— Проявление.

— Брось,— обиженно проворчал Лек.— Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?

— Вопрос бессмысленный,— сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен.

Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик з н а л. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание,— думал Ответчик.— Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния,— спросил один,— то как можно оказаться в других местах?

Ответчик з н а л, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос,— с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие,— спросил один,— а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему,— поинтересовался другой,— есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

— Ну вот,— вздохнул Морран.— Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем,— сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Одев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро,— попросил Лингман.

— Хорошо,— согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда,— указал Морран.— Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни,— сказал он Моррану,— мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов!— восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик,— обратился Лингман высоким слабым голосом,— что такое жизнь?

Голос раздался в их головах.

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь?— спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах,— сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы,— грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная?— спросил Морран.

— Термин «расширение» неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду,— печально проговорил Лингман.— Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно!— возразил Морран.— Наука...

— Частные истины,— бесконечно усталым голосом заметил Лингман.— По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так,— задумчиво проговорил Лингман.— Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно,— медленно выговорил Морран.— Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предложениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы эти требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Следовательно, мы даже не можем задать верный вопрос?— возмутился Морран.— Не верю. Хоть что-то мы должны знать.— Он повернулся к Ответчику.— Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм!— воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся.— Ну наконец-то мы сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума,— не выдержал Морран.— Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто,— продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком.— Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет,— едва слышно проговорил Лингман.— Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр!— затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА [1]

— Славное местечко, правда, капитан? — с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор.— С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано,— ответил капитан Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

---

[1] Печатается по изд.: Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов. М.: Мир. 1984.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветьями коричневый лес. Левее встали холмы, в их окраске перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Моринея — нетерпение. Килпеппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов: бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявили. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно,— с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Можно нам выйти, сэр? — стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю.— Килпеппер почесал в затылке, пытясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно.— Хорошо,— сказал он наконец.— Покуда выставьте полную охрану. выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти,— сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно,— устало ответил Килпеппер.— Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука,— сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная?— спросил подходя Килпеппер.

— А вот посмотрите.— Худощавый биолог поднял травинку повыше.— Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим...— Он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из лесу и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок карсного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — выкрикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно,— сказал Килпеппер.— Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть,— сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться,— сказал Килпеппер ученым.

— Разумеется,— ответил Симмонс.— Никогда не видели ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влетел в рубку.— Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр,— Мориней широко улыбнулся.— Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да,— сказал Килпеппер.

— Славная планетка,— продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан?— спросил Симмонс.— Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот,— сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением,— поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж,— сказал Килпеппер,— тут не заблудишься.

— Не в том дело,— сказал Симмонс.— Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска,— сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многокрасочных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно?— нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски,— сказал Килпеппер.— А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов,— наугад сказал Килпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает,— сказал Симмонс.— Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете?— спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан,— усмехнулся биолог.— А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес?— спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари,ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпеппера не удивило, что биолог накоротке занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножья невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору?— со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит,— Мориней ткнул пальцем в циферблат. Прибор показывал, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины,— сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недальнего леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк!— сказал он.

— Ага,— подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину холма и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

— Как, по-твоему, далеко до этих облаков?— спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука,— сказал Мориней.— Любопытно, какая сила сжатия в этой махине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж,— сказал Флинн,— буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

— По-твоему, что это такое?— спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают,— сказал Флинн.— У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит.— И опять взвалил камеру на плечи.— А теперь надо топать обратно.— Он взглянул на зеленых с белым лошадей.— Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею,— сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда,— позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и ухмыляясь поглядел на Моринея.

— Смотри не расшиби аппарат,— предостерег Мориней,— это государственное имущество.

— Ты славный малый,— сказал Флинн лошади.— Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере,— сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку,— сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь.— Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь,— сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистый шее.— Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

— Давай,— согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Килпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братнину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз,— сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета,— сказал Эреймик и показал пальцем.— Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Килпеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета,— повторил Эреймик.

— *Элам вессел холам крам,*— приветливо промолвил бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное,— сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился,— попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат.— Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное,— с надеждой повторил Эреймик.

— *Ифул бифул бокс,*— сказало животное.— *Хофул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс.*

Терпенье, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один,— сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два,— сказал он. И, выставив третий палец:— Три.

— *Углекс,*— неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один,— еще раз сказал Эреймик и опять, покачал указательным пальцем.

— *Вересереверф,*— благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один,— снова сказал Эреймик.

— *Севеф хевеф улуд крам, араган, билиган, хомус драм,*— запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках?— переспросил Килпеппер.

— Да, сэр,— сказал Мориней.— Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда,— распорядился капитан.— Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили?— спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего,— сказал он.— Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов,— сказал Моррисон,— и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверно, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну,— сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны.— А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили,— сказал Моррисон.— Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует,— Килпеппер мягко повел рукой вокруг.— Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно?— Моррисон улыбнулся.— Прошу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца проявлены были рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Морисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки,— сказал он Килпепперу.— Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит,— сказал Симмонс.— Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют,— весело сказал Симмонс. В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии?— спросил Симмонс.

— Нет!— выкрикнул Эреймик, но тут же смутился и покраснел.— Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может у них совсем отсутствует мозг? — догадался Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. И у них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать,— сказал капитан.— И, пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление, из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится?— спросил Килпеппер.

— У меня есть теория,— сказал Моррисон.— Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем?— спросил Килпеппер.

— Вот в этом-то и красота,— мечтательно сказал Моррисон.— Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво,— сказал Килпеппер, сдерживая усмешку.— Но...

— Здешний народ — напоминание,— продолжал Моррисон.— Весть всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место,— возразил Симмонс.— Эти животные не могли развиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно,— мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение.— Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение,— сказал Симмонс.— Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева?— спросил Моррисон.

— Почем я знаю, черт возьми?— сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут?— спросил Килпеппер.— Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги?— безжалостно спросил Моррисон.— И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт,— сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте?— спросил Моррисон.— Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака,— заметил Симмонс.

— Я иду спать,— с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычайно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка,— заметил Килпеппер.

— Я сдаюсь,— сказал Эреймик.— Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашим приятелями?— спросил Килпеппер.

— Не знаю,— сказал Симмонс.— Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перебалился на бок и замер.

— Странно,— сказал Симмонс.— Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни,— сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О господи,— кинулся к ним Симмонс.— Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина,— сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел.— Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А скольких мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро.— Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька.— Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр,— задыхаясь, начал он.— Там у водопада... животные...

— Знаю,— сказал Килпеппер.— Верните людей сюда.

— И еще, сэр,— продолжал тот.— Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овевал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит?— беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее?— прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили?— спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне — неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще?— спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр!— выговорил Мориней.— Она поворачивается! Этакая махина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать?— спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль,— пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль!— закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал что к чему и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт подери! Готовьте двигатели к пуску!— кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение,— возразил Симмонс.— Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям!— рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы,— сказал капитан, когда все вошли в корабль.— Вы что, еще не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну?— спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал.— Что ж, надо думать, какой-то высокоразвитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты,— сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке.— Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь,— сказал он.— И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, незваные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче,— сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу.— В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ [1]

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда.

— Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача — общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос — кем бы он там ни был, этот космический гость,— наверняка догадывается, что Мортонсон — простой американец, понятия не имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо скорее всего проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае — человечеству, представителем которого случайно выступает Мор-

[1] Печатается по изд.: «Вокруг света». 1983. № 10.

тонсон, хоть плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу «Главное в жизни — это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!» И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: «Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?» Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: вопросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

— Ну как там у тебя идут дела?— поинтересовался Голос.

— Да вот работаю над вашей задачкой,— доложил Мортонсон.— Вопросик-то трудный.

— Это уж точно,— поддержал Голос.

Ну, что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни — Его Величество Случай. Главное в жизни — хаос вперемешку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни — птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни — это когда материя проявляет любознательность (чьи это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни — то, что тебе вздумалось считать главным.

— Почти расщелкал,— обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватаешься только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу — пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

«Желторотый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несостоятельность».

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тьфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни — сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

— Главное в жизни — воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный, по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

— Э-э, угадал я или нет?

— Воспламенение,— пророкотал возвышенный и могущественный Глас.— Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни — огонь! Подходит!

— Я и имел в виду огонь,— вывернулся Мортонсон.

— Ты меня действительно выручил,— заверил Голос.— Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного Гласа и от высоких материй.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В предложенном читателю сборнике представлены произведения двух известных американских писателей-фантастов. Что же послужило мотивом объединения в одной книге произведений таких разных авторов и что — критерием отбора?

Гарри Гаррисон — мастер сюжетной фантастики. Похоже, не только читателю интересно наблюдать, но и самому автору доставляет удовольствие вовлекать героя в сложную и головоломную ситуацию. Если добавить к этому межзвездно-флибустьерский антураж «Неукротимой планеты» и довольно обыденный «happy end» (неудовлетворенность Язона динАльта в финале повести понадобилась автору, главным образом, для создания естественных предпосылок продолжения повествования о его приключениях на галактической арене), то налицо все атрибуты «космической оперы», жанра, даже на Западе рассматриваемого ныне как сугубо развлекательный.

Однако перед нами не поделка для одноразового чтения, но честная попытка незаурядного мастера выйти за пределы жестко очерченных окружающим его миром рамок. Фабула, лишенная космических декораций, обнаруживает свой глубоко гуманистический характер — зло не изначально, оно лишь порождается шероховатостями и выбоинами на пути торжества Разума: «Сон разума порождает чудовищ» (Ф. Гойя).

Не сразу и не вдруг приходит динАльт к новому для него мироощущению. В немалой мере ему мешает динамичность развития событий, требующая активных действий и немедленных решений. Раздумывать некогда, да и непривычно: динАльт — человек действия. Но здесь традиционная схема космической оперы рушится. Язон — не мультипликационный супермен, по своей воле и прихоти повелевающий законами природы, напротив, каждая из противоборствующих сил, в чей конфликт он оказался втянутым, неизмеримо могущественнее его. Еще неосознанно, повинуясь инстинкту самосохранения, он приходит к единственно возможному выходу — разорвать порочный круг эскалации насилия можно, лишь уничтожив его первопричину. Нельзя оправдать насилие ссылками на статус-кво, наоборот, оно обусловлено всем комплексом действий и побуждений (единственное фантастическое допущение, действительно необходимое автору!) Человека на нейтральном фоне безразличной к добру и злу Природы.

Как непросто Язону динАльту и Гаррисону прийти к этому кажущемуся таким очевидным (после того, как он уже получен) выводу. Во всяком случае, в других произведениях автора, в том числе и в не представ-

ленных здесь частях трилогии о динАльте, он уникален. Да и вообще в океане англо-американской фантастики подобные общечеловеческие обобщения единичны.

Другую тональность имеют посвященные, по сути, той же проблеме творческие поиски Роберта Шекли. Он более социален, его интересует человек не только и не столько во взаимоотношениях с природой, сколько с себе подобными. Шекли, если не более талантлив (извечный вопрос: как сравнить два таланта?), то приобрел более широкую популярность в читательской среде. Да это и понятно: ни в одном из многочисленных течений англо-американской фантастики Шекли практически ни в чем не уступает их признанным лидерам. Его творчество проникнуто не меньшей теплотой и любовью к человеку, чем лучшие произведения К. Саймака; с роботами у него налажены отношения ничуть не худшие, чем у самого «святого Айзека» — Азимова; его герои путешествуют по пространству и времени с лихостью, не уступающей самым хитроумным переплетениям интриг Э. Берроуза. Шекли — великолепный стилист, неистощимый выдумщик, наконец, в отличие от большинства англо-американских авторов ему нельзя отказать в оптимизме.

Блестящее, порой гротесковое изображение мира наживы, принесшее Роберту Шекли мировую славу и неофициальный титул «короля сатиры», совершенно как по профессионализму, так и органичной завершенности. Царство «желтого дьявола» засасывает и развращает свою жертву («Паломничество на Землю»), не оставляя ей ни одного шанса на эрзац-успех, хотя, казалось, он был уже рядом («Премия за риск», «Раздвоение личности»). Герой может даже отмежеваться от участия в грязной игре — трагический исход предопределен самим ее существованием («Служба ликвидации»). Более или менее благополучный финал возможен лишь для тех, кто случайно выпадет из-под контроля общества («Я и мои шпики») либо удачно обманет его («Проблема туземцев»). Все возможности избежать конфликта исчерпаны, ситуация напряжена до предела, еще один — правда, решающий — шаг и...

И из-под пера писателя выходит серия рассказов о незадачливых бизнесменах Грегоре и Арнольде. Нет, не потускнели краски, не оскудела изобретательность — читатель с неослабевающим интересом следит за перипетиями бурной жизни учредителей непотопляемой фирмы «ААА», регулярно прогорающей в каждом своем начинании и с такой же неизменностью готовой к началу следующего рассказа к новым предприятиям. Но и пройдоха старьевщик Джо, которому компаньоны обязаны многими своими приключениями, чувствуется по всему, свой в доску парень; и трудности не так чтобы уж слишком чрезмерны; и опасности не настолько осязаемы, чтоб остудить предпринимательский пыл друзей... На подобном фоне вполне достаточен и такой универсальный метод борьбы с невзгодами, который продемонстрирован в рассказе, давшем название одному из разделов сборника («Призрак-5»)

К такому же рецепту, не находя альтернативы, прибегает и сам автор. Его талант не вмещается в прокрустово ложе полупасхальных рассказов, и Шекли выплескивает его в безудержный разгул полуабстрактной — точнее, неконкретной — фантастики («Координаты чудес», «Обмен разумов»). Зло здесь «присутствует, но фигуры не имеет», вина есть, но нет виновников. Эфемерный конгломерат причудливых реальностей предстает перед читателями в самых неожиданных ракурсах, расцвеченных к тому же неповторяющейся эмоциональной тонировкой, новым сочетанием сопредельных граней, иными преломлениями идей и судеб, воплощенных в произведениях раздела «Обмен разумов».

Бесполезно, пожалуй, и пытаться вычленить в этих переплетениях сколько-нибудь ровные поверхности — нелепо относить «Человекоминимум», «Специалист» или «Заяц» в раздел космической фантастики, а «Бремя Человека» — к фантастике о роботах. Но если мы не в состоянии проследить все детали красочного полотна, созданного фантазией Роберта Шекли, то небесполезно задаться обратной задачей и постараться разглядеть то общее, что придает ему целостность восприятия. Ответ однозначен: любовь к человеку. Не к человеку вообще и не к какому-либо конкретному, но абстрактная, безоглядная приязнь к любому основному здесь и сейчас персонажу, находящемуся в противодействии открыто либо скрытно враждебному окружению. При этом излишня и даже вредна детальная характеристика героя, главное — побыстрей и понадежней обезопасить его от неперсонифицируемого зла. Второстепенные персонажи относятся к тому же недружественному фону. Известная сентенция Л. Фейхтвангера приобретает у Шекли вид собственной антитезы: «человек добр, но люди злы». Но мысль о поисках корня зла в ошибках и заблуждениях человека по отношению к опекаемому автором герою для Шекли абсолютно неприемлема. Да и некогда особенно размышлять в аварийной ситуации... Вот почему герой только и успевает отбиваться от сиюминутных опасностей, вот почему автор не в силах ему помочь...

Собственно, если читатель не возражает против такого восприятия творчества двух ведущих американских фантастов, то вынесенные на передний план вопросы уже сняты. Как бы ни была блестяща находка Гаррисона, она обречена на уникальность, а следовательно,— на эфемерность: стоило автору в других произведениях изменить начальную ситуацию, как она, развиваясь по законам логики, привела (или увела?) к совершенно иным умозаключениям. И как ни искренен Шекли в своих тщетных (это при его-то возможностях!) поисках, польза герою от них, мягко говоря, невелика. Объединение же их произведений, пусть кажущееся эклектичным, тем контрастнее высвечивает ту истину, что лишь дорога, по которой Любовь и Разум шествуют вместе, способна привести к их неосуществимому порознь торжеству.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАРРИ ГАРРИСОН
НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА. *Перевод Л. Жданова.* 7

РОБЕРТ ШЕКЛИ
БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ 109
Премия за риск. *Перевод М. Данилова, Б. Носика* 110
Служба ликвидации. *Перевод Н. Евдокимовой* 123
Кое-что задаром. *Перевод Т. Озерской* 127
Билет на планету Транай. *Перевод А. Вавилова, Ю. Логинова* 136
Терапия. *Перевод А. Вавилова* 165
Раздвоение личности. *Перевод Н. Евдокимовой* 178
Три смерти Бена Бакстера. *Перевод Р. Гальпериной* 192
Абсолютное оружие. *Перевод Ю. Виноградова* 217
Травмированный. *Перевод Н. Евдокимовой . . ?* 223
«Особый старательский». *Перевод А. Иорданского* 237
Я и мои шпики. *Перевод А. Русина* 254
Проблема туземцев. *Перевод Е. Коротковой* 263
Ордер на убийство. *Перевод Т. Озерской* 279
Мусорщик на Лорее. *Перевод Н. Евдокимовой* 300
Паломничество на Землю. *Перевод Н. Евдокимовой* 310
Страж-птица. *Перевод Н. Галь* 319
ПРИЗРАК-5 337
Необходимая вещь. *Перевод А. Ежкова* 338
Индетерминированный ключ. *Перевод Ю. Эстрина* 346
Рейс молочного фургона. *Перевод Н. Евдокимовой* 354
Мятеж шлюпки. *Перевод Г. Косова* 365
Призрак-5. *Перевод Н. Евдокимовой* 375
ОБМЕН РАЗУМОВ 389
Координаты чудес. *Перевод Г. Гринева* 390
Обмен разумов. *Перевод Н. Евдокимовой* 442
Четыре стихии. *Перевод Ю. Кривцова* 511
Где не ступала нога человека. *Перевод Н. Евдокимовой* 543
Запах мысли. *Перевод Н. Евдокимовой* 553
Ритуал. *Перевод Н. Евдокимовой* 561
Опытный образец. *Перевод Н. Евдокимовой* 568
Демоны. *Перевод Н. Евдокимовой* 582
Опека. *Перевод Р. Гальпериной* 589
Заяц. *Перевод Н. Евдокимовой* 597
Человекоминимум. *Перевод Н. Евдокимовой* 604
Бремя Человека. *Перевод Р. Гальпериной* 626
Специалист. *Перевод Н. Евдокимовой* 637
Верный вопрос. *Перевод И. Авдакова* 649
Заповедная зона. *Перевод Н. Галь* 654
О высоких материях. *Перевод Н. Евдокимовой* 666
От составителя 668

Г. Гаррисон, Р. Шекли
Г21 Сборник научно-фантастических произведений.— Кишинев, «Штиинца», 1988.— 672 с.

В книгу вошли произведения двух ведущих американских фантастов. В «Неукротимой планете» Гарри Гаррисона поднимается вопрос об ответственности человека за зло и насилие происходящее не по его инициативе, но с его ведома. Все произведения Роберта Шекли проникнуты искренним участием к маленькому человеку, поневоле живущему по законам бесчеловечного мира наживы и своекорыстия.

4703000000—22
Г———————189—87
М755(10)—88

ББК 84.7США-44

Оформление серии «Икар»
Ю. Пивченко

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ «ИКАР»

ГАРРИ ГАРРИСОН
РОБЕРТ ШЕКЛИ

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

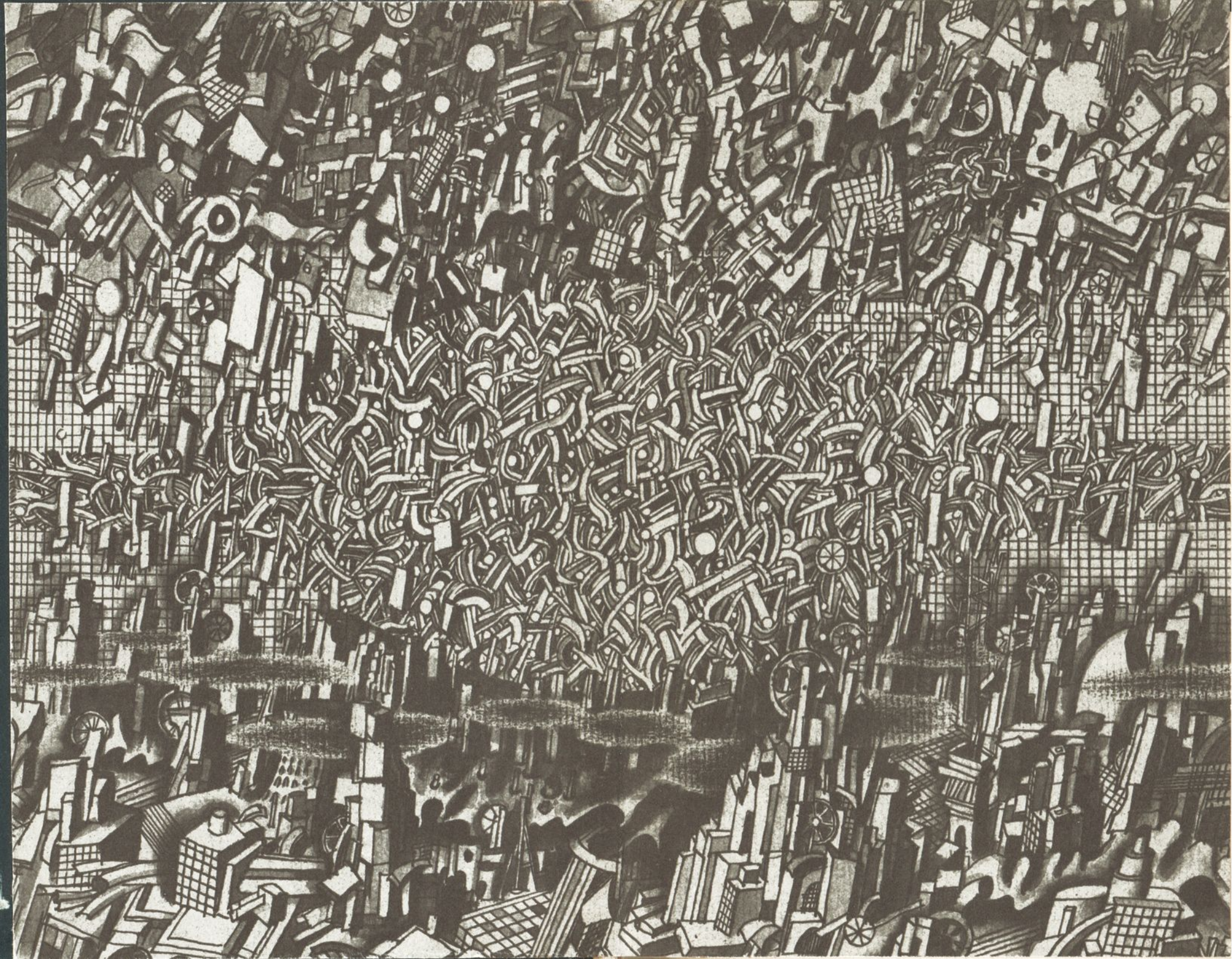
Ответственные за выпуск В. И. Рыбалкина, Л. Н. Носкова
Художественный редактор В. М. Шишко
Технический редактор Л. И. Жукова
Корректоры М. Я. Склифос, Л. С. Стецкая

ИБ № 3410

Сдано в набор 19.08.86. Подписано к печати 06.05.87. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага газетная. Школьная гарнитура. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0. Усл. кр.-отт. 42,55. Уч.-изд. л. 56,27. Тираж 200 000 (4-й завод 150 001—200 000). Заказ 61925. Цена 5р. 90 к.

Издательство «Штиинца» 277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.



5 р. 90 к.

Кишинев, «Штиинца», 1988.